

*Посвящается 140-летию со дня рождения
исследователя народов Сахалина
Бронислава Осиповича Пилсудского (Bronisław Piłsudski),
200-летию исследования Сахалина, положенного
первым русским кругосветным плаванием под руководством
Ивана Федоровича Крузенштерна (Adam Johann von Krusenstern)*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная монография посвящена одному из самых малочисленных народов России – уйльта Сахалина. Она охватывает лишь некоторые стороны истории самых больших проблем малочисленного народа и выходит на наиболее сложные вопросы этнической идентификации и этнокультурной динамики жизнедеятельности уйльта в конце XIX – начале XXI в.

Изучать трансформацию малочисленных этнических общностей под воздействием этносоциальной среды я начала давно – еще на студенческой скамье: тогда меня очень интересовали процессы, происходящие в так называемых зарегистрированных племенах штата Керала Южной Индии. Затем я побывала в экспедициях во многих регионах Дальнего Востока России и начала изучать коренные малочисленные этнические общности Севера. Любопытна картина процессов трансформации этих обществ: ведь то развитие, которое проходили малочисленные этнические общности на юге Индии в течение нескольких тысячелетий в результате контакта с соседними дравидоязычными народами, малочисленным народам Севера пришлось преодолеть всего за несколько столетий, а порой и десятилетий, так как народы Крайнего Севера вступили в контакт с представителями Российской империи 300–100 лет назад, когда началось активное изучение и заселение этого края пришлыми представителями с материка. Но в обоих случаях аккультурация (т.е. культурная и языковая ассимиляция) не завершилась полной ассимиляцией малочисленных этнических общностей Южной Индии и Крайнего Севера России соседними народами. Аккультурация стала идти быстрыми темпами во второй половине XX в.: в Индии – после достижения независимости в 1947 г., в России – после Второй мировой войны. Полной ассимиляции в Керале мешает прежде всего кастовая система, а также антропологические различия (местное население легко различает дравидов и австралоидов). На Крайнем Севере России ассимиляция не происходит, так как сохраняются определенные культурные особенности и зачастую прочное самосознание народов Севера даже у детей в межэтнических браках.

В этом контексте особенно интересны для исследования процессы этнокультурной трансформации, происходившие у одного из самых малочисленных народов Дальнего Востока России – уйльта, исторически подразделившегося на две группы – северную (живущую в настоящее время в Ногликском районе Сахалина) и южную (живущую в Поронайском районе

Сахалина). Уйльта относятся к тунгусо-маньчжурским народам. Мне повезло изучать этот удивительный народ в различных временных рамках – в месяцы с июля по ноябрь – на двух этапах исторического развития нашего Отечества: впервые я проводила полевые исследования на Сахалине в 1990–1991 гг., а затем с перерывом в десять лет мои экспедиции пришлось уже на постсоветское время с 2001 по 2004 г. Таким образом, мне удалось видеть воочию те перемены, которые быстро и резко происходили в обществе уйльта при смене политической ситуации в России, т.е. в «переломное время».

Проводя экспедиционные исследования ежегодно в указанные четыре года, считаю необходимым отметить, что этносоциальная, культурная и экономическая ситуация в среде, окружающей уйльта, и в самом обществе уйльта изменяется каждый год порой непредсказуемо. Так, например, в 2001 г. невозможно было предположить, что оленеводство северной группы уйльта сможет когда-либо в будущем иметь свое развитие. А в 2003 г., принимая непосредственное участие в кочевом образе жизни оленеводов, я убедилась в том, что оленеводство в форме семейных (не крупных коллективных) хозяйств однозначно имеет свое будущее, если только какие-нибудь внешние обстоятельства не помешают этому. Иными словами, через сто лет после ликвидации системы семейно-родового выпаса оленей, которых у уйльта никогда много не было, но при этом оленеводство было значимым для кочевого образа жизни народа, оленеводство вдруг естественным путем безо всякого влияния извне вдруг возрождается именно в такой форме – форме семейного выпаса оленей, с той только разницей, что теперь уже вся семья не кочует как в прежние времена, а приручением и выпасом оленей занимаются отдельные члены семьи, ведущие именно кочевой образ жизни практически круглый год. Надо подчеркнуть, что именно в этом направлении проявляется инициативная деятельность самих уйльта северной группы.

Южная же группа уйльта стремительными темпами развивает рыболовство в форме как единоличного сезонного вылова рыбы, так и в форме родовых, семейных национальных хозяйств. И опять же наблюдается инициатива представителей самого народа именно в традиционной сфере деятельности уйльта – рыболовстве. Южная группа уйльта гораздо раньше северной группы перешла на оседлость (еще в досоветское время), этому процессу способствовали условия жизни части народа на такой территории, где можно было обеспечивать бытие семьи за счет рыболовства и морского зверобойного промысла и естественным путем постепенно отпала необходимость ведения кочевого оленеводческого образа жизни. Хотя важно обратить внимание на то, что, несмотря на раннюю оседлость, выпас оленей в южной группе уйльта прекратился далеко не естественным путем, далеко не без вмешательства руководящих структур (этот вопрос подробно рассматривается в книге в разделе, посвященном оленеводству). Оленеводство – при оседлости основной части населения – существовало здесь до конца 1970-х годов, а в 1990-х годах оленеводы южной группы несколько раз пытались возродить выпас при поддержке оленеводов северной группы, но по целому ряду причин это не удалось осуществить и осталось лишь их мечтой и по сей день.

Необходимо отметить, что трудовая деятельность уйльта в иных общественных сферах (помимо перечисленных, т.е. оленеводства, рыболовства и сбора различных даров моря) не находит яркого проявления, не распространяется на большое число представителей изучаемого народа в наше время.

Для того чтобы выявить причины и понять суть происходящих ныне событий в жизни данной малочисленной этнической общности, я обратилась к многочисленным документам архивов, которые до сих пор не были введены в научный оборот. Главным образом это три сахалинских архива – областной и два районных (где обитают северная и южная группы уйльта) и архив Дальнего Востока, который сейчас находится во Владивостоке. Были изучены документы советского периода зарождения и развития коллективных хозяйств и северной, и южной групп. Кроме того, удалось изучить и некоторые документы, относящиеся к более раннему историческому периоду России, начиная с 1869 г. до начала XX в.

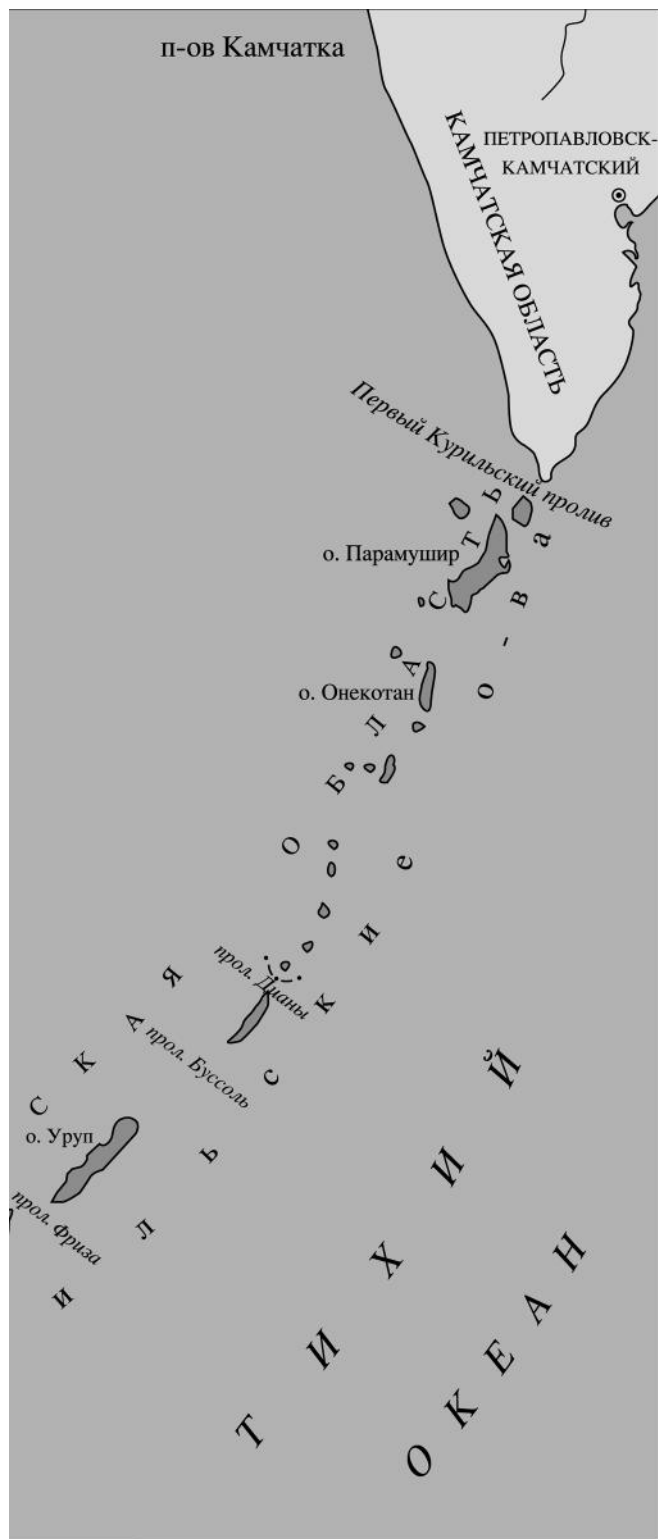
Развитие общества уйльта часто происходило, происходит и сейчас в обстановке пренебрежения и отсутствия должного понимания со стороны этносоциальной среды. Часто возникают проблемы от того, что иноэтничное окружение не имеет ни знаний, ни возможностей понять мировоззрение аборигенного малочисленного народа, естественно отличающегося от других народов. Ценностные ориентиры оказываются резко отличными.

Представителю уйльта именно свобода в выборе способов и методов хозяйственной деятельности помогает сохранить себя как личность и утвердиться в своей принадлежности к определенной этнической единице, что равнозначно возможности противостояния существующим социально-экономическим условиям. В итоге этнокультурной динамики к началу XXI в. сохранение этнической общности для уйльта служит той формой бытия, в которой возможно естественное развитие социальной культуры и обеспечение шанса «выжить» в современных экономических условиях.

* * *

Мною собрано «генеалогическое древо» уйльта, начиная с конца (частично со второй половины) XIX в. по начало XXI в. Задачей моего дальнейшего исследования станет тщательное изучение данных родословных линий, что, возможно, позволит выйти на неразрешенные в научной литературе проблемы этногенеза, родового состава и численности этого народа. Вопрос о былой численности уйльта, минимум в два раза превышающей нынешнюю, давно мучает многих ученых и самих представителей народа (об этом постоянно размышляют информаторы). Удивляет уйльта современного поколения и то, что «у маленького народа была огромная территория кочевания» – это подтверждается моим изучением расселения родов уйльта. Интересно народное высказывание: «Уйльта ходили (т.е. кочевали с оленями – объяснение информаторов) *от Поронайска до Шмидта* – и это маленький народ?! На какой большой территории острова Сахалин жили?! А теперь живут лишь в двух местах: в поселке Вал (частично в пгт. Ноглики) и городе Поронайске» (Полевой архив автора, 2001).

Остановлюсь коротко на некоторых вопросах, которые могут возникнуть у читателя.

Карта-схема расселения уйльта. Сахалинская область. Северная группа – Ногликский район: пос. Вал, пгт. Ноглики (1).

(Маршруты современных оленеводческих кочевий – Ногликский (1) и Охинский (2) районы).

Южная группа – Поронайский район: г. Поронайск, включающий остров Южный (3).

(Карта-схема выполнена на основе: Сахалинская область / Общегеографические карты Российской Федерации.

Федеральная служба геодезии и картографии России. Хабаровск, 2001).

Утверждение о малоизученности уйльта относится к периоду до начала 1990-х годов и основано на том, что этот народ на протяжении двух столетий изучался лишь в контексте тунгусских или амурских, или сахалинских народов, в частности, при изучении эвенков или нивхов, как бы попутно в сопоставительном ракурсе. Существовавшие ранее исследования были посвящены другим народам Амура и Сахалина, в которых проблемы этого народа лишь затрагивались. Среди всех этнологических изысканий того времени можно выделить только работы А.В. Смоляк, начатые в 1960-е годы, но и она, по ее собственному признанию, изучала уйльта эпизодически и лишь южную группу народа (на севере Сахалина ей не удалось побывать). Интересные исследования проводились в области антропологии М.Г. Левиным (хотя и в контексте изучения группы народов), лингвистике Т.И. Петровой и В.И. Цинциус при сравнительном анализе тунгусо-маньчжурских языков. Иных изучений конкретно уйльта не было. В последние же 10–15 лет начался всплеск научного внимания к Сахалину вообще и конкретно к уйльта как российских, так и зарубежных исследователей.

В некоторых разделах монографии привлекается особое внимание читателя к археологическим исследованиям, точнее к публикациям сахалинских и японских археологов, а также исследованиям антропологов и лингвистов. Я убеждена в том, что именно в союзе с антропологами, археологами и лингвистами этнологи могут достичь наиболее значимых результатов в своих исследованиях. Кроме того, обращение к некоторым работам биологов в главе, посвященной оленеводству, вызвано необходимостью понять суть именно сахалинского оленеводства и адекватно оценить те природные условия, в которых формировались оленеводческие хозяйства на Сахалине на различных временных этапах.

Использование объемного количества архивных данных в книге, в том числе цифровых (равно как и результатов подробных подсчетов, основанных на этих материалах), целесообразно, по моему убеждению, прежде всего для введения в научный оборот сведений, которые находятся подчас невероятно далеко от исследователей и крайне трудны для сбора. Поскольку мне посчастливилось собрать эти материалы, я считаю своим долгом опубликовать их в максимально возможном объеме. Несмотря на естественную трудность восприятия подобного цифрового материала, особенно при первом чтении работы, необходимо отметить, что все эти данные очень важны для настоящего и последующего анализа основ жизнедеятельности народа.

Понятие «динамика» употребляется в работе не в каком-то особом терминологическом, а в прямом классическом понимании этого греческого слова (от греч. *dynamikos*), обозначающего дословно «ход развития», «изменение какого-либо явления под влиянием действующих на него факторов».

Понятие «жизнеобеспечение» используется в традиционном для отечественной этнографии смысле. Понятие «жизнедеятельность» широко употребляется в работе, так как оно подразумевает не только «потребление», включенное в понятие «жизнеобеспечение» и направленное на поддержание жизнедеятельности ее носителей (как об этом подробно пишет С.А. Арутю-

нов, 2000), но и производственную культуру. Не использован термин «жизнеобеспечение» в главе, где рассматривается помимо этого и этносоциальное воздействие на жизненную деятельность народа в целом, не только (и не столько) в области потребления, т.е. «жизнеобеспечения», но и в социальном положении уйльта, этнокультурной трансформации его образа жизни на протяжении последних веков. Иными словами можно сказать, что цель при изучении была не только в характеристике собственно жизнеобеспечения народа, но и исследовании определенных процессов культурной трансформации данной этнической единицы под влиянием этносоциальной среды.

Оленеводство, не будучи массовым в настоящее время, рассматривается подробно в работе именно с точки зрения его динамики (или трансформации), претерпевшей особенно выразительные изменения за прошедший век. Таких резких изменений в виде скачков (в противоположные стороны), какие, очевидно, наблюдаются именно в этой сфере хозяйства, не претерпевало рыболовство, морской промысел и охота у уйльта в те же временные рамки. Поэтому этой сфере уделено особое внимание. Рыболовство развивалось более спокойно, постепенно видоизменяясь, приобретая иные формы без каких-либо резких влияний. В северной группе ныне рыболовство не занимает главенствующую роль в жизни народа. В новых формах идет довольно успешно развитие этой сферы в южной группе уйльта.

Существенной разницы в реальном функционировании «семейных» и «родовых» общин, национальных хозяйств, кооперативов – нет. Разница существует скорее в определении организационно-правовой формы национального хозяйства, т.е. *de jure*, но не *de facto*. Под родовыми хозяйствами чаще всего подразумевается ведение единого хозяйства родственниками семей различных поколений и более дальнего родства, нежели в семейных национальных хозяйствах, куда входят представители конкретной семьи – родители и их дети и внуки. На практике это выглядит все очень условно. Однозначно, на мой взгляд, можно лишь сказать, что желание употребить название бывших родов в названии нынешних хозяйств свидетельствует о прочной памяти поколений, сохраняющей по сей день знания о существовавших родах и принадлежности их семей к конкретным родам. Эта информация не выглядит очевидной при обычной повседневной жизни людей, но четко проявляется в кризисных межличностных ситуациях.

Что касается животноводства (разведения коров, свиней...), такая сфера хозяйства не получила распространения в среде уйльта. Овощеводство прочно вошло в систему жизнеобеспечения южной группы народа, начало его развития приходится на время губернаторства Карафута (с 1905 г.) на Южном Сахалине. В северной группе можно назвать лишь несколько семей, занимающихся ежегодно выращиванием огородных культур, зачастую не приносящих существенной прибыли в обеспечении жизни семьи. По найму представители данного народа работают эпизодически, часто на временных сезонных работах. Зачастую они не выдерживают работы на одном месте в течение длительного времени. Не уменьшается число безработных уйльта, желающих трудиться именно в традиционных сферах хозяйства, но не имеющих для этого возможности или лишившихся жизненной активности.

Если обратиться к специфике уйльтаинской этнической идентификации, то мои исследования приводят к мысли, что именно нежелание народа быть вечно отнесенным к иным народам, неправомерная путаница во всех официальных документах их названия, вечное навязывание им различных этнонимов разными поколениями чиновников и исследователей разных стран и времен и привели в конечном результате к протесту, а точнее к требованию называть их так, как называли народ бабушки современного взрослого поколения, т.е. уйльта. Что касается употребления этого наименования без «й» – *ульта* в исследованиях 1990-х годов, это объясняется тем, что в то время не было серьезного научного лингвистического анализа, осуществленного в результате кропотливого труда известного японского профессора Дз. Икэгами, работавшего над фонетикой уйльтаинского языка на протяжении нескольких десятилетий (в начале на территории Японии, а затем на Южном и Северном Сахалине). Уйльта хорошо знают и очень уважают труд этого исследователя, создавшего недавно букварь уйльтаинского языка. Профессор считает более правильным написание названия народа именно с «й» и представители народа сейчас это подтверждают. В 1990-х годах люди считали правильным написание ульта без «й», не придавая просто этому значения, лишь бы уйти от названия «ороки» и «орочи». Думаю, что если бы в наших официальных переписях и других документах на протяжении века не было бы периодического исчезновения этого народа, может быть, и до сих пор у них не возникло бы желания добиваться официального названия «ульта (уйльта)». Безусловно, процесс утверждения этого этнонима в жизни не закончился.

Своим обращением к данной теме исследования я обязана и бесконечно признательна моим учителям члену-корреспонденту РАН С.А. Арутюнову и, к большому сожалению, не доживших до сегодняшнего дня к.и.н. А.И. Кузнецову и д.и.н. А.В. Смоляк, а также преподавателям *alma mater* – кафедры этнологии исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Искренне благодарю за глубокое прочтение и анализ моей работы рецензентов д.и.н. З.П. Соколову и д.и.н. А.А. Никишенкова, за оказанную поддержку и доброжелательную критику моих коллег из Института этнологии и антропологии РАН (Москва) – заместителя директора ИЭА РАН д.и.н. С.В. Чешко, заведующего отделом Севера и Сибири д.и.н. Д.А. Функа, д.и.н. Б.А. Фролова, к.и.н. А.А. Сирину, к.и.н. Е.П. Батьянову, к.и.н. Т.В. Лукьянченко и всех сотрудников отдела, принимавших активное, столь неформальное участие в обсуждении моей рукописи, а также этнологов кафедры Омского университета за подробное и внимательное изучение всех исследуемых вопросов д.и.н. Н.А. Томилова и к.и.н. А.Г. Селезнева.

Выражаю свою благодарность за помощь в работе над книгой бескорыстно преданным своему делу руководителям и всем сотрудникам замечательных архивов России: Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (г. Владивосток) – директору А.А. Торопову, заместителю директора Н.А. Троицкой, Е.М. Гончаровой; Государственного архива Сахалинской области (г. Южно-Сахалинск) – директору к.и.н. А.И. Костанову, заместителю директора Л.В. Драгуновой; Ногликского районного государственного архива (пгт. Ноглики Сахалинской облас-

ти) – заведующей архивом Л.Р. Мухаметзановой, Э.Л. Галченко; Поронайского районного государственного архива (г. Поронайск Сахалинской области) – заведующей архивом Н.М. Захаровой, И.А. Лебедевой (именно на материалах этих архивов основана значительная часть данного исследования); всемирно известных архивов Санкт-Петербурга (я особо признательна за предоставленную возможность использовать архивные материалы для иллюстрирования книги) – Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН – директору д.и.н. Ю.К. Чистову, ученому секретарю к.и.н. Е.А. Михайловой, заведующей отделом Сибири к.и.н. Л.Р. Павлинской, заведующей архивом И.В. Жуковской, Российского этнографического музея – директору В.М. Грусману, заместителю директора к.и.н. А.В. Коновалову, заместителю директора В.Э. Первак, заведующей отделом этнографии народов Сибири и Дальнего Востока к.и.н. В.В. Горбачевой, М.В. Федоровой, К.Ю. Соловьевой, О.П. Игнатьевой; Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук – директору д.и.н. И.В. Тункиной, Н.С. Прохоренко. Я благодарна за оказанные консультации в ходе работы над книгой директору Института наследия Бронислава Пилсудского (г. Южно-Сахалинск) В.М. Латышеву, сотрудникам Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева (г. Владивосток), главному хранителю фондов Н.Б. Керчелаевой, В.В. Кобко, директору бывшего Поронайского коопзверопромхоза А.М. Короткому (г. Поронайск), за высоко профессиональную и доброжелательную помощь при подготовке книги к изданию сотрудникам издательства «Наука» – заведующей отделом редакции истории Н.Л. Петровой, Г.В. Шевцовой, главному художнику В.Ю. Яковлеву, редактору Н.В. Бариновой.

Мое искреннее и самое глубокое признание и уважение выражаю многочисленным информаторам – представителям народа уйльта, которые работали со мной на протяжении прошедших 16 лет, начиная с 1990 г., и вся их жизнь в эти годы стала неотъемлемой частью моей жизни – Е.А. Бибиковой (Осиповой), И.Я. Федяевой, Э.М. Степановой, Э.А. Кирилловой, Г.Б. Макаровой, А.Н. Борисову (Ногликский район), Л.Р. Китазима, Сирюко Минато, Казико Сугавара, Хацуко Огава, Нацко Ким, А.Е. Накагава, А.Д. Ооно, Навтаро Ямакава, В.С. Кимура, Л. Нисиока (Поронайский район) и многим другим, оленеводам и их семьям – А.Н. Макарову, И.Н. Михееву, В.А. Михееву, Г.А. Михееву, И.А. Захаровой, К.А. Михеевой, А.В. Михееву, С.В. Алексеенко, М.Н. Макарову, В.А. Иннокентьеву, И.О. Иннокентьевой, Е.А. Владимирову, Ж.А. Мироновой, Н.М. Миронову, М.М. Миронову, Ф.Н. Соловьеву, Г.В. Егорову, В.А. Владимирову (Ногликский район), В.М. Ооно, Н.А. Давыдову (Поронайский район), ярким представителям художественного самовыражения народа Василию Соловьеву (пос. Вал Ногликского района) и Веронике Осиповой (пос. Ноглики). За ежедневное многолетнее понимание и поддержку моей работы и кропотливую помощь в оформлении иллюстративного материала благодарю моего мужа А.П. Горбунова.

Карты годового цикла ведения оленеводческого хозяйства составлены на основании информации оленеводов северной и южной групп.

Все используемые в книге этнические понятия приводятся в соответствии с данными полевых исследований. Основные информаторы: Е.А. Биби-

кова, И.Я. Федяева (по материалам рукописного словаря, записанного со слов матери О.Н. Осиповой/Семеновой (1898–1995)), А.Н. Макаров, оленеводы северной группы уйльта, Сирюко Минато, Казико Сугавара и бывшие оленеводы южной группы уйльта.

В качестве верхних заставок разделов книги и концовки заключения использованы фрагменты традиционных уйльтинских узоров, выполненных Хацуко Огава (Личный архив автора 1991, г. Поронайск), в качестве концовок введения, глав 1–4 части I – дэвэ – берестяные трафареты-орнаменты, приобретенные Б.А. Васильевым в 1928 г. во время Тунгусской экспедиции (РЭМ. Ф. VI-т/г. № 8762–18247, 18246, 18252, 18242, 18249), глав 1–2 части II – вырезанные из бересты орнаменты, привезенные с восточного берега острова Сахалин с. Даги в 1910 г. (Приморский музей. МПК. № 1083-1, 1083-2). Символическая фигура на титуле в виде оленя-ула подарена автору В.Н. Соловьевым в 2001 г. в пос. Вал. Фото, размещенные на обложке, сделаны автором в 2001–2004 гг.: сверху – традиционные места обитания северной группы уйльта – важенка с теленком (нами и сондо) возле оз. Круглое и р. Вал в Ногликском районе; внизу традиционные места обитания южной группы уйльта – залив Терпения, природа Поронайского района.

ВВЕДЕНИЕ

«Я – человек свободный!!!».

Эта фраза, произнесенная оленеводом «малого» народа большого острова, выражает характер народа, его восприятие жизни и отражает суть происходящего в истории народа.

Первые упоминания об уйльта относятся к концу 30-х годов XVII в., однако до последних десятилетий изучением этого народа исследователи занимались лишь эпизодически. Малочисленность и отсутствие устойчивого наименования в различных статистических документах XIX–XX вв. привели к крайне странной, неоднократно повторяющейся ситуации, когда народ то почти исчезал, то вдруг возрождался снова. При этом, как показывают архивные материалы и полевые этнографические изыскания, данная этническая общность на протяжении последних веков имела de facto численность не менее 600–700 чел. в XIX в. и 320–340 чел. в XX в. Объясняется это разными причинами, в том числе воздействием окружающей этнической среды, под влиянием которой происходили естественные процессы ассимиляции, а также неоправданным отсутствием учета данного народа официальной статистикой, включая государственные переписи населения.

История идентификации этого малочисленного народа другими окружающими его этническими общностями, исследователями различных национальностей и государств, а также представителями государственной власти России разных эпох оказалась крайне не простой. Более того, на протяжении десятков лет запутанность идентификации оказывала постоянное влияние на судьбу самого народа, порождая мифы о его численности и расселении. Уйльта, орочены, ороки, орочи ... – как только не называли народ, живущий на Сахалине и традиционно занимавшийся оленеводством, сезонной охотой и рыболовством. Этим обстоятельством обусловлено обращение автора работы прежде всего к рассмотрению проблемы идентификации данной этнической общности.

Безусловно, уйльта – один из самых малочисленных народов России. Именно поэтому исследователь не может и не должен пройти мимо жизненных проблем этнической общности, которая, несмотря на свою малочисленность, равновелика по праву быть максимально изученной в рамках возможных источников и достойно представленной в ряду этнического многообразия России. До настоящего времени в научной литературе не было обобщающих работ по проблеме этнической идентификации уйльта, равно как нет и исследования различных сторон жизни, отражающего этнокультурную трансформацию народа к началу XXI в.

Чтобы понять, в каких условиях малочисленному народу приходится жить на современном историческом этапе, необходимо попытаться проана-

лизировать этнокультурную динамику в основных сферах жизнедеятельности этнической общности, чему в данной работе и будет уделено первостепенное внимание. В книге рассматриваются перспективы возрождения и развития оленеводства, проблемы создания семейных, родовых и других форм хозяйствования на основе закрепления в законодательном порядке территорий традиционного природопользования. Необходимое внимание уделено освещению актуальности сохранения традиционных отраслей хозяйственной деятельности, культуры, языка и обеспечения социальной защиты уйльта.

В жизнь малочисленного народа интенсивно вторгались в различные исторические эпохи, пытаясь как будто бы и доброжелательно довести его представителей до «высоких благ» цивилизации. Но на деле получилось, что людей отучили от прежнего образа жизни и ведения хозяйства и не научили приспосабливаться к жестоким условиям борьбы за рабочее место. История постоянно ставит их в новые социально-экономические и культурные условия, не давая практических «уроков» адаптации к неоднократно резко меняющейся на протяжении одного столетия этнополитической ситуации. Немногочисленная интеллигенция уйльта остро воспринимает потерю родной культуры, складывавшейся веками, и родного языка и видит в этом путь к деградации большинства представителей своего народа. Проблема влияния этносоциальной среды на малочисленную этническую общность представляется чрезвычайно актуальной на современном этапе развития нашего общества.

Сложность процессов эволюции данной этнической общности и малая степень изученности этнокультурного развития обуславливают необходимость многосторонне изучить этнокультурную динамику жизнедеятельности уйльта на различных этапах этнической и социальной истории, что и было поставлено основной целью настоящего исследования. В свою очередь отображение динамики этнокультурных процессов изучаемого народа выявляет тенденции социального развития уйльта.

Попытка произвести анализ причинно-следственной связи возникновения и существования практически на протяжении двух веков проблемы идентификации уйльта, а также характерных направлений изменения основных этнодемографических характеристик данной этнической общности, послужила причиной для обращения к изучению родового состава и браков, этнических и социальных аспектов рождаемости и семьи, численности и проблем здоровья общества. Подобные исследовательские задачи обусловили изучение всех вопросов с учетом положения уйльта в социальной системе этнической среды Сахалина; кроме того, необходимо максимально достоверно, в том объеме, в каком позволяют источники, отобразить динамику оленеводства и рыболовства как сфер жизнеобеспечения этнической общности, сделать попытку проанализировать процесс «возрождения» данного народа.

Сравнительный анализ данных различных временных периодов динамики жизнедеятельности уйльта позволяет объяснить современное состояние этнической общности и ее индивидов, выявить различные аспекты этнополитической ситуации, сложившейся в изучаемый период истории по отношению к этому народу. Немаловажно привлечь внимание научной общественности к существующему трагическому положению людей, идентифицирующих свою принадлежность к малочисленному и столь же малоизвестному (даже для российского читателя!) коренному народу Сахалина.

Народ *уйльта* исторически подразделяется на северную, *доронени* («люди, живущие на севере»), и южную, *суннени* («люди, живущие ближе к солнцу») группы. В работе изучается вся этническая общность, члены которой осознают себя причастными к «уйльта», а также этносоциальная среда обитания этого народа. Исследователи XX в. по языковой классификации относят уйльта к тунгусо-маньчжурской группе народов, по антропологической – к представителям байкальского типа.

В данной монографии делается попытка многостороннего рассмотрения истории этнонимии народа, что позволяет выйти и на давно существующие проблемы определения численности этнической общности в разные временные периоды, а также расселения и половозрастной структуры, родового состава и браков в период Российской империи, японского губернаторства Карафутто (на территории Южного Сахалина, 1905–1945 гг.), на этнические и социальные аспекты рождаемости и семьи в советский и постсоветский периоды истории нашей страны, влияние этнической среды и государства на состояние основных форм жизнеобеспечения народа – оленеводство, сезонную охоту, рыболовство. (Интересно заметить, что общепринятое название «Карафутто» не совсем верно, так Б. Пилсудский писал о Южном Сахалине под властью японцев: «Сахалин называется по-прежнему “Кабафутто” и это более точное и правильное название, чем распространенное и вне Японии название Карафутто (Карафто). Иероглиф “каба” означает “береза”, а “футто” – много» (Пилсудский, 1906, с. 5).)

Территориальные границы исследования обусловлены местами обитания этнической общности на Сахалине по известным современной науке данным с XVII в. В настоящее время уйльта расселены в Ногликском и Поронайском районах острова Сахалин: в пос. Вал (частично в пос. Ноглики), в г. Поронайск и на относящемся административно к Поронайску острову Южном (Сачи – это прежнее название острова, которое бытует до сих пор в повседневной жизни южной группы уйльта).

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XIX в. по начало XXI в., что обусловлено наличием архивных документов, содержащих информацию об уйльта, живших в конце XIX – второй половине XX в., и полевого материала, собранного автором данной работы с 1990 по 2004 г.

В работе использовались различные доступные для изучения источники информации. Полевые этнологические исследования проводились автором на территории двух районов Сахалинской области: в Ногликском районе (северная группа уйльта) и в Поронайском районе (южная группа уйльта) в 1990–1991 гг. и, спустя 10 лет, в 2001–2004 гг. (6 полевых сезонов). Основу исследования составляют материалы, хранящиеся в полевом архиве автора, полученные в результате индивидуальной работы с большим числом информаторов, осознающих себя «уйльта», живущих на территории названных двух районов Сахалина (сельское и городское население). Кроме того, использовались личные наблюдения автора во время пребывания (ведения совместного быта) в различных уйльтинских семьях и непосредственного участия в «кочевом образе жизни» представителей оленеводческой культуры северной группы уйльта.

На основе полевых экспедиционных и архивных материалов составлены две карты, охватывающие годовые циклы жизни оленеводческих бригад северной и южной групп уйльта на различных исторических этапах. В книге приведены также карта-схема расположения «родовых» хозяйств южной группы уйльта, занимающихся рыболовством, в начале ХХI в. и архивная карта, отражающая основные пастбища оленеводческих коллективных хозяйств в советский период.

В работе широко используются материалы семи архивов: Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (г. Владивосток), Государственного архива Сахалинской области (г. Южно-Сахалинск), Ногликского районного государственного архива (пгт. Ноглики Сахалинской области), Поронайского районного государственного архива (г. Поронайск Сахалинской области), архивов Санкт-Петербурга – Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН, Российского этнографического музея, Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук. Почти все ниженазванные архивные данные (особенно это относится к материалам архивов Сахалина) используются впервые. Таким образом, в научный оборот вводится новая информация, не доступная ранее для широкого круга исследователей.

Из документов, хранящихся в РГИА ДВ, были использованы Дела Канцелярии Приамурского Генерал-Губернатора, рассказывающие «О ревизии острова Сахалина» (1893–1897 гг.), переписка Канцелярии Приамурского Генерал-Губернатора с Губернатором Сахалинской области и Военным Губернатором острова Сахалин в первые десятилетия ХХ в., содержащие различную информацию об «инородцах Сахалинской области», о «племенах» и «их селениях», стойбищах «орочен», данные «подворной переписи» и сведения «по племенным группам». Важные и очень интересные факты излагаются в «Докладе о действиях экспедиции начальника ея, врача Коллежского Советника Штейгмана». Эта экспедиция проводилась на севере острова Сахалин «для санитарных мероприятий среди инородцев и попутного сбора статистико-экономического материала о них, командированная Военным Губернатором острова летом 1908-го года». Наиболее раннюю информацию содержит рукописный Рапорт исполняющего делами Инспектора Медицинской части Приморской области Восточной Сибири Военному Губернатору Приморской области, поданный в 1869 г. В нем имеются сведения о населении «в юртах и селениях», представленные первым врачом, «проникнувшим в глубину острова» Сахалин, Г. Васильевым. Некоторые статистические данные о нацменьшинствах Дальнего Востока, «туземных племенах» «Амура и Приморья» взяты из донесений (телеграмм) Управления Делами Дальревкома Наркомнацу Сталину в 1920-х годах, о «малых народах Севера в составе 4-х племен» – из Протоколов заседаний Президиума Сахалинского Окружного Исполнительного Комитета в 1931–1932 гг. Общий объем архивного материала, непосредственно использованного автором по названной теме, охватывает более 230 архивных листов, хранящихся в РГИА ДВ.

Большой объем информации, в том числе статистические данные, содержит фонд областного архива Сахалинской области «Церкви острова Сахалина Камчатской духовной консистории». Автором данной работы

исследован весь комплекс метрических книг ГАСО, состоящий из 216 книг (в это число не входят сохранившиеся алфавитные книги некоторых церквей). Самые ранние записи в метрических книгах относятся к 1869 г., самые поздние – к 1925 г. Выявлены и изучены 83 метрические книги, содержащие информацию о коренных народах Сахалина, начиная с 1870-х годов. Общий объем информации о коренных народах Сахалина охватывает 720 архивных листов (большое число листов с оборотом, всего – около 1000 страниц). Впервые уйльта (орочены) регистрируются в метрических записях 1879 г., последние записи относятся к 1916 г.

Метрические книги позволяют представить картину заселения острова Сахалин, включая малочисленные этнические общности. На основе данных этого фонда автором настоящей работы составлены таблицы, включающие сведения об уйльта на момент их крещения в различном возрасте (как во взрослом, так и в младенческом, вскоре после рождения), венчания и смерти. Таблицы содержат имена уйльта (до и после крещения), их возраст, родовую принадлежность, территориальное происхождение и другие важные для исследования факты, приведенные в данной монографии. Названные таблицы имеют большой объем, поэтому не вошли в данную публикацию и составляют основу для дальнейших исследований автора.

Помимо фонда метрических книг, использованы фонды по истории оленеводческого колхоза «Вал» Восточно-Сахалинского района, совхоза «Оленевод» (годовые отчеты, начиная с 1947 г.), зверосовхоза «Поронайский», итогам Всесоюзных переписей скота (в советский период), а также фонды, содержащие Протоколы заседаний исполкомов Поронайского городского и Ногликского Советов народных депутатов, касающихся проблем коренных народов Севера, документы о национально-производственных и родовых кооперативах, статистические данные, предоставленные администрациями Ногликского и Поронайского районов.

Статистические материалы о малочисленных народах Севера, используемые в данной монографии, представлены в официальных документах «Федерального государственного статистического наблюдения».

Детально изучались и основные данные всех доступных Переписей населения России, начиная с Первой всеобщей переписи населения 1897 г., включающей Перепись инородческого населения. Первые материалы по острову Сахалин публиковались в 1899, 1903, 1904 гг. Весь перечисленный объем источников позволяет многосторонне изучить этнокультурную динамику жизнедеятельности народа.

В данной работе динамика жизнедеятельности уйльта представлена читателю, начиная с последних десятилетий XIX в. до начала XXI в. Этносоциальные проблемы уйльта рассматриваются как общесоциальные, так и в рамках процессов влияния многоэтнической среды острова Сахалин на малочисленный народ. Представлены многогранные стороны этнокультурной трансформации уйльта. До сих пор у большинства исследователей проблематика этнической общности уйльта рассматривалась только в процессе изучения иных народов Амура и Сахалина.

В монографии впервые делается попытка проанализировать проблемы, связанные с идентификацией данной этнической общности. Впервые вводятся в научный оборот сведения об «инородцах», содержащиеся в метрических

книгах Сахалина, а также архивные материалы, характеризующие суть коллективного оленеводства этого народа в советский период истории. Впервые на основе изучения оленеводческих маршрутов составлены карты годового жизненного цикла оленеводства уйльта в XX в. Систематизированный обширный материал может быть использован для сравнительного анализа процессов трансформации других малочисленных народов Севера, прежде всего живущих в России, включая коренные народы Сахалина. Этнокультурная ситуация, к которой пришли уйльта в результате динамики за прошедшие два столетия, показательна для оценки общей этнокультурной ситуации в нашей стране и одновременно уникальна по своей сути (Миссонова, Соколова, 2006).

Методологической основой исследования стали теоретико-методологические труды по проблемам происхождения, развития, структуры этнических общностей (главным образом малочисленных), находящихся на различных стадиях социально-экономического развития, по вопросам семейно-брачных и родовых взаимоотношений, истории и культуры народов Крайнего Севера России, проблемам этнической и природной среды обитания социумов, этнонимии, самосознания и идентификации народов и их индивидов, ассимиляции и аккультурации этнических общностей, этнокультурной трансформации. В той или иной степени в различных ракурсах были использованы труды российских этнологов и антропологов С.А. Арутюнова, В.Г. Богораз-Тана, Г.М. Василевич, Б.О. Долгих, С.В. Иванова, В.В. Карлова, Е.А. Крейновича, А.И. Кузнецова, Л.П. Лашука, М.Г. Левина, А.А. Никишенкова, В.А. Никонова, А.П. Окладникова, С.К. Патканова, Б.О. Пилсудского, П.И. Пучкова, А.В. Смоляк, З.П. Соколовой, С.А. Токарева, В.А. Туголукова, С.М. Широкогорова, Л.И. Шренка, Л.Я. Штернберга и многих других; а также труды российских лингвистов К.М. Мусаева, К.А. Новиковой, Л.В. Озолина, А.М. Певнова, Т.И. Петровой, В.Н. Савельевой, Ю.А. Сема, Л.И. Сем, В.И. Цинциус; исследования российских археологов А.А. Василевского, О.Ю. Дедахина; работы зарубежных специалистов по изучаемой проблематике Т. Акидзуки, Дзиро Икэгами, Коити Иноуэ, Хаджиме Исида, Рейко Миязаки, Шичиро Мураяма, Нагано Сукехаци, Х. Квона, А. Кучинского, А. Маевича, Д. Стефана, Б. Малиновского, Б. Лауфера, Йюхи Йанхунена.

Основными методами исследования послужили традиционные общепринятые в российской этнологической науке методы. Прежде всего для сбора первоначальных данных об отдельных компонентах культуры и социально-экономической жизни коренного населения Сахалина использовались методы полевой этнографии. Полевые исследования проводились преимущественно методом включенного наблюдения (этот термин и все последующие дефиниции этнографической науки употребляются здесь и далее в соответствии с определениями, изложенными в Своде этнографических понятий и терминов, разработанном учеными ИЭА РАН в 1980–1990-е годы) в местах расселения уйльта. Для получения массового материала применялся опрос коренных жителей с помощью тематического интервью по основным вопросам и проблемам жизни социума. Во время проведения полевой работы были составлены карты, систематизирующие информацию об истории развития оленеводства северной и южной групп уйльта в XX в. Фиксация

материалов осуществлялась в общепринятой форме рассказов информаторов об отдельных людях и случаях жизни, позволяющих в последующем произвести анализ услышанных данных, характеризующих происходящие в жизни общества события и их восприятие (осознание) местным населением. Методы количественного и структурного анализа применялись как взаимодополняющие. Для изучения процессов аккультурации применялся метод сравнительного, кросс-культурного анализа явлений и процессов, позволяющий выявить общие стороны и исключительные факторы в истории изучаемого народа, причины сходств и различий бытия. Кроме того, был использован метод компонентного анализа, позволяющий выявить отдельные стороны и внутренние законы жизни конкретного общества, а также причинно-следственную взаимосвязь факторов, приведших конкретный народ в конкретное состояние, в результате обращения к этнографическим, историческим, археологическим, антропологическим, лингвистическим и демографическим данным.

Возможность целенаправленно работать по названной теме появилась у автора благодаря участию в международном проекте «Post-Soviet Political and Socio-economic Transformation among the Indigenous Peoples of Northern Russia: Current Administrative Policies, Legal Rights, and Applied Strategies», руководителем проекта проф. Университета г. Уппсала Хью Бич (Hugh Beach), выполненным при финансовой поддержке Юбилейного Фонда Банка Швеции (2001–2004 гг.).

Учитывая существующую проблему использования в литературе и источниках большого числа наименований исследуемой этнической общности, должно обратить внимание читателя на то, что в тексте данной работы употребляется то наименование, которое было использовано в научной литературе автором конкретного называемого труда, либо название, которое внесено в исследуемые документы архивов (в том числе метрические книги), ЗАГСов, официальные статистические документы (в тех случаях, когда анализируются данные источников).

«Когда исследователь фиксирует ныне существующий этнос, он делает это через самоназвание или же через название, данное со стороны, но признанное этносом как синонимически приравненное к самоназванию» (Арутюнов, 2000, с. 16). Автор настоящей работы использует в качестве основного этнонима самоназвание народа – уйльта.

Прежде чем перейти непосредственно к теме исследования, необходимо представить себе, какова была история Сахалина, в рамках которой проходила жизнь уйльта.

Территориальная удаленность острова Сахалин от центра государственной власти и одновременно заинтересованность властей «наладить» организованное управление островом, а также факторы внешней политики России обусловили ситуацию непостоянства административных границ, внутри которых жили и малочисленные народы Севера. Действия государства в отношении изменений границ областей, губерний, уездов, округов, непосредственно затрагивающих остров Сахалин, наблюдались практически с конца XVIII в.

Краткая история Сахалинской области, обусловившая социальную среду обитания коренного населения острова

Сахалинская область образована в 1932 г. в составе Хабаровского края, а в 1947 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Сахалинская область была выделена из состава Хабаровского края в самостоятельную область РСФСР. Территория области – 87,1 тыс. кв. км. Центр области – г. Южно-Сахалинск образован в 1946 г. (Административно-территориальное деление, 1986, с. 7, 12).

Процесс заселения Сахалина и Курильского архипелага начинается в XVII в. (подробнее об этом речь пойдет ниже). До первой половины XIX в. Сахалин и Курильские острова не выделялись в самостоятельные административно-территориальные единицы, а входили в состав Сибири. С конца 1796 г. они были частью Иркутской губернии (Алексеев, 1982, с. 151). С июля 1799 г. этими землями управляла Российско-Американская компания. После экспедиций И.Ф. Крузенштерна, Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова в августе 1808 г. Высочайшим повелением Российско-Американской компании было разрешено учреждать русские селения на Сахалине. При этом особое внимание в названном документе уделялось тому, «чтоб с находящимися на Сахалине жителями обходиться миролюбиво, не делая насилия, жестокостей и не разоряя их селений», в противном случае с «виновными поступлено будет по всей строгости законов» (Внешняя политика России, 1965, с. 314; цит. по: Административно-территориальное деление, 1986, с. 108). В истории это первый правовой акт России по Сахалину.

В январе 1851 г. по представлению генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева была образована Камчатская область с центром в Петропавловске-Камчатском. Курильские острова попали под власть губернатора Камчатки. В 1853 г. Российско-Американской компанией вторично был поставлен вопрос о заселении Сахалина. В апреле 1856 г. Сахалин передан из ведения Российско-Американской компании генерал-губернатору Восточной Сибири и непосредственно – камчатскому военному губернатору. А в октябре того же года Камчатская область была упразднена и вместо нее образована Приморская область (центр – Николаевский-на-Амуре пост), куда и вошли земли Сахалина и Курильских островов. С июля 1856 г. началось основание первых постов – русских поселений на Сахалине (Административно-территориальное деление, 1986, с. 108–109).

Начиная с 1858 г., а официально с 1869 г. – по положению Комитета об устройстве каторжных работ, утвержденному Александром II, – остров Сахалин становится местом каторги и ссылки. Л.Я. Штернберг рассуждал об этом так: «В Европе, куда, естественно, обращались взоры преобразователей, наряду с идеями гуманности и исправления, царило значительное разочарование в системах одиночного заключения и абсолютного молчания, а Франция, начинавшая снова задавать тон, склоняясь к системе ссылки и колонизации. Эта система ближе всего подходила к русским традициям. В этот момент именно подвернулся Сахалин» (речь идет о 1860-х годах) (ПФА РАН. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 5). «Будем помнить, что Сахалин предназначался для самых тяжких преступников, т.е. лиц, для которых по

закону полагается наказание не менее 10 лет, если считать годы поселения, обязательно связанные с каторгой» (ПФА РАН. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 8).

В 1880 г. было реорганизовано управление Приморской области, а в 1884 г. образовано Приамурское генерал-губернаторство (с центром в Хабаровске), куда вошел и остров Сахалин. С этого времени Сахалин впервые был выделен в самостоятельную административную единицу, а с мая 1894 г. получил статус военного губернаторства (подробнее см.: Административно-территориальное деление, 1986, с. 110–111).

После завершения русско-японской войны 1904–1905 гг., как известно, царским правительством был подписан Портсмутский договор (23 августа 1905 г.), согласно которому южная часть Сахалина (к югу от 50° с.ш.) отошла Японии. По Переписи 1905 г. на Северном Сахалине в двух округах – Александровском и Тымовском – зафиксированы всего лишь 7,5 тыс. чел., из них около 2 тыс. туземцев – нивхов, эвенков, ороков (т.е. уйльта) и др. (Сенченко, 1960, с. 95). Можно сравнить с данными Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. – на острове Сахалин всего учтены 28 113 чел., из них 4268 инородцев. Самую многочисленную группу населения Сахалина составляли ссыльно-каторжные и ссыльно-поселенцы – 46,9%, затем крестьяне – 33,9% и местные уроженцы-инородцы – 15,2%, на прочие сословия приходилось всего лишь 4% от всего населения (ГАСО. Ф. 1038. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 14–15, 28). В результате первой русской революции 1905–1907 гг. сахалинская каторга была закрыта.

В июне 1909 г. на основании закона об административном переустройстве Приморской области и острова Сахалин в Приморский край, Сахалинская область занимала северную часть острова. Центром области был пост Александровский, а с апреля 1917 г. распоряжением Временного правительства пост Александровский стал центром Сахалинского уезда (с июня 1917 г. названный пост преобразован в город) (Победа, 1959, с. 269–271).

С апреля 1920 г. по май 1925 г. Северный Сахалин был отторгнут японскими войсками. В ноябре 1920 г. в составе Дальневосточной республики (образованной в апреле 1920 г. на завершающем этапе гражданской войны в России) была создана Приамурская область с центром в г. Хабаровске, куда и вошла территория Северного Сахалина. В ноябре 1922 г. Дальневосточная республика была преобразована в Дальневосточную область, а с июня 1923 г. территория Северного Сахалина стала частью Приморской губернии этой области. В мае 1925 г. в результате дипломатических переговоров японские войска были выведены с Северного Сахалина. Далее декретом ВЦИК в январе 1926 г. образован Дальневосточный край с центром в г. Хабаровске, существовавшее деление Дальнего Востока на губернии и уезды с этого времени отменено. В составе Дальневосточного края образованы девять округов (подробнее см.: Собрание узаконений, 1926). Так появился Сахалинский округ с центром в г. Александровске.

В 1924 г. Дальревком утвердил «Временное положение об управлении туземными племенами Дальнего Востока». Началась организация советских органов у малочисленных народов Севера. «Временное положение» исходило из родового признака при объединении населения в Советы и предусматривало создание в качестве органов управления общих родовых собраний,

родовых Советов, районных туземных съездов и районных туземных исполкомов. Это была попытка приспособить Советы к общественным отношениям малочисленных народов, к традиционному укладу их жизни. Однако на практике Советы в большинстве случаев строились по национально-территориальному принципу. Так, в Сахалинском округе в 1925–1926 гг. создавались первые туземные сельсоветы, среди них: Чириво, Висковский, Москальвинский и др. (Административно-территориальное деление, 1986, с. 120–121).

В конце 1926 г. начало действовать «Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР». На основании этого положения в составе Сахалинского округа в 1929 г. был создан Восточно-Сахалинский гилацкий национальный район с центром в стойбище Ноглики, а в 1931 г. – Западно-Сахалинский гилацкий национальный район с центром в стойбище Вискво (Социалистическое строительство, 1967, с. 721).

В октябре 1932 г. снова произошла реорганизация системы административно-территориального управления Дальневосточного края, в составе которого была образована Сахалинская область с центром в г. Александровске (постановлением правительства Сахалинский округ ликвидирован – там же.). Эта дата (20 октября 1932 г.) считается и датой образования нынешней области.

В октябре 1938 г. по Указу Президиума Верховного Совета СССР Дальневосточный край был разделен на Хабаровский край с центром в г. Хабаровске и Приморский край с центром в г. Владивостоке. Сахалинская область вошла в состав Хабаровского края (Сборник законов, 1968, с. 168–169).

После завершения Великой Отечественной войны Южный Сахалин и Курильские острова стали частью Сахалинской области. А в феврале 1946 г. постановлением СНК СССР образована Южно-Сахалинская область с центром в г. Тойохара (в июне 1946 г. переименован в г. Южно-Сахалинск) в составе Хабаровского края (ГАСО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 219. Л. 55–56). В январе 1947 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Южно-Сахалинская область была ликвидирована, ее территория вошла в Сахалинскую область, которая была выделена из Хабаровского края и преобразована в самостоятельную область РСФСР с апреля 1947 г. с центром в г. Южно-Сахалинске (Сборник законов, 1968, с. 178; Социалистическое строительство, 1967, с. 723).

В годы первой пятилетки Северный Сахалин стал промышленным районом Дальнего Востока. Возросло число населенных пунктов: в 1926 г. – 158, в 1931 г. – 236, в 1938 г. – 302. А к началу 1963 г. на Сахалине и Курильских островах насчитывалось 675 населенных пунктов. В результате постоянных изменений в административно-территориальном делении Сахалинской области и переподчинений сельских, поселковых и городских Советов за 1962–1965 гг. было исключено из учета 432 населенных пункта и появились 63 новых наименований. На конец 1975 г. в области насчитывалось 19 городов, 35 поселковых и 64 сельских Совета. К концу 1978 г. на учете значилось 375 населенных пунктов. В результате дальнейшей политики переселений жителей из мелких сел и поселков в города (укрупнение насе-

ленных пунктов известно с 1950-х годов) к 1983 г. были исключены из учетных данных еще около 100 населенных пунктов. В 1986 г. насчитывалось всего 329 населенных пунктов (см.: Дальневосточная краевая комиссия // ГАСО. Ф. 1038. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 1–2; Список, 1926. С. 2–3; Административно-территориальное деление, 1986, с. 124–125; ГАСО. Ф. 53. Оп. 66. Д. 240. Л. 79). В 2001 г. численность населения составляла 588 тыс. чел. (на городское население приходилось 86,78%, а на сельское соответственно – 13,22%), а в 2002 г. – 584,7 тыс. чел. В 2002 г. Сахалинская область включала 17 районов, 18 городов, 30 поселков городского типа и 59 сельских администраций. Таким образом, всего в начале нынешнего века в Сахалинской области существует 107 населенных пунктов (Оценка численности постоянного населения по регионам Российской Федерации // Госкомстат, 2002).

В этих постоянно меняющихся неординарных социально-политических условиях проходила история туземных народов Сахалина с конца XIX в. и особенно с наступлением XX в. История распорядилась таким образом, что в крайне сжатые временные сроки коренные народы вынуждены были многократно воспринимать различные социальные нововведения для того, чтобы выжить. Специфика сложившейся в этих исторических условиях динамики северной и южной групп уйльта рассматривается в последующих разделах книги.

Основные проблемы исследований уйльта

В данном разделе излагаются основные проблемы исследований уйльта (ороченов, ороков) российскими, японскими, польскими, английскими учеными в области этнологии (этнографии), археологии, антропологии и лингвистики. Основные значимые выводы по различным теоретическим вопросам, связанным с историей и культурой этого народа, принадлежат Б.О. Пилсудскому, А.В. Смоляк, М.Г. Левину, В.И. Цинциус, Т.И. Петровой.

Уйльта известны исследователям с конца 30-х годов XVII в., однако активно изучаться этот народ стал лишь со второй половины 1980-х годов. Круг вопросов, касающихся уйльта, равно как и общий объем публикаций, посвященных конкретно этому народу, довольно ограничен. В XIX и XX вв. в основном всех, кто изучал тунгусо-маньчжурские народы или коренные народы Сахалина, интересовали вопросы этногенеза уйльта в общем процессе этногенеза указанных народов. И только отдельные стороны проблемы этногенеза отображены в исследованиях, касающихся этого народа. Кроме того, при рассмотрении проблемы этногенеза уйльта, постепенно складывалась и другая проблема – идентификации народа, которая приобрела в жизни независимый самостоятельный характер, влияла на определение численности и расселения этнической общности. Данными факторами обусловлено и то, что наибольшее внимание в данном разделе уделяется обзору литературы по этим проблемам.

В мировой научной практике существуют две монографические работы, посвященные этому народу, написанные в 1990-х годах. Первая работа по социальной антропологии выполнена исследователем из Республики Корея

Х. Квоном, ныне работающим в Великобритании (Kwon, 1993). В 1989–1993 гг. он изучал историю совхозной жизнедеятельности уйльта советского периода развития и ведение оленеводческого хозяйства в конце 1980-х – начале 1990-х годов, т.е. состояние оленеводства уйльта в конце истории существования советского оленеводческого совхоза в Ногликском районе Сахалинской области. Большое внимание в работе уделено социальным и экологическим вопросам организации охоты и оленеводства. К сожалению, эта рукопись в полном объеме не доступна читателю из-за несостоявшейся до сего времени публикации. Далее в 1996 г. российским исследователем из Южно-Сахалинска Т.П. Роон была написана работа, посвященная хозяйству и материальной культуре уйльта Сахалина в XVIII – середине XX в. В своей монографии автор рассматривает хозяйственные занятия уйльта, традиционную систему оленеводства, транспортные средства, традиционные жилые и хозяйственные постройки, традиционную одежду и обувь (подробнее об этом см. далее в данном разделе работы). Работа написана в основном на материалах Сахалинского краеведческого музея и полевых изысканий. В 1990–2000 гг. в Японии проводились различные изыскания в области археологии, лингвистики и изучения традиционной материальной культуры коренных народов Сахалина, включая уйльта. Специальных развернутых исследований по этногенезу, истории, родовой системе, семейно-брачным отношениям и духовной культуре уйльта на сегодняшний день в литературе не существует. Поскольку других значимых публикаций, посвященных именно этому народу, нет, данная историографическая часть работы построена по тематическому принципу. Автор данной работы стремится учесть разнообразный существующий и доступный к изучению российским специалистам опубликованный материал, касающийся этнокультурного развития уйльта Сахалина, даже если информация об этом содержится буквально в одной или нескольких фразах в трудах, посвященных теории и иным вопросам исторического изучения народов Севера России.

* * *

Исторические сведения об ороках, как это можно заключить на основании архивных материалов МАЭ, «не заходят далее XVII ст. Донесения казаков сообщают о военных столкновениях и иноземцами “орилского роду”, живших на устье Амгуни». Участник «экспедиции Академии Наук Линденау, примерно, от 1748 г.» сообщает, «эти орио или орил жили на большом острове и были подчинены китайцам, причем амгунские и удские тунгусы считали о р и л своими родственниками. Более точные сведения относятся только к началу XVIII ст. Посланные императором Кхан-си в 1709 г. на Сахалин маньчжуры сообщили, что кроме оседлых нивхов, там жил кочевой народ, который запрягал своих домашних оленей в нарты». Далее материалы архива рассказывают: «В конце XVIII ст. японский путешественник Могами Токнаи пересек южную часть территории расселения ороков и нанес ее впервые на географическую карту /1786 г./». А «немецкий японовед Зибольд, получивший в свое распоряжение рукописи, рисунки и карты Могами Токнаи и другого, не менее известного путешественника Мамина Ринсо, опубликовал впервые в 1830 г. рисунок, изображающий ороков.

Они изображены во время перекочевки с вьючными оленями. У одного из ороков в руках копье гида и сложный лук. Он одет в куртку и шапку из оленьего меха; на ногах сапоги из нерпичьей шкуры и рыбьей кожи; на другом куртка из материи, за спиной у него висит тунгусская поняга. Олень нагружен большим куском материи; на втором плане изображены гиляки, посредничавшие в обмене соболем на ткани. По сведениям китайских источников, ороки платили собольими шкурами в Гирин, для отсылки Пекинскому двору». Как считает автор (чье имя, к сожалению, точно, не удастся установить, возможно, Н.А. Липская? – Л.М.) приведенного архивного материала: «Этими незначительными данными исчерпываются исторические сведения об ороках до середины XIX ст., т.е. до экспедиции Г.И. Невельского» (Архив МАЭ. Ф. К-І. Оп. І. Д. 231. Папка 3. Л. 390–391).

Европейцы и японцы впервые попадают на Сахалин в XVII в., где обнаруживают представителей трех этнических общностей: ороков (под таким названием уйльта Сахалина более известны в литературе XX в.) в основном в центральной части восточного побережья, гиляков (так называли в прошлом нивхов) на севере, айнов на юге. Первые описания этнических групп Сахалина (особое внимание в них уделялось айнам) были сделаны томским казаком И.Ю. Москвитиным (1639), возглавившим отряд, который атаман Д. Копылов направил к востоку от р. Алдан для открытия новых земель (москвитинцы первыми из русских вышли к Тихому океану), мореплавателями голландцем М.Г. де Фризом (1643), русским В.Д. Поярковым (1645), французом Ж.Ф. Лаперузом (1787), англичанином В. Броутоном (1796), японцами Мамия Риндзо и Мацуда Дензюро (1808–1809), русскими адмиралами И.Ф. Крузенштерном (1803–1806) и Г.И. Невельском (1849–1855) (Стефан, 1992; Костанов, 1992; Белов, 1952). Г.И. Невельской, будучи руководителем Амурской экспедиции (исследования проводились в Приамурье, Приморье, а также на Сахалине), располагал донесениями участников экспедиции Н.К. Бошняка, Д.И. Орлова, Н.В. Рудановского, Д.И. Самарина и других о происхождении, расселении и хозяйственной деятельности уйльта. Собранные материалы нашли отражение в его книге (Невельской, 1969), впервые вышедшей в 1878 г. В 1854–1856 гг. на Сахалине работала первая научная экспедиция, организованная Императорской Академией наук и Русским географическим обществом. Как отмечал, возглавлявший ее Л.И. Шренк, до этого путешествия почти никаких исторических известий об ороках (*Nota Bene!* Здесь и далее используется именно то наименование этносов, которое употреблял тот или иной автор), кроме японских (Мамия Риндзо, 1808), не имелось. Участники экспедиции члены Русского географического общества И.С. Поляков и А.М. Никольский, проводившие исследования на р. Тымь и побережье залива Терпения, оставили описание занятий, быта и домашней утвари ороков (Шренк, 1883, 1899, 1903). В последующие 20 лет русские археологи М.М. Добротворский, И. Лопатин и И.С. Поляков предприняли раскопки в Александровске и вдоль р. Сусуи, близ Анивского залива.

В 1889 г. туземное население Сахалина начал изучать Л.Я. Штернберг, сосланный туда за участие в революционном движении. В 1910 г. он снова посетил этот регион для продолжения исследования аборигенов. Другой ссыльный – поляк Б. Пилсудский – вел здесь научные изыскания с переры-

вами в течение почти 20 лет (1887–1905 гг.). В 1896 г. инородческое население на р. Поронай изучал Н.П. Попов. Необходимо отметить, что труды Шренка, Добротворского, Лопатина, Полякова, Штернберга были посвящены главным образом айнам и гилякам. Данные ими первые краткие этнографические сведения об ороках (уйльта) представляют большое значение для всех интересующихся этим народом по сей день. Что касается исследований Б. Пилсудского, то можно сказать, что это было по существу первым научным этнографическим и лингвистическим изучением этнической общности уйльта. Хотя в полной мере доступными для исследования материалы этого ученого стали лишь сто лет спустя (Пилсудский, 1906; Pilsudski, 1985, 1987).

Среди имен исследователей Сахалина конца XIX в. следует назвать американского востоковеда Бертольда Лауфера (1874–1934). Он был участником Северо-Тихоокеанской (Джезуповской) экспедиции Франца Боаса, в 1898–1899 гг. проводил исследования в местах расселения аборигенных народов: айнов – на юго-западе Сахалина, нивхов – на севере Сахалина, ороков – в долине р. Поронай на юге Сахалина. Его полевые материалы хранятся в Американском музее естественной истории (Нью-Йорк) и в Полевом музее естественной истории (Чикаго). Среди опубликованных им трудов наиболее известна монография «Декоративное искусство амурских племен» (Нью-Йорк, 1902) (см.: Демидова, 1978, с. 119–121; Laufer, 1902). Н.В. Кочешков, занимаясь проблемами изучения народов Сахалина, отмечал: «В народном декоративном искусстве Б. Лауфер справедливо увидел важный источник по истории и культуре аборигенов Нижнего Амура и Сахалина, своеобразный “код”, которым зашифрованы события истории этих народов, их этногенетические и этнокультурные связи» (Кочешков, 1977, с. 341, 345; 2002, с. 59–64).

С 1905 по 1941 г. на Сахалине вели научные изыскания японские исследователи в основном в области археологии. После окончания Второй мировой войны и до 1959 г. провел там ряд археологических экспедиций Институт истории материальной культуры АН СССР. Эти экспедиции стали продолжением научной работы, еще в предвоенные годы начатой А.П. Окладниковым в Центральной (и иной) Сибири. До того, как были опубликованы результаты полевых экспедиционных исследований, советские археологи дебатировали по вопросу о первых сахалинских поселенцах. М.В. Воробьев поддерживал теорию Л.Я. Штернберга о том, что айну были первыми жителями Сахалина; Н.В. Кюннер считал, что предшественниками айну были тоньчи. Более поздние находки подтвердили точку зрения Кюннера: приходу айну предшествовала более ранняя миграция на Сахалин (Козырева, 1967, с. 17–18; Стефан, 1992, с. 62–66). Основываясь на археологических данных, Н.В. Кюннер заключал, «будет вполне естественным и обоснованным предположение, что человек пришел в Приморье, Сахалин, Корею и Японию с запада и с севера в период неолита» (Кюннер, 1961, с. 217). С 1952 по 1959 г. Институт истории материальной культуры АН СССР вел раскопки на всей территории Сахалина. Самые важные находки периода неолита были сделаны в Александровске и в Ногликах на севере и в Невельске, Холмске, Промысловой (район Поронайска) и в Стародубском (район Долинска) на юге. Анализ этих находок выявил их родство с находками стоянок неолита в Амурской области, Приморском крае, на Курильских островах и Камчатке.

Памятник Брониславу Пилсудскому. Южно-Сахалинск. Открыт 2 ноября 1991 г. в день 125-летия исследователя. Скульптор – В.Н. Чеботарев. (Советский фонд культуры. Акад. Д.С. Лихачев.) 2003 г. Фото автора

Е.А. Биби́кова в национальном костюме (северная группа уйльта). Пос. Ноглики. 2001 г. Фото из личного архива Е.А. Биби-
ковой

Ольга Миронова. Пос. Вал Ногликского района. 2003 г. Фото из личного архива
Ж.А. Мироновой

Л.Р. Кита́зима и На́цко Ким в национальных костюмах (южная группа уйльта). Г. Поронайск. 1980-е годы. Фото из личного архива Л.Р. Китазима

На открытии памятника погибшим аборигенам Сахалина (жертвам репрессий). Остров Южный (г. Поронайск). 15 августа 1997 г. Л.Р. Китазима, Е.А. Бибикова, И.Я. Федева в национальных костюмах. Фото из личного архива Е.А. Бибиковой

a

б

Памятник погибшим аборигенам Сахалина построен усилиями общества семей сахалинских аборигенов (г. Поронайск) и обществом «Уилта» (Япония) (а–б); представители коренных народов Сахалина в день памяти жертвам репрессий (в); Казико Сугавара, А.Е. Накагава, А.Д. Ооно (г). Август 2002 г.
Фото автора

Процесс этногенеза, приведшего к сложению этнической общности уйльта, крайне сложен и не изучен по различным объективным причинам. Так же, как «очень сложна» и «разработана... недостаточно» «этническая история тунгусо-маньчжурских групп Амура и Сахалина» – эти слова написаны М.Г. Левиным (1958, с. 129, 130), но, к сожалению, большого прогресса в последующем изучении проблем этногенеза народов Сахалина не удалось достичь. Есть гипотезы об участии различных общностей в этногенезе уйльта, равно как и об участии представителей этой этнической общности в этногенезе иных этнических общностей Амура и Сахалина (там же, с. 132–134). Такой же сложной, по археологическим данным, представляется и историческая картина заселения Сахалина.

На юге Сахалина обнаружены следы материальной культуры, родственные арктической приморской культуре на «Алеутах» и «северо-западе Аляски». На основании этого были выдвинуты следующие гипотезы (Козырева, 1967, с. 109–118): самыми ранними поселенцами Сахалина были выходцы с материка, перебравшиеся сюда около 2000 лет до н.э. (период неолита), которые заселили юг острова вдоль морских побережий и речных берегов; вторая миграция охотников неолита с материка на север Сахалина произошла приблизительно за 1000 лет до н.э. Культуры названных поселенцев имели тесные связи с неолитическими культурами Амурского и Приморского районов, откуда они пришли. Вместе с тем для них были характерны и отдельные предметы эскимосской культуры Чукотского полуострова и Алеутских островов. Поэтому исследователи предполагают, что либо племена с континента принесли приморскую культуру на Сахалин (версия А.П. Окладникова), либо здесь имел место приток арктического населения с севера и северо-востока (версия американского археолога Честера Чарда). Что касается связей с Японскими островами, они были незначительны, о чем свидетельствует малое число обнаруженных на юге Сахалина образцов гончарных изделий периода «до-Дземон» (Стефан, 1992, с. 63). Существует много точек зрения об этнической принадлежности первых жителей Сахалина. Одни считают, что первыми были тоньчи, с ними и встретились айну, когда пришли на Сахалин с Хоккайдо. Другие предполагают, что это произошло в самом начале XI в., хотя японские ученые относят их к более раннему периоду. Согласно гипотезам советских археологов, «тончи», о которых рассказывается в айнских и гилякских легендах, – охотники периода неолита, пришедшие на Сахалин из Амурского и Приморского районов 3000–4000 лет тому назад. Судьба тоньчи не ясна. Возможно, они были поглощены айнами, гилякскими и орокскими переселенцами или ушли на север и восток – на Камчатку, Чукотку и Алеутские острова, где и обосновались, став предками алеутов (там же, с. 64).

Этнологическая русскоязычная историография 1900–1960-х годов, затрагивающая вопросы, связанные с уйльта, представлена наибольшим числом исследований. Это известные труды Р.В. Меркушева, В.Н. Васильева, Е.А. Крейновича, Л. Алпатова, Б.А. Васильева, С.В. Иванова, М.Г. Левина, А.В. Смоляк, В.А. Туголукова, Ю.А. Сема. Изучению языков и устному народному творчеству посвящены работы Т.И. Петровой, К.А. Новиковой, Л.И. Сем, В.Н. Савельевой, в последние годы – Л.В. Озолина (Озолина, 2000, с. 264–269). В 1950–1960-х годах большое внимание материалам по

изобразительному искусству народов Сибири, включая тунгусо-маньчжурские народы, уделяет в своих работах С.В. Иванов (Иванов, 1954, с. 387–390; 1963, с. 317–440). Он рассматривает орнамент народов Сибири как исторический источник: выявляя пути происхождения и раскрывая группы родственных мотивов орнаментов, исследователь вышел на данные, прямо или косвенно, указывающие на происхождение народа. Изучая ороков, С.В. Иванов отмечает ограниченность для изучения имеющегося орнаментального материала. В 1970–1980-е годы А.В. Смоляк продолжает исследования, посвященные этническим процессам у народов Нижнего Амура и Сахалина и взаимным культурным влияниям народов Сахалина. К этому же времени относятся исследования духовной и материальной культуры В.В. Вязовской, Т.В. Пенской, В.Д. Косарева (Вязовская, 1975, с. 38–73; 1976; Косарев, 1986, с. 65–81; Пенская, 1984, с. 42–59; 1986, с. 147–170). С 1990 г. начинают вести полевые исследования среди уйльта А.И. Кузнецов и автор данной работы (Кузнецов, Миссонова, 1991; Кузнецов, 1992, с. 142–147; 1999, с. 37–59; Миссонова, 1994, 1995, 1996, 2002, 2003). В последние десятилетия научные сотрудники Сахалинского краеведческого музея активно изучают их традиционное хозяйство и материальную культуру: М.М. Прокофьев, Т.П. Роон, К.Я. Черпакова (Прокофьев, 1987, с. 3–11; Прокофьев, Павлюченко, 1995; Черпакова, 1986, с. 56–64; об изучении материальной культуры Роон Т.П. см. ниже). Типологии жилища уйльта наряду со всеми народами Сибири посвящен раздел монографии З.П. Соколовой, выпущенной в 1998 г. (Соколова, 1998, с. 106–107, рис. 68).

В Южно-Сахалинске опубликовано историко-этнографическое исследование Т.П. Роон традиционного хозяйства и материальной культуры уйльта XVIII – середины XX в. В своей монографии автор рассматривает хозяйственные занятия уйльта, традиционную систему оленеводства, транспортные средства, традиционные жилые и хозяйственные постройки, традиционную одежду и обувь. Т.П. Роон не ставила целью использовать данные архивов Сахалина. Работа написана в основном на материалах Сахалинского краеведческого музея и полевых изысканий (был продолжен сбор у коренного населения коллекции предметов материальной культуры середины XX в.).

Среди зарубежных публикаций необходимо отметить серьезные языковедческие исследования японских ученых Дзиро Икэгами и Магата Хисахару (1980–1990 гг.), работы по материальной культуре южной группы уйльта японских историков, изучение научного наследия Б. Пилсудского польским ученым А. Маевичем, вышеназванная работа по оленеводческому хозяйству уйльта корейского ученого Х. Квона (A Dictionary, 1981; Bronislaw Pilsudski's, 1985; Ikegami, 1980, 1994; Ishida, 1988, 1994; Majewicz, 1989; Kwon, 1993). Кроме того, два последних десятилетия очень плодотворно занимается изучением проблем уйльта и трудами Б. Пилсудского японский ученый Коити Иноуэ, неоднократно проводивший полевую работу среди оленеводов пос. Вал (Inoue, 1993, 1998, 2001).

Во второй половине XX в. о современном состоянии уйльта российские исследователи писали мало. В 1960-е годы этой темой (рассматривая ороков в числе других народов Нижнего Амура и Сахалина) занималась А.В. Смоляк (1965, 1967), и до 1990-х годов более никто данную проблематику не поднимал.

В 1990–1991 гг. сотрудники Института этнологии и антропологии РАН (А.И. Кузнецов и автор данной работы) вновь начинают изучать современное состояние и северной, и южной групп уйльта и проводят на Сахалине два экспедиционных сезона (Миссонова, 1994, 1995, 1996). В 1999 г. культура и социально-экономическое положение северной группы уйльта (пос. Вал) исследовались по программе проекта «Коренные малочисленные народы Севера и Сибири» (Александринский институт, Университет Хельсинки). Говоря о реализации данной программы, необходимо отметить, что за короткий срок пребывания среди уйльта исследователям (Д.А. Функу и Ф.П. Зенько) удалось собрать краткий, но тематически обширный материал, характеризующий этнодемографическую и экономическую ситуацию, социальную организацию, традиционные хозяйственные занятия, пищу, одежду, верования и язык уйльта в пос. Вал по состоянию на конец 1990-х годов (Функ, Зенько, Силланпяя, 2000). Данное исследование особенно интересно тем, что оно отразило один из моментов скоротечности начала постсоветской эпохи и невероятную изменчивость современного периода развития. Уже в самом начале 2000-х годов происходили большие социально-экономические перемены в данной этнической среде (прежде всего это касается форм бытования оленеводства).

Необходимо особо отметить, что в конце 1990-х – начале 2000-х годов начинается новая тема изучения малочисленных народов Сахалина – много внимания вопросам промышленного освоения и правовым проблемам коренных народов острова в области экономики уделяет в своих работах Т.П. Роон (Роон, 1998, 1999, 2002).

Рассмотрим основные темы этнологического внимания к уйльта.

Сахалин становится российским во второй половине XIX в., но уже в октябре 1806 г. русские флаги (военный и коммерческий) были подняты Н.А. Хвостовым в айномском селении Томари-Анива, на месте современного порта Корсаков. Присоединение Сахалина осуществлялось морскими офицерами Амурской экспедиции Г.И. Невельского, снарядившего в 1852 г. четыре экспедиции на остров. Необходимо обратить внимание, что во время этих экспедиций была проведена *первая перепись населения Сахалина*, собраны ценные статистические и этнографические сведения об айнах, нивхах и уйльта. Эти материалы служат источником для изучения коренного населения Сахалина и по сей день.

Вопрос о происхождении ороков впервые ставится Л.И. Шренком. Во время пребывания на Сахалине в 1855–1856 гг. он встречает ороков на восточном берегу Сахалина, в частности в устье р. Тымь, где они проводят лето и осень, занимаясь рыбной ловлей и тюленьим промыслом. Шренк считает ороков оленными кочевниками (оленья они используют как вьючное животное, так и для верховой езды) и относит их к ветви тунгусского племени, тесно связывая ороков с «ольчами», т.е. ульчами: «Ороки, пройдя чрез область чуждых им гиляков, встречаются на Амуре наиболее родственных им ольчей. Эти перекочевки быть может и теперь указывают нам путь, по которому в прежнее время ороки впервые переселялись на Сахалин», – пишет он (Шренк, 1883, с. 21).

В 1960 г., как известно, вышел основополагающий труд Б.О. Долгих о родовом и племенном составе народов Сибири в XVII в., в котором орокам

посвящены лишь пара небольших абзацев (Долгих, 1960, с. 609–610). Б.О. Долгих характеризует ороков как «небольшое маньчжуро-язычное оленеводческое племя», которое «помимо айнов и гиляков, жило в XIX в.» на Сахалине, приводит также мнение Л.Я. Штернберга о том, что «ороки действительно переселились с Амура сравнительно недавно (в XVII в.)». На основе данных С.К. Патканова о численности ороков – 749 чел. и учтенной численности в 1926–1928 гг. – 460 чел., Б.О. Долгих определяет «численность ороков в XVII в. арифметической средней между двумя названными выше цифрами, т.е. всего 600 чел. населения». Предками орочей, удэ и ороков ученый называет маньчжуров, которых в XVII – начале XVIII в. насчитывалось 4000 человек (там же, табл. на с. 616–617).

Б.О. Долгих, суммируя итоги исследований, касающихся ороков, говорит, что они жили на Сахалине «в бассейне р. Поронай к северу от айнов», «кочевали и жили не только здесь, но и на северной половине Сахалина, где находилась на восточном берегу дер. Кэкр-во, главное место жительства ороков» (там же, с. 609–610). Б.О. Долгих отмечает, что, по мнению Г.И. Невельского, ороки переселились на Сахалин в конце XVI или в первой половине XVII в., по китайским источникам, возможно, ороки были на Сахалине уже около 1709 г.: «Маньчжуры, возвратясь с Сахалина, доносили между прочим, что лошадей там нет, но что в замен их, жители разных местностей держат род домашних оленей, употребляя их для санной езды». По предположению Шренка это может относиться только к орокам, как народу оленному (Шренк, 1883, с. 134, 135). В своем энциклопедическом труде по этнографии народов Приамурского края, Л.И. Шренк дал первую классификацию тунгусоязычных народов региона, основанную на лингвистических данных того времени. Выделив нивхов (гиляков) по языку в отдельную группу палеоазиатов, он разделил все остальные группы на две ветви «тунгусского племени» – «южную: 1) дауры и солоны; 2) маньчжуры, гольды (нанайцы), орочи; и северную: 1) орочены, манегры, бирары и кили р. Кур; 2) ольчи амурские и сахалинские (ороки), негидальцы, самагиры» (там же, с. 296). О.Б. Шмидт и П.П. Глен также отмечали родство ороков с мангунами, т.е. с ульчами, на Амуре (Труды, 1868).

До Шренка вопрос о происхождении сахалинских ороков затрагивал Г.И. Невельской. Не занимаясь этим специально, он, основываясь на сведениях, полученных от русских офицеров, полагал, что, «ороксы, или орочны» – наши охотские (или удские) тунгусы, перекочевавшие на остров в XVI–XVII вв. (Невельской, 1969, с. 214–215, 266–267). Шренк назвал эти данные «тенденциозными» и полностью отверг их научную значимость. Однако впоследствии в определенной мере они подтвердились исследованиями этнографов, которые выяснили, что ороки признают свое родство с оленеводами Охотского побережья (Васильев, 1914, 1929). Взгляды Шренка на происхождение ороков оспаривает А.В. Смоляк. По мнению Л.И. Шренка, все тунгусские народы – очень поздние пришельцы на Амур, еще сохраняющие некоторые традиции кочевой культуры. Однако, как считает А.В. Смоляк, он не был последователен в своих взглядах. Так, говоря об образе жизни нанайцев и ульчей, Шренк называл их то оседлыми, то кочевыми, то недавними кочевниками. Все эти народности, утверждал он, позаимствовали от нивхов элементы местной амурской культуры (в одежде, средствах передвижения, промыслах и т.д.). При этом Шренк не аргументи-

ровал свои воззрения, полагая все это само собой разумеющимся. Поддерживая выводы исследований А.В. Смоляк о происхождении родов ороков, М.Г. Левин также отвергает позицию Шренка: «Утвердившееся со времени Шренка представление о тесном родстве ороков с ульчами в настоящее время (1958 г. – Л.М.) должно быть оставлено... лишь один (род – Л.М.) по происхождению связан с ульчами». («Л. Шренк рассматривал ороков как часть ульчей (мангунов), переселившихся на Сахалин») (Левин, 1958, с. 133). А.В. Смоляк, подчеркивая большую близость нанайского, ульчского и орокского языков, обращает внимание на то, что исследованиями советских лингвистов гипотеза Шренка о позднем приходе на Нижний Амур тунгусоязычных групп не подтверждается: нанайцы, ульчи и ороки сохраняют реликтовые особенности алтайских языков, что выделяет их из числа всех нижнеамурских тунгусских этнических общностей (Смоляк, 1984, с. 5–7, 11 слл.; Шренк, 1883, с. 74, 81, 95; 1899, с. 117, 129, 216). По мнению лингвистов, возможна локализация указанных этнических групп на Нижнем Амуре и Сахалине в период неолита или по крайней мере около рубежа нашей эры (Цинциус, 1949, 1978).

Л.Я. Штернберг высказывает иную точку зрения на происхождение ороков. Сопоставляя сахалинских ороков с орочами Татарского побережья, он считает, что четыре народности Амурского края – ороки, орочи, мангуны и гольды – называют себя одинаково – «нани», и, следовательно, несомненно, составляют одно племя (Штернберг, 1933, с. 6–10, 396–398). Как показывают более поздние исследования лингвистов, антропологов и археологов, у ороков отсутствовало это самоназвание, они называли себя ульта, ульча (Петрова, 1967, с. 6–9). Нет слова «нани» и в словаре орокского языка, содержащего 3 тыс. слов, который составил Б. Пилсудский (Bronislav Pilsudski's, 1985). Однако необходимо заметить, что в словаре орокского языка Л.В. Озолина и И.Я. Федяевой (2003, с. 103) одним из самоназваний ороков считается «нән'н'ен'й», что буквально переводится как «Земля человек – ее». Гипотезу о племенном единстве всех народов тунгусо-маньчжурской языковой группы этого региона, в том числе и ороков, на основании их общего самоназвания «нани», анализирует А.В. Смоляк. Самоназвание орочей Тумнина было не «нани», а «орочи», «орочи-сал» (производимое ими самими не от *орон* – «олень», как думали многие исследователи, а от *ороко* – «медвежонок»). Хотя тумнинским орочам самоназвание «нани» было известно от их соплеменников, живших на р. Хунгари и имевших давние контакты с нанайцами Амура, они называли себя «орочи, орочи-сал». Не называют себя термином «нани» и удэгейцы. Таким образом, по утверждению А.В. Смоляк, теория о племенном единстве тунгусоязычных народов Нижнего Амура и Сахалина, основанная на единстве их самоназвания, оказалась недостаточно обоснованной (Смоляк, 1975, с. 43–44).

Большую роль в изучении проблем этногенеза народов Дальнего Востока, в частности тунгусо-маньчжурских народов Амура и Сахалина, сыграли антропологические исследования М.Г. Левина, итогом которых были публикации в 1957 и 1958 гг. Основываясь на накопленных антропологической наукой материалах и в первую очередь работах, проведенных советскими учеными в 1940–1950-е годы, он критически пересмотрел предложенные ранее классификации антропологических типов Северной Азии. М.Г. Левин выделяет

в составе аборигенного населения Сибири и Дальнего Востока следующие расы: североазиатскую, арктическую, уральскую, южносибирскую. А в коренном населении Нижнего Амура и Сахалина им выделяются, если не считать айнского, два антропологических типа: байкальский и амуро-сахалинский. Характерные представители байкальского типа – негидальцы и ороки; черты его отчетливо прослеживаются также среди ульчей, нанайцев и орочей. Амуро-сахалинский тип присущ нивхам; в качестве заметного компонента он проступает у ульчей и отчасти у орочей. Амуро-сахалинский тип отличается от других антропологических типов Северной Азии своеобразными чертами. Он занимает особое место в расовой систематике Северной Азии и сложился, по-видимому, как считает М.Г. Левин, в основном в результате древнего контакта североазиатских и тихоокеанских монголоидных типов.

Сказанное выше хорошо согласуется с данными археологии, свидетельствующими о том, что древние культуры Нижнего Амура и Приморья, по крайней мере со II тысячелетия до н.э., обнаруживают тесные связи с культурами лежащих к югу областей (Маньчжурии, Кореи, Северного Китая). При современном состоянии знаний вопрос о древнем населении Сахалина не может быть решен полностью. Но, как полагал М.Г. Левин, древнейшие племена этого острова входили в круг более или менее этнически связанных между собой групп неолитического населения прилегавших территорий материка, т.е. были родственны предкам нивхов. Древняя культура Сахалина обнаруживает явные связи с культурами Нижнего Амура и Приамурья. М.Г. Левин считает вероятным, что в айнских легендах о древнем народе – тончах – представлены предки нивхов или родственные им племена, которые айны застали при переселении на Сахалин.

Что касается байкальского антропологического типа, то его современное «этническое распределение» в населении Нижнего Амура и Сахалина свидетельствует о более позднем, по сравнению с амуро-сахалинским типом, распространении на этой территории. Сопоставление лингвистических и этнографических данных с антропологическими, как замечает М.Г. Левин, обнаруживает значительные параллели между наличием северных тунгусских элементов в языке и культуре отдельных групп и степенью выраженности у них черт байкальского типа. У негидальцев, язык которых относится к северной подгруппе тунгусо-маньчжурских языков, и у ороков, по своему происхождению связанных с эвенками Охотского побережья, байкальский компонент выражен в наибольшей степени. Наличие черт байкальского типа у орочей, ульчей и нанайцев также может быть связано с участием в их формировании северного тунгусского этнического компонента (Левин, 1957, с. 6–8).

Большую роль, как известно, в исследовании этногенеза, играет изучение языка.

Необходимо отметить, что российские ученые работали над составлением словарей сахалинских народов (и иных, обитавших в бассейне р. Тумнин, впадающей в Татарский пролив) уже с середины XIX в.: русско-ороченского – А. Протодяконов и С. Леонтович, русско-айнского – Д.И. Орлов, русско-нанайского – А. Протодяконов (Щебенков, 1965, с. 18–19).

Впервые классификация тунгусо-маньчжурских языков была предложена Л.И. Шренком. В соответствии с ней орокский язык входил в южную

(маньчжурскую) подгруппу наряду с нанайским, удэгейским, ороцким языками (Шренк, 1883, с. 296). С некоторыми поправками классификация Шренка просуществовала до середины XX в. Признавая большие заслуги исследователей XIX в. в попытках решения вопросов этногенеза народов Нижнего Амура, нельзя забывать, как отмечает А.В. Смоляк, что их труды относятся к первоначальному этапу исследования названных выше народов, когда отсутствовали многие археологические, лингвистические, антропологические источники, необходимые для решения этих проблем. (Так, к примеру, из-за отсутствия необходимых этнографических данных Л.И. Шренк обошел молчанием вопрос о роде, родовом составе нивхов и многое другое.) В 1930-е годы ими активно занимались представители различных наук. Лингвистическая классификация Л.И. Шренка была раскритикована Л.Я. Штернбергом (Штернберг, 1933, с. 3–4), который создал новую методику изучения происхождения народа путем выявления истории формирования и генезиса каждого рода, входящего в состав изучаемого народа. Его методика используется и в настоящее время (Смоляк, 1975).

Первое серьезное исследование орокского языка принадлежит Т.И. Петровой, начавшей свои изыскания в 1940-е годы. Много лет изучая этот язык, она приходит к выводу, что он относится к тунгусо-маньчжурской группе. Согласно ее полевым наблюдениям, ороки говорят на самостоятельном языке, входящем в амурскую подгруппу тунгусской ветви языков (Петрова, 1967, с. 20). В 1962–1963 гг. этнографо-лингвистическая экспедиция Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР обследовала южную и северную группу ороков. В силу исторически сложившихся обстоятельств на протяжении 40 лет (1905–1945 гг.) ороки жили изолированными группами: одна – на севере, другая – на юге Сахалина. Окружение ороков родственными (эвенками) и в большей степени неродственными в языковом отношении народами (айны, нивхи, русские, японцы) не могло не отразиться на их языке. Одна из участниц экспедиции Л.И. Сем отмечает, что в фонетике, морфологии и лексике орокского языка наблюдается переплетение особенностей, свойственных южной (нанайцы, ульчи, орочи, удэгейцы) и северной (эвенки и негидальцы) группам тунгусо-маньчжурских языков. Кроме того, в орокском языке, по ее мнению, можно выделить два говора: северный, или восточносахалинский, и южный, или поронайский (Сем, 1969, с. 88). Для этого языка характерны, с одной стороны – самобытные формы, присущие только ему, с другой – формы, сближающие его с языками народов амурского бассейна. Л.И. Сем относит орокский язык к группе, в которую входит правобережный амурский говор нанайского языка. Исследовательница приходит к выводу, что в языке ороков прослеживается ряд языковых пластов, древнейший из которых амурский. Названия частей тела, одежды, пищи, предметов домашнего обихода, жилищ, животных, рыб и пр. – общеамурские, часть из них ороки определяют как *горонти кэсэ* («старое слово»). Будучи в прошлом рыбаками на Амуре, северные ороки (на языке уйльта *дороннени*) в большей, а южные (*сюннени*) в меньшей степени, переняли от эвенков опыт ведения оленеводческого хозяйства, а вместе с ним и соответствующую разнообразную лексику (названия упряжи, предметов кочевого обихода, продуктов оленеводства: молока, масла, сметаны, простокваши и др.). Занятие морским зверобойным промыслом

также нашло отражение в их словарном запасе. Незначительный пласт в языке ороков составляют заимствования из айнского и японского языков (некоторые названия предметов домашнего обихода, утвари и т.п.). На протяжении более чем столетия ороки имели тесные связи с русскими, поэтому в их словарном составе имеется русская дореволюционная лексика. В советское время словарный состав орокского языка пополнился за счет терминологии, связанной с колхозным производством, техникой, наукой, политикой, культурой и бытом. В целом анализ фонетических, морфологических и лексических особенностей этого языка показывает, что наряду с самобытными чертами он имеет много общего, с одной стороны, с ульчским, нанайским и удэгейским, с другой – с эвенкийским и негидальским языками (там же, с. 89–94).

Много лет исследовала тунгусские языки В.И. Цинциус, которая пришла к следующим выводам: 1) орокский и удэгейский языки ближе к эвенкийскому, чем нанайский, ульчский и орокский; 2) три последних языка (нанайский, ульчский и орокский) – относительно древние на Нижнем Амуре (их «возраст» – около 2 тыс. лет) (Цинциус, 1949, 1978). Занималась классификацией тунгусо-маньчжурских языков и Г.М. Василевич. Данные ее исследований также подтверждают, что тунгусоязычные народы Нижнего Амура и Сахалина сложились в этих местах намного ранее XVII в. (Василевич, 1960).

Интересно заметить, что в 1960–1970-е годы японский ученый С. Мураяма, проведя сопоставительный анализ элементов древнеяпонского языка и эвенкийского, эвенского, негидальского, орокского, орокского, нанайского, ульчского, удэгейского языков, приходит к выводу о влиянии тунгусо-маньчжурских языков на древнеяпонский (Спеваковский, 1975, с. 175–177; Murayama, 1962, 1971).

На основе анализа материалов, собранных на Сахалине в 1962–1963 гг., Дальневосточной этнографо-лингвистической экспедицией ДФ СО АН СССР, Ю.А. Сем отмечает, «что в преданиях отразились два основных компонента, которые участвовали в формировании ороков: северный – тунгусы-оленоводы и южный – тунгусы-рыболовы и охотники на морского зверя» (Сем, 1969, с. 82). В то же время, как констатирует Ю.А. Сем, легенд, записанных участниками Амурской экспедиции 1850–1854 гг., содержащих сведения о том, что ороки пришли с материка из района Удска, в 1960-е годы обнаружить не удалось. Правда, сохранились предания, на основании которых, по мнению исследователя, можно заключить, что предки ороков когда-то жили на Амгуни и в верховьях р. Удиль. Там они имели оленей, с которыми передвигались на Амур. По своему этническому происхождению это тунгусоязычные племена. Кроме того, в этногенезе ороков принимали участие нивхи, которые были ассимилированы тунгусами сначала на побережье Татарского пролива, а затем на Сахалине. В незначительной степени участвовали в этногенезе ороков айны. Их влияние было более поздним и отразилось главным образом на воззрениях ороков. Анализируя орудия производства ороков, Ю.А. Сем по происхождению делит их на две группы: эвенкийскую (оленоводство), нивхско-орочско-нанайскую (рыболовство, морской зверобойный промысел, собирательство, охотничий промысел). Материальная культура ороков, по его мнению, имеет два этнических пла-

ста: тунгусский (оленоводческий) и нивхско-тунгусский (рыболовство и охота). Об этом же свидетельствуют и полевые материалы Ю.А. Сема, касающиеся духовной культуры.

Наиболее консервативными могут считаться обряды захоронения и обычаи, отражающие религиозные представления. У ороков известно два типа захоронений – на ветвях деревьев и в погребальном домике на сваях. На подготовленное к захоронению тело покойного набрасывали шкуру только что убитого оленя. Этот обычай, безусловно, свидетельствует о широком распространении в прошлом у ороков олениводства. Умершего располагали лицом вверх, ногами – на запад или юго-запад. По поверью ороков, это делалось для того, чтобы он мог найти страну предков, которая находилась на материке. Отмеченная ориентировка тела покойного в пространстве указывает на то, что страна предков – ограниченная на севере Амуром часть материка – лежит в прибрежном районе. Побережье Татарского пролива ороки называют Буниде, как и загробный мир, расположенный, по поверью, на месте их родины. Согласно полевым данным Ю.А. Сема, шаманы при камланиях перелетают через море, по побережью материка выходят на Амур, а от него на р. Амгунь, в верховьях которой, по преданию, живут их предки, имеющие много оленей. В устном народном творчестве ороков Ю.А. Сем находит ряд сюжетов и произведений, известных амурским народностям (ульчам, орочам, нанайцам) и предполагает, что они бытовали у их общих предков (там же, с. 84).

Ю.А. Сем не согласен ни с теорией Л.И. Шренка, отождествлявшего ороков с амурскими ульчами, ни с поддержанной А.В. Смоляк гипотезой участников Амурской экспедиции 1851–1854 гг., согласно которой ороки произошли от эвенков, переселившихся в XVII в. с Охотского побережья. На основе своих изысканий Ю.А. Сем приходит к заключению, что предки ороков относились к байкальскому антропологическому типу. На протяжении многих тысячелетий племена олениводцев в поисках пастбищ для выпаса оленей продвигались на восток и на юг из районов Станового хребта. Часть из них спустилась по долине Амгуни на Амур, вступив во взаимодействие с местным палеоазиатским населением, родственным предкам нивхов. Эта вышедшая на Амур группа составляла более или менее единое целое. Позднее из этой группы *нани* выделились племена ульчей, орочей, нанайцев (там же, с. 86). По мнению Ю.А. Сема, процесс переселения этих племен на Сахалин, вероятнее всего, наиболее интенсивно проходил в XVII – начале XVIII в. Бесспорным он считает тот факт, что на этногенез ороков оказали влияние тунгусский (олениводческий), амуро-нивхский (рыболовецкий) и в меньшей степени айнский компоненты.

Археологические раскопки на Амуре, Горине и Амгуне, которые велись Амурской археологической экспедицией под руководством чл.-кор. АН СССР А.П. Окладникова, показали, что история племен на Горине насчитывает не менее 5 тыс. лет. На Амуре началось взаимопроникновение культур оседлых рыболовов и олениводцев, в результате чего, как пишет Ю.А. Сем, выработался своеобразный комплекс, который еще не так давно встречался у негидальцев, части племен нанайцев, ульчей, орочей и ороков. Достигнув морского побережья, тунгусоязычные племена, как считает Ю.А. Сем, ассимилировали оседлое население рыбаков и охотников и сами приобрели

новые черты, отразившиеся в антропологическом типе, культуре, воззрениях (там же).

Разные исследователи насчитывают от 8 до 12 родов ороков. Эти расхождения объясняются динамикой родовых взаимоотношений, процессом сращения и распада некоторых родов данной этнической общности. (Более полная информация о родовом составе уйльта представлена в соответствующем разделе данной работы.)

А.В. Смоляк, изучая родовой состав народов Нижнего Амура и Сахалина в XIX – начале XX в., пришла к выводу, что некоторые родовые названия северных и южных ороков совпадают, однако на юге имелись роды, отсутствовавшие у северных соплеменников, и наоборот. Часть родовых названий (генонимов) связана с топонимами. А.В. Смоляк отмечает, что в с. Найпути длительное время кроме ороков (род Найпути-нени) жили нивхи с Амура и ульчи. Однако ороки не употребляли по отношению к себе старые ульчские родовые названия. Род Амультикану имеет амурское происхождение. Созвучны названия орокских родов с ульчскими – Баяуса и Амультикану, с удэгэйским – Намисса, с орокскими – Амулинка, Надамисса. Всего три орокских рода связаны, по мнению А.В. Смоляк, с жителями Амура: Баяуса и Намисса – жившие на севере Сахалина, Амультикану – на юге. Остальные орокские генонимы не сходны ни с нивхскими, ни с негидальскими, ни с эвенкийскими, ни с какими-то ни было иными. А.В. Смоляк обращает внимание на то, что территориальных орокских этнонимов мало. Формирование народа протекало в течение длительного периода. Исследовательница опровергает высказывание Л.И. Шренка о том, что ороки – это группа ульчей, переселившихся на Сахалин, поскольку и у ороков, и у ульчей был только один общий род, а образ жизни оленеводов-ороков в корне отличался от образа жизни оседлых ульчей. Примечательно, что за исключением названных выше этнонимов остальные генонимы ороков самобытны; они могли принадлежать древнему населению, вошедшему в состав оленеводов – пришельцев с материка. А.В. Смоляк предполагает, что Баяусал у ульчей – это группа ороков, переселившихся на материк, а в состав как южных, так и северных ороков вошли тунгусоязычные группы, пришедшие с материка (Смоляк, 1975, с. 144–146).

Чтобы разобраться в этногенезе и истории народов Нижнего Амура и Сахалина, считает А.В. Смоляк, необходимо учитывать специфику межродовых контактов и взаимоотношений родов, входящих в состав народов данного региона. Исследуя особенности института рода, она приходит к выводу о том, что род у народов Сахалина, как и у народов Нижнего Амура, – это условное понятие, не адекватное принятому понятию «род», важнейшими признаками которого считались, к примеру, единство территории и происхождения. Формирование родов у народов Нижнего Амура и Сахалина, по мнению А.В. Смоляк, это сложный процесс, при котором все народы данного региона, несмотря на особенности этногенеза и истории каждого из них, имели тесные связи, сказавшиеся на их культуре. Роды у всех народов Нижнего Амура и Сахалина были дислокальны; не найдено примеров, когда один род занимал бы целое селение, даже если оно было малочисленным (Смоляк, 1975, с. 43–77; 1982, с. 223–234). Из-за частых переселений в поисках промысловых рыболовных и охотничьих угодий появлялись новые

места поселений (подробнее см.: Шренк, 1883; Штернберг, 1933). Малочисленность населения и обширные водные и таежные пространства позволяли свободно использовать территории и промысловые угодья. Для ороков, как и для орочей и удэгейцев, живших в стороне от амурских народов и тем не менее активно общавшихся с ними, характерны, по мнению А.В. Смоляк, раздробленность родов, контакты внутри своих этнических ареалов и с соседями. Эти малочисленные народы, расселенные на огромных пространствах, разделялись на обособленные территориальные группы со своими диалектами (Смоляк, 1975, с. 131–145). Культура сахалинских и нижеамурских народов имела много общего, но у удэгейцев и ороков, как считает А.В. Смоляк, она имела яркие своеобразные черты (Смоляк, 1990, с. 16).

При изучении родовой организации стало явным, что ее следы у уйльта сохранялись почти до конца XX в. Правда, помнили в конце прошлого столетия о своей родовой принадлежности в основном пожилые люди. Чего нельзя сказать о начале нашего столетия: произошел «всплеск» в сознании молодых представителей народа и среднего поколения. Вдруг оказалось, что они прекрасно знают, к какому роду относится их семья. Еще в середине XX столетия сохранялась родовая экзогамия. Всего у уйльта различными исследователями в разное время было отмечено восемь родов: Баяуса, Гетта, Намисса, Торисса, Муйотта, Синаходо, Сюкту и Тэгэсэ (представителей последнего Б.А. Васильев застал еще в 1928 г., хотя сейчас нет ни одного человека из этого рода). Представителей всех этих родов можно было встретить на севере острова, в нынешнем Ногликском районе. Некоторые роды делились на два подразделения: Дай – большой и Нучи – маленький. Это следующие роды: Дай и Нучи Баяуса, Дай и Нучи Намисса (в 1990 г. ни одного представителя Дай Намисса мне не удалось обнаружить), Дай и Нучи Торисса, Дай и Нучи Сюкту. Не подразделялись на Дай и Нучи род Гетта, который, по мнению информаторов, пришел на восточное побережье с западного, а также Муйотта, Синаходо. Роды Намисса и Дай Баяуса кочевали по р. Пильтун и севернее, Нучи Баяуса – по р. Гаромай, Синаходо – по р. Вал, Торисса и Гетта – в районе залива Набиль. В южной части Сахалина, начиная с р. Тымь, по Пороною, в заливе Терпения и по всей южной оконечности острова кочевали роды Торисса, Сюкту, Муйотта. Кроме того, среди потерявших оленей и перешедших к оседлой рыболовецкой жизни уйльта Южного Сахалина, как считает А.И. Кузнецов, возникли своего рода «землячества», «псевдороды», воспроизводящие структуру бытовавших в прошлом союзов нескольких родов, живших на севере, таких, например, как Валетта, Дахинени. Такие «псевдороды» объединяли выходцев с рек Вал (Валетта) и Даги (Дахинени), забывших о своей родовой принадлежности. Другой «псевдород» – Найпутунени – объединял жителей селения Устье, которое на языке уйльта называлось Найпуту. По сведениям, полученным от информаторов в 1990–1991 гг., род уйльта состоял всего из трех-пяти семей и насчитывал от 18 до 40 чел. Эти сведения, казалось бы, не согласуются с результатами переписи 1897 г., где на восемь родов приходится 719 чел., т.е. род в среднем должен был насчитывать 90 чел. Но если учесть большую численность оседлых уйльта, причисляющих себя к Валетта, Дахинени и Найпутунени, а также то, что к роду Тэгэсэ уже в первом десятилетии XX в. принадлежала, по всей видимости, лишь одна семья, то приведенные

информаторами цифры отвечают действительности (Кузнецов, 1999, с. 54–55).

В различных публикациях долгое время бытовала точка зрения о кочевом образе жизни ороков. А.В. Смоляк обратила внимание на различия, существующие в быту северных и южных ороков. Опираясь на данные предшествующих исследователей – Л.Я. Штернберга, Л.И. Шренка, Б.О. Пилсудского, В.Н. Васильева, Б.А. Васильева и др. – она пришла к выводу, что наличие у южных ороков в начале 1860-х годов постоянных девяти селений, существовавших и позднее на протяжении ряда десятилетий, а также близкий образ жизни южных ороков и амурских мангунов свидетельствуют о том, что эта группа ороков во второй половине XIX в. вела оседлый образ жизни. В начале того же столетия на крайнем юге Сахалина (в Сирануси) шла интенсивная торговля, в которой, как замечает А.В. Смоляк, активно участвовали торговцы с материка – амурские нивхи и ульчи. Их путь пролегал через селения в заливе Терпения, где жили айны и где обосновывались для занятий промыслами ороки и нивхи с Северного Сахалина и ульчи с материка. Ороки, по мнению А.В. Смоляк, начали переселяться в эти места не в середине XIX в., когда этот процесс наблюдали русские исследователи, а значительно раньше (Смоляк, 1975, с. 48–50; Труды, 1868, с. XI–XVII; Брылкин, 1864). Для ороков, обосновавшихся в селениях, владение оленями постепенно становилось обузой, ибо животные требовали постоянных передвижений, тогда как занятия, связанные с оседлостью, как считает А.В. Смоляк, обеспечивали достаточный уровень жизни. Но при отсутствии оленей орокам следовало менять и сложившиеся издавна навыки охоты в тайге. Проводя исследования в 1892–1893 гг., Л.Я. Штернберг писал в своих дневниках: «Орочены прежде боялись моря, шторм, качка и проч. жили на Поронае» (ПФА РАН. Ф. 282. Оп. I. Д. 4. Л. 644). Поронай – река. Речь идет о южной группе уйльта, переходящей от кочевого оленеводческого образа жизни на оседлость.

Как писал Н.П. Попов, южные ороки многие годы жили в своих селениях в традиционных шалашах, что говорит о не очень давнем их оседании и отсутствии навыков строительства оседлых жилищ. По его свидетельству, они занимались рыболовством, морским зверобойным промыслом, таежной охотой. Что касается северных ороков, то они в XIX – начале XX в. вели обычную жизнь оленеводов: зимой охотились в горах, передвигаясь вместе с семьями на оленях, а весной выходили к берегам Охотского моря и до осени добывали морского зверя и ловили рыбу. Таким образом, четыре месяца в году они вели оседлый образ жизни, останавливаясь каждый год в одних и тех же селениях. Северным пределом их кочевий были заливы Пильтун и Урдкт, где и встретил их в 1861 г. П.П. Глен, а в 1911 г. В.Н. Васильев. В южном направлении северные ороки кочевали до Луньского залива (см. карту Ногликского района). Они имели связи с материком, где общались с ульчами; в середине XIX в. ездили на ярмарку в Пули на Амуре, а в конце того же столетия – в Николаевск, где сбывали пушнину, а также крестили детей и венчались.

Говоря о местах расселения ороков, А.В. Смоляк отмечает, что в середине XIX в. южные ороки постоянно контактировали с айнами, нивхами (переселявшимися с Северного Сахалина и жившими также в районе залива

Терпения), приходившими на Сахалин эвенками, якутами, ульчами (мангу-нами). А северные ороки жили рядом с сахалинскими нивхами, а со второй половины XIX в. также с эвенками (Смоляк, 1975, с. 66–68).

Существует и другая точка зрения на этническую историю Сахалина. Ч.М. Таксами считает, что первыми переселились на Сахалин амгунские негидальцы, затем ульчи, а после них эвенки. Эти три этнические группы, по его убеждению, и явились тем «фундаментом», на основе которого сравнительно недавно, скорее всего, в XVIII–XIX вв. (даже «возможно, к приходу русских») сформировались ороки (Таксами, 1968, с. 34–35). Учитывая все изложенное, А.В. Смоляк считает, что высказанное Ч.М. Таксами мнение представляется малоубедительным: в середине XIX в., по Л.И. Шренку, ороки были «единственным тунгусским народом на Сахалине» (Шренк, 1883, с. 21). Приход на Сахалин эвенков в работе С. Патканова (1906, с. 41–45; 1912, с. 1000) датируется концом 1860-х годов. Согласно переписи 1897 г., негидальцев на острове не было. Это подтверждает и Л.Я. Штернберг, занимавшийся переписью коренного населения Сахалина в 1896 г. Поэтому А.В. Смоляк считает невозможным согласиться с тем, что негидальцы «открыли» Сахалин для тунгусоязычных групп и стали «основой» в формировании ороков. Кроме того, в родовом составе ороков нет ничего общего с родовым составом негидальцев и эвенков. Не мог за столь короткий срок сформироваться особый родовой состав ороков (с середины XIX в.) (Смоляк, 1975, с. 146).

Необходимо отметить точку зрения японских ученых относительно этнической истории Сахалина. Они полагают, что некогда ороки обитали в тундровой зоне р. Амгунь и пришли на Сахалин в XVII в. (Inoul, 1993, p. 108).

Как отмечает исследователь А. Маевич, сами ороки признавали кровные связи с эвенками. Некоторые орокские легенды содержат сведения о живущих на материке предках – оленеводах, а в эвенкийском фольклоре есть упоминание о родственном племени «орис», переселившемся на какой-то большой остров. Но, как считает А. Маевич, даже если это и так, значительные различия орокской и эвенкийской культур наводят на мысль, что и в прошлом эти народы не составляли единого целого (Маевич, 1994, с. 12). Б.О. Пилсудский в своих исследованиях упоминает, что племя ороков имеет много обычаев, сходных с гиляцкими (подробнее см.: Пилсудский, 1989).

Исследователи хозяйства и материальной культуры уйльта отмечают, что нивхов, ульчей и орочей отличает от ороков наличие оленеводства, хотя количество оленей у них было всегда небольшим и оленеводство играло в их жизни не первостепенную роль. Это подтверждается отсутствием воспоминаний и данных фольклора об оленеводческой стадии культуры (Смоляк, 1975, 1975а, 1980). «Сказания ороков упоминают предков, вышедших с Амгуни на Охотское побережье и далее на Сахалин» (Василевич, Левин, 1961, с. 26; 1951). Г.М. Василевич и М.Г. Левин приходят к выводу, что «оленный транспорт ороков сходен с оленным транспортом алдано-амурских групп эвенков. Сходна у ороков и эвенков также и терминология, относящаяся к верховому транспорту... группы тунгусоязычных предков ороков принесли с материка некоторые навыки устройства нарт и на Сахалине их самостоятельно развили» (Василевич, Левин, 1961, с. 26). Эту же мысль ранее высказывал Б.А. Васильев, командированный летом 1928 г.

Центральным музеем народоведения в качестве члена Тунгусской экспедиции на восточный берег Сахалина для полевой работы и сбора коллекции по быту ороков. Он сопоставляет культуру ороков с культурой других тунгусо-маньчжурских общностей и гиляцко-айнской. Исследователь отмечает, что их оленеводство – особого типа, так как, примыкая к тунгусскому верховому, отличается наличием упряжки оленя, причем нарта составляет давнее достояние ороков, а не недавнее заимствование (Васильев, 1929, с. 21). Тип рыболовства указывает на связь ороков с маньчжуро-тунгусами бассейна Амура и отличает от гиляков. Этот тип рыболовства обусловил и характерный для обитателей Амура полуоседлый образ жизни. Конический чум, присущий оленеводческой культуре, по конструкции и терминологии также идентичен тунгусскому. А двускатная форма летника, считает Б.А. Васильев, отражает влияние охотничьих племен Амурского и Уссурийского края. Покрытие амбара (в виде свода) говорит об определенной близости ороков не только с амурскими этническими общностями, но и с северо-байкальскими тунгусами. Охота на нерпу подобна гиляцкой, похожи на гиляцкие все религиозные представления о нерпе, косатке, ките, о божестве моря, обряд жертвоприношения морю и вообще весь жизненный цикл (включая хозяйственные навыки), связанный с морем. Костюм сопоставим как с тунгусским, так и маньчжуро-китайским, есть гиляцкие элементы. Весь комплекс шаманства ороков и представления о «хозяине медведя», отмечает Б.А. Васильев, безусловно, не гиляцкого или тунгусского, а амурского – гольдско-удэгейско-орочского типа. А тунгусский медвежий культ имеет гиляцко-айнский тип, т.е. связан с воспитанием медведя и с развитым медвежьим праздником. Погребение (воздушное) сближает ороков с тунгусами и отличает от гиляков. А вот свадьба и похороны имеют много черт племенной самобытности (там же, с. 22).

Систематизируя народы Дальнего Востока по группам в соответствии с тем, какое место в традиционном мировоззрении занимал медвежий праздник, А.Б. Островский полагает, что ороки вместе с ульчами, орочами и негидальцами испытали значительное влияние нивхов (в отличие от мифологических представлений нанайцев) (Островский, 1992, с. 55).

Народы Амура и Сахалина, пишет В.В. Подмаскин, нередко поражали путешественников не только превосходным знанием местности, но и умением предсказать смену погоды (надо заметить, что современные оленеводы уйльта успешно практикуют такие прогнозы, находясь в тайге или «на мари»). Он заметил, что, по поверью народов Амура и Сахалина, плохую штормовую погоду приносит дух-хозяин гор и рек, которого орочи и нанайцы называли *калгاما*, эвенки – *калу*, негидальцы – *калгам*, орочи – *кагзаму*, ульчи – *калзама*, ороки – *калзами*, нивхи – *калдем*. Основываясь на сходстве в терминологии, исследователь считает, что это отражает как этнические контакты народов, так и этногенетические процессы (Подмаскин, 1998, с. 78–79).

Проблемам этнокультурных связей коренных народов Нижнего Амура и Сахалина посвящено также много работ С.В. Березницкого. Данная тема изучается исследователем на основе комплексного анализа, сопоставления этнических компонентов промысловых обрядов, верований и ритуалов, культовой атрибутики. Автором делается попытка выявления в различных

ритуалах аборигенного пласта культуры, тунгусских и восточноазиатских компонентов (Березницкий, 2000, 2002, 2003, 2003а, 2003б). Т.Ю. Сем, изучая погребальную обрядность ороков, приходит к выводу (как и А.В. Смоляк) о наличии особенностей северной и южной групп ороков и отмечает сходство погребального обряда ороков и погребального обряда эвенков, орочей и ульчей. Кроме того, выделяется ряд элементов обрядности общих для ороков и большинства тунгусо-маньчжурских народов Амура. Это «терминология, связанная с жизненной силой человека, названием гробницы на 4-х сваях – холдосхо, поминальной пищей, представлениях, связанных с судьбой умерших, состав погребальной одежды, распахной халат сикэ, нагрудник(ж), передник (м)» (Сем, 1989, с. 112).

В советский период материальную культуру и традиционное хозяйство уйльта изучала А.В. Смоляк, которая проводила сравнительный анализ хозяйства народов Нижнего Амура и Сахалина (Смоляк, 1975, 1975а, 1984). В своих трудах она отмечает, что нанайцы, ульчи, нивхи, орочи, негидальцы, ороки, эвенки и удэгейцы входят в единую хозяйственно-культурную область, но имеют различное происхождение, языки, самосознание. Относя ороков к тунгусоязычным народам, А.В. Смоляк подчеркивает, что гипотеза Л.И. Шренка об очень позднем приходе на Амур тунгусоязычных народов и о заимствовании ими от нивхов всего амурского специфического уклада в рыболовстве, транспорте, одежде не подтвердилась ее исследованиями. Так, в области рыболовства у ороков, как и у других тунгусоязычных народов, наряду с собственной терминологией есть некоторые нивхские термины. Но и нивхи также заимствовали тунгусские термины, относящиеся к этой сфере. В морском промысле нивхи используют термины, сходные с орокскими и ульчскими. Исследовательница отмечает также употребление ороками ритуальных корытец для молений, схожих по форме не только с нивхскими, но и эскимосскими (Смоляк, 1984, с. 230–234).

Традиционное хозяйство уйльта в литературе характеризуется как оленеводческо-охотничье, имеющее много черт, сходных с хозяйством эвенков и эвенов. Однако длительное пребывание на Сахалине привело уйльта к необходимости приспособиться к окружающим условиям и обрести ряд оригинальных черт культуры и быта, существенно отличающих их от других оленеводческих народов. В жизни уйльта важную роль стали играть рыболовство и морской зверобойный промысел; быт их не был чисто кочевым, как отмечалось выше, и приобрел много элементов оседлости. К концу XIX в. южные ороки в основном уже лишились оленей и занимались рыболовством, морским зверобойным промыслом, таежной охотой. Оленеводство у всех ороков имело небольшие масштабы и, как считает А.И. Кузнецов (Кузнецов, 1999, с. 42–44; см. также: Бошняк, 1858, с. 189–190), носило ярко выраженный транспортный характер (подробнее см. в разделе об оленеводстве).

Переселившись с материка, уйльта прошли сложный путь адаптации к экологической обстановке Сахалина. Ярко выраженный комплексный характер ведения хозяйства и традиционного природопользования, несомненно, как считает В.Д. Косарев, предъявлял высокие и своеобразные требования к воспитанию подрастающего поколения, которое должно было осваивать разнообразные приемы хозяйствования – как производящего, так и

присваивающего типов. Соответственно это тоже подтверждает сказанную выше мысль о том, что быт уйльта не был чисто кочевым, имел много элементов оседлости, без чего невозможны высокоразвитое рыболовство и промысел морских млекопитающих (Косарев, 1986, с. 65, 66). В традиционном обществе уйльта прослеживается стройная система обычаев, правил, норм, ограничений и запретов, касающихся земле-лесо-водопользования, охоты, рыболовства, морского зверобойного промысла и собирательства, суть которой сводится к двум обязательным требованиям: максимально бережное отношение к экосфере и рациональное использование изъятых из нее продуктов (там же, с. 71).

Продолжая исследование темы традиционного хозяйства и материальной культуры уйльта, Т.П. Роон написала монографию (1996 г.), основанную на материалах XVIII – середины XX в. Стоит еще раз отметить, что на сегодняшний день это единственная книга, вышедшая на русском языке, которая посвящена целиком народу уйльта (все более ранние и более поздние крупные исследования, как уже говорилось, рассматривали различные вопросы этногенеза и жизнедеятельности уйльта лишь в числе других народов Севера). Названная публикация содержит материал, рассказывающий о традиционной культуре уйльта. Основываясь на результатах исследований японских археологов, Т.П. Роон заключает, что «уйльта не мигрировали на остров в XVIII в., как отмечалось в некоторых отечественных публикациях. Напротив, глубокие адаптивные корни культуры и ее архаичные элементы свидетельствуют об обратном – предки уйльта заселили остров в более отдаленные времена» (Роон, 1996, с. 168). Т.П. Роон отмечает, что в охоте на лесного и морского зверя, в приемах рыболовства, в типах жилища, в одежде и обуви «имеются самые древние и архаичные элементы, именуемые рядом исследователей как субстратные, которые были выработаны и адаптированы к местным условиям существования еще более древними жителями (возможно, предками уйльта). Эти структуры более всего находят аналогии в комплексах материальной культуры ульчей, орочей и частично нанайцев и удэгейцев, т.е. представителей амурской (южной) группы тунгусо-маньчжурских народов», что свидетельствует об общих этнических корнях (там же, с. 169). Такие выводы можно сделать, руководствуясь последними данными, полученными в результате исследования японскими антропологами краниологического материала археологической «охотской культуры» Хоккайдо и Сахалина (Ishida, 1988, p. 31; 1994, p. 257–269). Японские ученые обнаружили «охотского человека», выявив при этом, что черепа представителей «охотской культуры» отличаются от айнской и имеют типично монголоидные признаки, коррелирующие с северными монголоидами, а именно с нанайскими, ульчскими и орочскими сериями краниологического материала. Возможно, ископаемый человек «“охотской культуры”», распространенной на Сахалине и Хоккайдо», мог быть предком или сородичем современных уйльта. Близость антропологического типа, а именно байкальского, говорит об этногенетическом родстве указанных народов (Роон, 1996, с. 169).

Необходимо отметить, что подобные заключения возможны для этнологов благодаря огромной исследовательской работе и сахалинских археологов, проведенной начиная с 1990-х годов. Большой вклад в изучение и датировку «охотской культуры» внес А.А. Василевский, который определил

«рамки охотской культуры... максимально – III–XIII, минимально и более достоверно с рубежа V–VI по середину XIII в. н.э.» (Василевский, 1995, с. 96–97; 1995а, с. 155–162; 2000, с. 6–12; 2005, с. 67–76; 2005а, с. 292–307). Темой отношений жителей Сахалина с народами соседних территорий в VII–XIV вв. успешно занимается О.Ю. Дедахин (Дедахин, 2000, 2001).

Во все времена исследователи делали попытки найти ответ на вопрос о расселении и численности уйльта – и до сих пор единого мнения по этой проблеме нет. Поэтому стоит обратиться к конкретным упоминаниям о расселении уйльта и привести все доступные существующие данные об их численности, содержащиеся в литературе. Ввиду особой важности этого вопроса, в данной работе этому будет посвящен отдельный раздел, поэтому в историографическом обзоре приходится опустить эту проблематику.

Итак, рассмотрение историографии, касающейся уйльта, приводит к выводу о том, что изучение этого народа в основном происходило в рамках тем, посвященных или в целом тунгусо-маньчжурским этническим общностям, или общей этнической ситуации на Сахалине. А.В. Смоляк в 1975 г. писала, что «осталось много “белых пятен” в вопросах о происхождении и о некоторых сторонах культуры и быта этого народа. В частности, остались не решенными вопросы о том, насколько правильно изложена Л.И. Шренком теория о единстве происхождения ороков и материковых ульчей (ольчей, мангунов), в каком отношении находятся культуры северных и южных групп ороков, каковы были взаимоотношения этих групп с соседними и материковыми народами и т.п.» (Смоляк, 1975, с. 48).

Множество вопросов, связанных с происхождением, процессом формирования этнической общности уйльта, взаимоотношениями родов, расселением, численностью в различные периоды истории, с отношениями между различными этническими общностями – уйльта с тунгусо-маньчжурскими, нивхскими, айнскими – остаются неразрешенными и по сей день. То же касается и изучения происхождения других коренных народов Сахалина, например, айнов (Арутюнов, Сергеев, 1975; Арутюнов, Щебеньков, 1992) и нивхов, хотя им посвящено много специальных исследований. В XIX и XX столетиях, как видно из сказанного выше, человечество вновь и вновь обращалось к своему прошлому, в частности был поднят вопрос о происхождении этнических общностей Севера, хотя ныне многое и трудно понять, но ведь несомненно одно – *super omnia veritas...* – «превыше всего истина...» (лат.).

ЧАСТЬ I

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ УЙЛЬТА И ДИНАМИКА ОСНОВНЫХ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК

«О древнейшей истории тунгусских народов сведения весьма скудны, не исключая и тех народов, которые впоследствии достигли значительной ступени цивилизации. Более всего известно о маньчжурах... Но и тут не все ясно и достоверно. Китайская письменность, являясь в этом случае единственным источником, дает сбивчивые и отрывочные сведения о древнейшей истории Маньчжурии. Более всего путаницы в наименовании народов. Часто один и тот же народ имеет в письменности несколько названий, или, наоборот, под одним именем оказывается несколько различных народов» (Лопатин, 1922, с. 7).

Глава 1

НАРОД И ЕГО ЭТНОНИМЫ

Уйльта – коренной малочисленный народ Сахалина, более известный в советской научной литературе как «ороки». Народ, насчитывающий в различные времена несколько сотен человек, традиционно ведущий полукочевой (полуоседлый) образ жизни, традиционно занимающийся оленеводством, сезонным рыболовством и охотой, неоправданно (особенно со стороны государства), но *de facto* совершенно очевидно постоянно испытывает на своей судьбе итоги неустойчивой этнической идентификации из-за сильного влияния этносоциальной среды.

Необходимо обратить внимание, что самоназвание народа – «уйльта». По предположению исследователей, «оба названия /ороки и ульта/ происходят, по-видимому, от слова «домашний олень»: первое от эвенкийского *орон*, второе – от орокского *ула*. На этом основании название и самоназвание ороков можно понимать в значении *оленный...*» (Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. I. Д. 81 (Папка 4). Л. 1024). Рассмотрение одновременно проблем численности и этнонимии данной этнической общности объясняется тем, что от использования в различных ситуациях того или иного определения, т.е. названия народа *de facto* зависела и его численность.

Как уже было сказано, исследователи прошедших эпох неоднократно делали попытки найти ответ на вопрос о расселении и численности уйльта, но и до сих пор единого мнения нет. Прежде, чем рассматривать современную ситуацию, обратимся к истории вопроса (Невельской, 1969, с. 262,

266–267, 286–287, 289). Сведения о численности и местах обитания уйльта впервые были собраны Н.К. Бошняком, который в 1852 г. исследовал р. Тымь от устья Пудими до впадения Тыми в Ныйский залив Охотского моря и провел перепись жившего по его берегам населения. Н.К. Бошняк посетил восемь нивхских, уйльтских (в литературе используется два способа написания прилагательного, образованного от «уйльта» – «уйльтский» и «уйлтинский»), а также смешанных нивхско-уйльтских селений. Всего по берегам Тыми он зафиксировал 3270 чел. (Алексеев, 1959, с. 18), в том числе уйльта. В середине XIX в. уйльта жили и на западном берегу Сахалина (об этом свидетельствует Д.И. Орлов, см. Невельской, 1969, с. 262). Н.В. Рудановский впервые обследовал южную половину Сахалина, небольшие группы ульта он встречал во многих местах этой части острова (см. там же, с. 286, 287). Согласно преданиям (там же, с. 215), уйльта (относящиеся к тунгусоязычному населению), пришли на Сахалин в начале XVII в., к середине XIX в. расселились на всей средней и южной части острова, в местах обитания нивхов и айнов, а также севернее нивхов на восточном берегу, как это отмечается последующими исследователями. Эту точку зрения поддерживают японские, российские и польские ученые.

По подсчетам исследователей второй половины XIX в. численность уйльта – совершенно различная. Так, М.С. Мицуль, работавший на Сахалине в начале 70-х годов XIX в., насчитал около 350 чел., обитавших в Плуйской (Поронайской) низменности (Мицуль, 1873, с. 135). По данным П.Ю. Шмидта, работавшего на Сахалине в 1889 г., уйльта насчитывалось всего несколько сот, обитавших по рекам Тымь и Поронай. А.П. Лаббэ, побывавший на Сахалине в 1899 г., сообщает о 773 ороках (Лаббэ, 1903, с. 15). Перепись 1897 г. зарегистрировала на Сахалине 749 ороchon (здесь и далее используется то наименование народа, которое употреблял тот или иной автор) в Тымовском и Корсаковском округах. Б. Пилсудский приводит такие данные о численности южной группы ороков по данным переписи, которая «была произведена священником Рыковской церкви о. А. Винокуровым зимою 1901 г.» (о. А. Винокуров не один год ездил к орокам, исполняя миссионерские обязанности): «На 126 мужчин было 120 женщин. Я причислил к орокам двух мужчин Ольчей, которые уже более 10 лет осели на Сахалине, и один из них женат на Орочке (дочери Ольча и Орочки), другой является близким родственником ее по отцу». Пилсудский отмечает, что его собственные записи подтверждают данные священника Винокурова. В северном районе, как описывает Пилсудский, по переписи, производившейся в 1904 г. вполне добросовестным специально посланным чиновником Канцелярии Военного Губернатора В.И. Иванова, «оказалось 160 мужчин и 118 женщин» (Пилсудский, 1989, с. 27). Как видно из приведенных чисел, Пилсудский рассматривает 246 ороков южной группы и 278 северной группы. «При произведенной в 1912–1913 гг. регистрации сахалинских инородцев ороков было обнаружено 74 д.м.п. и 55 д.ж.п. при 20 хозяйствах... Уменьшение численности ороков на 316 д.об. пола (по сравнению с переписью 1897 г. – Л.М.) обязано главным образом бывшей в 1908 и 1909 гг. эпидемии черной оспы, от которой, по официальным сведениям умерло 140 д.об.п., и перекочевков в Японскую часть о. Сахалина» (ГАСО. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 42. Л. 1 [1916 г.]). Необходимо обратить внимание, что по сведениям исследо-

ванных метрических книг, хранящихся ныне в Государственном архиве Сахалинской области, от оспы «орочены» умирали в 1903 г. в стойбищах Пильтун и Вал – немногим более 20 человек (ГАСО. Ф. 23-и. Оп. 2. Д. 69. Л. 53–55. Д. 76. Л. 53–55). На общей численности уйльта Сахалина это не могло отразиться однозначно таким образом, что число их уменьшилось в два раза.

В 1905 г. южная часть Сахалина отошла к Японии, а с 1920 по 1925 г. и северная часть острова находилась под японской оккупацией. Перепись 1926–1927 гг. проходила, естественно, только на территории советского, т.е. Северного Сахалина. Численность уйльта по этой переписи составила 162 чел. (Всесоюзная перепись, 1929; Кузнецов, 1999, с. 39–41). По некоторым архивным данным, «численность ороков в СССР, согласно переписи 1926 г., – 182 чел., зарубежных – 298 чел. (по данным японской статистики 1928 г.)» (Архив МАЭ. Л. 1025). Е.П. Орлова, собиравшая сведения о населении Восточно-Сахалинского района, зафиксировала на 10 февраля 1933 г. 144 «уйльта (ороков)», из них – 75 мужчин и 69 женщин (Архив МАЭ. Ф. 23. Оп. I. Д. 51. Л. 1). Она же приводит и такие данные: «Точных сведений о численности ороков нет. По переписи 1926–1927 гг. в северной, советской части Сахалина было 157 ороков, из которых 22 были оленеводами и вели кочевой образ жизни. В южной части Сахалина проживало примерно 300 ороков...»; «в современных районах Поронайском, Холмском и Корсаковском». «Бывали случаи перекочевков ороков-оленеводов из южной части Сахалина в северную» (Архив МАЭ. Ф. 23. Оп. I. Д. 23. Л. 8).

Таким образом, по подсчетам исследователей второй половины XIX–XX в. и переписей конца XVIII – начала XX в. численность уйльта к середине XX в. составляла от 350 до 773 чел. Такое уменьшение численности (больше чем в два раза!), зафиксированное в различных документах, скорее всего, объясняется в основном следующими факторами. В период, когда Южный Сахалин вновь вошел в состав СССР, немалая часть уйльта уезжала в Японию вместе с японцами. К этому времени существовало уже довольно большое количество японско-уйльтских семей, которые покидали Сахалин. В памяти уйльта есть воспоминание о нескольких трагедиях, когда тонули корабли с большим количеством переселенцев с Сахалина – японцев и уйльта, – поэтому многие уйльта не добрались до Японии. «Новая волна» трагедий началась для уйльта после ухода японцев с Сахалина. Как известно, это время приходится на период правления Сталина в нашем государстве (до 1953 г.): большое число уйльта, нивхов, а также эвенков (как и русских) обвинялись в сотрудничестве с японцами и были репрессированы. Почти никто из них не выжил. Несколько лет назад на острове Южном (бывшем острове Сачи, в Поронайске) при содействии Японии установлен памятник представителям коренных народов Сахалина – жертвам репрессий. Кроме того, сведения в переписях могли быть ошибочными из-за вечной путаницы в этническом названии: уйльта в переписных листах значатся «орочонами», а точно так же называли в разные времена и представителей других тунгусоязычных этнических общностей. Для столь малочисленного народа этих причин оказалось достаточно, чтобы резко изменять его общую численность. К примеру, в 1922 г. И.А. Лопатин писал: «Тунгусские и маньчжурские народы составляют, конечно, одну группу народов, но не следует

их смешивать... Некоторые писатели совершенно неправильно причисляют орочонов (также ороченов, как будто от ороché) к маньчжурам, а орочей – к тунгусам, а другие называют обоих ороचनाми» (Лопатин, 1922, с. 20). К тунгусской группе, входящей в состав урало-алтайских языков, И.А. Лопатин относит народы: «1) мангуны (ольчи), ороки, негда (нейдальцы), саматир, 2) дауры, 3) маньчжуры, гольды, орочи, 3) тунгусы собственно (ламу-ты, орочны) и манегры» (там же, с. 18).

В переписи 1959 г. ороки (т.е. уйльта) также ошибочно были причислены к «орочам». Однако по данным А.В. Смоляк, проводившей в 1963 г. полевые исследования, на Южном Сахалине ороков насчитывалось 160–170 чел. (Смоляк, 1965, с. 29). В переписи 1979 г. (Малые народности, 1979) ороки вновь были названы орочами, перепись зарегистрировала их в Ногликском (132 чел.) и в Поронайском (144 чел.) районах Сахалина, т.е. в местах расселения именно уйльта. Всего их насчитывалось 317 чел. Перепись 1989 г. также не избежала ошибок предыдущих переписей. Близость наименований «ороки» и «орочи» (в особенности в обозначении женщин этих национальностей – «орочка») привела к тому, что на Сахалине были зарегистрированы 129 ороков и 212 орочей (Итоги Всесоюзной переписи, 1989, табл. 9с и 10с; Словари, 1988). По данным Валовского сельсовета, использованным в переписи, в пос. Вал жили 6 ороков и 136 орочей, тогда как в действительности там не было ни одного ороча. Таким образом, 341 чел., отмеченные в переписи как ороки и орочи, на самом деле – представители одного народа. Экспедиционные исследования 1990–1991 гг. в Ногликском и Поронайском районах Сахалина показали, что в первом насчитывалось 164 уйльта, а во втором – 156 уйльта (всего 320 чел., из них 190 взрослых) (подробнее см.: Кузнецов, Миссонова, 1991). Численность уйльта, по данным экспедиций 2001–2003 гг. (по материалам Валовского сел. совета и администрациям пос. Ноглики и г. Поронайска), остается примерно той же. Однако если посмотреть опубликованные данные Сахалинского областного комитета государственной статистики Госкомстата РФ за 1995–2000 гг., в графе «коренных малочисленных народов Севера, проживающих в сельской местности» (а северная группа уйльта в основном только и живет в сельской местности!) уйльта (ороки) на начало 1996 г. насчитывали 10 чел., в 1997 г. – 8 чел., в 1998 г. и в 1999 г. – 5 чел., в 2000 г. – 4 чел., а в 2001 г. их не стало вообще. Вместе с тем отмечены не живущие на Сахалине орочи: их на 1 января 2001 г. как будто бы насчитывалось 127 чел., в основном в Ногликском районе, где и живет северная группа этноса. При этом в статистических документах никакого «естественного движения» «уйльта (ороков)» не значится; среди умерших числится 1 чел. А численность учащихся «уйльта (ороков)» в дневных общеобразовательных школах (при будто бы отсутствии населения уйльта!) на начало 2000/2001 учебного года составляет 84 чел. (Экономическое и социальное развитие... 2001). Совсем не понятно, каким образом число рожденных фиксировалось в данных Госкомстата РФ: родилось в 1995 г. 2 орока, в 1997 г. – 3 уйльта, в 1998 г. – 1 уйльта, в 1999 г. – ни одного ни уйльта, ни орока не значится (Пивнева, 2002, с. 11–12). Виной всему многолетняя неразбериха с названиями этого народа.

В 1906 г. С. Патканов писал, что ороки – ближайшие родственники тунгусского племени ольчей, или мангунов, обитающего в низовьях Амура, –

встречаются только в средней и восточной частях острова Сахалин. Здесь в разное время года их можно встретить «во всем бассейне р. Поронай», в северной части побережья залива Терпения и на значительной части восточного побережья Сахалина. Ороки не имеют определенного местопребывания круглый год, так как будучи оленными кочевниками постоянно меняют место своего жительства, делая лишь временные остановки «ради пастбы оленей, ради охоты и рыбного промысла». В целом на острове Сахалин орокское население группировалось, по данным переписи 1897 г., таким образом:

Округа	Наличное население в 1897 г.			Число душ в хозяйстве	% женщин на 100 м
	м.п.	ж.п.	об.п.		
1. Корсаковский	159	145	304	6,3	91
2. Тымовский	236	209	445	7,1	89
Итого	395	354	749	6,7	90

749 ороков, по данным Патканова, составляют 2,7% всего населения острова и 84% представителей тунгусского племени. На среднюю стоянку ороков приходится 34,6 душ обоего пола (включая живущих в них посторонних), а на среднее хозяйство – 6,7 душ (Патканов, 1906б, с. 132–140).

Как видно из приведенного материала, С. Патканов называл народ *ороками*, в то время как в переписи, на которую ссылался почитаемый автор, в числе «инородцев острова Сахалина съ подразделениемъ их по племенамъ» числятся гиляки, *орочоны*, айны и тунгусы, а также якуты, перекочевывавшие на остров, как и тунгусы, в более позднее время («сравнительно недавно») – «в половине шестидесятых годов настоящего столетия», т.е. XIX столетия. В работах того времени отмечается, что в отличие от двух последних названных «племен» «остальные инородцы острова никаких общегосударственных и общественных повинностей не несут (тунгусы и якуты «считают себя принадлежащими к Удской округе, куда (г. Николаевск) и вносят ежегодно свой ясак (подать) пушшиной») (Сахалинский календарь, 1898). Никаких ороков в переписи не числилось. В «Сахалинских календарях» на 1898 и 1899 годы приводятся одинаковая численность «орочон», зафиксированных в Тымовском округе, – 231 мужчина и 206 женщин, и в Корсаковском округе 276 мужчин и 157 женщин. Таким образом, всего 410 мужчин и 363 женщины, т.е. 774 орокона – никаких ороков и здесь не значится (Сахалинский календарь, 1898, 1899).

С. Патканов использовал наименование «ороки», не назвал племя ороконами, объясняя это, видимо, так: «все наименования ороков» происходят «как известно, от одного и того же корня» «оро, орон» (по-тунгусски – «домашний олень»), «так как и по сейчас главным занятием ороков является оленеводство. В виду того, что занятие практикуется и другими тунгусскими племенами, то имя “орунчун” и русское “орочон” применяется... по отношению не к одним орокам» (Патканов, 1906б, с. 132). С. Патканов считал, что «наиболее удобным признаком для классификации коренного населения северной Азии является язык (соматические и этнографические признаки

могут иметь лишь вспомогательное значение). Этот же признак следует положить в основание и для целесообразного подразделения каждой крупной этнической группы на ее составные части – народности и племена...». Кроме того, С. Патканов обращал внимание на то, что «существующее ныне деление тунгусов на племена... совершенное не по изучению их... в значительной степени являющееся результатом, частью обстоятельного, частью поверхностного знакомства отдельных исследователей...завоевателей края, с тунгусскими племенами в разных частях Сибири и в разные эпохи» должно быть пересмотрено в будущем (Патканов, 1906, с. 04–05). В 1912 г. С. Патканов писал: «Племя ороков, родственное ольчам и скитающееся на средней части острова, в переписном материале ошибочно названо “орочонами”» (Патканов, 1912, с. 1000). Очевидно одно: не только в последние десять лет, но и сто лет назад приходилось постоянно доказывать неправильность использования названия народа, в том числе в документах официальной статистики.

Действительно, «орончон, орочон или орочен» представляет из себя искаженное маньчжурское слово «орунчун», означающее «оленный народ» (по-тунгуски – *орон* – «ручной олень») и применявшееся маньчжурами для обозначения разных тунгусоязычных племен, державших оленей, как-то: бродячих тунгусов, ороков и даже манегров и др. При первом знакомстве русских с «тунгусоязычными общностями», «ездившими и возившими груз на оленях», они называли их «оленными тунгусами», на часть которых они впоследствии, с конца XVIII в., перенесли маньчжурское название «орунчун». Эта неопределенность названия «орочон» отразилась и на переписном материале. Кроме того, сведения переписи о языке запутывают еще больше: у некоторых орочонов этих местностей показан родной язык «тунгусский», а у отдельных тунгусов – «орочонский». (Аналогичная путаница в фиксации «родного языка» у уйльта происходила и в советских переписях!) Следует вспомнить, что местное население Приморской области и смежных частей Амурской, а также острова Сахалина, дает название «орочоны» и другим тунгусоязычным племенам. Восточные орочоны, живущие в бассейне р. Тунгуски, являются орочами, главная область которых лежит далее к востоку, западные – настоящими «орочонами» (Патканов, 1906, с. 02–03). Если же обратиться к «Толковому словарю живого великорусского языка» Владимира Даля, то можно увидеть, что название «орочоны» в начале XX в. воспринималось обществом (или научными кругами) как восточно-сибирское понятие, обозначающее «кочевое монгольское племя, обитающее в лесах Даурии (Шейн)» (Даль, 1994, ст. 1791). Интересно заметить, что понятия «орочи», «ороки» и «тунгусы» в словаре Даля отсутствуют.

Необходимо обратить внимание на восприятие термина «орочены» в зарубежной литературе. В труде Йюха Йанхунена (Janhunen, 1996, р. 68–70), посвященном Маньчжурии и этнической истории Северо-Восточной Азии, этническая общность «орочены» подразделяется на две «территориальные» «субэтнические группы». Одна, занимающаяся оленеводством, живет на территории, простирающейся от оз. Байкал до верховьев Амура. Вторая субэтническая группа, имеющая то же название орочены, живет на территории Китая и, как это ни парадоксально по мнению финского автора, занимается коневодством. В этом же труде «ороки» естественно отделяются в

иную от орочен этническую общность. Однако, как считает автор, эта «малая популяция может быть классифицирована как субэтническая группа нанайцев» наряду с субэтническими группами нанайцев – кили и ульчи (мангуны) (ibid., р. 62–64). Опираясь, по всей вероятности, на данные Переписи 1989 г. (крайне неудачной для уйльта), в указанной работе называется численность «современной популяции» ороков 179 чел., на этом основании она считается исчезающей. Id est, как видно, «неразбериха» с этим малочисленным народом присуща не только отечественному взгляду, но и зарубежному в равной степени.

В литературе приводились самые разнообразнейшие этнонимы, обозначающие уйльта. Так, по свидетельству Л.Я. Штернберга, сахалинские нивхи называли ороков *орныр* (оленеводы), так же, как амурские нивхи называли ульчей. А ороков и орочей амурские нивхи именовали *тозунг*. Таким образом, нивхи как бы объединяли ороков, орочей и ульчей (Штернберг, 1933, с. 8–9). Сами же ороки, как это отмечают исследователи разных эпох, называли себя *уйлта* или *ульта* (*уйльта*). А. Маевич приводит такое объяснение наименования ульта: «...люди, живущие с “улаа”, люди, которые разводят “улаа”. “Улаа” по-орокски – одомашненный олень, – “та” – люди, жители. Этноним “орок”, как раньше полагали, происходит от маньчжуро-тунгусского слова “орон”, означавшего “оленевод”. Но более вероятной является его этимологическая связь с айнским названием ороков – “орокко” или “ораката”. В японско-айнском словаре, известном под названием “Мосигосу” (составлен в 1792 г.) есть айнское выражение “орокко утару”, переведенное как “люди, живущие в местности Ориката”. В японском языке (начиная с ранних источников Мамия Риндзо) ороки называются или “орокко”, или... “додзин” (туземец), в то время как айны именовались “кюдодзин” (древние жители). Нивхи Нижнего Амура называли ороков “тазунг” или “тозунг”, сахалинские нивхи – “ороко”, амурские ольчи – “улка” или “улька”. Русские пользуются словом “орочон”» (Маевич, 1994, с. 12–13).

Обратимся к изучению уйльта российскими исследователями. Н.К. Бошняк описывает их в 1852 г. как *орочон*, или *орочей*, – жителей самой большой реки Сахалина Тымь, которые «говорят тунгусским языком с примесью гиляцких слов. Между ними существует предание, что они тунгусы, перекочевавшие на Сахалин из Удского края; поэтому они считают себя подданными России». В 1858 г. он же сообщал о них под названием *тазонов* или *орогор* (Бошняк, 1858, с. 189; Невельской, 1969, с. 161–162). М.С. Мицуль в очерке, изданном в 1873 г., говорит об ороконах как о племени, известном также под названием «*орохко, орокес, ольча*» (Мицуль, 1873, с. 135). Д.И. Орлов сообщает о народе, обитающем в средней и южной частях Сахалина, состоящем «из двух племен – куги и ороксей» (Невельской, 1969, с. 266–267). Вероятно, под *куги* подразумеваются айны, а *ороксей* – это уйльта.

Другой исследователь Сахалина Л.И. Шренк в своей работе, написанной после путешествий на Сахалин в 1855 г. и 1856 г., называет эту этническую общность «кочующим племенем ороков» по р. Тымь (Шренк, 1883, 1899, 1903). По мнению заведующей отделом Сибири и Дальнего Востока Государственного музея этнографии народов СССР, «название ороки дано этой народности японцами и закреплено в этнографической литературе академи-

ком Л. Шренком. Сами себя ороки до сих пор (имеются в виду 1956–1957 гг. – Л.М.) называют ульта или уильта; иногда они называют себя нари, что значит люди. Они ясно отграничивают себя от родственников им тунгусов-эвенков» (Архив МАЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 23. Л. 9).

В 1896 г. Н.П. Попов рассказывал об «*ороченах*, живущих по Пороною» (Попов, 1895, с. 244). Б. Пилсудский, проводивший много лет на Сахалине именует их *ороками*. Доктор П. Лаббэ в 1903 г. также говорил о «крещеных ороках» (Лаббэ, 1903, с. 15). В 1905 г. П.Ю. Шмидт писал, что до прихода русских на Сахалин с незапамятных времен здесь жило родственное тунгусам племя *орочон*, в некоторых местностях они называются *орочами*, *ороками* или *ольчами* (Шмидт, 1905, с. 76). В 1906 г. С. Патканов писал, что русское население называет их *орочонами* или *ороченами*. У гиляков они известны как *оронгада* (на Амуре), *оронгта* (на западном берегу Сахалина) и *ороко* (в долине р. Тыми), у айнов как *орохко*. От последних двух названий и происходит их русское наименование *ороки*. (Важно заметить, что русские, впервые исследовавшие остров, не называли их ороками, поэтому не ясно, как это название стало непременно принятым в официальных документах.) Под сходным названием они известны и в маньчжурских летописях – *орунчун*. Все эти наименования происходят от одного и того же корня «оро, орон» (по-тунгусски «домашний олень»), так как главным занятием ороков считается оленеводство. В виду того, что это занятие практикуется и другими тунгусскими племенами, название «орунчун» и русское «орочонгъ» применяется, как указано выше, по отношению не к одним орокам (Патканов, 1906б, с. 132). В 1907 г. российский геолог Э.Э. Аннерт называл их *орочонами* (Аннерт, 1908, с. 7). Советские исследователи М.Г. Левин, Ю.А. Сем, Т.И. Петрова, А.В. Смоляк, В.В. Вязовская, Л. Алпатов, Т.В. Пенская и др. называют их *ороками*. Т.И. Петрова и Л. Алпатов (1930 г.) используют также этноним «ультя». Е.П. Орлова (1930-е гг.) приводит в своих исследованиях три основных названия народа как равнозначные «ороки-орочёны-ультя» (Архив МАЭ. Ф. 23. Оп. I. Д. 23).

В 1930 г. Л. Алпатов писал в путевых записках: «Три ульта пригнали в стойбище большое стадо оленей... Под вечер, когда вода спала, ульта связали своих уля ремешками и поволокли через залив» (Алпатов, 1930, с. 90–91). Алпатов в своем этнографическом исследовании постоянно связывает эти два понятия «уля» (т.е. олень) и «ультя». Однако надо отметить, что не все ученые считают правомерным соотносить понятия «ультя», или «уйльта», с обозначением оленя. Так, Т.И. Петрова, изучив материалы М. Ринсо, Ф. Шмидта, П. Глена, Л. Шренка, С. Патканова, Б.А. Васильева, Л.Я. Штернберга с лингвистической стороны, пришла к выводу, что этимология слова «ул'та ~ уjl'та (как и ульча) не ясна». Она писала: «Сами ороки своего самоназвания никак не поясняют и употребляют слово ул'та ~ уjl'та как неразложимый термин для обозначения своей народности. Если бы мы слово ул'та ~ уjl'та разложили предположительно на морфемы (основную ул' ~ уjl' и суффиксальную -та), то для них в языке ороков соответствующих живых значений не найти. Правда, фонетические закономерности орокского языка позволяют сопоставить суффикс -та с весьма продуктивными суффиксами... в нанайском языке... и ульчском», образующими «от соответствующих имен существительных имена, обозначающие название

жителя данной местности. Если придавать такое же значение суффиксу *-та* в слове *ул'та ~ ујл'та*, следует ожидать, что основа *ул' ~ уил' ~ ујл'* будет связана с названием какой-либо местности, возможно, реки, по типу: Валетта – название орокского рода, Валу Вал – название реки», возможны и иные сопоставления (Петрова, 1967, с. 5–6). Далее Ю.А. Сем отмечал, что, хотя «подавляющая часть соседей ороков называет их термином, корень которого один – *орон, орок, ороч*, который в переводе с эвенкийского языка означает “домашний олень”... Самими ороками это название не используется и считается чужим. Возможно, что соседи дали название ороки для выделения народности по ее важнейшему признаку оленеводству. На это еще в XIX в. обращал внимание Л.И. Шренк... хотя с лингвистической точки зрения такой анализ самоназвания ороков не подтверждается... этимологию слова *ульта* надо искать в тех языках, где этот термин употребляется для обозначения ороков – эвенкийском, негидальском и в других тунгусских языках. В эвенкийском языке этимологию слова *ульта* можно связать с корнем *уил* (“водоворот”), *ула* (“река”), *улами* (“промочить, намочить”)... Вероятно, оно было дано в противоположность оленеводам – эвенкам, орокам, как поречанам. Таким образом, в названии ороков мы видим двойственность. Северные соседи с материка их называют по признаку их жизни на берегу реки, а соседи на Сахалине – по наличию в хозяйстве оленей» (Сем, 1969, с. 81–82; Василевич, 1958, с. 327, 432, 436; Петрова, 1960, с. 103). В конце XX – начале XXI в. и северные, и южные ульта (несмотря на то что весь XX век в южной группе развивалось в большей мере рыболовство) однозначно воспринимают происхождение названия своего народа от «ула» (домашний олень) (Полевой архив автора).

Таким образом, в литературе используются более 20 наименований, обозначающих ульта: *орныр, тазунг, тозунг, уилта, ульта, ульта, уйрута, орок, орокко, ораката, ороцко, орокхо, оронгодохун, ульчар, додзин, улка, улка, орочены, орочоны, ольчи, орохко, орокес, ольча, ороксы...* (Миссонова, 1996, с. 51–56). Безусловно, что некоторые приведенные наименования – это лишь результат разного звучания (произношения) одних и тех же этнонимов, но их нужно учитывать, так как при их использовании в различных документах сразу же начиналось искажение численности народа (например, при сводке статистических данных, при описании поселений, стойбищ). В каждом определенном случае чиновник и в XIX в., и в XX в. находился в условиях выбора: какое из вышеназванных «написаний» отождествлять с представителями этого народа, а какое можно отнести к другому народу. При этом каждый руководствовался своей логикой отождествления, изменение одной буквы могло привести к отнесению человека не к своей этнической общности, а к ороченам-тунгусам (т.е. эвенкам), к орочам или ульчам (были и единичные случаи отнесения к тазам). Приходится констатировать, что подчас непреднамеренная неразбериха с употреблением определений этого народа в научной литературе и публицистике (видимо, наравне с нежеланием чиновников вникать в этнографические термины) и служила причиной несогласованного использования в государственных документах сразу нескольких названий в обозначении одного и того же народа, в результате – части одного народа попадали в статистический учет разных народов.

В 1986 г. областными организациями была предпринята попытка обмена паспортов с указанием в новых паспортах национальности «орок» вместо «орочен». Так как на Южном Сахалине достаточно многие уйльта знакомы с японским языком, некоторые говорят по-японски, среди местного населения известно, что «орока» на японском языке обозначает «глупый». Эта акция встретила сильное сопротивление со стороны коренного населения и областные власти были вынуждены отменить свое решение. Записать орочёнов ороками попытались и при проведении переписи 1989 г. Согласно инструкциям, человек, назвавший себя как орочен или ороч, мог быть записан и ороком, и орочем. К орокам по инструкции, относятся: «ульта, ульча (с родным языком орокским), орочен (с родным языком орокским), ороч (с родным языком орокским)», а к «орочам» – «ороч (с родным языком орочским), орочен (с родным языком орочским), орочисэл». Созвучие слов, определяющих язык – «орочский» или «ороченский», как это чаще всего говорили представители народа, и отсутствие в инструкциях родного языка «ороченский» вели к тому, что человек, у которого родной язык «ороченский», попадал к орочам. Кроме того, учитывая то обстоятельство, что почти все представители северной группы этого народа имели в то время самосознание «орочен», их всех и записывали в переписи как «орочей» (согласно инструкции). Таким образом, инструкции не только не помогали переписчикам правильно выявлять национальность, но и просто невероятно запутывали, *«толкали» на подмену одной национальности другой*. Кроме того, совпадение обозначений женщин этих национальностей – орочка, а также абсолютная этнологическая безграмотность организаторов переписи и переписчиков привели к тому, что на Сахалине кроме 129 ороков были зарегистрированы 212 орочей, причем 136 из них в пос. Вал (до данным Валовского сельсовета), где не было de facto ни одного ороча, а в паспортах коренного населения была записана национальность *орочен, ороченка*.

Советские исследователи различали ульчский, орочский, орокский и другие языки тунгусо-маньчжурских народов Севера России. Орокский язык рассматривался лингвистами разных лет как отдельно бытующий, отличный от других, хотя и относящихся к одной группе в прошлом бесписьменных тунгусо-маньчжурских языков (Мусаев, 1993, с. 120–131, 234–235). Это подтверждает неправомерность составления упомянутых инструкций для работников советских переписей, по которым с орокским и орочским языками человека записывали как представителя национальности «ороч». По материалам переписи населения 1989 г., К.М. Мусаев отмечал, что среди «ороков» (их значится около 200 чел., тогда как «орочей» – порядка 900 чел.) считают родным язык своей национальности 44,7%, свободно владеют русским языком – 40% от общего числа представителей данного народа, владеют другими языками – 3,1% (там же, с. 235). Невозможно по этим данным переписи определить, каким «родным» языком владели случайно занесенные к орочам представители другого народа, также и невозможно понять, почему вдруг «родным» языком для ороков мог быть язык другого народа – орочский.

Попытки неоднократно навязать народу чуждое ему название привели к проявлению «дремавшего» до поры этнического самосознания, к стремлению добиться официального признания народа как *ульта* (по самоназванию

народа). В результате в 1990 г. были приняты Обращения в Верховный Совет СССР с требованием «вернуть» (точнее установить, слово «вернуть» использовалось в Обращениях) народу их самоназвание «ульта» в качестве официального использования этого определения во всех государственных документах.

В официальных документах 2001 г. уйльта фиксируются как «ороки (ульта)», а в паспортах, выданных в советский период, в большинстве случаев зафиксирована национальность *орочен(ка)*, *орочон(ка)*, редко – *ороча*, *ороч*, в единичных случаях (в одной семье, в которой успели обменять паспорт в 1986 г.) – орок. Указание в официальных документах национальности «орочен, ороченка» наложило определенный отпечаток на восприятие современным поколением своей этнической принадлежности. На Северном Сахалине национальность орочен и орочёнка была впервые записана в паспорта в 1932 г., на Южном Сахалине – после 1945 г. Люди старшего поколения в конце XX в. однозначно считали себя уйльта. Опрос, проведенный в 1990–1991 гг. и в 2001–2003 гг. показал, что ни один представитель этой этнической общности на Сахалине не считает себя ороком, а тем более орочем, самоидентификация выражается в понятиях «орочен(ка)» или «уйльта/ульта».

Итак, начиная с Переписи 1897 г. в связи с вечной путаницей этнонимов идет постоянная неразбериха с численностью народа из-за потери исконного названия. В первой переписи населения России III тысячелетия данный народ отражен впервые как *ульта*. *Dies diem docet!* – День учит день (*лат.*). Хотелось бы надеяться, что исконное название поможет избежать недоразумений, которые были во времена прошлых переписей, и народ уйльта перестанет исчезать из официальной статистики. По переписи населения 2002 г. насчитывается 341 представитель исследуемой этнической общности (Госкомстат, 2002).

Динамика процесса этнической идентификации уйльта к началу XXI в.

Среди российских исследователей (например, из Владивостока) есть мнение, что якобы этот народ всегда всеми назывался ороками и поэтому менять его название в научной литературе и сегодня не следует. Изучение различных документов конца XIX – начала XX в. показывает, что, к примеру, в официальной переписке представителей Православной церкви с чиновниками Главного управления Восточной Сибири по вопросу «О миссионерской работе среди иноверцев на острове Сахалин» в 1871 г. представителей данного инородческого населения называли «ороченами» (ГАСО. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 10), в метрических книгах употреблялись такие наименования народа (ГАСО. Ф. 23-и. Оп. 2. Д. 1–216): в 1880 г. Удская и Анивская церковь, в 1880, 1882, 1888, 1903 гг. Дуйская церковь, в 1893, 1895 гг. Дербинская церковь, в 1899 г. Тымовская церковь, в 1900, 1907, 1910, 1911, 1914 гг. Онорская церковь, в 1900 и 1901, 1902, 1905 гг. Корсаковская церковь, в 1908 г. Александровская и Рыковская церковь, в 1913 г. Рыбинская церковь фиксируют тунгусов, а в 1910, 1911 гг. Александровская церковь записывает

«тунгузов», в 1879, 1880, 1881, 1882, 1890 гг. Дуйская церковь, в 1893, 1897, 1909 гг. Дербинская церковь, в 1888, 1890, 1894, 1898 и 1899 гг. Тымовская церковь, в 1900, 1901 гг. Корсаковская церковь, в 1901, 1903, 1904, 1905, 1908, 1913 гг. Рыковская церковь, в 1900 г. Анивская церковь, в 1908, 1916 гг. Александровская церковь, в 1913 г. Рыбнинская церковь, в 1901, 1911, 1914, 1916 гг. Онорская церковь фиксируют «ороченов» (орочен и ороченка), в 1887–1888 гг. Тымовская церковь фиксирует «ораченов» и «орачонок», в 1890 г. Тымовская церковь записывает «ораченов» и «ораченок», в 1885 г. Александровская церковь, в 1900 г. Анивская церковь записывают «орочон» и «орочонок», в 1910 г. Онорская церковь представителей этого же народа записывает как «раченка», а в 1907 г. Дербинская церковь – как «арачен». Под наименованием «тунгусы» числятся иногда уйльта, иногда представители иных тунгусских народов, чаще эвенки.

Как видно из приведенного материала, одного общепринятого наименования не было. Возможно предположить, что разные представители церкви по-разному фиксировали наименования этнической принадлежности, не специально выбирая то или иное название, а, к примеру, так, как им слышалось произнесенное инородцами слово. Очевидно лишь одно – никто из инородцев не называл себя служителю церкви как «орок». Встает вопрос: почему же С. Патканов в 1912 г. отстаивает именно наименование «ороки» (об этом подробнее см. выше). Вероятнее всего, это можно объяснить не определенным желанием называть этот народ именно «ороками», а стремлением отделить данный народ вообще от всех иных «ороченов» (иными словами, от других тунгусоязычных оленеводческих этнических общностей). Б. Пилсудский в своих работах представителей этого народа также называет ороками. Но можно ли утверждать, что Пилсудский услышал это название от самого изучаемого народа. Такой информации в работах исследователя не значится. Возникает странное противоречие. Пилсудский пишет о своей поездке к «орокам» в 1903 г. (B. Pilsudski, 2002, p. 128–129). В это же время священники, делая записи в метрических книгах, ни разу не фиксируют ни одного орока, везде записывают со слов самих инородцев происхождение от такого-то «орочена». Скорее всего, ученый не фиксировал внимание на этом вопросе; начиная изучать народ, будучи на Сахалине, он уже знал название «ороки». Интересно, что, публикуя материалы Пилсудского в 1980-е годы польский исследователь А. Маевич в названии работы употребляет наравне с термином «oroks» и термин «ulita» (Bronislaw Pilsudski, 1985, 1987). Получается, что на взгляд ученых, публикующих в настоящее время труды Пилсудского, нет противоречия, с точки зрения Пилсудского, называть этот народ уйльта. В 1902 г. «Смотритель Поселений 1го участка Корсаковского Округа» сообщает в «Канцелярию Императорского Музея Александра III (Этнографическое отделение)» о возможности и его готовности собирать «коллекции инородцев орочень и гиляков, живущих на о-ве Сахалин» (Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 65. Переписка с П.П. Вержбинец об этнографической коллекции, собранной на острове Сахалин. 9 сент. – 3 дек. 1902 г. Л. 1–2), т.е. понятие «ороки» в служебной переписке тех лет также не употреблялось.

В одних и тех же документах советского времени начала 1930-х годов использовались поочередно три наименования народа: наравне с «ороченами»,

«ороками», употреблялось и «ульта». Так, в одном из Протоколов заседания Президиума Сахалинского окружного Исполнительного комитета (1931 г.), посвященного обсуждению плана проведения «концентраций туземцев» в «оседлых» и «кочевых пунктах» и в Объяснительной записке Уполтузделами записаны такие данные: «По итогам переписи 1931 г. по Сахалинскому Округу» учтены «малые народы (в другом документе значатся народности. – Л.М.) Севера в составе 4-х племен в количестве 2139 человек: Гиляков – 1760 ч. Тунгусов – 200 ч. Орочен – 144 ч. Якутов 35 ч.». В тут же следующей другой Объяснительной записке Уполтузделами написано: «На территории Сахалинского Округа учтено кочевого населения 379 человек; из них тунгусов-эвенки 200 чел., ороки-ульта 144 чел., якутов-соха – 35 чел. при 91 хозяйстве» (РГИА ДВ. Ф. Р-2411. Оп. 1. Д. 43. Л. 58, 61, 137).

В архивных документах, написанных в 1970-х годах во время подведения итогов культурно-экономического развития «малых народностей Севера за 50 лет» советской власти, говорится, что в 1925 г. «в стойбища нивхов, орочонов, эвенков... пришли русские коммунисты... Вместо дымных, темных юрт эвенков, орочонов вырос поселок оленеводов – Вал» (Ногликский рай-архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 172). Таким образом, в советский период истории в официальных бумагах использовалось наименование «орочоны» (также и в паспортах), а не «ороки», как это пытались зафиксировать в переписях населения. Нелепое, но очевидное полное противоречие документальной «жизни» народа.

Обратившись к употреблению названия народа в научной литературе, можно сделать вывод, что названия «ульта» и «уйльта» совершенно не новы: эти этнонимы использовали Ф. Шмидт, П. Глен, Л. Шренк, Б.А. Васильев, Т.Н. Петрова и др., а их труды никак не относятся к исследованиям последних десятилетий. Данные этнонимы были известны очень давно. Например, Л.Я. Штернберг в 1892–1893 гг., делая записи в своих дневниках во время путешествий по Сахалину, употребляет синонимически понятия «ульта» и «орочены» (ПФА РАН. Ф. 282. Оп. I. Д. 4. Л. 684–685 и др.). Очевидно, проблема употребления наименования этого народа в научной литературе состоит именно в том, к сожалению, что, исследователи разных времен и разных специализаций употребляли различные названия. Судя по публикациям, единого употребления даже в одной научно-исследовательской среде, увы, никогда не существовало. Это, вероятно, тоже сыграло свою негативную роль в том, что политики разных времен стали использовать в различных документах не одинаковые названия народа.

Как показывают экспедиционные наблюдения, изучаемый народ очень деликатен к тому, кто приезжает из иного общества: если спрашивали у человека: «Вы орочен?», он соглашался с этим, если спрашивали: «Вы орок?», он и этого не отрицал, лишь бы его не спутали с другим народом, например, с орочами (Хабаровского края). Но если спросить представителя этого народа, даже молодого, в начале 1990-х годов: «Как называется Ваш народ?», ответ давался развернутый: «В паспорте у нас записана национальность “орочены”, вечно нас пытаются назвать какими-то “ороками”, а ведь бабки наши всегда говорили детям, что мы “уйльта”!». Во время кропотливого многолетнего изучения народа японским ученым (языковедом) проф. Дз. Икэгами (Икэгами, 1992, с. 5–10; A. Dictionary, 1997) стало очевидным их

название – уйльта/уйльта/ульта (эти разночтения объясняются трудностью передачи русскими буквами звуков данного языка). Профессор разговаривает с носителями языка на их языке и получает соответствующий ответ о названии народа.

Несколько столетий народ терпел (внешне безразлично относился), как представители иных окружающих народов и научных кругов дают им бесконечный ряд названий. *Exitus acta probat* – «Исход – суд деяний» (лат.). В конце концов, наступил момент протеста. Попытка замены национальности «орочен» на «орок», видимо, была вызвана необходимостью исправить абсурдность ситуации, когда государство выдает представителям этнической общности паспорта с одной национальностью, а во всех государственных документах фиксирует их же совершенно другим наименованием. В итоге эта акция и результаты Переписи 1989 г. привели впервые к тому, что народ потребовал называть его таким именем, которое хранилось на протяжении всех прошедших эпох в народной памяти. Ведь к этому моменту единого самосознания народа как «уйльта» уже не было, но историческая память сохранила это самоназвание в семьях. И в данной обстановке людям ничего не оставалось более разумного, чем добиваться официального признания именно такого названия своего народа. Неизвестно, была бы такая необходимость и такое желание поменять свое официальное этническое наименование, если бы не было попыток со стороны государства назвать их официально ороками или относить к другому народу – орочи. Ведь наименование «орочены» воспринималось многими поколениями уйльта совершенно естественно. Влияние воздействия государства на самоидентификацию в данном случае очевидно. Акт официального переименования народа свершился. И в начале XXI в. впервые в истории можно говорить уже об официальной идентификации этого народа как «ульта». И это безусловно справедливый акт по отношению к малочисленному народу в создавшейся ситуации. Именно в период общественной «борьбы» за это официальное переименование самосознание «уйльта» укреплялось у современного поколения народа. Необходимо отметить, что в процессе «переименования» никакие политические движения (их просто не существовало) не играли никакой роли. Люди сами организовывали собрания и писали обращения об изменении названия. Ныне самосознание «уйльта» присутствует не только у представителей пожилого поколения, но и большого числа молодежи. Впрочем, многие представители этого народа осознают себя в начале XXI в. как «орочены-уйльта» или «уйльта-орочены». Перепись 2002 г. подтвердила сложность процесса самоидентификации уйльта: 190 чел. назвали себя «орочены», 72 чел. – «уйльта», 42 – «ульта» и 37 – «ульта(ороки)» (Госкомстат, 2002).

Такова динамика истории названий этого народа. *Ex nihilo nihil hit* – «Из ничего ничто не происходит» (лат.). Судьба «имени» данной этнической общности оказалась очень не простой, более того, наблюдается и определенная зависимость судьбы этнической общности от ее «имени».

Глава 2

РОДОВОЙ СОСТАВ, СЕМЬЯ, ЧИСЛЕННОСТЬ УЙЛТА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Основным источником изучения родового и семейного состава уйлта в названный период послужили метрические книги Сахалина, хранящиеся в Государственном архиве Сахалинской области. Прежде чем обратиться непосредственно к материалу этих книг, необходимо иметь представление об истории их создания. Метрические книги зафиксировали события, происходившие в жизни уйлта и иных народов, так, как это воспринималось очевидцами событий – в этом ценность данного исторического источника. О чем рассказывают метрические книги Сахалина, информирует следующий раздел работы. Помимо архивных данных при написании этого раздела использовались материалы полевых исследований автора.

Метрические книги Сахалина

С конца 50-х – начала 60-х годов XIX в. начинается деятельность православных священников и миссионеров на Сахалине. Как отмечает начальник Государственного архива Сахалинской области А.И. Костанов (Костанов, 2000, с. I–VI, 1–21), большинство сахалинских церквей было построено в 80–90-е годы XIX в., когда шло быстрое заселение острова, строительство ссыльных поселений и каторжных тюрем. К этому же времени, по его мнению, относятся первые попытки научного использования архивных материалов сахалинских церквей. По штатам управления Сахалином (утвержденным в 1894 г.) на острове «по духовному ведомству», числилось 10 священнослужителей (Костанов, 1992а, с. 24–28).

С 1 января 1899 г. церковная организация Дальнего Востока претерпела изменения. Камчатская епархия была реорганизована. Входившие в ее состав город Владивосток, ряд территорий Приморской области, а также остров Сахалин выделялись в самостоятельную Владивостокскую епархию под управлением епископа Владивостокского и Камчатского (центр в г. Владивосток). Бывшая Камчатская епархия стала Благовещенской, а ее епископ – Приамурским и Благовещенским (епархиальный центр в г. Благовещенск).

В разные годы количество православных храмов на Сахалине не было одинаковым. По данным «Сахалинского календаря» за 1899 г., на острове имелось 10 православных церквей и 6 часовен (Костанов, 1992а, с. 40–41). В 1905 г. по Портсмутскому мирному договору, подписанному, как известно, в результате русско-японской войны, граница между Россией и Японией пролегла по 50-й параллели. Поэтому все православные храмы, находившиеся на территории бывшего Корсаковского округа (Анивская церковь в посту Корсаковском, церкви и часовни в селениях Владимировка, Березняки,

Кресты, Галкино-Враское, Нояси), вынуждены были прекратить свою деятельность. С этого времени исполнение духовных треб на Южном Сахалине (который стал территорией губернаторства Карафутто) осуществляли священники Русской православной миссии в Японии. К примеру, как отмечает А.И. Костанов, в 1909–1911 гг. Карафутто трижды посетил епископ Киотоский Сергей (Тихомиров). Есть сведения о том, что православная миссия обслуживала крещеных айнов на острове Шикотан. В северной части Сахалина (относящейся по-прежнему к России) при сокращении численности населения количество православных приходов с 1905 по 1925 г. оставалось прежним (Костанов, 2000, с. II). В итоге принятия декрета СНК РСФСР (2 февраля 1918 г.) об отделении церкви от государства и школы от церкви, как и на других территориях России, церковь, естественно, лишилась прежних функций в сфере образования и регистрации актов гражданского состояния. К 1925 г., после окончательного установления советской власти на Северном Сахалине, действовало 6 православных церквей и 3 часовни. В конце 1920-х – начале 1930-х годов на Северном Сахалине, как и на всей остальной территории СССР, по инициативе партийно-советских органов развернулась массовая кампания преследования граждан по политико-идеологическим и религиозным мотивам. Она сопровождалась закрытием храмов, необоснованными репрессиями в отношении священнослужителей и верующих. Как правило, к ним применялась ст. 58-10 УК РСФСР («антисоветская агитация»). В настоящее время эти люди реабилитированы (Костанов, 1992а, с. 48–63). Восстановление церковной жизни и строительство православных храмов на Сахалине и Курильских островах началось лишь в конце 1980-х годов, получив развитие в процессе последней эпохи преобразований в России.

Хронологически документы фонда содержат материалы, датируемые начиная с 15 августа 1869 г., когда священником Симеоном (Казанским) сделана первая метрическая запись. Но фактически, как пишет А.И. Костанов, архив сахалинских церквей начал формироваться несколько раньше. Некоторая часть документов, относящаяся к более раннему периоду, погибла. А.И. Костанов приводит обстоятельства утраты этих материалов, зафиксированные в метрической книге Анивской церкви отцом Симеоном, который сообщал, что 22 октября 1870 г., «при следовании из поста Сертунай в пост Кусунай... (Костанов, 2000, с. VI) сильным штормом... разбило шлюпку, и все наше имущество, в коем был и церковный архив, унесло в море, [а] мы сами едва спаслись от смерти» (ГАСО. Ф. 23-и. Оп. 1. Д. 1. Л. 48–49). В 80–90-е годы XIX в. архивы большинства сахалинских приходов, отмечает А.И. Костанов, приобрели вполне упорядоченный вид (Костанов, 2000, с. III; см.: Описание поездки, 1899, № 1, с. 6–7, № 2, с. 26–27).

В мирное время «накануне социальных потрясений» 1917 г. церкви Северного Сахалина входили в состав XII (затем VIII) благочиннического участка Владивостокской епархии во главе с настоятелем Покровской церкви в городе Александровске протоиереем А.П. Унинским. В его ведении находился архив сахалинских церквей. Представленные в фонде метрические книги за 1869–1925 гг., как поясняет А.И. Костанов, были частью этого архива, включавшего наряду с документами текущего делопроизводства значительный комплекс исторических материалов конца XIX – начала XX в.

В конце 1925 г. архив сахалинских церквей был разобщен. В Александровске было образовано бюро записи актов гражданского состояния, куда передали старые метрические книги из церковного архива. До 1968 г. весь комплекс метрических книг сахалинских церквей хранился в отделе ЗАГСа Сахалинского облисполкома, а затем поэтапно в 1968 г. (за 1869–1892 гг.) и в 1974 г. (за 1893–1917 гг.) передавался в облгосархив. В 1988 г. материалы фондов пополнились поступившими из архива областного отдела ЗАГСа 13 алфавитными книгами к метрическим записям за 1884–1903 гг. по Анивской, Дуйской, Тымовской, Александровской, Березняковской, Дербинской, Корсаковской, Онорской, Рыковской церквям и церкви селения Галкино-Враское. В 1999 г. в облгосархив поступили последние 15 метрических книг церквей Северного Сахалина за 1918–1925 гг. Это был завершающий акт приема на государственное хранение всего документального комплекса вышеназванных материалов (Костанов, 2000, с. I–VI), доступных в настоящее время для изучения.

Автором данной работы исследован весь комплекс метрических книг ГАСО, состоящий из 216 книг (в это число не входят сохранившиеся алфавитные книги некоторых церквей). Самые ранние записи в метрических книгах относятся к 1869 г., самые поздние – к 1925 г. Выявлены и изучены 83 метрические книги, дающие информацию о коренных народах Сахалина, начиная с 1870-х годов. Впервые «орочены» регистрируются в метрических записях 1879 г., последние записи относятся к 1916 г. Метрические книги позволяют представить картину заселения острова Сахалин, естественно, включая малочисленные этнические общности.

Во всех метрических книгах уйльта фиксируются исключительно как *орочены*. По-разному записано лишь произношение этого слова: чаще всего – «орочен» или «кочующий орочен», реже – «орачен, орачон», в нескольких случаях – «брат орочена». Когда речь идет о представительницах женского пола, чаще нет упоминания этнической принадлежности женщины (как это по обыкновению и было распространено в подобных документах того времени), а есть указание на то, чья она жена, дочь или сестра: «жена орочена», «жена кочующего орочена», «вдова орочена», «вдова кочующего орочена», «ороченская вдова», «вдова ороченка», «дочь орочена», «ороченская дочь», «сестра орочена», «сестра кочующего орочена», «ороченская девица». В исключительных случаях, если нет мужа (или отца) по разным причинам, во время крещения детей записана этническая принадлежность матери: «орочена», «кочующая орочена», «кочующая ороченка», «бродячая ороченка», «бродячая орочонка» (ГАСО. Ф. 23-и. Оп. 2. Д. 2. Л. 137–138). Никаких *ороков* в записях нет (к вопросу о давности и непереносимости бытования термина «ороки»!). По воспоминаниям информаторов, рассказов их бабушек и дедушек, священники записывали этническую принадлежность так, как ее называли сами люди и как она воспринималась на слух священника.

Необходимо отметить, что этническая принадлежность записывается священнослужителями часто в качестве понятия, заменяющего социальный статус человека. У лиц, не относящихся к коренным народам Севера, как правило, в метрических книгах записывается не этническая, а профессиональная принадлежность или социальная (сословная) категория, к примеру,

«мещанин», «крестьянин», «рядовой», «канцелярский служащий», «ефрейтор», «ссылно-каторжный». Среди малочисленных коренных народов Севера указывается принадлежность к пяти этническим общностям: ороченам, тунгусам, негидальцам, айнам, гилякам. Кроме того, отмечается принадлежность к якутам. Иных этнических наименований в метрических книгах не упоминается.

За период с 1872 по 1921 г. прошли акт крещения 1099 чел., относящихся к перечисленным этническим общностям, в том числе 576 представителей мужского пола и 523 – женского. Из них в период с 1880 г. по 1908 г. крестились 674 человека, относящихся к «ороченам», в том числе 347 представителей мужского пола и 327 – женского (данные см.: ГАСО. Ф. 23-и. Оп. 2. Д. 2–5, 8–9, 10–13, 15, 19, 21, 22, 24, 32–35, 37, 39, 42, 48–50, 62, 63, 66, 69, 76, 87, 93, 98, 107, 125).

Необходимо обратить внимание, что «крещение» в данной работе не рассматривается в рамках проблемы христианизации Сахалина. Этой темой успешно занимаются сахалинские историки (Костанов, 1992а; Ипатьева, 2000; 2001). Задача состоит в том, чтобы использовать данные метрических книг для получения статистического материала о численности инородцев, местах их расселения, взаимоотношениях родов. В данном исследовании «крещение» представляется как процесс, происходивший в малочисленной этнической общности, а так же, как в конечном итоге свершившийся социальный акт, внедрившийся в социальное сознание народа и естественным образом отразившийся в различных формах этикета и бытующих до сегодняшнего дня нормах поведения и обычаях. Христианизация малочисленного народа естественным образом способствует процессу его аккультурации, сближая («по вере») представителей этой этнической общности с иными общностями. Хотя, в сознании каждого уйльта есть, с одной стороны, знание о том, что его народ «обращен в православие», а с другой стороны – уверенность, что «ведь самое дорогое для уйльта всегда было сэвэ(н)» (на языке уйльта *сэвэ(н)* – языческое изображение божества – духа-покровителя. – Л.М.).

Как происходила христианизация? Нынешнее пожилое поколение вспоминает рассказы своих родителей и бабушек так: «В тайге встречаем целую семью уйльта, спрашиваем: “Вы куда движетесь (на нартах)?” Отвечают: “Решили креститься”. Думаем: “Так ведь и нам, наверное, тоже надо”. В следующий раз и наша семья крестилась. Потом был праздник... Родители веселились...». Поколение, ушедшее из жизни в XX в., свято хранило в доме даже в период преследования «за религиозность» и сэвэ, и православную икону, полученную от священника во время крещения. А в конце жизни люди молились («по-своему») перед православной иконой, держа в руке сэвэ. И то, и другое умершему обязательно укладывали в гроб («так просили старики»). Поэтому сейчас у уйльта не сохранилось ни сэвэ, ни старых икон их предков (Полевой архив автора).

Эти высказывания, отражающие восприятие «старой» и «новой» веры, подтверждаются и архивными свидетельствами. Так, врач Штейгман, проводивший «подворную перепись» вместе с изучением санитарно-гигиенических условий на Сахалине в 1908 г., писал: «Близкие по типу, а может быть, и по языку, к тунгусам, орочены, во всяком случае гораздо более давние старожилы Сахалина, чем они, разнятся от них и по своему характеру и по скла-

ду жизни, тоже однако будучи “крещеными”, но еще более номинально православными. По крайней мере, имея во всякой юрте иконки и нося кресты, хороня покойников в могилах, они в то же время правят по ним тризны с жертвоприношением оленей, собак, оружия, нарт, придерживаются культа “медведя”, сохранения в таежных дебрях засушенные головы убитых зверей и выкармливая молодых медведей к “медвежьему празднику”, у них в большой тайне содержатся небольшие кумиры в виде деревянных кукол, грубо обделанных и обшитых шерстью и цветными лоскутами, у них есть и шаманы, почитаемые и гиляками наравне со своими шаманами» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 317. Л. 66).

На основе данных опроса населения г. Поронайска и пос. Вал во время экспедиций в 2001–2004 гг. можно сказать, что современное молодое поколение уйльта также обладает неоднозначным отношением к религии. В сознании людей уживаются одновременно и традиционная «уйльтинская вера в свои божества», и «православие людей с материка», и «советский атеизм» (данные определения использует современное поколение уйльта).

Расселение и половозрастная структура уйльта

Информация о малочисленных этнических общностях и представителях якутского народа, живших в то время на Сахалине, содержится в метрических книгах различных церквей. (До 1899 г. церкви Сахалина относились к Камчатской духовной консистории, после 1899 г. – к Владимирской духовной консистории.)

В Дуйской церкви в 1880 г. 16 чел. крещены в деревне Уй (здесь и далее в данной главе написание (литерация) названий церквей, стойбищ, деревень, родов, округов, областей, имен используется точно такое, какое значится в метрических книгах), в 1881 г. 82 чел. в деревнях: Гериль – 1 чел., Наймучи/ Найбучи – 28 чел., Сухты – 44 чел., Ай – 1 чел., Черель при речке Тро – 1 чел., Муйгачи/ Муйгича – 7 чел.; в 1882 г. 90 чел. в деревнях: Ныймучи/ Наймучи – 19 чел., Муйгича/ Муйгача – 23 чел., Сухты – 47 чел., 1 чел. – неизвестно из какой деревни.

В Тымовской церкви в 1884 г. 1 чел. крещен неизвестно из какой местности, в 1886 г. из деревни Теру рода Гед (или Гячо? написано неразборчиво) (1 чел.), в 1887 г. 61 чел.: в деревне Уй (1 чел.), в стойбищах Тро рода Черича (1 чел.) и Лунгейча рода Валича (1 чел.), в 58 случаях вместо конкретной местности в метрической книге написано «остров Сахалин»; в 1888 г. 109 чел. с «острова Сахалин»; в 1890 г. 10 чел. с «острова Сахалин»; в 1895 г. 2 чел. с «острова Сахалин»; в 1897 г. 2 чел. из стойбища Хоэ Тымовского округа, 3 чел. из стойбища Сиськи Тымовского округа, 1 чел. из стойбища Тарангутан, 9 чел. из стойбища Валета, 10 чел. из стойбища Мыйгат-тэ, 1 чел. из стойбища Томотохо, 1 чел. из стойбища у оз. Курунг; в 1898 г. 13 чел.: 6 чел. без конкретного указания населенного пункта из Тымовского округа, 1 чел. из стойбища Сиськи Тымовского округа, 1 чел. из стойбища Накуру Тымовского округа, 2 чел. из стойбища Нугу (Хуюсикэ) Тымовского округа, 1 чел. из стойбища Тэма, 2 чел. из стойбища Вал; в 1899 г.

10 чел.: 1 чел. с местности Сисл(к)и, 1 чел. из стойбища Паташка, 1 чел. из стойбища Вал, 2 чел. из стойбища Дагэ, 4 чел. из стойбища Дауту, 1 чел. с Тымовского округа (без указания населенного пункта).

В Александровской церкви 50 чел. крещены неизвестно из какой местности: в 1884 г. 2 чел., в 1885 г. 48 чел., в том же 1885 г. 6 чел. из деревни Найбучи/Нейбучи.

В Дербинской церкви 66 чел. крещены в 1893 г.: 1 чел. из стойбища Торася Приморской области, на острове Сахалин – Тымовский округ, 1 чел. из стойбища Найбучи Приморской области, на острове Сахалин – Тымовский округ, еще 4 чел. зарегистрированы из стойбища Найбучи/Найбури/Набучи Тымовского округа (без упоминания о Приморской области); 1 чел. из стойбища Сювуктуль, на острове Сахалин – Тымовский округ, 10 чел. из стойбища Мыйгычи/Муйгычи Тымовского округа острова Сахалин, 1 чел. из стойбища Вал Тымовского округа острова Сахалин, 1 чел. из деревни Сиски Тымовского округа, 10 чел. из стойбища Сухту Тымовского округа, 1 чел. из стойбища Сычагары острова Сахалин, 2 чел. из стойбища Уй Тымовского округа острова Сахалин, 10 чел. из деревни Милькво Тымовского округа, 2 чел. неизвестно из какой местности, 8 чел. из деревни Дауту Тымовского округа, 12 чел. из деревни Дахи Тымовского округа, 2 чел. неизвестно откуда; в 1897 г. крещены 19 чел. Тымовского округа: 3 чел. из рода Торося, 2 чел. из рода Сюхту, 6 чел. из рода Муйгеттэ/Муйгаттэ/Муйготтэ, 2 чел. из рода Гётта, 2 чел. из рода Даги, 2 чел. из рода Бая, 2 чел. из рода Синагдо.

В Галкино-Враской церкви 2 чел. крещены в 1895 г. из деревень Сечигаринской и Тилминевского, а в 1898 г. 3 чел. из стойбища Сысагары Корсаковского округа.

В Онорской церкви в 1900 г. крещены 2 чел. из селения Муйгэ, в 1901 г. 2 чел. неизвестно откуда.

В Анивской церкви в 1900 г. крещены 8 чел. (нет указания на местность, откуда крестившиеся).

В Корсаковской церкви в 1900 г. крещены 15 чел.: 1 чел. из Тымовского округа на р. Паронай, 1 чел. из стойбища Мыйгычи Тымовского округа, 4 чел. из Тымовского округа (без указания определенного населенного пункта), 9 чел. неизвестно откуда; в 1901 г. крещен 1 чел. из рода Намиса; в 1902 г. крещены 3 чел., один из них из местности Тарайка, остальные неизвестно откуда.

В Рыковской церкви в 1901 г. крещены 8 чел.: 1 чел. из местности Сиськт, 2 чел. из стойбища Дагэ, 5 чел. из Тымовского округа (без указания конкретной местности); в 1902 г. крещены 24 чел.: 10 чел. с местности Тарайка, 6 чел. из стойбища Пелетун, 1 чел. из стойбища Агево, 3 чел. из стойбища Вал, 4 чел. из стойбища Дагэ; в 1903 г. 26 чел.: 3 чел. из стойбища Муйгаттэ, 2 чел. из стойбища Уктай, 3 чел. из местности Сиськи, 2 чел. из стойбища Муйка, 1 чел. из стойбища Валета, 1 чел. из стойбища Пилитун, 2 чел. из стойбища Агево, 2 чел. из стойбища Вал, 1 чел. из стойбища Даге, 8 чел. из стойбища Даутту, 1 чел. не указано откуда; в 1904 г. 4 чел.: 2 чел. из стойбища Муйка и 2 чел. из стойбища Уктай; в 1905 г. 6 чел. с местности Тарайка; в 1908 г. 4 чел.: 1 чел. из урочища Сав-Сам, 1 чел. из стойбища Хорого кочевья, 1 чел. из стойбища Барамгия, 1 чел. неизвестно откуда.

Возраст крестившихся различный: от 1 дня до 90 лет. 90 лет – 1 женщина, 85 лет – 1 женщина, 70 лет – 1 мужчина, 65 лет – 2 женщины. В возрасте 60 лет крестилось 9 чел., 59 лет – 1 чел., 57 лет – 2 чел., 55 лет – 7 чел., 50 лет – 12 чел., 45 лет – 14 чел., 44 лет – 2 чел., 40 лет – 17 чел., 39 (33?) лет – 1 чел., 38 лет – 5 чел., 37 лет – 3 чел., 36 лет – 2 чел., 35 лет – 21 чел., 32 года – 4 чел., 31 год – 2 чел., 30 лет – 30 чел., 29 лет – 1 чел., 28 лет – 4 чел., 27 лет – 2 чел., 25 лет – 23 чел., 23 года – 1 чел., 22 года – 2 чел., 21 год – 2 чел., 20 лет – 15 чел., 19 лет – 4 чел., 18 лет – 13 чел., 17 лет – 8 чел., 16 лет – 5 чел., 15 лет – 14 чел., 14 лет – 5 чел., 13 лет – 5 чел., 12 лет – 12 чел., 11 лет – 3 чел., 10 лет – 14 чел., 9 лет – 7 чел., 8 лет – 9 чел., 7 лет – 9 чел., 6 лет – 12 чел., 5 лет – 13 чел., 4 года – 22 чел., 3 года – 41 чел., 2 года – 56 чел., 1 год – 62 чел., от 1 до 11 мес. – 139 младенцев, до 1 мес. – 5 младенцев; кроме того, 6 взрослых и 23 ребенка без указания точного возраста.

Если суммировать все перечисленные данные, получается, что крестилось 223 человека в возрасте от 15 до 90 лет и 437 детей в возрасте от 1 дня до 14 лет (включая 144 младенца грудного возраста). Креститься приходили и приезжали на оленях (это осталось еще в памяти ныне живущего пожилого поколения уйльта – Полевой архив автора, 2001) и семьями, и отдельные представители семей. Как следует из данных метрических книг, крестилось 13 семей, состоящих из мужа и жены; 10 полных семей, имеющих одного ребенка; 13 полных семей, имеющих двух детей; 9 полных семей, имеющих троих детей; 5 полных семей, имеющих четырех детей; 1 семья, состоящая из отца и троих детей; 9 матерей с одним ребенком; 2 матери с двумя детьми; 3 матери с тремя детьми; 5 матерей с четырьмя детьми. Ранее крещенные взрослые приводили крестить своих малолетних детей: в шести случаях крестили по 2 ребенка, в двух – по 3 ребенка. Подростки крестились порой самостоятельно (т.е., возможно, без присутствия родителей). К примеру, зафиксированы два случая, когда крестилось 3 брата, два случая крещения брата и сестры, два случая крещения двух братьев и сестры, один случай крещения двух братьев и двух сестер.

Родовой состав и браки

Название рода в метрических книгах иногда указывается именно как название рода, но часто оно используется священником для записи наименования стойбища, а нередко и «деревни», «селения», т.е., таким образом, как бы обозначается местность, откуда происходит крестившийся.

Как писал Б.О. Долгих, «несомненно, что многие племена и роды сибирских народов XVII в., известны нам под территориальными названиями и названиями, образованными от имен, возглавлявших эти племена и роды лиц, кроме того, имели другие названия – специфические племенные, тотемического характера или по предкам эпонимам» (Долгих, 1960, с. 11–12). Если изучить наименования родов различных этнических общностей, зафиксированных в метрических книгах Сахалина, можно найти параллели в списках родов, которые приводит Б.О. Долгих. Совершенно очевидно, что некоторые наименования уйльтинских родов происходят именно от территориальных названий.

Следующие названия родов орочен, записанные (как их услышали и восприняли священники), можно встретить в метрических книгах регистрации

браков, крещения и смерти: Бальчинский (встречается 1 раз), Бая (2 раза), Валича (1 раз), Гётта (2 раза), Гед (Гячо? – 1 раз), Даги (2 раза), Муйгаттэ/Муйгеттэ/Муйготтэ (6 раз), Накту (1 раз), Намиса/Намысский (3 раза), Пелитунский/Пилётту (2 раза), Синагдо (2 раза), Сюхту (2 раза), Торося (5 раз), Чарульский/Чарусский (2 раза), Черича (1 раз), Бальчинский (1 раз). Как видно, название одного и того же рода могло быть записано по-разному. Число же встречающихся родов в метрических книгах не охватывает все известные науке роды уйльта.

Обратимся к названиям местности, откуда происходит крестившийся, вступающий в брак или умерший:

деревня Ай	1	Тымовский округ деревня Дахи	19
деревня Гериль	1	Тымовский округ деревня Мильтво	10
деревня Сечигаринская	1	Тымовский округ при р. Паронай	1
деревня Тилминевского	1	Тымовский округ стойбище Вал	14
деревня Черель при речке Тро	1	Тымовский округ стойбище Муйго/селение Муйгэ/ деревня Муйгача/Муйгича/Муйгичи(а)/Муйгаттэ/Мыйгаттэ/ Мыйгычи/Муйгычи/Мыйгычи	61
Корсаковский округ стойбище Сысагары	3		
местность Тарайка	22		
остров Сахалин	204	Тымовский округ стойбище Накуру	1
остров Сахалин деревня Теру	1	Тымовский округ стойбище Нугу (Хуюсикэ)	2
стойбище Агево	3		
стойбище Барамгия	1	Тымовский округ стойбище Сухту/деревня Сухты	127
стойбище Валета	10	Тымовский округ стойбище Сювуктуль	1
стойбище Гарамай/ Горомай	3	Тымовский округ стойбище Хоэ	2
стойбище Даге/ Даги/ Дагэ/ Даго	15	Тымовский округ стойбище Цорель	1
стойбище Луйгенча	1	Тымовский округ стойбище/ деревня Дауту/Даутту/Даото	26
стойбище Муйка/ Мойка	5	Тымовский округ стойбище/деревня Ныймучи/Найбучи/Набучи/Найбури (Приморская область)	72
стойбище Набель/Нобель	2	Тымовский округ стойбище/кочевье Хорое	2
стойбище Паташка/Поташка	2	Тымовский округ стойбище/местность Сиски/Сиски/Сисл(к)и/Сисоки	11
стойбище Пилитун/Пелетун/Пильтун/ Пелятун/Плитун	26	Тымовский округ стойбище Уй/деревня Уй	20
стойбище Сычагары	1	Тымовский округ стойбище Торася (Приморская область)	1
стойбище Тарангутан	1		
стойбище Томотохо	1		
стойбище Тэма	3		
стойбище у оз. Курунг	1		
стойбище Уктай	5		
стойбище Урууту (Ирууту) при заливе Нобель	1		
Тымовский округ	45	урочище Сав-Сам	1

Как видно из приведенных данных, чаще всего метрические книги фиксируют происхождение человека с «острова Сахалин» (204 чел.) без уточнения конкретной местности. Большая доля православных орочен приходится на Тымовский округ. В 45 случаях не уточняется конкретное место в Тымовском округе. Наибольшее число (127 чел.) происходит из стойбища Сухту (или деревни Сухты) – в современной топонимике такое наименование не значит, а среди упоминавшихся родов есть наименование Сюхту. У уйльта действительно существовал род Сюкта – это прежнее название р. Поронай, к которому, видимо, и относились представители стойбища Сухту.

Большое число (72 чел.) происходит из стойбища/деревни Ныймучи/Найбучи/Набучи/Найбури, вероятно, это стойбище находилось на реке,

имеющей ныне название Найба, а на картах и в отчетах русских исследователей XIX в. река называлась Найпу или Найбу («най» на айнском языке означает «река», а «пу» – «устье») (Гальцев-Безюк, 1992, с. 91; Добротворский, 1876): «выйдя из селения и речки Отоксам... через 12 верст» можно достичь «селения Ай, а еще через 8» прибыть «к устью реки Найбу. По обоим берегам этой реки расположено селение того же имени» (Невельской, 1969, с. 264), «р. Найбу впадает в залив Мордвинова в районе Найбучи» (там же, с. 402).

Немалое число (61 чел.) – выходцы Тымовского округа стойбища Муйго/ селения Муйгэ/деревни Муйгача/Муйгича/Муйгичи(а)/ Муйгаттэ/Мыйгаттэ/Мыйгычи/Муйгычи/Мыйгычи, эти названия совпадают (т.е. соответствуют) с наименованием упомянутого рода, имеющего на языке уйльта название Муйгэттэ(-Ан), обозначающего род змеи. Информаторы объясняют это так: люди жили среди хребтов (Даи Хурига – большие горы), где водилось много змей, а также, вероятно, на Лунском заливе, Лунском хребте, Лунской горе (Ногликский район Сахалина) (Полевой архив автора, 2001, Ногликский район; Гальцев-Безюк, 1992, с. 79–80).

26 чел. происходят также из стойбища/деревни Дауту/Даутту/Даото – аналогий с наименованием родов нет. Однако существует представление, «что есть две реки р. Дата и р. Тумнин. На самом деле это одна и та же река, в которую справа впадают большие притоки Мули и Хуту. Тумнин вливается в море весьма широким устьем. “Датта” – по-орочонски “устье”, в связи с чем возникают и по сей день недоразумения с названием Тумнина в устье. По названию устья реки именуется и поселок – Дата, а заодно и мыс Лессепс-Датта» (Невельской, 1969, с. 400–401). Если прочитать буквально, то «дā» переводится с языка уйльта как «устье реки», а «дāта» обозначает «основание» (Озолина, Федяева, 2003, с. 38, 41).

Стойбище Уй/деревня Уй – созвучны наименованию деревни Ай, названной по наименованию реке Ай и упомянутому выше селению Ай. Отсюда, возможно предположить, происходят 20 ороченов.

Деревня Дахи соответствует названию «Дахи нāни» – «земля Дагинская». Жители этой земли относятся к роду Нучи Ториса. Из деревни Дахи происходят 19 чел. 15 чел. из стойбища Даге/ Даги/ Дагэ/ Даго происходят из той же «Дахи нāни». Таким образом, всего из Дагинской земли – 34 чел. Жители Даги, равно как и указанного в метрической книге стойбища Торася, принадлежали известному роду Ториса. 11 чел. происходят из стойбища/местности Сиски/Сиськи/Сисл(к)и/Сисоки – эти названия не имеют прямых аналогий ни в названии родов, ни в территориальных понятиях. Можно предположить, что имеется в виду селение на р. Сусуя, именуемой также Сусоя: «Из селения Найбу, по рекам Найбу и Сусуя с их протоками лежит, по словам туземцев, самый удобный и кратчайший путь в залив Аниву, до которого около 100 верст» (Невельской, 1969, с. 402). Далее, как описывает Г.И. Невельской, встречаются селения с названиями Сумму и Сус-Уэнай (там же, с. 265). Бытовало также наименование р. Сисека – в XX в. это «река Тый, или Поронай» (там же, с. 403). Как пишет, Г.И. Невельской, эта большая река «по-айнски называется Сисека, а “лоча-орок-айну” называют ее Тый» (там же, с. 290). В языке уйльта есть слово «сṡṡ», обозначающее лиственницу (Озолина, Федяева, 2003, с. 146). Информаторы рассказывают,

что на притоке р. Вал (ныне возле пос. Вал) росла большая лиственница (сùсù) – это было место сбора молодежи, где пели песни, плясали, играли (Полевой архив автора, 2001).

Из деревни Милькво происходят 10 чел. Мильк-во, или Милк-во, по всей вероятности, нивхское название селения; второе название Набильского залива – Милкуо (на берегу которого располагалось это селение) происходит от названия селения Мильк-во. Милк-во переводится дословно как «селение злого духа»: *милк* – «злой дух», *во* – «селение» (Гальцев-Безюк, 1992, с. 85, 90). В метрических книгах есть упоминание названий «Нобель» и «Набель»: люди из этих стойбищ, вероятно, жили на том же заливе Набиль, или Милкуо. «Набиль» происходит от нивхского слова «нгабиль», обозначающее «большие нерпы» (Таксами, 1969, с. 41–48), или «место крупных зверей» (*нга* – «зверь») (Санги, 1974, цит. по: Гальцев-Безюк, 1992, с. 90).

14 чел. записаны в метрических книгах как происходящие из стойбища Вал, а 10 чел. – из стойбища Валета. Представляется, что все эти люди относятся к селению Вал, «вåла» в переводе с языка уйльта означает «умелый хороший охотник» (Озолиня, Федяева, 2003, с. 28). Ошибочно иногда называют «Валетта» одним из крупных родов уйльта (подробнее об этом см. во Введении). Изначально такого рода не существовало, это более позднее образование, взаимоотношения в котором сложились по территориальному признаку (Кузнецов, 1999, с. 54–55).

Кроме того, без упоминания какого-либо округа отмечены 22 чел. в местности Тарайка. На Южном Сахалине, как указывается в исследованиях Д.И. Орлова, «лежит огромное озеро Тарайска... Озеро это соединяется с морем протокой того же имени...» (см.: Невельской, 1969, с. 261–262). В разное время это озеро (и протока) называлось Тарайска или Тарайка. В XX в. оно называлось Айнским (там же, с. 402).

26 чел. имеют происхождение со стойбища Пилитун/Пелетун/Пильтун/Пелятун/Плитун – название происходит от названия озера Пилиту (Ногликский район). В переводе с нивхского языка *пиль* – «большое», *ту* – «озеро». Есть и река, хорошо известная маршрутами кочевья уйльта, с аналогичным современным названием Пильтун.

Иные селения упоминаются в метрических книгах в единичных случаях.

Хорошо известно среди уйльта наименование Хоэ, значащееся в метрической книге. Г.И. Невельской, описывая маршрут Бошняка, отмечает, что «из Виахту... через 20 верст» можно достигнуть речки и селения Танги, а проехав «затем еще 20 верст на юго-восток» можно достичь «мыса, селения и речки Хоэ» (там же, с. 161). Известны также места селений: Сиггоур/Саги-Уру – «старое болото», Холокто-Гакку/Халагакку – приток Вала.

Таким образом, метрические книги зафиксировали постоянные места кочевья орочен/уйльта, по которым можно определить, где были расположены их традиционные стоянки и где были места оседлого образа жизни – таковыми были Валетта, Дахи нāни(нени) и Найпуту нāни (нени).

Материалы архива МАЭ дают такие сведения о родовой системе: «Революция застала ороков на стадии разложения отцовского рода. Из пережитков первобытнообщинного строя сохранились следующие: деление на роды со счетом родства по отцовской линии, родовое имя, экзогамия, элементы коллективного производства, следы классификационной системы родства, и

некоторые другие. В отношении культуры ороки имеют много общего с другими народами тунгусо-маньчжурской группы, а также с нивхами» (МАЭ. Ф. К-1. Оп. 1. № 81. Л. 1025–1026, автор не указан [Липская Н.А.?]).

Обратимся к информации о родах, которая бытует среди нынешнего пожилого поколения уйльта.

Жизненно необходимая ориентация по родам существовала пока «кочевали», а «кочевали» до 1930-х годов. Поэтому рожденные в 1920-х – 1930-х годах помнят тот образ жизни по воспоминаниям о своем детстве (Полевой архив автора, 1991, 1992, 2001, пос. Вал).

Существовало, по мнению информаторов, 9 родов (все названия родов и местностей даны и объяснены носителями уйльтинского языка, принадлежащими к нынешнему пожилому поколению уйльта):

1. Род *Намиса* кочевал на территории «от Сабо до Пильтуна» (до мыса Шмидта).
2. Род *Даји* (*Дай* – «большой») *Бајауса* (*бая* – «богатый») кочевал на территории «от Пильтуна до Горомая».
3. Род *Нүчи* (малый) *Бајауса* кочевал «от Горомая до Вала».
4. Род *Синаху*ду [позднее его представители вошли в образование «Валетта» – люди, жившие на реке Вал] (*сина* переводится как облезлый, выпенданный, *ху*ду – хвост, р. Синаху) – кочевал «от Вала до Аскасай».
5. Род *Нучи Ториса* (включая *Дахи нани* – «землю Дагинскую») кочевал «от р. Аскасай – Даги – Горячие ключи – до р. Баури («Скользкая»)).
6. Род *Даји Ториса* – «от р. Тымь до Набиля».
7. Род *Гетта* – «от Набиля (ранее см. р. Найбу) до Луньского».
8. Род *Сюкта* – кочевал «по реке Сюкта» (прежнее название р. Поронай).
9. Род *Муйгэттэ* (*муи/муји* – «змея») – *Ан* – «на Луньском» (понятие «Луньский» включает в себя залив, гору, ручей и хребет. Гора, ручей и хребет получили свои названия по заливу; подробнее об этом см.: *Гальцев-Безюк*, 1992, с. 79–80), жили среди хребтов *Дай Хурига* (большие горы), хребты были и с юга, и с севера, там водилось много змей, поэтому род назывался родом змей.

В данном списке обозначены как отдельные роды Даји и Нүчи Бајауса, Даји и Нүчи Ториса. Представляется более правильным, что в какое-то время крупные роды Бајауса и Ториса распались на «Большой» и «Малый» (соответственно по численности представителей возникли эти названия). Но изначально были все-таки просто род Бајауса и род Ториса. В литературе имеются данные о существовании в прошлом еще одного рода – Тэгэсэ (Кузнецов, 1999, с. 54–55). Представителей этого рода, как упоминалось выше, Б.А. Васильев застал еще в 1928 г., сейчас не помнят ни одного предка из этого рода. Это название не упоминается и в метрических книгах. Возможно, правда, непреднамеренное искажение услышанного названия места или рода происхождения человека. Возможный перевод *тэгэ* – «сиденье» (поперечные доски в нарте), *тэ* – «подножие горы».

Таким образом, можно насчитать всего 8 (10) родов уйльта: *Намиса*, *Бајауса* (*Даји* и *Нучи*), *Синаху*ду, *Ториса* (*Даји* и *Нучи*), *Гетта*, *Сюкта*, *Муйгэттэ*, *Тэгэсэ*. Валетта, Дахи нани(нени) и Найпуту нани (нени) не могут считаться родами (как это написано в некоторых публикациях), так как по мнению информаторов, владеющих с детства уйльтинским языком,

данные названия обозначают дословно лишь известные места обитания уйльта, относящиеся к более позднему времени: жители реки Вал, земли Дагинской /Дахинской (т.е. реки Даги), устья реки Найпу (происходит от айнского *най* – «река», *пу* – «устье»). К этим «жителям» могли относиться представители различных родов.

Не существует в настоящее время ни одного человека и из рода Намиса. Последний представитель этого рода был из фамилии Ивановых (Кос Кос – Иван Иванович). Он был бездетный, умер в 1950-х годах. Как говорили информаторы (в 1990–1991 гг.), «весь род вымер во время какой-то эпидемии, занесенной с материка». Остались две старушки и дети, которых они вырастили, от них и продолжался род какое-то время. После того, как оказалось, что Кос Кос бездетен, его жена была возвращена в свой род Даји Бајауса. Таким образом, есть свидетельство того, что жен в род Намиса брали из Даји Бајауса. Кроме того, из Даји Бајауса (это был самый крупный род, к этому роду относятся фамилии уйльта – Осиповы, Мироновы, Владимировы, Степановы /«Степановы есть разные», т.е. образно говоря, однофамильцы, но не родственники/ Максимовы, Михеевы) жен отдавали в род Нучи Ториса (фамилия уйльта – Степановы, Кирилловы), а также в Синахуду. А брали жен из рода Гетта.

$$\begin{array}{c} \text{Гетта} \text{♀} \rightarrow \text{Даји Бајауса} \text{♂} \text{♀} \rightarrow \text{Намиса} \text{♂} \\ \downarrow \quad \downarrow \\ \text{Нучи Ториса} \text{♂} \quad \text{Синахуду} \text{♂} \end{array}$$

К роду Нучи Баяуса относятся, по мнению информаторов, «Степановы Горомайские». Последний шаман из уйльта Савуи, умерший в 1928 г., был из рода Нучи Баяуса. Жены уходили из этого рода в три рода: Гетта, Сюкту, Синахуду. А в род Нучи Баяуса жен брали из Гетта.

$$\begin{array}{c} \text{Гетта} \text{♂} \text{♀} \rightarrow \leftarrow \text{Нучи Бајауса} \text{♂} \text{♀} \rightarrow \text{Сюкту} \text{♂} \\ \downarrow \\ \text{Синахуду} \text{♂} \end{array}$$

В род Синахуду (фамилия Емельяновы, Инокентьевы ?) жен брали из Нучи Бајауса и Гетта, а уходили жены в Даји Бајауса и Нучи Ториса.

$$\begin{array}{c} \text{Нучи Бајауса} \text{♀} \rightarrow \text{Синахуду} \text{♂} \text{♀} \leftarrow \text{Гетта} \text{♀} \\ \quad \quad \quad ? \uparrow \quad \downarrow \downarrow \\ \text{Нучи Ториса} \text{♀} \text{♂} \quad \text{Даји Бајауса} \text{♂} \end{array}$$

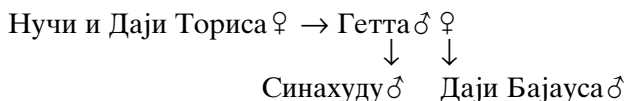
К роду Нучи Ториса также относится фамилия Кирилловы и Степановы, но, как говорят информаторы, «это совсем другие Степановы – не Горомайские». Просто при крещении они случайно получили одинаковые фамилии. Из этого рода брали жен в рода Гетта, Синахуду, Сюкту.

$$\begin{array}{c} \text{Гетта} \text{♂} \leftarrow \text{Нучи Ториса} \text{♀} \rightarrow \text{Даји Бајауса} \text{♂} \\ \downarrow \\ \text{Синахуду} \text{♂} \end{array}$$

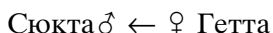
К роду Даји Ториса относится фамилия уйльта Кирилловы.

$$\begin{array}{c} \text{Намисса} \text{♀} \rightarrow \text{Даји Ториса} \text{♂} \text{♀} \leftarrow \text{♀ айны Южного Пороная} \\ \downarrow \quad \downarrow \quad \downarrow \\ \text{Гетта} \text{♂} \quad \text{Даји Бајауса} \text{♂} \quad \text{эвенки} \text{♂} \end{array}$$

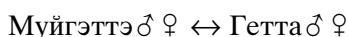
Для рода Гетта характерны фамилии уйльта Андреевы и Павловы. Жен брали в этот род из Нучи и Даји Ториса, а отдавали в Синахуду и Даји Бајауса. Бытует среди уйльта такая фраза: «Кровь Гетта в Баяуса три раза вливалась».

Род Сюкта в более поздний период подразделялся также на Даји и Нучи. Приезжали с юга за женами в северный род Гетта. Другой информации доступные источники не дают.

Род *Муйгэттэ* (фамилия Семеновы) тоже имел более позднее деление на Даји и Нучи. Этот род обменивался женами также с северным родом Гетта.

Более точную систему брачных связей уйльта можно будет изучить только после исследования имеющихся родословных линий уйльта (Полевой архив автора, 1990–1991) в последующей отдельно посвященной этой теме работе.

В памяти народа сохраняются и в наши дни высказывания предков, характеризующие какой-либо род. Например, представители рода Сюкта говорят: «Би поби бини доро-надуни» («Мои родственники есть на севере») – так подтверждают брачные взаимоотношения между родами Сюкта и Гетта. Сохранилось и такое выражение, дающее представление о степени благосостояния рода Ториса: «Чмультакану – бајане пумиктэ дэптуми балзиха» («Чмультакану – богач, мошек поедая вырос») – сердилась и пела о своем ленивом муже жена (семья жила в уйльтинском селении Торил/Чорил рода Ториса) (Полевой архив автора, 2001. Информатор – уйльта Е.А. Бибикова (Осипова)).

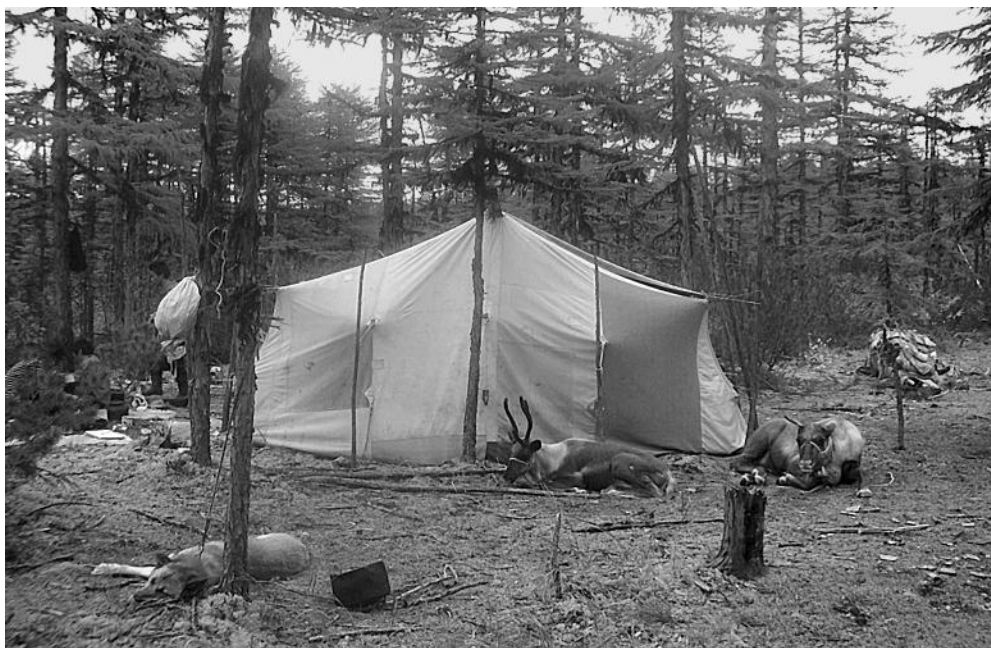
В памяти живущих поколений уйльта сохранились весьма немногочисленные сведения о межродовых устоях. Хотя нельзя сказать, что сегодняшнее поколение уйльта ничего не помнит о родах. На первый взгляд кажется, что как будто бы у современного поколения нет понятий о родах предков. На самом деле оказывается, что знание о своей принадлежности к существовавшему в прошлом роду живет в памяти разных поколений уйльта и в современной жизни. Это проявляется в бытовых сценах, скажем, во время ссор-разборок можно услышать такое высказывание, отражающее состояние народной памяти: «Вы знаете, почему они всегда на меня втроем нападают? Я единственный из них принадлежу к роду Баяуса, а они все – к Синахуду. А вот он защищает меня, потому что принадлежит к Малому (т.е. Нучи) роду Баяуса». Родовая жизнь продолжается и сегодня, как бы тесно годами люди не жили рядом, но негласно (в памяти) продолжают действовать бывшие законы предков. Такие «родовые отношения» можно увидеть именно в мужском обществе, занимающемся и сегодня традиционной хозяйственной деятельностью. (Вывод, сделанный в некоторых научных кругах в 1961 г. относительно всех народов Севера, был явно поспешным: «Родоплеменное

деление быстро забывается. Молодежь обычно не знает даже о своей родовой принадлежности» (Толстов, 2006, с. 163.).

Одно из рассказанных воспоминаний гласит (здесь и далее о взаимоотношениях родов: Материалы экспедиции 2001 г., пос. Вал, Ногликский район Сахалинской области. Основные информаторы – уйльта северной группы Е.А. Бибикова (Осипова), Э.М. Степанова, Э.А. Кириллова – Полевой архив автора): род Ториса кочевал по р. Тыми. Мать Гисиктауды (о судьбе которой этот рассказ) принадлежала к роду Даји Ториса. Когда в ее семье умер отец (Павлов), ей было в то время 6 лет, всего осталось 4 детей: брат и 3 сестры, вдову с детьми забрала к себе тетя – сестра отца Кэнкэ (Павлова/Инокентьева) из рода Гетта. Вдова не могла со своими детьми вернуться в род своего отца. Таким образом, после смерти главы семьи мать с детьми остается в роду мужа; чаще бывали случаи, когда вдова становилась женой брата мужа, а в данном случае она стала жить с незамужней сестрой мужа, так как у него не было живых братьев. Далее Кэнкэ вышла замуж в род Синахуду и забрала в этот род всю семью умершего брата, а также забрала 500 голов оленей, принадлежавших семье ее умершего брата. Так получилось, что семью отдали в другой род – поясняет рассказчица – именно потому, что у умершего отца был единственный брат, который умер еще раньше, а других братьев не было. Когда брат Гисиктауды вырос, он должен был покинуть род Синахуду (в котором рос в семье тети) и вернуться в род Гетта – мужчина всегда сохранял принадлежность к роду отца. Брат считался и наследником всех 500 голов оленей своего отца. Поэтому он забрал всех оленей снова в род Гетта. Его сестры, включая Гисиктауду, вышли замуж, разошлись по другим родам, получив как приданое от брата оленей из наследства отца. Позднее, когда Кэнкэ стала немощной, она жила с Гисиктаудой, а не со своими детьми и внуками. Старики всегда жили с теми, с кем легче им было ужиться.

Часто бывали случаи, когда насильно выдавали замуж за нелюбимого человека, брак устраивали родители молодых; живя в браке люди привыкали друг к другу и жили всю жизнь вместе. Новшества в эти взаимоотношения внесла «советская власть», которая разрешила «браки по любви». Одна из Степановых – из рода Нучи Баяуса – рассказывает про своего отца (Степанова). У него был старший брат, который рано умер. Он, будучи младшим братом, обязан был жениться на его жене Сэнэлэвдэ, ему досталось и много дочерей брата. С приходом советской власти Степанов бросает семью и берет в жены вдову из рода Нучи Ториса («советская власть сказала, что, если не любишь женщину, можно жениться на другой»). А Сэнэлэвдэ выходит после этого замуж за Макарова из рода Намиса. Но, как повествуют информаторы, так благополучно не всегда заканчивались истории нарушения законов родовой жизни. В традиционном обществе никто бы не бросил женщину с детьми.

Пожилые люди, вспоминая рассказы своих родителей, отмечают, что был сильный дефицит брачных партнеров. Считались детьми мальчики в возрасте до 16 лет, девочки – до 13–14. Мальчик «нари отти» (стал мужчиной), когда мог во всем помогать отцу. У девочки «близилась взрослая стадия», когда она во всем умела помочь матери. С 16 лет мужчина мог жениться, и часто так и происходило (иначе «невест разберут»). По поверьям,

Болодокку – осенняя стоянка оленеводов. Ногликский район. 2003 г. Фото автора

Болодокку – осенняя стоянка оленеводов. Ногликский район. 2003 г. Фото автора

Нэҥнэ (весна). Весеннее стойбище. Чайский залив. Ст. Ваурку. РЭМ. Фототека. № 2620-60. Ороки. Собираетель В.А. Васильев. Русский Сахалин. Восточный берег. 1910 г.

Стойбище. МАЭ. Ф-12. Оп. 1. Ед. хр. 93. Б.А. Куфтин. Ороки Сахалина. 1928 г.

Болодокку – осенняя стоянка оленеводов. Ногликский район. 2003 г. Фото автора

Возле аундау. РЭМ. Фототека. Ороки. Собиратель В.А. Васильев.
Русский Сахалин. Восточный берег. 1910 г.: а) № 2620-23

б) № 2620-31. Чайский залив;

в) № 2620-36. Дагинский залив

Орочоны. Сахалин. 1900-е годы. ПФА РАН. Ф. 282. Л.Я. Штернберг. Оп. 1.
Ед. хр. 161. Л. 21 (а), 19 (б)

Дети

ПФА РАН. Ф. 282. Л.Я. Штернберг. Оп. 1. Ед. хр. 161. Л. 20. Орочны.
1900-е годы

МАЭ. Ф-12. Оп. 1. Ед. хр. 93. Б.А. Куфтин. Ороки Сахалина. 1928 г.

Чайский залив. РЭМ. Фототека. № 2620-16. Ороки. Собиратель В.А. Васильев.
Русский Сахалин. Восточный берег. 1910 г.

Њинд(а) (бойта – кедровый стланник) – собака по-прежнему верный спутник
оленовода и охотника уйльта. Ногликский район. 2003 г. Фото автора

На оленеводческой стоянке.
Анатолий Михеев и Виктор
Владимиров. Ногликский район.
2003 г. Фото автора

Анна Соловьева, Александр
Борисов. Пос. Вал Ногликского
района. 1984 г. Фото из личного
архива А.Н. Борисова

На острове Южном (г. Поронайск). 2002 г. Фото автора

Пос. Вал Ногликского района.
2003 г. Фото автора

Женщины. Дагинский залив.
РЭМ. Фототека. № 2620-38.
Ороки. Собирает В.А. Ва-
сильев. Русский Сахалин.
Восточный берег. 1910 г.;
Казико Сугавара. Остров
Южный (г. Поронайск).
Фото автора. 2002 г.

Ороки. РЭМ. Фототека. Собиратель В.А. Васильев. Русский Сахалин. Восточный берег. 1910 г. Набильский залив: а) № 2620-46; Пильгунский залив: б) № 2620-33; в) № 2620-35; г) № 2620-14

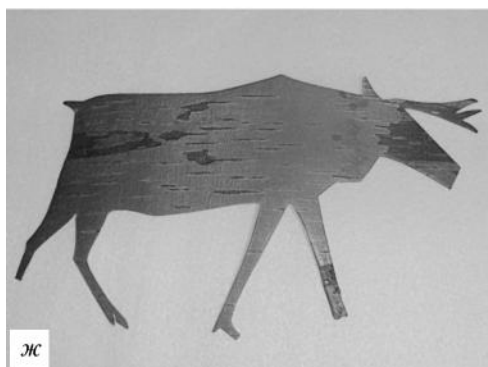
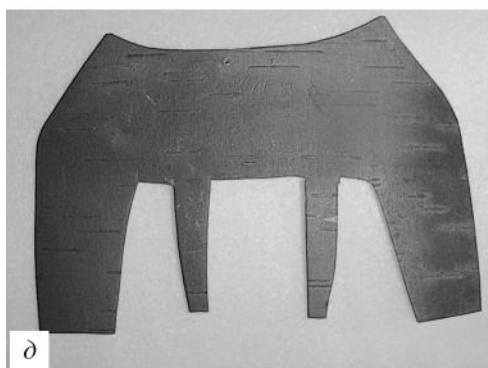
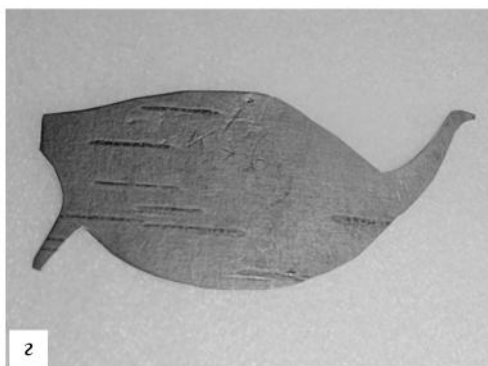
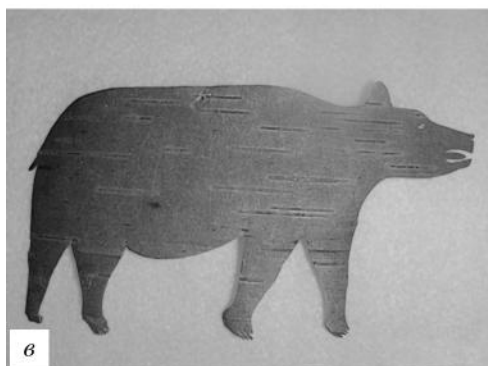
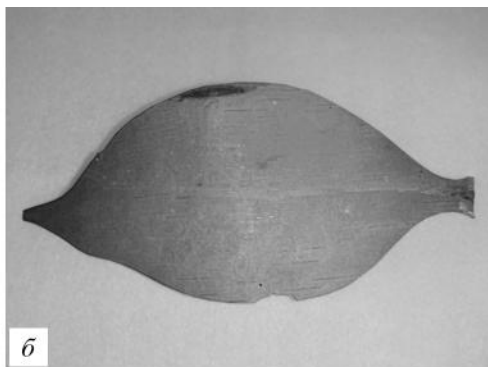
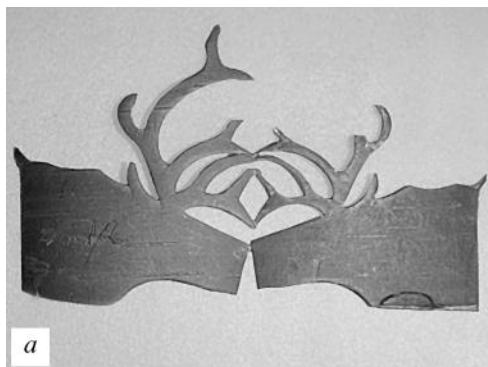

Ороки Сахалина. МАЭ. Ф-12. Оп. 1. Ед. хр. 93. Б.А. Куфтин. 1928 г.

[Лодка – неотъемлемая часть жизнедеятельности уйльта]. а–б) МАЭ. Ф-12. Оп. 1. Ед. хр. 93. Б.А. Куфтин. Ороки Сахалина. 1928 г.; в) Поронайский район. Залив Терпения. 2001 г. Фото автора

Тунгусская экспедиция 1928 г. Собиратель Б.А. Васильев. РЭМ. Отдел Сибири и Дальнего Востока. Ф. VI-Т/г. Вырезанные из бересты «фигурки» («игрушки»): а) два оленя № 8762-18227; б) рыба № 8762-18230; в) медведь № 8762-18238; г) кэву – гусь № 8762-18229; д) каура – летний шалаш, покрытый корой; е) котели (куйзйно) – котел № 8762-18218; ж) лось № 8762-18235

женщин уйльта было меньше, чем мужчин уйльта, но при этом дочь в семье никогда не ценилась, «от нее старались быстрее избавиться». Объясняют это тем, что «в таежных условиях какая бы сильная не была женщина, а для выживания нужно было больше мужчин». Хотя женщины уйльта всегда в тайге были очень «решительными», не были «инертными», принимали решения самостоятельно – при кочевом образе жизни это было неперенным правилом!

Дети из разных родов встречались и знакомились обычно на «медвежьем празднике». В начале XX в. такие праздники часто проводились совместно с нивхами. О будущей женитьбе своих детей родители договаривались заранее. Были случаи заключения браков и по сильной взаимной любви (например, брак Иннокентьева и Степановой – род Синахуду и род Нучи Ториса). При существовании запрета на замужество из определенных родов, люди всегда «пытались искать всякие лазейки», так как выбор брачных партнеров был очень ограниченным. Вероятно, сказывалась не очень большая численность уйльта в целом. Кроме того, как поясняют, пожилые люди, с появлением «пришлого» населения начались эпидемии разных болезней, смертельные исходы «уносили брачных партнеров». Найти брачного партнера становилось еще труднее. При женитьбе в оленеводческом обществе всегда в первую очередь учитывается наличие оленей. Всегда ставилась цель – увеличить стадо. Отмечают нередкие случаи женитьбы между двоюродными братом и сестрой, дабы «не пришлось делить оленей». Наибольшее количество оленей было в двух северных родах – Намиса и Дажи Баяуса. Вспоминают случаи, когда выдали замуж насильно девушку в 13–14 лет из рода Баяуса за старика Иванова (стариком считался мужчина около 40 лет. – Л.М.) в род Намиса. Но жила женщина, никогда не жалуясь, так как все понимали, что главное – сохранить оленей. Бывали случаи, когда, наоборот, женщина была старше мужчины в брачном союзе – все диктовалось оленеводческими «выгодами». Крупным считалось семейное стадо оленей, насчитывающее 50 голов.

По традиционному этикету уйльта, было принято непременно ласковое и почтительное обращение мужа к жене и жены к мужу – эдэ («друг», «подруга»). Это помнят многие представители этнической общности уйльта и сегодня. Обращение супругов друг к другу (как свойственно это и многим другим народам) не принято было по имени: «отец того-то», «мать того-то». Когда «муж подсаживал жену на оленя, всегда подставлял колено». Надо отметить, что это правило этикета сохраняется и по сей день: в оленеводческом, даже молодом, обществе всегда мужчина подставляет колено женщине при посадке на оленя (мальчики всегда садятся на оленя сами). Дети в семье не имели права вступать в разговор взрослых, высказывать свое мнение по поводу обсуждаемых тем. У родителей всегда должна быть большая выдержка – никогда не повышали тон, замечания всегда делали взглядом. С малолетства приучались к кочевой жизни. С четырех лет детей могли оставлять на время с пожилыми членами семьи (бабушкой...) для оседлой жизни (рыболовство). Бытует такое высказывание: «Дети всегда при стариках были, а женщины всегда были при мужчинах». Женщины часто ходили на охоту наравне с мужчинами, привязывали важенок, оленят. Женщина всегда участвовала в обсуждении проблем и принятии решений вместе с мужем.

По мнению женщин из северной группы уйльта, «на юге Сахалина женщины были мягче, на севере – более суровые, так как больше времени проводили в тайге; на юге раньше перешли к оседлому образу жизни».

Обратимся к данным метрических книг (ГАСО. Ф. 23-и. Оп. 2. Д. 2–4, 9, 11–13, 15, 19, 21, 32, 33, 37, 39, 42, 48, 50, 51, 63, 69, 76, 87, 93, 98, 107, 121, 122, 125–127, 129, 139, 147, 151, 152, 154, 169, 173, 179, 191, 192) о заключении браков в период христианизации уйльта. Более всего брачных союзов среди инородческого населения зарегистрировано было на Сахалине в Дуйской церкви – 57, в Александровской – 24, в Удской – 19, Дербинской – 17, Тымовской – 14, в Анивской (Корсаковской) – 11, Рыковской – 9, Онорской – 7, Рыбнинской – 5, Корсаковской – 2. Наибольшее число брачных пар было зафиксировано в 1880 г. – 44, в 1879 г. – 7, в 1881 г. – 2, в 1882 г. – 16, в 1885 г. – 9, в 1887 г. – 4, в 1888 г. – 1, в 1890 г. – 10, в 1892 г. – 1, в 1893 г. – 11, в 1897 г. – 1, в 1900 г. – 11, в 1901 г. – 5, в 1902 г. – 1, в 1903 г. – 5, в 1905 г. – 1, в 1907 г. – 4, в 1908 г. – 8, в 1909 г. – 1, в 1910 г. – 2, в 1911 г. – 10, в 1913 г. – 5, в 1914 г. – 1, в 1916 г. – 1. Наиболее предпочтительными для этого акта оказались зимние месяцы январь и февраль, очевидно, потому, что инородческое население не перекочевывает в это время, а живет оседло в определенных местах, не меняя место кочевья: в январе зарегистрирован 41 брак, в феврале – 80, в марте – 7, в апреле – 4, в мае – 7, в июне – 5, июле – 4, августе – 3, октябре – 6, декабре – 1, в сентябре и ноябре – 0.

Из 165 брачных пар инородцев, прошедших венчание, наибольшее число относится к этнической общности ороченов. Метрические книги фиксировали этническую принадлежность мужа и жены. Зафиксировано одноэтничных ороченских пар – 102; браков, в которых муж орочен, а жена тунгуска – 3, 8 – между тунгусом и ороченкой; 1 брачный союз, в котором муж орочен, а жена гилячка и 1 – между гиляком и ороченкой; 1 брачный союз между якутом и ороченкой. Кроме того, насчитывается 29 одноэтничных тунгусских пар, между тунгусом и гилячкой – 1, тунгусом и якуткой – 1, якутом и тунгуской – 7, брак «самагарец»-тунгуска – 1, «мещанин» – тунгуска – 1, одноэтничных браков негидальцев – 4, между негидальцем и тунгуской – 2, одноэтничных браков гиляков – 2 (или 3?). Как видно, предпочтительны брачные партнеры, ведущие аналогичный образ жизни: орочены, тунгусы и негидальцы имели схожие сферы жизнедеятельности; в то время как с гиляками, ведущими иной образ жизнеобеспечения, в этот временной период межэтнические браки очень редки. Среди всех браков инородцев, как правило, люди вступают в брачные отношений единожды, в исключительно редких случаях брачный партнер вступает в брак вторично, чаще это касается овдовевшей женщины.

В различном возрасте супруги (или будущие супруги) принимали решение о православном венчании. Возраст «жениха», по данным метрических книг, находился в диапазоне от 17 до 70 лет, а возраст «невесты» – от 15 до 59. Представители мужского пола приходили венчаться в возрасте 17 лет (1 случай), 18 лет (3 случая), 19 (1 случай), 20 (7), 21 (2), 22 (6), 23 (8), 24 (2), 25 (13), 26 (4), 27 (9), 28 (11), 29 (2), 30 (11), 31 (5), 32 (2), 33 (3), 34 (1), 35 (13), 36 (1), 37 (5), 38 (4), 39 (2), 40 (13), 43 (1), 45 (4), 47 (1), 48 (2), 49 (1), 50 (7), 52 (1), 54 (1), 55 (1), 57 (1), 59 (1), 60 (1), 62 (1), 68 (1), 70 (1), а женского –

в возрасте 15 лет (1 случай), 16 лет (10), 17 (13), 18 (9), 19 (7), 20 (24), 21 (5), 22 (8), 23 (5), 24 (2), 25 (13), 26 (1), 27 (1), 28 (4), 29 (2), 30 (14), 31 (1), 32 (1), 33 (2), 35 (12), 36 (1), 37 (3), 38 (1), 39 (1), 40 (4), 42 (1), 45 (1), 50 (1), 53 (1), 56 (1), 59 (1), есть 4 случая, когда возраст невесты не удалось определить (16, 18, 32 – ?).

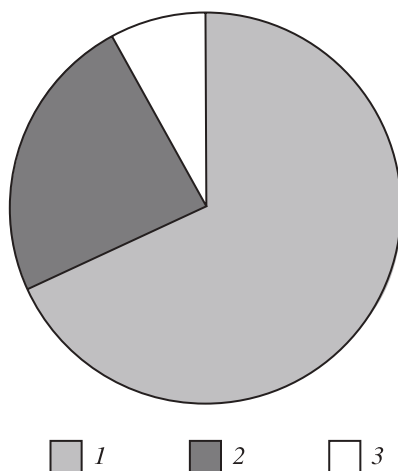
Среди браков ороченов можно увидеть следующую разницу в возрасте мужа и жены (исключая случаи, когда не известен возраст венчающихся):

Разница в возрасте	Количество браков	
	муж старше жены	жена старше мужа
до 5 лет	37	8
от 6 до 10 лет	32	
от 11 до 15 лет	13	
от 16 до 20 лет	7	
от 21 до 31 года	4	
от 3 до 9 лет		

Можно сказать, что в общем (с небольшими отклонениями) эта возрастная разница характерна для всех супружеских пар инородцев, зарегистрированных в метрических книгах. Наибольшее число браков ороченов приходится на разницу в возрасте между супругами до 10 лет – 69 браков (68%, см. на диаграмме область 1). Но нельзя сказать, что редки случаи большой возрастной разницы: свыше 10 лет – 24 брака (24%, см. на диаграмме область 2). Кроме того, в 8 случаях из 101 (8%, см. на диаграмме область 3) – жена старше мужа на 3–5–6–7–8–9 лет. При этом в 32 браках разница свыше 5 лет (менее 10), а одинаковый возраст у супругов лишь в 2 случаях. В общем можно отметить, что по архивным данным, в уйльтинской семье муж обычно был старше жены и разница в возрасте не была при этом незначительной (естественно, необходимо учитывать, что священник при записи возраста мог ошибиться, имея в виду определенные языковые и иные трудности общения с инородцами).

Возможно ли проанализировать взаимоотношения родов во время христианизации по данным метрических книг? (см. табл. далее)

По мнению уйльта, в конце XIX – начале XX в. браки заключались по нормам взаимоотношений родов, описанных выше. Не совсем ясно, почему тогда метрические книги фиксируют большое количество случаев, когда жена происходит из «той же деревни» или из «того же стойбища», что и муж? Может быть, люди не хотели посвящать человека другого (чужого) общества в эти тонкости, поэтому так отвечали? Или можно допустить, что священник сам по каким-то причинам определял происхождение женщины? Встречаются и случаи, когда

Таблица

Происхождение мужа	Род мужа	Происхождение жены	Род жены	Число браков
деревня Наймучи	Чарульский Бальчинский	деревня Наймучи	Бальчинский Чарульский	12
деревня Сухты		деревня Сухты		22
деревня Уй		деревня Уй		1
деревня Муйгача		деревня Муйгача		4
остров Сахалин		остров Сахалин		1
остров Сахалин		остров Сахалин		1
деревня Дахи/Даги/Даото/Даго		деревня Дахи/Даго		11
стойбище Сухту		стойбище Вáni		1
стойбище Сухту		стойбище Мыйгычи		1
стойбище Муйго		стойбище Сухту		1
Тымовский округ	Пилётту/Пелитунский	Тымовский округ	Бая/Басусский	1
местность Тарайка		местность Тарайка		1
стойбище		стойбище		3
Пилитун/Пелятун		Пилитун/Пелятун		
стойбище Уктай		стойбище Уктай		1
стойбище Даги		стойбище Набель		1
стойбище Набель		стойбище Набель		1
стойбище Хорое		стойбище Хорое		1
Тымовского округа		Тымовского округа		
стойбище Горомай		стойбище Горомая		1
стойбище Вал	Намысский Чарульский (Чарусский) Намысский	стойбище Пелятун	Синхоудский Пелитунский Бутарский	1
				1
				1
				1
стойбище Плитун		стойбище Набель		1

два рода кочевали в местах с одинаковым названием, к примеру, по одной реке (в разных местах течения).

Согласно приведенным выше данным, можно представить картину межродовых браков, используя некоторые названные понятия по топонимике, а также описанные нормы заключения браков между родами. Допустимо предположить, что местность Наймучи (Набильская земля) могла быть местом обитания родов Даји Баяуса и Гетта. В таком случае известно, что были допустимы взаимные браки между этими родами. В другом случае очевиден брак между мужчиной из Даји Баяуса (жившем на Пильтуне) и женщиной из Гетта (жившей в районе Набиля). Значится и брак между родом Гетта и родом Даји Ториса, из которого брали жен. Оба рода кочевали в районе Набиля. Зафиксированы браки между родами Сюкта и Муйгэттэ. Жен брали из рода Муйгэттэ в род Сюкта и, наоборот, из рода Сюкта в род Муйгэттэ. Есть несколько браков между родом Даји Баяуса, откуда традиционно брали жен, и родом Намиса. Оба рода кочевали по р. Пильтун (это название значится в метрических книгах по-разному). Также зафиксирован

брак между мужчиной из рода Намиса и женщиной из Синахуду. Таким образом, архивные материалы соответствуют некоторым данным, полученным в общении с информаторами.

Если вернуться к проблеме этнического отождествления уйльта, можно сказать, что в данных метрических книгах священники фиксировали мужчин чаще всего как «орочен» или «кочующий орочен», «арачен», а женщин – «ороченка», «орочонка», «кочующая ороченка», «кочевая ороченка», «орочёна», «араченка», «ораченка», «раченка». Такого разнообразия восприятия услышанного (и зафиксированного) имени этнической общности как у уйльта (ороченов) не наблюдается в этих же метрических книгах по отношению к другим инородческим этническим общностям – «тунгусам», «негидальцам», «гилякам» (они указываются в едином «фонетическом» написании без дополнительных определений – типа «кочующий»).

Помимо наименований этнических общностей «инородцев» и названий родов, метрические книги, естественно, содержат информацию об именах людей. Чтобы завершить анализ различных «имен» уйльта, обратимся к личным именам представителей этого народа.

Личные имена. Имена ороченов в метрических книгах «во язычестве» записывались священником так как они воспринимались «на слух». Очевидно, что иногда священник писал имя, которое ему напоминало приблизительно какое-либо христианское имя. В некоторых случаях после крещения давалось такое христианское имя, которое было чем-либо похоже, созвучно с прежним ороченским именем. Часто использовалось имя, начинающееся с одной и той же буквы («языческое» и «христианское»). Были случаи, когда в отдельные дни все крестившиеся женщины получали одно имя, и все крестившиеся мужчины получали также одинаковое имя, т.е. священник использовал имя святого, которое приходилось на этот день по церковному (православному) календарю.

«Бросается в глаза» факт наличия у каждого орочена своего этнического имени до крещения, не повторяющегося ни у кого другого никогда (во всяком случае в период христианизации данной этнической общности на Сахалине). В метрических книгах одно и то же написание имени орочена не повторяется ни разу. Могло ли существовать такое количество общепринятых в обществе имен? Фактически явствует ситуация наличия индивидуального имени для каждого представителя этнической общности – своего рода определение, характеристика человека. Или же по разным причинам люди не хотели называть свои настоящие имена во время крещения представителю иного народа, коим был священник. Имена детей не повторяют имена взрослых ни разу. О таком запрете повтора имен нет информации в существующих источниках. Возможно, это объясняется тем обстоятельством, что священник в различных ситуациях воспринимал звучание одного и того же имени по-разному и, следовательно, и записывал их как различные имена. Разные священники могли слышать и записывать одно и то же имя как два разных имени.

Почти все уйльтинские имена, которые сегодня помнит пожилое поколение уйльта, имеют доступную для понимания этимологию: они переводятся на русский язык, могут иметь незначительную разницу звучания из-за наличия двух диалектов языка – северного (Ногликский район Сахалина) и

южного (Поронайский район Сахалина). Имен, сохранившихся в этнической памяти ныне живущих поколений, к сожалению, не очень много. Информаторы подтверждают стремление их предков давать каждому родившемуся человеку свое индивидуальное имя как какую-либо характеристику родившегося (могло быть сравнение с цветком, особенностями внешности, поведения...).

В книгах о «крещении» приведены 171 мужское и 173 женских ороченских имени. Часты случаи, когда нет вообще указания имени человека до крещения, особенно в тех случаях, когда крестили маленьких детей (до 2–3 лет). Однако сказать, что у маленьких детей орочен не было имен на момент крещения, нельзя, так как много случаев и фиксации священником ороченских имен маленьких детей. Мужские имена, как видно по данным источников, часто заканчивались на «га», «ну», «ку», «н», «л», «с», «нь», «и», «й», «ли», «о», «ган», «ген», «ак». Женские имена, часто имели окончание «а», «да», «ча», «ка», «ди», «ку», «у», «о». Возможно ли перевести с уйльтаинского (ороченского) языка имена, приведенные в метрических книгах? Это вопрос, который еще предстоит выяснить.

Всего в метрических книгах, регистрирующих родившихся и крестившихся, зафиксировано 347 представителей мужского пола орочен и 327 – женского пола; именно в этих книгах записаны, помимо полученных при крещении православных имен, уйльтаинские традиционные имена (хотя порой в очень искаженном виде).

Фамилии крестившиеся представители малочисленных этнических общностей получали по восприемнику. Видимо, в тех случаях, когда рядом не оказывалось человека православного вероисповедания коренной этнической принадлежности тогда восприемником становился якут, русский и т.п. Отчество инородческое население принимало также по восприемнику. При этом необходимо заметить, что в конечном итоге все фамилии, полученные во время крещения, легко делятся по родам, за исключением одной фамилии (Степановы), которая, как уже было сказано выше, была в двух родах.

Традиционные имена уйльта сохраняли в ежедневной жизни и после крещения, часто получалось, что использовали оба имени.

Наиболее ужившимися в народной памяти у северной группы уйльта считают такие традиционные имена:

Мужские имена уйльтаинские	Заимствованные из русского языка	Заимствованные из японского языка	Женские имена	Заимствованные из русского языка	Заимствованные из японского языка
Амбака̀ну	Мэкэйлэ (Михаил)	Бондорону	Гисиктауда	Маре (Мария)	?
Бэкэдэ	Педари (Петр)	Масигари	Иммавада	Марпа (Марфа)	
Катиуну	Педер (Федор)	Масико	Ирруда	Огдоти (Авдотья)	
Кингиану	Питирикка (Петр)	Монди́ро	Катакури	Олгандя (Ольга)	
Мёнгнэну	Хонотоллин (Анатолий)		Кэнкэ	Сопе (Софья)	

Мужские имена уйльтинские	Займствован- ные из рус- ского языка	Займствован- ные из япон- ского языка	Женские имена	Займствован- ные из рус- ского языка	Займствован- ные из япон- ского языка
Макка Найнга Пэнэкэ Пэтэнгэну Соокену Сэнтурену Тулускену Тэрэписин Чименга Чмультакану Чомбдкко Югъяуану	Элексей (Алексей)		Нюнэрмэки Пуннэудэ Путэкэудэ Сэнэлэвдэ Тдлпо Туананди Тэгэмэри Уна Хумуранди Хуриккэ Чискудэ Экинэ		

Имена часто давали как характеристику человека, например по внешнему виду, Олгандя – *дя* означает «большая женщина». Поэтому часто, как отмечают информаторы, имена не повторялись; а судя по записям в метрических книгах, практически вообще не повторялись (за исключением православных имен, принятых во время крещения). В детстве называли сокращенными формами имени, например, Гиси (Гисиктауда), Пуннэ (Пуннэудэ), Имма (Иммавда).

Численность уйльта по архивным данным

Можно проследить, как распределялось по возрастным категориям общество (этническая общность уйльта), жившее в период с 1880 по 1908 г. 2 женщины имели годы рождения предыдущего столетия, т.е. 1792 г. и 1796 г., 1 мужчина – 1811 г. В 1920-е годы родились 14 человек: 1820 г. – 1 чел., 1821 г. – 3 чел., 1822 г. – 3 чел., 1823 г. – 1 чел., 1827 г. – 4 чел., 1828 г. – 2 чел. В 1930-е годы родилось 26 чел.: 1831 г. – 5 чел., 1832 г. – 8 чел., 1833 г. – 2 чел., 1835 г. – 1 чел., 1836 г. – 1 чел., 1837 г. – 7 чел., 1838 г. – 2 чел. В 1840-е годы родилось 45 чел.: 1840 г. – 1 чел., 1841 г. – 4 чел., 1842 г. – 8 чел., 1843 г. – 3 чел., 1844 г. – 6 чел., 1845 г. – 3 чел., 1846 г. – 6 чел., 1847 г., – 8 чел., 1849 г. – 3 чел. В 1850-е годы родилось 68 чел.: 1850 г. – 4 чел., 1851 г. – 11 чел., 1852 г. – 8 чел., 1853 г. – 7 чел., 1854 г. – 2 чел., 1855 г. – 4 чел., 1856 г. – 7 чел., 1857 г. – 13 чел., 1858 г. – 8 чел., 1859 г. – 2 чел., 185? г. – 2 чел. В 1860-е годы родилось 73 чел.: 1860 г. – 6 чел., 1861 г. – 6 чел., 1862 г. – 6 чел., 1863 г. – 9 чел., 1864 г. – 7 чел., 1865 г. – 10 чел., 1866 г. – 3 чел., 1867 г. – 9 чел., 1868 г. – 7 чел., 1869 г. – 9 чел., 186? г. – 1 чел. В 1870-е годы родилось 75 чел.: 1870 г. – 6 чел. 1871 г. – 7 чел., 1872 г. – 6 чел., 1873 г. – 6 чел., 1874 г. – 8 чел., 1875 г. – 8 чел., 1876 г. – 7 чел., 1877 г. – 8 чел., 1878 г. – 11 чел., 1879 г. – 8 чел. В 1880-е годы родилось

102 чел.: 1880 г. – 6 чел., 1881 г. – 12 чел., 1882 г. – 13 чел., 1884 г. – 9 чел., 1885 г. – 9 чел., 1886 г. – 21 чел., 1887 г. – 17 чел., 1888 г. – 9 чел., 1889 г. – 5 чел., 188? г. – 1 чел. В 1890-е годы родилось 153 чел.: 1890 г. – 11 чел., 1891 г. – 16 чел., 1892 г. – 22 чел., 1893 г. – 8 чел., 1894 г. – 5 чел., 1895 г. – 12 чел., 1896 г. – 24 чел., 1897 г. – 10 чел., 1898 г. – 20 чел., 1899 г. – 25 чел. В 1900-е годы родилось 79 чел.: 1900 г. – 24 чел., 1901 г. – 16 чел., 1902 г. – 14 чел., 1903 г. – 16 чел., 1904 г. – 6 чел., 1906 г. – 1 чел., 1907 г. – 1 чел., 1908 г. – 1 чел.

Обратимся к метрическим книгам умерших (ГАСО. Ф. 23-и. Оп. 2. Д. 9, 11–13, 15, 19, 21, 22, 33, 35, 37, 39, 42, 48, 49, 69, 76, 87, 93, 122, 126, 127, 129, 136, 152, 154, 173, 179. Материалы экспедиции 2003 г., пос. Вал, Ногликский район Сахалинской области // Полевой архив автора):

Год смерти	Возраст умершего	Год рождения	Год смерти	Возраст умершего	Год рождения	Год смерти	Возраст умершего	Год рождения
1884	2	1882	1897	6 мес.	1996	1903	23	1880
1882	40	1842	1898	30	1868	1903	40	1863
188?	?	?	1898	60	1838	1903	28	1875
188?	?	?	1898	52	1846	1903	2	1901
188?	?	?	1898	37	1861	1903	22	1881
188?	?	?	1898	40	1858	1903	12	1891
188?	?	?	1888	?	?	1903	31	1872
1884	?	?	1887	?	?	1903	3	1900
1886	?	?	1888	?	?	1903	31	1872
1886	2	1884	1888	?	?	1903	2	1901
1886	40	1846	1900	8	1892	1903	43	1860
1886	?	?	1900	68	1832	1903	24	1879
1886	?	?	1900	50	1850	1903	30	1873
1887	60	1827	1903	41	1862	1903	25	1878
1883	30	1853	1903	18	1885	1908	50	1858
1886	3	1883	1903	12	1891	1908	64	1844
1886	50	1836	1903	4	1899	1909	55	1854
1892	20	1872	1903	26	1877	1909	50	1859
1891	?	?	1903	39	1864	1908	7	1901
1891	?	?	1903	19	1884	1911	23	1888
1892	?	?	1903	10	1893	1913	3	1910
1896	30	1866				1913	25	1888
1896	5	1891						

Среди причин смерти отмечается эпидемия оспы в 1903 г. – умирали люди разного возраста от 2 (в одном случае – 6 месяцев) до 55 лет, кроме того, пожилые люди умирали в основном от воспаления легких или простуды. Среди принявших православие рожденных в 1820-х годах умер 1 чел.; рожденных в 1830-х годах – 3 чел., в 1840-х – 4 чел., в 1850-х – 5 чел., в 1860-х – 7 чел., в 1870-х – 8 чел., в 1880-х – 9 чел., в 1890-х – 7 чел., 1900-х – 5 чел., не известен год рождения у 16 чел., умерших в 1880–1890-х годах.

Таким образом, на Сахалине орочены/уйльта теоретически могли быть представлены к началу XX в. следующими возрастными категориями:

Годы рождения	1790-е	1811-е	1820-е	1830-е	1840-е	1850-е	1860-е	1870-е	1880-е	1890-е	1900-е
число родившихся	2	1	14	26	45	68	73	75	102	153	79
число умерших	?	?	1	3	4	5	7	8	9	7	5
(У 16 умерших год рождения не известен.)											

По очень приблизительному подсчету, если учитывать, сколько человек указанных годов рождения теоретически могли жить в начале XX в. (разность чисел родившихся и умерших определенных возрастных категорий), получается 570 чел. Если учесть, что могло остаться какое-то число не крещеных ороченых, а из общего числа 66 чел., умерших в период с 1882 по 1913 г., более 20 чел. умерли в 1903 г. от эпидемии оспы, можно заключить, что к концу XIX в., численность этнической общности уйльта приближалась к 600 чел. Интересно отметить, что именно такая численность этой этнической общности была предположительно определена Б.О. Долгих по отношению к XVII в. (Долгих, 1960, с. 610).

При подсчете ороченых, венчавшихся в этот временной период (по данным метрических книг о браках), можно сделать попытку определить примерно возможную численность взрослого населения данной этнической общности (из 600 чел.). Как уже говорилось ранее, было заключено 102 одноэтничных браков ороченых, в которых, естественно, насчитывалось 102 мужчины и 102 женщины. Кроме того, в межэтнических браках было 4 орочена и 10 ороченков. Получается, что в конце XIX – начале XX века, численность взрослого населения уйльта состояла из 106 мужчин и 112 женщин, всего – 218 человек. Это число можно определить лишь как наименьшее возможное, поскольку безусловно были старики, вдовы, одинокие взрослые, не успевшие вступить в брачные отношения и т.д.

Когда же и по какой причине произошло резкое снижение численности народа почти в два раза? Этот вопрос пока остается не исследованным. Показатели смертности уйльта во время различных эпидемий не очень проясняют этот вопрос. Так, например, исполняющий делами инспектора Медицинской части Приморской области Восточной Сибири по итогам командировки на Сахалин Г. Васильева («первый врач, проникнувший в глубину острова») в феврале–марте 1869 г. пишет Рапорт Военному Губернатору Приморской области, в котором информирует: «На О-ве Сахалине не оказалось к счастью натуральной оспы, но были встречены случаи ветреной оспы...». Далее делается заключение, что туземное население острова умирало в тот период вообще скорее не от эпидемий, а от голода – в тот год ощущался «недостаток пищи» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 240. Л. 8–8 об., 9). Как было видно по результатам метрических книг, во время эпидемии 1903 г., умерло не многим более 20 представителей этого народа. В 1908 г. от эпидемии пострадало большее число инородческого населения острова. Архивные материалы содержат информацию врача Штейгмана об «оспопрививании» – при-

вивки от «оспенной эпидемии 1908 года» делались на Сахалине, начиная с июня этого года, в различных «деревнях или кочевых стойбищах», а «эпидемия сильнее всего разразилась перед весной». Штейгман приводит такие сведения о численности умерших «орочен», например, в «стойбище Пелетун»: «Из шести семей у них, и то к весне, заболел и умер всего один орочен Пункноуда, оставив жену и двоих малолетних сыновей, перебравшихся потом в другие семьи». Одновременно он отмечает, что «стойбище орочен “Оуркун”... по реке Вал» было «опустошительным очагом болезни». Видимо, в различных стойбищах эпидемия протекала по-разному. Врач приводит для сравнения численности всего ороченского населения Сахалина такие цифры: по «переписи инородцев летом 1904-го года чиновника В.С. Иванова, т.е. четыре года тому назад, орочен числилось 278 душ... По произведенной же мною переписи (в 1908 г. – *Л.М.*)... остается не более 112 душ» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 317. Л. 58, 62–63 об.). Получается, что умерло 166 орочен (общая численность орочен Сахалина снова явно заниженная). Если сравнить с другими архивными данными, то за два года (1908–1909) от эпидемии умерло 140 чел. (Сведения об ороках, гиляках и других аборигенах острова Сахалина. [1916 год] // ГАСО. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 42. Л. 1. Ксерокопия // ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 516). Если посчитать всех ушедших из жизни за время этих эпидемий, все равно не получается сокращение населения уйльта с 600 (по иным сведениям более 700) человек в XIX в. до 300 в XX в. Скорее всего, происходило постепенное сокращение численности народа на протяжении десятилетий в XX в.

Проанализировав собранное мною «генеалогическое древо» уйльта с конца (в некоторых случаях со второй половины) XIX в., в дальнейшей работе предстоит кропотливо изучить этот вопрос, который давно мучает многих представителей народа уйльта (об этом постоянно размышляют информаторы), для того чтобы найти объективный ответ. Удивляет самих уйльта современного поколения, что «порой у маленького рода была огромная территория кочевания». Интересно вспомнить народное высказывание: «Уйльта ходили (т.е. кочевали с оленями – объяснение информаторов. – *Л.М.*) от Поронайска до Шмидта – и это маленький народ?! На какой большой территории острова Сахалин жили?!».

Глава 3

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

К проблеме численности народа

Как уже было отмечено, основные территории расселения уйльта находятся в Ногликском и Поронайском районах Сахалинской области. Кроме того, в январе 2000 г., согласно данным администрации Охинского района, который находится севернее Ногликского района, были учтены 3 уйльта (2 муж. и 1 жен.). (Полевой архив автора.)

Северная группа уйльта

Северная группа уйльта расселена в основном на территории Ногликского района.

В Ногликском районе на 1 июля 2001 г. численность «малочисленных народов Севера» достигла 1107 чел. (в том числе 530 мужчин и 577 женщин) при общей численности населения муниципального образования на начало 2001 г. 14 700 чел. (показатель естественного прироста населения Ногликского района отрицательный – 24 чел.).

	нивхи	ороки	эвенки	нанайцы	другие
муж.	408	90	28	3	1
жен.	440	79	57	1	0
ст. 16 л.	424	92	55	3	1
пенс.	66	7	2	1	0
всего	848	169	85	4	1

Среди живущих на территории района народов Севера отмечены нивхи, ороки/уйльта, эвенки, нанайцы. «Трудоспособного населения (с 16 лет и старше)» среди малочисленных народов Севера – 575 чел., в том числе, как видно из данных, 92 орока (уйльта). Среди ороков (уйльта) (Полевой материал автора) лишь 15 чел. «заняты в экономике района» и из них 3 чел. работают в «традиционных отраслях хозяйствования», а 77 чел. – «незанятые в экономике района», что фактически означает *безработные*. Среди 76 пенсионеров малочисленных народов Севера 7 ороков (уйльта). (Здесь и далее употребляется то название народа, которое внесено в исследуемых документах архивов, ЗАГСов и т.п., автор использует в качестве основного этнонима самоназвание – уйльта.)

По сведениям «Федерального государственного статистического наблюдения» в Своде по Ногликскому району на 1 января 2000 г. указана такая численность малочисленных народов Севера по полу и возрасту:

		эвенки	нанайцы	нивхи	ороки
реб. м.	31	7	1	3	20
реб. ж.	39	15	1	6	17
муж.	98	22	2	11	63
жен.	116	47	3	15	51
всего	214	69	5	26	114

Тогда как Свод на 1 января 1999 г. фиксирует следующую численность малочисленных народов Севера:

	эвенки	нанайцы	нивхи	орочи NB!	негидальцы
муж. 102	24	2	11	64	1
жен. 116	45	3	13	55	0
всего 218	69	5	24	119	1

Согласно этим данным, ороки/уйльта отсутствуют в перечне народов, очевидно, идет подмена названия *ороки* на *орочи*, которые на Сахалине не живут вообще!

Если же обратиться к последующим данным, в пос. Вал в 2001 г. зафиксированы 110 *уйльта/ороков*:

	эвенки	нанайцы	нивхи	ороки
муж. 94	20	2	11	61
жен. 109	42	3	15	49
всего 203	62	5	26	110

Для сравнения с ситуацией советского времени можно обратиться к данным Ногликского райгосархива. «Материалы по народностям Севера Ногликского района в 1966–1967 гг.» фиксируют, что в с. Вал живет 222 семьи, в том числе народностей Севера – 48, в них насчитывается 857 чел., в том числе представителей народностей Севера – 210. Среди них «ороки» составляют 98 чел. (51 жен.), нивхи – 20 чел. (3 жен.), эвенки – 69 (39 жен.), негидальцы – 9 (4 жен.) и др. – 1 чел. (Ногликский райархив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–9).

Южная группа уйльта

Южная группа уйльта в основном расселена на территории Поронайского района.

На западе Поронайский район граничит с Углегорским, на юге – с Макаровским и на севере – со Смирныховским районами. На востоке границей Поронайского района служит побережье Охотского моря и залив Терпения.

В муниципальном образовании «Поронайский район» Сахалинской области в июле 2001 г. в семи населенных пунктах жили 463 (224 муж. и 239 жен., в том числе 189 детей) представителя малочисленных народов Севера при общей численности населения района 35 300 человек. Народы Севера составляли 1,31% от общей численности района. Преимущественно они живут в г. Поронайске – 416 чел., включающем остров Южный – 80 чел., пос. Вахрушев – 26 чел., пос. Восток – 1 чел., пос. Гастелло – 12 чел., пос. Лео-

нидово – 2 чел., пос. Трудовое – 4 чел., пос. Соболиное – 2 чел. Из них ороков (уйльта) насчитывается 164 чел. (82 муж. и 82 жен.). Уйльта живут в основном в г. Поронайске – 155 чел. (75 муж. и 80 жен.), в пос. Вахрушев – 6 чел. (4 муж. и 2 жен.) и 3 муж. – в пос. Гастелло. Кроме уйльта в числе народов Севера в районе живут нивхи 152 чел. (в основном в Поронайске – 124 чел. и в пос. Вахрушев – 20 чел.), эвенки – 28 чел. (также в основном в Поронайске – 26 чел.), нанайцы – 111 чел. (тоже в основном в Поронайске – 103 чел.), другие представители северных народов – 8 чел. в Поронайске. Живущие в Поронайске народы Севера составляют 1,2 % от общей численности населения района и 1,93 % от численности Поронайска – 21 500 чел., а от численности коренных малочисленных народов Севера района – 90,1%.

На начало 2001 г. численность «трудоспособного населения» (с 16 лет и старше, кроме пенсионеров) среди народов Севера Поронайского района – 273 чел. (на 1 июля 2001 г. – 274 чел.), из них 98 нивхов (на 01.07.01. – 91 чел.), 87 ороков /уйльта (на 01.07.01 – 99 чел.), 18 эвенков (на 01.01.01 – 18 чел.), 64 нанайца (на 01.07.01 – 65 чел.) и 6 чел. относятся к «другим» народам Севера (на 01.07.01 – 8 чел.). Среди уйльта 33 чел. (на 01.07.01 – 76 чел.) заняты в экономике района, в том числе 11 чел. (на 01.07.01 – 41 чел.) – в «традиционных отраслях хозяйствования», а 54 чел. (на 01.07.01 – 23 чел.) фактически безработных. Значительное уменьшение количества безработных уйльта и соответственно увеличение их числа среди занятых в традиционных отраслях хозяйствования происходит, очевидно, за счет наступления периода путины – основного времени сезонной занятости представителей коренных малочисленных народов Севера в наше время. Так, среди их общего числа на 1 января 2001 г. 97 чел. были «заняты в экономике района», в том числе 27 чел. – в традиционных отраслях хозяйствования, а 176 чел. – не заняты в «экономике района», т.е. практически безработные. В то время как на 1 июля того же года 209 чел. (!) – «занятых», в том числе 112 чел. – в традиционном хозяйстве, и 65 чел. – практически безработных. Уйльта пенсионного возраста на 1 января 2001 г. составляли 20 чел., а на 1 июля – 17 чел. Всего на 1 августа 2001 г. в Поронайском районе насчитывается 46 чел. пенсионного возраста из числа народов Севера, из них 17 уйльта, 12 нивхов, 14 нанайцев и 3 представителя других народов Севера.

На начало 2000 г. общая численность (среди них «трудоспособного населения») малочисленных народов Севера достигала 463 (245) чел., включая 163 (82) ороков/уйльта, 158 (87) нивхов, 24 (13) эвенков, 110 (37) нанайцев и 8 (6) представителей других народов Севера: тазы – 4 чел., удэгейцы – 4 чел. Лишь 27 уйльта заняты в «экономике района», а 55 уйльта фактически безработные, 15 уйльта – пенсионного возраста.

На начало 1999 г. общая численность народов Севера Поронайского района составляла 470 чел., из них уйльта – 171 чел., нивхи – 161 чел., эвенки – 24 чел., нанайцы – 105 чел., удэгейцы – 5 чел., тазы – 4 чел. Из общего числа уйльта 88 муж. (до 16 лет – 30 чел.) и 83 жен. (до 16 лет – 32 чел.). В трудоспособном возрасте насчитывалось 85 уйльта, из них лишь 14 чел. работающих и 71 – без работы.

Данные о численности за 1999–2001 гг. приведены для возможности сравнения с последними имеющимися данными за 2002 г.

В муниципальном образовании «Поронайский район» Сахалинской области среди малочисленных народов Севера по данным, собранным на 01.08.02 специалистом по вопросам народов Севера при Администрации МО «Поронайский район», уйльта по национальности, Л.Р. Китазима можно выделить представителей в основном четырех следующих народов:

уйльта	нивхи	эвенки	нанайцы	тазы	удэгейцы
жен. 82	95	15	68	2	1
муж. 88	87	10	62	2	3
всего 170	181	25	130	4	4

170 уйльта (в течение года численность колеблется до 188 чел., на 01.01.02 – 184 чел.), 181 нивх (на 01.01.02 – 163 чел.), 25 эвенков (на начало года численность та же), 130 нанайцев (на 01.01.02 – 117 чел.). Кроме того, отмечены 4 чел., относящихся к тазам и 4 чел. – к удэгейцам. Таким образом, всего на территории Поронайского района живет 514 чел. (в течение года численность колеблется от 497 чел. (на 01.01.02) до 517 чел.) представителей малочисленных народов Севера. Народы перечислены в том порядке, в каком они представлены в официальных документах. Логика расположения очевидна: уйльта, нивхи и эвенки считаются коренными жителями Сахалина, нанайцы – приезжее население, тазы и удэгейцы – очень малочисленные этнические группы на Сахалине.

По данным экспедиции 2002 г. большинство уйльта живут в черте г. Поронайска, в основном на острове Южном (Сачи – это прежнее название острова широко бытует среди коренного населения до сих пор), кроме того, некоторые семьи есть в поселках городского типа Вахрушев и Гастелло.

Самые пожилые представители перечисленных народов – 3 нанайца (2 муж. 1924 г.р. и один 1927 г.р.), 2 уйльта (2 жен. 1925 г.р. и 1929 г.р.), 1 удэгеец (муж. 1928 г.р.). 1930-х годов рождения по данным 2000 г. живут 7 уйльта: 1933 г.р. – 3 жен. и 1 муж., 1935 г.р. – 1 жен., 1937 г.р. – 1 муж., 1939 г.р. – 1 муж.

1930-е г.р.	уйльта	нивхи	нанайцы
жен.	4	0	1
муж.	3	1	1
всего	7	1	1

1940-х годов рождения значатся 9 уйльта (1 жен. 1940 г.р., 1 жен. и 1 муж. 1941 г.р., 1 жен. 1943 г.р., 3 муж. 1944 г.р., 1 жен. и 1 муж. 1945 г.р.).

1940-е г.р.	уйльта	нивхи	эвенки	нанайцы	удэгейцы
жен.	4	19	3	5	1
муж.	5	2	0	0	0
всего	9	11	3	5	1

1950-х годов рождения насчитывается 19 уйльта : 1 жен. 1950 г.р., 2 муж. 1952 г.р., 2 муж. 1953 и 2 муж. 1954 г.р., 4 жен. 1955 г.р., 1 муж.

1950-е г.р.	уйльта	нивхи	нанайцы	тазы
жен.	10	19	9	1
муж.	9	8	10	1
всего	19	27	19	2

и 1 жен. 1956 г.р., 1 жен. 1957 г.р., 1 муж. и 1 жен. 1958 г.р., 2 жен. и 1 муж. 1959 г.р.

1960-х годов рождения значатся 27 уйльта: 1 жен. и 2 муж. 1960 г.р., 2 жен. и 1 муж. 1961 г.р., 1 муж. 1962 г.р., 2 жен. и 2 муж. 1963 г.р., 3 муж. 1964 г.р., 3 жен. и 3 муж. – 1965 г.р., 1 жен. и 1 муж. 1966 г.р., 2 жен. и 3 муж. 1968 г.р.

1960-е г.р.	уйльта	нивхи	эвенки	удэгейцы
жен.	11	13	2	0
муж.	16	9	0	1
всего	27	22	2	1

1970-х годов рождения насчитывается 18 уйльта: 1 жен. 1970 г.р., 1 муж. 1971 г.р., 1 жен. 1972 г.р., 1 жен. и 4 муж. 1974 г.р., 1 жен. и 1 муж. 1976 г.р., 2 жен. 1977 г.р., 1 жен. и 2 муж. 1978 г.р., 3 муж. 1979 г.р.

1970-е г.р.	уйльта	нивхи	эвенки	нанайцы	тазы	удэгейцы
жен.	7	17	3	13	0	0
муж.	11	14	4	8	1	1
всего	18	31	7	21	1	1

1980-х годов рождения значатся 46 уйльта: 2 жен. и 1 муж. 1980 г.р., 1 жен. и 5 муж. 1981 г.р., 2 жен. и 2 муж. 1982 г.р., 3 жен. 1983 г.р., 2 жен. и 4 муж. 1984 г.р., 1 муж. 1985 г.р., 5 жен. и 3 муж. 1986 г.р., 6 муж. 1987 г.р., 2 жен. и 3 муж. 1988 г.р., 2 жен. и 2 муж. 1989 г.р.

1980-е г.р.	уйльта	нивхи	эвенки	нанайцы	тазы
жен.	19	18	3	16	1
муж.	27	20	2	20	0
всего	46	38	5	36	1

1990-х годов рождения насчитывается 34 уйльта: 5 жен. и 3 муж. 1990 г.р., 1 жен. и 2 муж. 1991 г.р., 3 жен. и 1 муж. 1992 г.р., 2 жен. и 1 муж. 1993 г.р., 4 жен. 1994 г.р., 1 жен. и 2 муж. 1995 г.р., 1 жен. и 1 муж. 1996 г.р., 1 жен. и 1 муж. 1997 г.р., 1 жен. и 1 муж. 1998 г.р., 2 жен. и 1 муж. 1999 г.р.

1990-е г.р.	уйльта	нивхи	эвенки	нанайцы
жен.	21	15	1	9
муж.	13	26	3	11
всего	34	41	4	20

2000–2002-х годов рождения значатся 8 уйльта: 1 жен. и 2 муж. 2000 г.р., 1 жен. и 3 муж., 2001 г.р., 1 муж. 2002 г.р.

2000–2002-е г.р.	уйльта	нивхи	эвенки	нанайцы
жен.	2	1	4	2
муж.	6	7	1	4
всего	8	8	5	6

В 2000-х годах представителей женского пола родилось явно меньше, чем мужского. Такая же ситуация характерна и для ныне живущих представителей, рожденных в 1980-х годах. В иных десятилетиях наоборот число живущих ныне женщин превышает мужчин.

Таким образом, по данным на август 2002 г., наиболее многочисленным среди уйльта ныне живущих в Поронайском районе, можно назвать поколения 1960-х, 1980-х и 1990-х годов. 21 представитель народа уйльта – старше 50 лет, 57 детей – до 15 лет, около 100 уйльта находятся в самом трудоспособном возрасте. Но фактические данные о трудозанятости выглядят крайне трагически. Если взять общие показатели жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера, которые вполне отражают ситуацию и среди уйльта, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума составляет 71%, среднедушевой доход населения – менее 500 рублей. Из работающих всего 10 чел. устроены в промышленности и 52 чел. трудятся в национальных предприятиях, в родовых общинах и других субъектах хозяйственной деятельности.

112 чел. – учащиеся общеобразовательных школ, 6 детей посещают дошкольные учреждения, 1 чел. учится в ПТУ. Из всего населения, относящегося к малочисленным этносам, лишь 4 чел. не имеют никакого образования, 121 чел. – начальное образование, 196 чел. – среднее образование, 19 – высшее образование.

Этнические и социальные аспекты рождаемости и семьи

В Поронайском районе за период с января 1990 г. по сентябрь 2001 г. наибольшее число уйльта родилось в 1990 г. – 10 детей (4 мужского пола и 6 женского). У 8 детей матери – ороченки (уйльта). У двоих матери – нанайки, при этом одна из них сама имеет отца уйльта. Отцы – ороченны у троих детей (у одного отец отца – кореец). У одного ребенка отец – нивх, у одного – нанай, у одного – кореец, у троих – русский, у одного – мордвин.

В 1991 г. родилось 3 ребенка (2 мужского пола, 1 – женского), у которых матери – ороченки (уйльта), их отцы – орок (уйльта), нивх и русский.

В 1992 г. родилось 5 детей (2 мужского пола и 3 женского). У троих – матери – ороченки (уйльта), у двоих – нивхки, одна из которых имеет мать уйльта, их отцы – орочен, мордвин, остальные русские и украинцы.

В 1993 г. родилось четверо детей (двое мужского пола и двое женского). У троих матери – ороченки (уйльта), у одного – нанайка, имеющая сама отца уйльта, отцы у всех детей – русские.

В 1994 г. родилось четверо детей – все женского пола. В двух случаях матери ороки (уйльта), в остальных двух отцы – орочи (уйльта). В одном случае отец – мордвин (еще один отец не указан). В одном случае мать – японка, в одном – русская.

В 1995 г. родилось также 4 ребенка (2 мужского пола и 2 женского). У двоих матери – ороча (уйльта), у одного – русская, у одного – белоруска, их отцы – у двоих орочи (один из отцов имеет отца корейца), у одного – мордвин.

В 1996 г. родилось двое детей (1 мужского пола и 1 женского). Их матери – ороченки, отцы – не указаны в документах.

В 1997 г. родилось четверо детей – все мужского пола. В двух случаях мать – ороча (уйльта), одна из этих матерей имеет отца корейца. В одном случае мать – тунгуска и в одном белоруска.

В 1998 г. родилось 3 ребенка (2 мужского пола и 1 – женского). У одного ребенка отец – ороч (уйльта), у остальных не указаны. У двоих матери – ороченки (уйльта), у одного – нанайка.

В 1999, 2000 и 2001 гг. рождалось по два ребенка.

В 1999 и 2001 гг. родилось два оба ребенка мужского пола, в 2000 г. – оба женского пола.

Матери детей, рожденных в 1999 г. – ороченки, отец одного – кореец, другого не известен.

Матери детей, рожденных в 2000 г., – эвенка и ороча (уйльта), имеющая отца корейца. У одного отец – орочен (уйльта), у другого – не известен.

Матери детей, рожденных в 2001 г., – ороченки, одна из них имеет отца корейца. Отцы детей не известны.

По архивным сведениям администраций районов, получается, что за период с января 1990 г. по сентябрь 2001 г. у северной и южной групп уйльта родилось всего 99 детей. У северной группы – 55, у южной – 44. Из них в 1990 г. – 17 (в Ногликском районе – 7, в Поронайском районе – 10), в 1991 г. – 9 (7 – в Ногликском и 2 – в Поронайском), в 1992 г. – 6 (1 и 5 соответственно), в 1993 г. – 12 (8 и 4), в 1994 г. – 5 (1 и 4), в 1995 г. – 13 (9 и 4), в 1996 г. – 8 (6 и 2), в 1997 г. – 4 (0 и 4), в 1998 г. – 10 (7 и 3), в 1999 г. – 6 (4 и 2), в 2000 г. – 4 (2 и 2), за 8 с половиной месяцев 2001 г. – 5 (3 и 2) (Полевой архив автора).

Сопоставим численность северной и южной групп уйльта за последние годы. Общая численность ороков (уйльта), по данным официальной статистики (Полевой архив автора), в Ногликском районе (т.е. северной группы уйльта) в 1999 г. была 119 чел., в 2000 г. – 114 чел., в июле 2001 г. – 169 чел. Необходимо обратить внимание, что в эти годы происходит падение жизненного уровня уйльта в этом районе, показатели рождаемости очень невысоки, есть детская смертность и никакого переселения представителей этноса из других мест не значит. Откуда происходит увеличение числа уйльта с 2000 г. до середины 2001 г. на 55 чел. (для такого малочисленного народа это очень большая цифра!)? Вероятно, происходят изменения в самоидентификации уйльта и идентификации их представителями администрации. Общая численность ороков (уйльта) Поронайского района (т.е. южной группы уйльта) в 1999 г. – 177 чел., в 2000 – 163 чел., в июле 2001 г. – 164 чел. При этом число уйльта, входящих в категорию «трудоспособных», т.е. от 16

до 55 лет (пенсионный возраст у мужчин в р-нах Крайнего Севера в соответствии с законодательством Российской Федерации наступает в 55 лет) колеблется в указанные годы в Ногликском районе от 77 до 85 чел., в Поронайском – от 82 до 99 чел.

Как видно из приведенных выше данных, при меньшей общей численности населения уйльта и меньшего числа уйльта, находящегося в репродуктивном возрасте, в Ногликском районе родилось за исследуемый период больше детей, чем в Поронайском районе. Вероятно, сказывается ситуация, характерная для общего процесса рождаемости: независимо от национальности в условиях города детей рождается меньше, чем в сельской местности. Рождаемость детей уйльта (на аналогичном фоне общей рождаемости на Сахалине) в постсоветский период уменьшилась, но трудно сделать однозначный вывод: есть ли это результат изменения политического строя государства или же это происходит в рамках всеобщего падения рождаемости за последнее десятилетие, к примеру, как это характерно все в большей степени для многих стран Европы. Скорее всего, играют роль оба фактора.

В Ногликском районе уровень рождаемости уйльта в 1990, 1991 гг. (т.е. в советский период) и в 1993, 1995, 1996, 1998 гг. (т.е. в постсоветское время) примерно одинаков. При этом он резко падает в 1992, 1994, 1997 гг. Явная тенденция снижения уровня рождаемости наблюдается с 1999 г. по сегодняшнее время.

В Поронайском районе за несколькими исключениями ситуация аналогична. Самый высокий уровень рождаемости уйльта за исследуемый период наблюдался в 1990 г., резкое падение уровня происходит в 1991 и 1996 гг. А в 1992, 1993, 1994, 1995, 1997, 1998 гг. уровень рождаемости не высок, но стабилен. Так же, как и в Ногликском районе, начиная с 1999 г., намечается тенденция стабильно низкой рождаемости.

Обратимся к национальной принадлежности родителей. Как правило, в большинстве случаев уйльта рождаются в парах, где мать – уйльта или мать имеет этнические «корни» уйльта (говоря другими словами, один из ее предков был уйльта). Редки случаи смешанных пар, где отец – уйльта. Эта ситуация была характерна и 10, и 20, и 30 лет назад. Случаев, где и отец, и мать – уйльта, становится все меньше; это можно было наблюдать и в последние десятилетия советского строя.

Если ребенок рождается не в полной семье, а у матери-«одиночки», то совершенно естественно, кто бы ни был по национальности его отец, ребенок воспринимает культуру матери и той этнической среды, в которой он вырос. Поэтому абсолютно логично, что ребенок, родившейся от европеоидного отца (национальности различные) в такой ситуации осознает себя представителем народа уйльта. Так было и в советский период, и сейчас. Но помимо этого происходят и иные процессы, очевидно, характерные и для других народов Севера.

В полных семьях при зарегистрированном браке, независимо от национальности европеоидного отца (им может быть и русский, и украинец, и белорус), ребенок числился в документах местной администрации как орочен (уйльта), а в дальнейшем записывал эту национальность и в паспорт. Происходит это потому, что существуют определенные государственные и местные льготы, касающиеся лицензий на вылов рыбы, в том числе ценных

Пос. Вал Ногликского района. 2001 г. Фото автора

Жители пос. Вал. 2003 г. Фото автора

А.Н. Макаров – старейший оленевод-кочевник XX – начала XXI века Ногликского района.
2003 г. Фото автора

Е.А. Бибилова с внуками.
Пос. Ноглики. 2003 г. Фото автора

Остров Южный. Фото автора

Переправа с острова на основную часть г. Поронайска. 2004 г.

Сирюко Минато. 2001 г.

Переправа на остров. Г. Поронайск. 2004 г.

Л.Р. Китазима и А.Е. Накагава. 2002 г.

На острове Южном (г. Поронайск):
Казико Сугавара и Л.Р. Китазима;
жилье коренного населения постройки
советского периода. 2004 г.
Фото автора

Навтаро Ямакава и А.Д. Ооно.
Остров Южный. 2004 г. Фото автора

Семья Казико Сугавара. 2004 г. Фото автора

лососевых пород рыб, дающие права на организацию родовых национальных хозяйств, охоту в местных лесах, занятия оленеводством и различными другими формами традиционного для народа Крайнего Севера хозяйства. Кроме того, для малочисленных народов Севера существовали льготы при поступлении в различные учебные заведения. Стоит обратить внимание на то, что льготами по получению образования уйльта пользуются лишь в отдельных случаях, в то время как жизненно необходимые – по рыболовству и охоте – используются всеми. Необходимо отметить также, что все эти «льготы» на практике вовсе не улучшают жизнь основной доли коренного населения (подробнее об этом далее см. главу «Рыболовство»).

Интересно, что в семьях, где один из родителей имеет этническую идентичность уйльта, а другой – эвенка, нивха или нанайца (нанайцев в этом районе живет немного), ребенок чаще всего выбирает себе национальность эвенка, нивха (или нанайца), а не уйльта. Происходит это потому, что уйльта – самый малочисленный народ на Сахалине, о котором не знают зачастую даже давно живущие там приезжие, относящиеся к многочисленным народам; больше известны эвенки, нивхи и нанайцы. По этой причине представители коренного народа часто стесняются называть свою принадлежность к уйльта. Все это же можно сказать и о детях Поронайского района.

Кроме того, в Поронайском районе живет большее число нанайцев. Отношения с ними складываются у уйльта по-разному, так как большинство нанайцев приехали на остров Сахалин вместе с русскими и другими представителями многочисленных народов в не столь давние времена, чтобы считаться коренным населением – такое мнение бытовало прежде всего в среде малочисленных народов Сахалина. Этим объясняется некоторое противостояние в недавнем прошлом (в конце советского периода) интересов уйльта и нивхов – с одной стороны и нанайцев – с другой. Хотя, как отмечают пожилые люди, «уйльта и приехавшие нанайцы могли говорить друг с другом на своих языках, прекрасно понимая друг друга – языковая близость помогала общению старшего поколения, ныне молодежь не знает ни нанайского языка, ни языка уйльта» (Полевой архив автора, 2002, 2004. Остров Южный). За последнее десятилетие ситуация сглаживается, постепенно начинает преобладать взаимопонимание и, можно сказать, что в настоящее время отношения многих становятся очень дружескими. Этому процессу в наши дни помогает и владение всеми названными народами единого разговорного языка – русского.

Необходимо остановиться на этнически смешанных семьях уйльта с корейцами (Полевой архив автора, 1990–1991, 2001–2002). Чаще всего в них кореец – отец; браки почти всегда официально регистрируются. Фамилии и имена в семье дети получают, как правило, корейские, воспитываются в традициях корейской культуры, часто знают корейский язык, этикет, кулинарные тонкости. Однако, имея первично корейское самосознание, в последние годы они записывают в официальные документы национальность уйльта для того чтобы иметь льготы малочисленного народа Севера. Со временем происходит восприятие «двойного» самосознания, к примеру, уйльта-корейского. В случае переезда такого человека для временного или постоянного жительства на материк он начинает называть себя только корейцем. Это не характерно было для советского времени. До 1990-х годов наблюдался про-

цесс естественной ассимиляции уйльта в корейско-уйльтских семьях, другими словами, самосознание детей было корейским вне зависимости от места жительства – на родине или на материке. В отличие от случаев рождения от отцов европеоидного антропологического типа, когда характерны были случаи аккультурации, но не ассимиляции (ребенок ни в прежние времена, ни сейчас не осознавал себя принадлежащим к народу европеоидного отца, хотя и знал об этом отце), то для детей, рождавшихся в корейско-уйльтских семьях, т.е. «внутри» одной монголоидной расы легко происходила ассимиляция.

Таким образом, идентификация уйльта напрямую зависит от этнической среды и аспектов социальной политики государства.

Если попытаться сопоставить имеющиеся данные численности северной и южной групп уйльта, используя различные источники, получается следующая картина динамики численности:

годы	1901–1904	1963	1966–1967	1989	1990–1991	1999	2000	2001
северная группа уйльта (чел.)	278 (1904 г.)	?	98	212	164	119	114	169
южная группа уйльта (чел.)	246 (1901 г.)	160–170	?	129	156	171–177	163	164
источники информации	данные Б.О. Пилсудского	экспедиция А.В. Смоляк	архивные данные	данные административных органов	экспедиции А.И. Кузнецова и Л.И. Миссоновой	данные администраций		

За последние сто лет каждая из групп уйльта уменьшилась примерно на сто человек, но при этом сохранилось соотношение численности северной и южной групп уйльта. Численность групп отличается незначительно и сейчас, и сто лет назад. Большая разница численности наблюдается в отдельные годы (1960-е годы, 1989 г., 1999 г.), но, вероятно, это объясняется «ошибками» официальной статистики, так как промежуточные между этими годами данные (1990–1991) и последующие (2000) подтверждают равное соотношение северной и южной групп уйльта.

Проблемы здоровья

Уже в 1956 г. в результате экспедиции, проведенной отделом Сибири и Дальнего Востока Государственного музея этнографии народов СССР, были получены такие данные о состоянии здоровья ороков и эвенков: «Приводится страшная цифра – 78% больных туберкулезом и лишь 22% эвенков и ороков свободны от него. Болезнь распространяется потому, что больные открытой формой туберкулеза родители спят и едят вместе с детьми. Трахома – не редкое явление» (Архив МАЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 12. Л. 14). С середины

до конца XX столетия здоровье коренного населения не только не улучшилось, но и еще более ухудшилось.

Постоянная комиссия по законности и местному самоуправлению Сахалинской областной Думы еще в 1998 г. отмечала, что нарушен экологический баланс в местах расселения коренных народов. Из-за нарушения природной среды обитания произошел резкий переход на несвойственный народам Севера тип питания, а в настоящее время порой полностью отсутствует самая элементарная пища. В результате сегодня здоровье всего населения, принадлежащего к коренным народам Сахалина, и что еще более прискорбно детей, находится в трагическом состоянии.

В апреле 2001 г. начальник отдела образования администрации муниципального образования «Ногликский район» обращалась в администрацию Сахалинской области с просьбой включить в областную целевую программу «Дети Севера» (2001–2002 гг.) в первую очередь медицинское обследование и оказание лечебно-профилактической помощи детям из числа коренных народов Севера. Основными заболеваниями у детей в 1999–2001 гг. (Полевой архив автора). были болезни органов дыхания, органов пищеварения и болезни глаз (нельзя не отметить, что каждый год происходит недопустимое увеличение числа детей, болеющих названными заболеваниями!), кроме того, болезни уха и психические расстройства, нарушение речи:

годы	1999	2000
болезни органов дыхания	272	359
болезни органов пищеварения	77	153
болезни глаз	64	68
болезни уха	26	17
психические расстройства	20	12
другие заболевания	122	55
всего больных детей	581	664

Необходима организация санаторных групп на базе дошкольных учреждений, а также этнолагерей (это название используется представителями местной администрации) в заливе Ныйво и пос. Вал, где дети могли бы заниматься спортом, изучать народные промыслы, связанные с оленеводством и рыболовством, в игровой форме изучать родные языки.

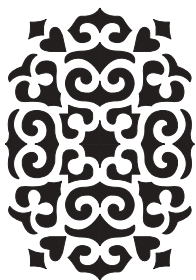
В целом уровень смертности аборигенного населения на Севере Сахалинской области превышает среднеобластной в 1,3 раза, а показатель младенческой смертности – в 1,8 раза. Среди коренных народов Севера Сахалина за 1995–1998 годы заболеваемость выросла на 19%, при том, что заболеваемость всего населения по области не претерпела существенных изменений (Концепция социально-экономического этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области // Документы Постоянной комиссии по законности и местному самоуправлению Сахалинской областной думы. 1998 г. Полевой архив автора).

Попробуем сопоставить эти данные с архивными сведениями метрических книг (ГАСО. Ф. 23-и. Оп. 2. Д. 9, 11–13, 19, 21, 22, 33, 35, 37, 39, 42, 48,

49, 69, 76, 87, 93, 122, 126, 127, 136, 152, 154, 173, 179). За 32 года в период с 1882 по 1913 г. умерло 66 «ороченов». Если учесть, что численность ороченов того времени в два раза превышала нынешнюю (об этом подробнее см. далее в работе) и составляла примерно 600 человек, а не менее 20 человек ушли из жизни из-за эпидемии оспы в 1903 г., получается, что естественной смертью (чаще всего – от воспаления легких и простуды, не включая эпидемии) за 32 года умерло около 46 человек в возрасте от 6 месяцев до 55 лет (в том числе около 10 детей в возрасте до 10 лет), т.е. каждый год умирали 1–2 человека при гораздо большей численности народа. Пожилые люди вспоминают высказывания своих родителей: «Как только стало много людей с материка приходить, начались эпидемии, раньше уйльта не знали, что такое эпидемии. А в младенческом возрасте были однако часто случаи смерти и раньше» (Полевой архив автора, 1990, 2001. Ногликский район). Анализируя данные переписи 1897 г., С. Патканов отмечал, что «южные Забайкальские тунгусы, маньчжуры и дауры, все показывают хороший положительный прирост, между тем как...» полуоседлые и бродячие племена рыболовов и охотников, «к которым следует отнести остальную часть собственно тунгусов и все прочие тунгусские племена... не только не пребывают в числе, но показывают отрицательное естественное приращение» (Патканов, 1906, с. 010).

Таким образом, нарушение природной среды обитания, вызвавшее значительное ухудшение здоровья уйльта, как и всего остального коренного населения Сахалина, происходило на протяжении и XVIII, и XIX вв. Однако стремительно ситуация стала ухудшаться в XX в., что явилось результатом усилившегося воздействия этносоциальной среды острова на малочисленный народ.

Глава 4

ТРАНСФОРМАЦИЯ МАЛОЧИСЛЕННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ

Попытка сопоставительного анализа процессов динамики различных малочисленных этнических общностей

Что есть «общее» и «особенное» в процессе динамики уйльта Сахалина по сравнению с иными малочисленными этническими общностями? Можно попробовать сделать небольшой экскурс в иную страну, к иным народам.

С тех пор как началось разделение человечества на общества, ведущие присваивающее и производящее хозяйство, последние оказывали определенное влияние на многие стороны жизни своих соседей. Это прослеживается на различных ступенях социально-экономического развития, например, эллинизация «варваров», романизация Иберийского полуострова, Галлии, влияние русских на финно-угорские и другие народы Севера и Сибири Российской империи. Значительно влияние одних народов на другие проявилось в Индии. Процессы восприятия элементов материальной и духовной культуры, языка, очевидно, имеют общие закономерности, проявляющиеся при взаимодействии любых народов, живущих в различных географических и климатических условиях, имеющих разный уровень социально-экономического развития.

При попытке сопоставления закономерностей аккультурации могут быть выявлены общие тенденции, присущие народам, имеющим полярные характеристики: «зарегистрированные племена» штата Южной Индии Керала, обитающие в тропиках, и малочисленные народы Крайнего Севера России, живущие в экстремальных условиях Восточной Арктики и Субарктики в тундре, лесотундре, тайге. Племена Кералы контактировали с соседними дравидоязычными народами в течение нескольких тысячелетий, народы Крайнего Севера вступили в контакт с представителями Российской империи 100–300 лет назад. Различны социально-экономические и политические системы государств, в которых живут сравниваемые этнические общности. Столь противоположные характеристики делают сравнительный анализ процессов аккультурации тем более любопытным. Правомочность подобного сравнения заключается в том, что основой их жизнедеятельности было присваивающее хозяйство. Общими сферами этих хозяйств можно назвать охоту, рыболовство, собирательство.

Племена Кералы долгое время сохранялись в горных или холмистых районах, на которые до прихода капитализма их соседи не претендовали. Живя и развиваясь в изоляции, можно было оставаться самими собой. Так продолжалось до проникновения в XIX в. капиталистических взаимоотношений в экономику штата, что неминуемо привело к появлению на их исконных территориях лесоразработок и плантаций, ограничивающих

передвижение племен, связанное с охотничье-собираТЕЛЬским укладом жизни и с переложным подсечно-огневым земледелием. Традиционный хозяйственно-культурный тип, присущий охотникам-собираТелям, племена Кералы сохраняли вплоть до XX в. В результате контактов с соседями начинается постепенный переход все большего числа племенных обществ к подсечно-огневному, а затем и к плужному земледелию.

Коренные народы Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока продолжают занимать свою исконную территорию, на которой с середины XIX в. (1850–1870 гг.) начинают расселяться русские. Особенно интенсивно этот процесс идет в низовьях Амура, где имелись возможности для земледелия. Уже в 1926 г. половину населения этого края составляли русские. Начавшееся промышленное освоение привело к появлению в конце 1950-х годов городов (Комсомольск, Амурск, Солнечный) и десятков рабочих поселков. В результате доля коренного населения в прилегающих к Амуру районах упала (до 5–10%). Промышленное освоение всех северных районов, это же относится и к Сахалину, привело к значительному увеличению общей численности населения и резко снизило долю коренных народов Севера. Хотя численность большинства этих народов, как пишет, к примеру, исследователь поселков нижнего Енисея Д.Дж. Андерсон, «оставалась относительно стабильной, массовый приток русских привел к тому, что эти народы стали меньшинствами в пределах своих административных территорий и поселков» (Андерсон, 1998, с. 78).

Более подробный анализ хозяйства, поселений и жилища, одежды, веРований этих народов содержится в другой работе автора (Миссонова, 1993, с. 113–126), здесь же будет уместно остановиться лишь на основных закономерностях и различиях, характерных для этих обществ в сравниваемом аспекте.

Рассмотрим некоторые стороны хозяйственно-экономической жизни обществ. В 1960–1970-х годах около 78% всех племен в Керале занималось земледелием на своих или арендованных участках. Уровень развития земледелия различен: от подсечно-огневого до плужного (Census of India, 1961). К концу XX в. охота не стала играть решающей роли в жизнеобеспечении племенных обществ, хотя в отдельных племенах охотой занимались наравне с другими занятиями. В определенные сезоны года там, где это возможно распространена рыбная ловля. Причем рыбу ловят как сетями, так и традиционным духовым ружьем – трумбитханой. С помощью этого духового ружья охотятся также и на птиц. Лук и стрелы уже практически не известны современному поколению. Входит в быт и огнестрельное оружие производства местной промышленности (Krishna, Laer, 1961, p. 65–80). Немаловажную роль продолжает играть собирательство, которое превратилось в товарный промысел и приносит немалую часть дохода. Лесоматериалы, тростник, бамбук, дикий мед и воск, лекарственные травы, дикорастущий кардамон, лимонную траву обменивают на товары или продают. Ямс и съедобные корни продолжают собирать для собственного потребления. Широко распространены домашние промыслы: плетение сетей, ловушек, корзин и циновок из тонких полосок расщепленного бамбука, изготовление флейт и барабанов и т.д. Домашние промыслы последние десятилетия приобрели домашний характер. Обмеление озер и расширение плантаций

приводит к сокращению охотничьих и рыболовных угодий. Новым способом получения прожиточного минимума стало отходничество: нанимаются сезонными рабочими на плантации, заключают контракты по выращиванию перца и кардамона на арендованных у Лесного департамента землях, работают погонщиками слонов, сторожами, носильщиками, землекопами и камнетесами в Лесном департаменте.

Вернемся к коренному населению Крайнего Севера. Основой существования традиционно было оленеводство, рыболовство, охота и морской зверобойный промысел. Первоначально в результате контакта с пришлым населением происходили постепенные изменения в их хозяйстве. Российское государство на том этапе мало вмешиваясь во внутреннюю жизнь северных народов, взимало лишь налоги соболями, горностаями, белкой, песцами. Помимо этого, российские купцы охотно выменивали пушнину на различные товары. Таким образом, охота со временем приобретала для северных народов товарный характер. Под влиянием русских часть населения начала заниматься производительными отраслями хозяйства – земледелием, звероводством, разведением крупного рогатого скота, коневодством, огородничеством (Патканов, 1906а, с. 194). Надо отметить, что разведение коров и земледелие далеко не всегда приживалось, например, у уйльта Сахалина это не получило развития в отличие от огородничества, которое успешно ведется на современном этапе развития, особенно в южной группе уйльта, что можно объяснить более ранним ее переходом на оседлый образ жизни.

Большие перемены в хозяйственной жизни народов Севера произошли в результате интенсивного промышленного освоения полезных ископаемых, природных ресурсов, каковыми на Сахалине стали энергоресурсы (нефть, газ). Коллективизация, особенно развернувшаяся после Второй мировой войны, порой абсолютно изменяла традиционную систему жизнеобеспечения. Из-за сокращения оленьих пастбищ, отторжения и загрязнения промысловых угодий постоянно уменьшалась возможность заниматься традиционным хозяйством. Народы Севера в советское время начали овладевать специальностями электриков, механиков, воспитателей детских садов, учителей средних школ и т.п. Начиная с 1917 г. осуществлялся постепенный (первоначально принудительный) переход северных народов на оседлость. Яркий пример этому и жизнь уйльта. Пожилые люди на Сахалине рассказывают, как оленеводы убегали со своими оленями в тайгу от агитаторов, которые убеждали оленеводов отдать своих оленей в колхоз и принудительно заставляли прекращать семейный выпас личных оленей, более того, иногда уводили женщин уйльта, которые потом бесследно пропадали. Есть в памяти народа история, когда оленевод убил свою жену и себя, чтобы не попасть под власть «агитаторов» (Полевой архив автора, 2001. Вал). С созданием колхозов и совхозов коренное население стало жить в поселках, в традиционных для прошлой жизни отраслях хозяйства стало работать значительно меньше людей.

Существенные изменения претерпела техника промысла: стали применять капроновые неводы и сети для рыболовства и охоты, сложные ловушки, многие рыбаки в советское время имели моторные лодки, охотники стали владеть мелкокалиберными винтовками, карабинами (еще в середине

XIX в. лук стал вытесняться кремневым ружьем). Но наряду с современными орудиями, употребляются и традиционные, которые в определенной промысловой обстановке более эффективны: мешкообразные подледные сети, ловушки при охоте на нерп, традиционные «петли» на промысле лисицы, зайца, «морды» при ловле рыбы и другие приспособления (Туголуков, 1970, с. 237–239). До сих пор самыми удобными и надежными в кочевом оленеводстве, к примеру, у эвенков Красноярского края и уйльта Сахалина, считаются сделанные своими руками оленье упряжь, грузовые и верховые седла, мауты, выючные сумы, берестяные короба и т.д. (Полевой архив автора, 1989, 1991, 2001–2003).

Показательная сфера изменений – семейно-брачные отношения малочисленных общностей. Семейные и брачные отношения регулируются как традиционными, так и заимствованными у соседних более многочисленных народов нормами. В племенах Кералы действует широко распространенный у большинства народов Индии обычай гипергамии: брак женщины с мужчиной из «низшего» племени не разрешается. Браки вне племени часто караются изгнанием. Однако есть племена, которые практиковали браки с другими племенами. Браки с представителями крупных соседних народов, стоящих на ином уровне экономического развития, за редким исключением не практикуются. Заключению смешанных браков препятствует кастовая система; такая пара не признается обоими обществами. Семьи, как правило, моногамны, хотя существует и полигамия, чаще всего, если жена бесплодна или больна (аналогичная ситуация с полигамией была раньше и на Крайнем Севере России, включая и уйльта Сахалина). В настоящее время браки заключаются в основном после достижения девушкой половой зрелости, ранее этот фактор не учитывался (Fuchs Stephan, 1973, p. 247–253).

Племена, имеющие относительно развитое земледельческое хозяйство предпочитают кросс-кузенные браки – очевидна заинтересованность семьи в сохранении и приумножении земельных угодий (можно провести параллель: есть примеры браков между двоюродными братьями и сестрами в традиционном родовом оленеводческом обществе уйльта для приумножения голов оленей в семье).

В противоположность Керале на Крайнем Севере широко распространены смешанные семьи. Браки между народами Севера в более ранние периоды развития можно отметить на границах их расселения, практиковались браки по схожести хозяйственной деятельности, например, довольно давно существовали брачные связи между эвенками и уйльта на Сахалине. Браки с русскими в прежние времена были редки, так как существенно различалась система жизненной ориентации. Хотя народы Севера были в большинстве своем крещены, русские считали их «нехристями», так как у них были шаманы. В 1920–1930-х годах наблюдаются браки русских (в основном – мужчин) с представителями коренного населения. Народы Севера начинают работать вместе с русскими в колхозах, их дети учатся вместе в средних школах. Получается, что между отдельными группами одного народа, живущими порой на значительном расстоянии друг от друга, как северная и южная группа уйльта, поддерживается меньше контактов, чем у каждой группы с окружающим русским и другим приезжим населением (Смоляк, 1972, с. 263–274).

Процесс интенсивного увеличения метисного населения наблюдается с 1950-х годов (Кузнецов, Миссонова, 1990, с. 50–65). Это объясняется резким увеличением численности приезжего населения в связи с освоением природных ресурсов, организацией колхозов, рыбокомбинатов и других предприятий. Большинство приезжих составляли молодые холостяки, что само по себе в значительной степени увеличивало вероятность межрасовых контактов, которые не вели чаще всего к образованию семьи, а лишь к рождению ребенка. Таким образом, шел процесс постоянного увеличения доли европеоидности в генофонде коренного населения, этот процесс продолжается и по сей день (Kouznetsov, Missonova, 1988, p. 313–336). Однако изменение антропологического типа не приводит автоматически к изменению этнического самосознания. Патрилинейность в наши дни, к примеру, у эвенков и уйльта, проявляется в присвоении детям фамилии отца при отнесении их к национальности матери, т.е. к коренному народу Севера. (Конечно, здесь может сказываться и русская традиция присвоения фамилии и «рекомендации» сотрудников ЗАГСов. Но, по словам информаторов, можно сделать вывод и о том, что даже нынешнее поколение уйльта имеет свое представление о существовании патрилинейности их общества в начале XX в.)

Необходимо вспомнить, что у аборигенов Кералы традиционно велся матрилинейный счет родства. В результате влияния иных соседних обществ к середине XX века среди племен Кералы распространился патрилинейный счет родства, характерный для народа Кералы малаяли (Fuchs Stephan, 1973, p. 253–256). Помимо этого, в существующей так называемой смешанной системе наследования по линии матери наследуется имя, а по линии отца – имущество. Эта система широко распространена у соседнего этноса малаяли, составляющего основную часть населения штата Керала.

Интересно проследить языковую ситуацию. Все племена Кералы говорят на диалектах языков малаялам, тамильского, каннада, тулу, маратхи, телугу, т.е. народов Кералы и соседних штатов. Особенно распространено смешение языков малаялам и тамильского. Сведений о каких-либо самобытных языках источники не дают. По имеющимся данным не представляется возможность определить, остались ли в лексике слова или выражения прежних племенных языков.

Начиная со второй половины XX в. родные языки народов Севера стали уходить из жизни. Часть представителей народов Севера стала считать своим родным языком русский. Из-за отсутствия учителей из коренного населения преподавание в школах-интернатах и в детских садах шло на русском языке. Это привело к исчезновению из обихода молодого поколения родных языков. В «период перестройки» начался обратный процесс – возрождение интереса ко всему национальному, в том числе и к языку своего народа.

Таким образом, при всей несхожести климатических и государственно-политических условий, в которых живут и развиваются малые народы Южной Индии и Крайнего Севера России, их развитие под влиянием этносоциальной среды оказывается реально сопоставимым, а общие закономерности процессов схожими. В различных обществах наблюдаются аналогичные процессы аккультурации, имеющие, естественно, и свои особенности. Среди основных особенностей можно отметить следующие. Исторические и политические условия развития предопределили отсутствие смешанных

межэтнических браков у малочисленных этнических общностей Кералы (благодаря кастовой системе) и прогрессирующее увеличение числа смешанных браков и рождения метисов среди народов Севера во второй половине XX в.

Не схожи и языковые процессы. Если племена Кералы потеряли свои языки, находясь в тесном контакте с многочисленными народами Индии в течение продолжительного периода – нескольких тысячелетий, то народы Севера утратили свободное владение своими родными языками, а нередко и совсем забыли их буквально за несколько последних десятилетий истории, при чем это происходило не всегда естественным путем, а зачастую насильственной политикой местных властей, что не могло не отразиться на развитии национальной культуры этих народов. Необходимо заметить, что художественная литература на родном языке создана далеко не у всех северных народов. Ульчский писатель А.Л. Вальдю и нивхский В. Санги пишут по-русски.

Преподавание в школах велось только на русском языке. Это обусловлено тем, что преподаватели – приезжие русскоязычные (в большинстве случаев), а в школах обучаются дети разных национальностей, так, на Сахалине вместе учатся эвенки и уйльта, нивхи, нанайцы, а также дети приезжего населения. В итоге основной язык общения коренного населения на Сахалине – русский. В семье говорят по-русски, свой родной язык знает старшее поколение, в определенной степени знает среднее поколение и не знает, кроме некоторых слов и выражений, младшее поколение. В 1990–2000-х годах неоднократно предпринимались попытки обучения языку ульта в детском саду пос. Вал, а также нанайскому и языку ульта в школе-интернате г. Поронайска. Пока это обучение мало эффективно. Восстановить в современных условиях коренные языки как разговорные в отрыве от традиционного хозяйства (где только на своем языке можно называть все реалии), видимо, почти не представляется возможным, так как у народов нет желания разговаривать на них в семье. А без этого язык «жить» не может. Все общение с лицами других национальностей, с государственными и другими организациями осуществляется на русском языке. В данном случае, как определяет это С.В. Чешко, происходила так называемая «языковая русификация», «которая была далеко не всеобъемлющей и представляла собой не целенаправленную русификацию, а стандартизацию, во многом обусловленную объективными, спонтанными процессами организации и самоорганизации полиэтнического общества» (Чешко, 2000, с. 197).

К общим процессам можно отнести нарушение традиционных хозяйственно-культурных типов, которое принесло развитие капитализма в экономике штата Керала и России. Правда, в России малочисленным этническим общностям суждено было ощутить на себе развитие «капитализма» вторично, что привело в некоторых случаях к желанию возродить традиционное хозяйство в несколько измененных формах (как это произошло у уйльта Сахалина). Общими можно назвать процессы изменения социального устройства обществ, потерю родных языков, перемен в семейно-брачных отношениях.

Аккультурация стала идти быстрыми темпами во второй половине XX в.: в Индии – после достижения независимости в 1947 г., в России – после Второй мировой войны. Аккультурация, т.е. культурная и языковая

ассимиляция не завершилась полной ассимиляцией малочисленных этнических общностей Южной Индии и Крайнего Севера России соседними народами, стоящими на других ступенях социально-экономического развития. В Керале этому мешает прежде всего кастовая система, а также антропологические различия (местное население легко различает дравидов и австралоидов). На Крайнем Севере России ассимиляция не происходит, так как сохраняются культурные особенности и прочное самосознание народов Севера даже у детей в межэтнических браках.

Обратимся к вопросам влияния этнической среды на трансформацию малочисленного народа на Сахалине.

Уйльта в социальной системе этнической среды Сахалина

Процесс формирования и жизнедеятельности народа зависит не только от первичной среды, но и от этнической среды, т.е. не только от географической (в том числе климатической) среды, частью которой становится этнос, но и от окружающих его других этнических единиц. Ярким примером этого может служить картина сегодняшней жизни малочисленных народов Крайнего Севера России, и в частности Сахалина.

Естественно, что в начале своего развития для этнической общности первостепенное значение имеет географическая среда, к которой надо приспособиться и которой зачастую приходится подчиняться, становясь частью этой среды, ее производной. В районе своего обитания люди, входящие в одну этническую общность, приспосабливаются к условиям, созданным наличием прирученных им животных (Широкогоров, 1923). Так, у народов Крайнего Севера шел процесс приручения оленей, охотники следовали за пушным зверем, а рыболовы и охотники на морского зверя полностью зависели от водного пространства. Далее зависимость от первичной среды дополняется сильной зависимостью от этнической среды, т.е. от окружающих других этнических единиц.

Внешним выражением приспособления может служить численный состав этнической общности, который может быть растущим, неподвижным и падающим. Наконец, этническая среда заставляет искать оптимальные формы взаимоотношений с другими народами. Отношения могут складываться в форме сотрудничества, в форме взаимных выгод, форме «поглощения» либо слияния.

Определенная степень взаимоотношений с этнической средой, влияющая на состояние, в котором пребывает данная этническая общность (стабионарном, развития или гибели), определяет и степень равновесия материальной, социальной и духовной культур. Нарушение такого равновесия приводит в состояние неустойчивости всю культуру данной общности. Утеря культурных особенностей без замещения их эквивалентом той же культуры, сохраняющим равновесие, знаменует собой утерю своего этнического «облика» и постепенное его этническое вырождение, вне зависимости от того, «выше» или «ниже» замещающая культура теряемых этнокультурных особенностей.

Рассмотрим этническую среду, сложившуюся на Сахалине.

Отношения нивхов с эвенками и уйльта на севере острова традиционно были лишены враждебности. Они занимали разные экологические ниши и не были конкурентами в хозяйственной деятельности. Эвенки и ульта занимались охотой, оленеводством, а в летнее время ловили рыбу, не ущемляя интересов рыболовов-нивхов. Не «конкурировали» и эвенки с уйльта, так как территория освоения была достаточно обширной. Другого населения было мало вплоть до создания крупных рыболовецких колхозов и совхозов и до начала разработки нефтяных и газовых месторождений, которая значительно изменила, как об этом уже говорилось ранее, соотношение коренного и приезжего населения. Таким образом, межэтническая устойчивость определялась примерно одинаковой «мощностью» коренных народов до появления большого количества приезжих.

Культурная специфика эвенков и нивхов, существовавшая и ранее, в определенной степени сохраняется и ныне. Это отражается, в частности, в меньшем числе смешанных браков эвенков и ульта с нивхами. Названные три народа, несмотря на урбанизированный быт, отличаются в культурном отношении от приезжего населения, а самое главное – эту разницу ощущает само приезжее население. Неприязненное отношение к эвенкам, нивхам, ульта и нанайцам проявляются отдельными приезжими, чаще всего недавно работающими в сфере разведки нефти и газа. У давно и постоянно живущих на Сахалине «жителей материка» отношение к местному населению колеблется от «превосходства» до самых дружеских отношений.

Наиболее слабой связью народов можно назвать форму комменсализма (Широкогоров, 1923, с. 101–102), т.е. когда разные этнические общности могут жить на одной территории, не мешая друг другу. Именно так и жили в прошлом эвенки, ульта и нивхи. При полной независимости одни от других, они использовали и взаимную выгоду, обмениваясь продуктами своего труда. Примером таких взаимоотношений могут быть и отношения между русскими переселенцами прошлого века и аборигенным населением. При дальнейшем развитии комменсалистические взаимоотношения могут легко развиваться в отношения сотрудничества на основе разделения труда и принять форму кооперации. У кооперирующих народов могут быть отношения в равной мере выгодные и необходимые обеим сторонам. Так, например, строились отношения русских и аборигенов в конце XIX – начале XX вв., когда русские доставляли порох, свинец, оружие, а иногда и продукты питания, в обмен на продукты охоты – меха, кожи, мясо и т.д. Далее, потеряв традиционные навыки ведения хозяйства и язык, народ может потерять свою этническую идентификацию. Но в этом случае большую роль играет самосознание людей. При условии сохранения такового в процессе этнокультурной динамики народ продолжает свою историю.

Рассматривая этническую среду обитания южной (Поронайский район) и северной (Ногликский район) групп уйльта на Сахалине, кроме общих тенденций можно увидеть и некоторую разницу. Практически потеряв свои родные языки, но не потеряв своих культурных особенностей, малочисленные народы Поронайского района (надо отметить, что в их число входят не просто «коренные» народы Сахалина, т.е. нивхи, уйльта, эвенки, но и переселившиеся позднее на остров нанайцы) объединяются для решения своих

насуточных проблем. Первоначально в начале 1990-х годов здесь активно работало отделение Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, сегодня существует Местная общественная организация коренных малочисленных народов Севера, которая ставит своей целью главным образом развитие хозяйственной деятельности, а также возрождение этнической культуры, куда входит и понятие этнического самосознания. Причем, важно отметить, что под этническим самосознанием часто понимается именно сознание ощущения себя «народом Севера» и выдвигаются правомерные требования к администрации района предоставить право заниматься традиционным видом деятельности (например, рыболовством), а в конечном счете иметь достойную работу для того, чтобы выжить. Абсолютно закономерная ситуация.

С одной стороны, этнокультурные границы, присущие и сегодня этим народам, отчетливо осознаются в конкретных традициях, этикете, орнаментах. С другой стороны, многие этнокультурные мероприятия проводятся вместе под символом единой принадлежности к «народу Севера», независимо от традиционного этнического разделения. Безусловно, эти народы сегодня имеют одни и те же жизненно важные проблемы и объединяются для их решения. Особенно это характерно для южной группы уйльта, давно перешедшей на оседлый образ жизни, основным занятием их на современном этапе развития, так же, как и для их соседей – нивхов, эвенков и нанайцев, – стало рыболовство.

Иная картина в Ногликском районе. Северная группа уйльта в большинстве случаев не охотно занимается рыболовным промыслом, практически не пытается создать сегодня родовые рыболовецкие хозяйства. Это объясняется сохраняющимся до сих пор стремлением развивать прежде всего оленеводство. Несмотря на все трудности, связанные с подъемом этого непростого вида хозяйства, у них живет надежда на то, что именно оленеводство «не даст им пропасть», это действительно «их дело». С досадой отмечают, что «на юге уйльта совсем забросили это дело». Необходимо обратить внимание, что сезонное рыболовство у оленеводов в настоящее время также успешно сопутствует оленеводческому образу жизни, как и в прошлые времена. Проходя с оленями по тем местам, где традиционно ловили разные виды рыб, современные оленеводы осуществляют во время стоянок вылов рыбы на собственные нужды, для кормления собак, частично и для подкормки оленей соленой рыбой. Крайне низкий уровень благосостояния людей, живущих в поселке, не позволяет им иметь снасти, лодку, мотоцикл и другие принадлежности, необходимые в настоящее время для рыбной ловли. У северной группы уйльта нет и особого стремления иметь это. Соседний коренной народ – нивхи, – естественно, традиционно занимается рыболовной деятельностью, пытается создавать родовые хозяйства, развивающие этот промысел. В результате в Ногликском районе не наблюдается такого объединения двух коренных народов в трудовой сфере, как в Поронайском районе. Этому не способствует и то обстоятельство, что почти все уйльта северной группы живут в одном пос. Вал, а нивхи традиционно там не жили в прошлом так же, как и сейчас. Вал – исконное место обитания уйльта. Естественно, жизнь в различных населенных пунктах не способствует постоянно общению, как это происходит в Поронайске, где живут вместе предста-

вители всех народов Севера. Что касается взаимоотношений уйльта с эвенками (живущими и в пос. Вал, и в других соседних населенных пунктах), они по-прежнему очень тесные – так это происходило и на более ранних этапах социально-экономического развития. Много потомков смешанных браков этих двух народов, которые воспринимают традиционные занятия как общие, характерные в равной степени и для эвенков, и для уйльта (к ним присоединяются и немногочисленные потомки негидальцев, давно живущих вместе с уйльта в родстве). Картины активной общественной деятельности, характерной для малочисленных народов Поронайского района, в Ногликском районе нет.

И в том, и в другом районе большинство представителей коренного населения не лишены политической апатии, у них отсутствует чувство «хозяина своей земли» (исключение составляют оленеводы).

Восприятие малочисленных народов Сахалина этнической средой часто проявляется в необдуманной, но общепринятой форме обращения. Информаторы в Поронайском районе отмечают: «Им (т.е. чиновникам) лениво выговаривать два слова – народы Севера, легче сказать просто – нанайцы. Им никакого нет интереса разбираться в народах Севера, для них разницы в малочисленных народах не существует. Даже не хотят этого знать. Вот так нас всех и называют – нанайцы! – и все!» Еще в 2002 г. в Поронайском районе всех представителей аборигенных народов приезжее население называло как бы одной национальностью «народ Севера», а в 2004 г. ситуация изменилась, теперь распространено обращение «нанайцы». Нанайцы, живущие в Поронайском районе, считают, что в Ногликском районе, где в настоящее время очень распространено среди некоренного населения Сахалина название «гиляки» (неправомерно применяемое ко всем народам Севера, а не только к нивхам, как это было ранее), это обращение «возвышает» социальное положение нивхов. «Нивхи гордятся тем, что они будто бы самые образованные и древние на Сахалине». В Поронайском же районе собирательное название «нанайцы» оскорбляет именно нанайцев, а не нивхов или уйльта. Нанайцы обижаются, что «их названием обзывают всех представителей народов Севера, чтобы унижить нанайцев как некоренных на Сахалине». И все это происходит на фоне гораздо большей близости взаимоотношений (в сфере трудовой деятельности) народов Севера в Поронайском районе, чем в Ногликском. Таким образом, иноэтничная среда болезненно вторгается в сознание народов Севера, провоцируя тем самым и некоторую враждебность между этими народами, постепенно теряющими свои самобытные черты и приобретающими все больше общих ценностных ориентаций в современном обществе.

Изменение экономической и этнической среды обитания порождает изменения в устройстве быта и внутренней организации общества, ведет к постепенной потере черт этнической культуры.

Культура этнической общности складывается из явлений и элементов, имеющих по времени, разумеется, различное происхождение и значение. Одни находятся в состоянии расцвета, а другие только что нарождаются или становятся, наоборот, не актуальными для общества. Естественно, что культура не может быть статична. В результате межэтнических контактов происходит взаимный культурный обмен. Образно говоря, так же как жизнь

отдельного народа подчиняется правилам, по которым живут окружающие его народы, так же и он воздействует на жизнь окружающих народов, видоизменяя их жизненные устои, внося в них новое. Разница наблюдается лишь в степени воздействия одних на другие. Сегодня очевидно сильное воздействие приезжего населения, состоящего из представителей десятка (а порой и более) различных народов, на культуру коренных народов Сахалина и других северных регионов (поскольку Сахалин был долгое время местом отбывания каторги, сюда попадали представители самых разных народов материка, потомки которых есть и ныне на острове). Причем, это воздействие далеко не всегда положительное, часто разрушительное. Если же вспомнить русских поселенцев середины–конца XIX в., процесс взаимодействия культур был совершенно иным: русские перенимали у коренного населения традиционные навыки, способы охоты и рыболовства, наиболее подходящие для местных условий, внося определенные новшества, сочетаемые с местными традициями. А аборигенные народы охотно пользовались новым для них оружием и некоторыми другими предметами обихода. Таким образом, наблюдалось некое равновесие культур. Такое равновесие ныне отсутствует. Хотя, надо отметить, что и в наши дни приезжее население перенимает некоторые отдельные черты культуры коренных народов, в частности уйльта, связанные со способом разделки рыбы, сохранением мяса в условиях тайги, разведением костра в любое время года при любых погодных условиях, потреблением разнообразных морепродуктов. Помимо этого в последние годы происходит сильное влияние японской культуры на быт как коренного населения острова, так и приезжего (например, этикет использования деревянных палочек во время ежедневной «трапезы» становится настолько распространенным у представителей различных национальностей, что неумение пользоваться ими «на материке» вызывает удивление жителей Сахалина). Данный процесс обусловлен многочисленными экономическими и этнокультурными контактами населения Сахалина и Японии в настоящее время.

Если исходить из того, что культура не может находиться в статике, логично сказать, что сегодняшнее содержание культуры коренных народов Севера столь же естественно, сколь естественно содержание их «традиционной» культуры для прошлого века. Крупные народы в XX в. тоже потеряли свою этническую культуру. Беда малочисленных народов в том, что, теряя традиционную этническую культуру, и в частности умение заниматься традиционными видами деятельности, можно потерять не только свою этническую принадлежность, но и возможность жить по-человечески, сохранить себя как трудоспособную личность. Чтобы выжить, необходимо приспособиться теперь уже не столько к природной среде (хотя она тоже очень изменилась), сколько к этносоциальной. Для таких народов – возрождение «традиционной» культуры служит порой единственным способом выживания (не этнического, а физического). Первостепенное значение имеет обучение детей родным языкам и передача им тех навыков ведения хозяйства, которые были бы разумны и естественны в современных условиях. Необходимо осознавать, что какое-либо замкнутое возрождение и развитие коренных народов в настоящее время невозможно, и, вероятно, никому не нужно, прежде всего это не надо им самим. Этническая устойчивость в сфере сохра-

нения национальных культур, скорее всего, сегодня не может быть гарантирована большинству этнических общностей вообще, так как, вероятно, начинается иная стадия развития человеческого общества. На Сахалине в настоящее время происходит особенно интенсивное экономическое воздействие кампаний (прежде всего иностранных), связанных с нефтяной и газовой добычей, на этнокультурное развитие коренных народов острова.

Видоизмененная культура, неизбежно взаимосвязанная с социальной структурой, вносит новое и в структуру государственного управления. Таким образом, взаимодействие этнических культур будет всегда отражаться в сфере управления. И, наоборот, органы управления имеют возможность «принуждать» культуру воспринимать чуждые ей элементы. Так, например, с одной стороны, шел естественный процесс восприятия коренными народами Севера русского языка в процессе бытового человеческого общения, а с другой стороны – структуры власти насаждали русский язык, тогда как в этом не было жизненной необходимости. Справедливости ради, следует заметить, что бывали часто ситуации, когда представители коренных народов, участвующие в работе управленческих структур, сами считали как бы престижным переход на русский язык и не всегда осознанно способствовали вытеснению родного языка из повседневного употребления. Думается, что и в этом находит свое отражение психологическое влияние одного народа на другой. Иными словами, происходит этнопсихологическое воздействие: стремление овладеть языком людей, которые управляют. При этом в тайне души есть желание сохранить родную культуру. Именно поэтому сейчас так велико стремление возродить традиции предков.

Сохранение или потеря языков и определенных способов ведения хозяйства коренных народов Севера всецело зависит как от этнической среды, так и от государственной политики. К примеру, эвены Эвено-Бытантайского национального района Якутии (Саха) давно живут в тесном контакте с якутами. Причем якуты численно доминируют. В органах местного управления также преобладают якуты. Эвены, сохранив традиционное для них оленеводство, сейчас активно занимаются и коневодством, характерным для якутов. Для молодого поколения эвенов коневодство кажется столь же привычным занятием, как и оленеводство. Эвены почти полностью перешли на якутский язык. Отдельные русские семьи, давно живущие в эвено-якутских селениях, тоже восприняли якутский язык. Не имея расовых отличий, эвены быстро ассимилируются якутами.

Другая картина на Сахалине. Малое число уйльта, занимающихся традиционными видами хозяйства, сохранили в какой-то степени язык. Большинство из них не ведут традиционный для прошлых веков образ жизни. Молодое поколение не владеет родным языком (исключение составляют немногочисленные молодые оленеводы северной группы уйльта, активно вставляющие уйльтинскую лексику в русское построение речи). Независимо от этого, остается по-прежнему сильным самосознание народа уйльта. Принадлежность к разным антропологическим типам (кроме того, нельзя забывать и о существовании системы льгот) препятствует процессу полной ассимиляции. Поэтому в данном случае можно говорить лишь о стремительных темпах аккультурации. Коренные народы воспринимают в основном урбанизированную культуру, а не культуру определенных народов с материка, чьи

представители живут сейчас на Сахалине. Ассимиляция некоторого числа коренных жителей корейцами происходит значительно быстрее: смешение идет в рамках одной монголоидной расы и, как правило, ребенок растет в полной семье с отцом и матерью, а не так как это часто случается в семьях, где отец русский или украинец, не живущий на Сахалине, в результате ребенка воспитывает мать-одиночка.

Иными словами, даже не обладая этнической устойчивостью (о которой говорилось выше), уйльта в полной мере не ассимилируются многочисленными народами, наблюдается бурный процесс аккультурации. А вот, если проследить семейно-брачные отношения уйльта с эвенками, начиная с XIX в., и обратить внимание на сегодняшнее самосознание потомков этих браков, можно сказать, что на протяжении всего XX в. шел процесс «поглощения» уйльта (больше это относится к северной группе народа) эвенками на Сахалине. Назвать себя эвенком, считалось для потомка более престижным, и таким образом, выросший ребенок принимал именно эту национальность. В многоэтничном обществе Сахалина эвенки более известны, чем уйльта. Видимо, одной из причин можно назвать знание людей, приехавших с материка, о существовании такого народа – эвенки и абсолютное незнание об уйльта (ороченах). Учитывая (этногенетическое) происхождение этих двух народов, близость традиционного хозяйства (оленоводство), вероятно, некорректно говорить в этом случае об ассимиляции, скорее можно отметить процесс частичного слияния двух близких по культуре этнических общностей на Сахалине. Пожилые люди, рассказывая о таких межэтнических браках в прошлом, говорили, что уйльта, вступая в брачные отношения с эвенками, во все времена воспринимали их также естественно, как будто вступали в брак «со своими», т.е. с представителями своего народа. Очень часто потомки таких браков сохраняют двойное, как бы равное, самосознание «эвенка-уйльта» или «уйльта-эвенка».

Рассмотрим для примера еще один регион. Эвенки Байкитского района Красноярского края также подвержены аккультурации. Но в поселках, значительно отдаленных от районного центра, родной язык сохраняется в значительно большей степени, чем у уйльта Сахалина. Эвенки продолжают заниматься традиционными видами хозяйства – охотой и оленеводством. Видимо, это объясняется тем, что здесь приезжее население постоянно меняется (многие живут лишь 2–3 года). На Сахалине же в местах исконного обитания уйльта и нивхов многие приезжие становятся постоянными жителями.

Из всего вышеизложенного напрашивается вывод о том, что в настоящее время этносоциальная среда играет первостепенную роль в развитии каждого отдельно взятого народа. Нельзя не обратиться к еще одной острой проблеме нашего века: в процессе развития материальной культуры человек, губительно воздействуя на природу, гибнет и сам. Степень губительного воздействия на природу зависит от комплекса факторов, в том числе этносоциальных условий. Стоит заметить, что жившие до недавнего времени в изоляции, коренные малочисленные народы Севера меньше разрушают и сегодня естество природы. Тогда как крупные урбанизированные народы имеют значительно больше возможностей воздействовать на природу, нанося ей вред, и в конечном счете, губя себя; «в развитии цивилизации просту-

пают все новые и новые иррациональные мотивы и преобладающие экофабные тенденции ставят человечество... на грань экологической катастрофы» (Козлов, 1994, с. 177). Вероятно, это необратимый процесс. Все больше и больше одни этносоциальные общности вовлекают в процесс разрушения природы другие общности. Если рассматривать этническую общность абстрактно в этом аспекте, неизвестно, какой ближе к гибели – малочисленный народ Севера или многочисленный урбанизированный народ?! Как уже говорилось выше, на первом этапе природные условия (географическая среда) участвовали в формировании этнической общности, на нынешнем этапе, чем более развиты материальные запросы этносоциальных общностей, тем более активным будет их воздействие на природу.

Таким образом, этническая среда может не просто видоизменять этническую культуру, трансформируя ее отдельные черты, но может также и погубить ее. В ином случае – этническая среда дает импульсы дальнейшего развития определенных этнических дефиниций при естественном «отмирании» некоторых ненужных, не используемых им сегодня.

Наиболее наглядными в процессе этнокультурной динамики можно назвать две взаимосвязанные сферы жизни – язык и образование. Рассмотрим бытование и тенденции развития этих сфер у уйльта и его этнического окружения.

Образование

В 2001 г. в средней школе пос. Вал обучалось 49 детей из числа народов Севера, из них 26 уйльта, 16 эвенков, 5 нивхов и 2 нанайца. Всего в образовательных учреждениях Ногликского района обучалось 248 детей из числа народов Севера, воспитывалось в дошкольных учреждениях – 48 детей. За 1996–2000 гг. 6 детей из этого района поступили в высшие учебные заведения, но только один человек, поступивший в 2000 г. продолжал учиться (2000/2001 учебный год); из 23 человек, поступивших в начальные профессиональные учебные заведения, закончили их 12, еще 4 человека продолжали учиться; из 18 человек, поступивших в средние специальные учебные заведения, 5 закончили и 5 человек продолжали обучение. Очевидно, попадая в другие социальные условия, в коллектив сверстников, имеющих иной менталитет, у детей не хватает сил для того, чтобы и физически, и психологически приспособиться к новому ритму и образу жизни. Эта ситуация характерна и для других народов Севера, не только сахалинцев, но на общем фоне малочисленных народов России ситуация с образованием уйльта выглядит особенно трагической. В северной группе уйльта (пос. Вал) дети часто не имеют даже элементарной одежды, подходящей для того, чтобы пойти в школу, и канцелярских товаров – им приходится самим зарабатывать, в основном путем сбора и реализации дикоросов (ягод, грибов, кедровых шишек).

По данным администрации Поронайского района, в январе 2001 г. в районе насчитывалось 189 детей из числа малочисленных народов Севера. Из 58 детей дошкольного возраста посещали дошкольные учреждения лишь 5 человек. 131 ребенок – школьного возраста, из них 46 детей из малообеспеченных семей, 4 сироты. По данным на январь 2000 г. среди всего населе-

ния малочисленных народов Севера (463 чел.) только 10 чел. имели высшее образование, из них 3 уйльта, 6 нанайцев, 1 относится к категории «другие» народы Севера (есть такое определение в официальных статистических документах), нивхов нет. Среднее специальное образование имели 21 чел., в том числе 4 уйльта, 11 нивхов, 4 нанайцев; профессиональное – 18 чел., в том числе 7 уйльта, 8 нивхов, 3 нанайца; среднее – 108 чел., в том числе 30 уйльта, 49 нивхов, 26 нанайцев; неоконченное среднее – 75, в том числе 32 уйльта, 20 нивхов, 21 нанайца; начальное – 43 чел., в том числе 15 уйльта, 12 нивхов, 16 нанайцев; не имеют образования 3 чел., все трое – уйльта.

Вообще необходимо отметить, что, несмотря на многочисленные трудности, в южной группе уйльта (в г. Поронайске) среди молодежи наблюдается повышение интереса к получению образования, и даже высшего (учатся, хотя далеко не всегда оканчивают, в университетах Санкт-Петербурга и Южно-Сахалинска). Видимо, сказывается влияние этносоциальной среды г. Поронайска (в том числе и японской). Обратную ситуацию приходится констатировать в северной группе уйльта (в пос. Вал), где бывают нередки случаи, когда родители не видят особого смысла в приобретении даже среднего образования, не оказывают детям никакой поддержки (безусловно, есть единичные исключения из этого).

Язык

Поколения XX в. осознают уйльтинский язык как родной либо для них самих, либо для их предков. Кроме того, не владея родным языком, многие представители этого народа, понимают отдельные уйльтинские слова, обозначающие какие-либо реалии (бытовые предметы, явления природы), порой не подозревая, что это слова не из русского языка, а из языка их предков. Значительно меньше «родных» слов понимают те уйльта, которые выросли в советское время в интернатах.

«Потеря» языка, естественно, происходила постепенно. Уже в 1950-х годах Е.П. Орлова отмечала: «На Сахалине, в оленеводческом колхозе “Вал” мне удалось познакомиться с бытом “ороков”-уйльта и тунгусов-эвенков, объединенных в одном колхозе. Когда я старалась записать и по-тунгуски и по орокски названия предметов, женщины смеялись: “У нас теперь не разберешь какая народность, все перемешались: и тунгусы, и ульчи, и негидальцы, и гиляки, и якуты, и русские. Иногда не можешь вспомнить свое слово, лучше знаешь названия предметов на другом языке”» (Архив МАЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 12. Л. 14). Далее Е.П. Орлова обращает внимание: «Колхоз “Вал” интересен для изучения вопросов взаимовлияния языков и культур, близких друг другу тунгусо-маньчжурских народностей ульта /ороков/, тунгусов и негидальцев, гиляков и русских. Очевидно, в результате взаимодействия этих народностей получится какая-то новая народность. Необходимо отметить одно обстоятельство: все малые народности севера стремятся овладеть в совершенстве русским языком и не заботятся о том, чтобы их дети сохранили свой родной язык. И подрастающие поколения, идущие на смену родителям, русским языком владеют лучше, чем своим родным. На вечерах в клубах поют только русские песни» (Архив МАЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 12. Л. 17–18).

Это был естественный процесс. Теперь же происходит «обратный» – тоже естественный процесс.

Язык уйльта, на котором не разговаривают ныне, продолжает жить в памяти поколений как основа их этнического самосознания, этнической идентификации. Этим объясняется стремление представителей интеллигенции возродить язык из забытья и, если не вводить его в ежедневный обиход, то хотя бы овладеть им как достоянием их этнической культуры. Невозможно современному поколению уйльта адекватно понимать культуру своих предков (а интерес к этому возрастает в последние годы), не зная основ языка. Именно поэтому для сохранения языков и уйльта, и нивхи все чаще ставят вопросы о необходимости издания на их языках учебных пособий, словарей, букваря (уйльтинского языка).

В первые годы XXI в., как и в конце советского периода, остро ставятся вопросы обучения детей уйльта родному языку, национальным промысловым навыкам и художественному творчеству. По данным Сахалинского областного комитета государственной статистики Госкомстата РФ, на начало 2000/2002 учебного года численность учащихся из числа народов Севера составляла всего 687 чел., из них 84 – ульта/ороков (514 нивхов). Изучали родной язык (факультативно или в кружках) всего 34 ученика, из них 19 ульта (и 15 нивхов). Родной язык как самостоятельный предмет в общеобразовательной школе вообще не изучается уйльта (137 нивхов изучают родной язык как школьный предмет) (Экономическое и социальное развитие, 2001, с. 21). Надо обратить внимание на то, что никакие другие языки народов Севера, к примеру нанайский, на Сахалине не числятся изучаемыми. В советский период корейцы на Сахалине имели свои радио и телепередачи, газеты и возможность обучаться родному языку, главным образом в Поронайском районе. Если обратиться к архивным данным, то можно увидеть, что, например, в сентябре 1947 г. наравне с сетью русских начальных и семилетних школ, в Поронайском районе действовали 10 японских и 6 корейских школ (Протоколы исполкомов Поронайского Совета депутатов трудящихся и материалы к ним за 1947 г. // Архивный отдел Администрации МО «Поронайский район». Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 86).

По данным отдела образования Администрации Ногликского района Сахалинской области к 2001/2002 учебному году желали изучать уйльтинский язык в качестве дополнительного предмета в средней школе в пос. Вал 25 детей и 12 взрослых, нивхский – в пос. Ноглики 71 ребенок и 17 взрослых. Отделом образования разработана районная программа изучения национальных языков в яслях-саду с последующим продолжением занятий в начальных классах средней школы. Преподают языки народов Севера носители уйльтинского и нивхского языков. Обучение сочетается с одновременным познанием навыков традиционных художественных промыслов и нередко за чаепитием с рыбой, организованным силами энтузиастов-преподавателей (в пос. Вал иногда это бывает единственной возможностью прокормиться детям, чьи родители ведут хронически алкогольный образ жизни).

С начала 1990-х годов осуществляются попытки возродить язык уйльта как часть исторического общечеловеческого достояния – так воспринимает проблему интеллигенция этого народа. К началу 2001–2004-х годов

никаких существенных результатов не последовало: могут разговаривать на родном языке буквально несколько человек южной и северной групп уйльта. Поэтому, когда представители уйльта говорят, что их родной язык – уйльтинский, имеется в виду, что это родной язык их предков. О владении языком уйльта иногда можно прочитать удивительные цифры, неудачно подобранные в некоторых энциклопедиях (Письменные языки, 2003, с. 407–416). Такие несуществующие данные можно объяснить лишь тем обстоятельством, что тот, кто задает вопрос о владении родным языком, и тот, кто отвечает на этот вопрос, воспринимают его совершенно по-разному.

В создании письменности уйльтинского языка основную роль сыграл японский проф. Дзиро Икэгами. В 1943–1945 гг. часть сахалинских уйльта эмигрировали на остров Хоккайдо. Именно с этими представителями южной группы уйльта Дз. Икэгами начал работать в 1949 г. Ученый ведет свои научные изыскания в области познания языка уйльта по сей день. На острове Хоккайдо он изучал фольклор и бытовые речевые обороты южной группы уйльта. С 1990 г. профессор работал и с представителями северной группы уйльта в пос. Вал, продолжал изучать и речь южной группы теперь уже в Поронайске (Икэгами, 1992, с. 5–10; A Dictionary, 1997). Дз. Икэгами разработал проект письменности уйльтинского языка. В 1993 г. в Москве проводилось совещание (конференция) «по обсуждению письменности уйльтинского языка». Проект был одобрен. Как говорят представители народа, произошло историческое событие.

Уйльтинский язык (такое прилагательное употребляется в публикации) делится на два наречия: южное и северное. Между ними существуют лексические и грамматические различия. Был создан авторский коллектив для составления (и последующего издания) алфавита и букваря из представителей южной и северной групп уйльта, возглавляемый проф. Дз. Икэгами. В настоящее время многолетняя работа закончилась. Во время последнего этапа исследования профессор многократно перепроверял абсолютно все: произношение, написание, употребление, перевод. Работа проходила в тесном сотрудничестве всех авторов и атмосфере полного взаимного понимания. Издание такого труда будет действительно эпохальным событием в жизни народа уйльта. Люди ждут издания с нетерпением и видят в этом тропинку, которая выведет народ из состояния полного забвения (самих себя) и позволит остаться в памяти человечества народу, имеющему свою интересную культуру. Все исполнители этого проекта надеются донести до населения уйльта их родной язык.

С начала 1990-х годов это обеспечивается различными факультативными занятиями в школах самоотверженными усилиями немногочисленных представителей интеллигенции уйльта, имеющих высшее и среднее специальное образование. Эти люди остро воспринимают потерю своим народом культуры и языка и видят в этом путь не только к полному исчезновению их народа на нашей планете, но и прежде всего к внутреннему разрушению личности каждого представителя народа, духовному обнищанию человека.

Если обратиться к архивным документам начала XX в., окажется, что инородцы Сахалина (в том числе и «ороки») очень приветствовали появление первых школ и обучение грамоте. Б. Пилсудский писал, что «школы легко приживаются среди инородцев», многие из них успешно обучаются и

японскому, и русскому языкам, не смотря на существующие трудности обучения (Pilsudski, 2002, p. 124. 128). Проводя полевые исследования, ни раз приходилось восхищаться тем, как пожилые представители уйльта, к примеру, живущие на острове Южном (Сачи), свободно понимают, слушают радио и умеют говорить порой сразу на шести языках – русском, японском, корейском, уйльтинском, эвенкийском, нанайском. Совершенно не обоснована существующая сегодня позиция в некоторых социальных кругах о том, что все они деградирующие и учить их вовсе и не надо. Б. Пилсудский справедливо отмечал: «Для всякого начала всегда нужны незаурядные работники, а люди, преданные делу, а Сахалинские инородцы, знакомившиеся, благодаря несчастной для них случайности, в течение десятков лет с отбросами нормального общества – несчастным, но и сильно порочным ссыльным элементам, – имеют более чем кто бы то ни было право на отправку к ним с прекращением ссылки лучших людей» (ibid, p. 128). К большому сожалению, приходится констатировать, спустя век, мало что меняется к лучшему в судьбе этих людей. Ведь «отбросы общества с материка» продолжают активно внедряться в ежедневную жизнь коренного населения острова, грубо навязывая им позицию своего мнимого превосходства, основанного на принадлежности к будто бы одному из более «развитых» народов.

ЧАСТЬ II

ОСНОВЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЙЛЬТА В XIX–XXI вв.

Чтобы понять характерные особенности этнокультурной трансформации и закономерности этого процесса, необходимо обратиться к жизнедеятельности народа. Рассмотрение динамики основных сфер деятельности народа, складывавшихся веками и претерпевших резкие изменения дважды за последний век, позволит понять причины происходящих ныне перемен в жизни и сознании народа, а также восприятию смысла ушедшей и будущей жизни уйльта.

Основными сферами жизнеобеспечения уйльта как в прошлом, так и в настоящем были оленеводство, рыболовство и охота. Изучение соотношения долей этих трех видов деятельности для обеспечения жизни уйльта в XIX–XXI вв. позволит точнее раскрыть основную тему данного исследования. Если исходить из положения о непрерывности динамики жизни общества вообще, и этнической общности в частности, явствует необходимость рассмотрения изменений основ жизнедеятельности на разных этапах истории, имеющих различную социально-политическую окраску. Так как уйльта относятся к категории «олeneводческого народа», логично начать данную главу с освещения именно этой сферы деятельности народа – оленеводства.

Приступая к изложению материала, дающего динамичную картину оленеводства уйльта с конца XIX – начало XXI в., необходимо отметить, что задачей данного исследования не ставилось рассмотрение целостной традиционной системы оленеводства народа. Изучением этого вопроса в середине 1990-х годов занималась Т.П. Роон (1994, 1996). Поэтому не представляется целесообразным повторение существующего исследования. Кроме того, автор данной работы располагает достаточно большим и новым, а точнее, не использованным ранее в научной литературе, архивным материалом, позволяющим раскрыть не систему традиционного оленеводства или рыболовства, а динамику сфер жизнеобеспечения уйльта.

Во время работы в архивах Сахалина удалось обнаружить большое количество различного рода отчетных документов, в большинстве случаев ведомостей, содержащих цифровые данные. Эта информация дает отчетливую картину динамики оленеводства уйльта, особенно советского периода. Изучая архивные материалы, можно увидеть, какие изменения в оленеводстве, а следовательно, и в жизни самих оленеводов, происходили год за годом на протяжении нескольких десятилетий. В результате этих трансформаций

становятся очевидными причины, по которым так сильно деформировались (т.е. именно исказились – от лат. *deformatio*) условия развития оленеводческого хозяйства уйльта, играющего на протяжении веков роль жизнеобеспечения данной малочисленной этнической общности. К большому сожалению, не сохранились архивные материалы, принадлежащие последнему оленеводческому совхозу Ногликского района Сахалинской области. Большая их часть оказалась непреднамеренно уничтоженной сразу же после распада советского государства, начавшегося хаоса в повседневной жизни людей в первые годы «перестройки». Акцент на статистические данные, характеризующие численное поголовье оленей, обусловлен в данной работе наличием обширного архивного материала; невозможность отобразить иные стороны образа жизни оленеводов объясняется отсутствием материала по соответствующей тематике. Ценность статистических данных состоит в том, что они дают конкретную информацию (даже если учитывать некоторые искажения официальной статистики, бытовавшие в отчетах советского времени, – динамика прослеживается независимо от этого фактора) о колхозном/совхозном и личном владении оленями, наглядно показывают изменения в жизни различных поколений оленеводов уйльта.

Глава 1

ОЛЕНЕВОДСТВО

Характеристика типа оленеводства уйльта

По известной классификации В.Г. Богораза, оленеводство уйльта можно отнести к типу «южного» оленеводства «с верховой ездой» (при этом надо отметить, что «санная езда» «северного» типа оленеводства используется уйльта в зимнее время). По «способу пастбы» верховое оленеводство уйльта относится к «восточному» типу («восточный» и «западный» типы выделяются в пределах «северного») – без применения пастушеской собаки (Богораз, 1927, 1993). Изучая оленеводство уйльта, стоит заметить, что «охотский подвид северного оленя, обитающий на острове Сахалине, – самый крупный из всех палеарктических северных оленей» (Загородских, Реймерс, 1975, с. 223).

Обратимся к более детальной классификации оленеводства, учитывающей характерные черты оленеводства разных этнических групп, разработанной Г.М. Василевич и М.Г. Левиным (Василевич, Левин, 1951, 1961). Рассматривая элементы транспортного использования оленя, исследователи отмечают, что у ороков (т.е. уйльта) имелись и «упряжной», и «верховой» виды транспорта. Изучив элементы упряжного оленного транспорта, они выделили «орокский» тип отдельно от «тунгусо-якутского». Подчеркивая, что материалы по орокскому оленеводству крайне фрагментарны, Г.М. Василевич и М.Г. Левин отмечают: «Орокская нарта отличается косой постановкой полозьев, благодаря чему копылы каждой пары, поставленные в полolz вертикально, наклонены друг к другу под углом. Упряжка однооленная.

Потяг проходит между задними ногами оленя и, раздвигаясь, привязывается к передним концам полозьев нарт. Посадка в нарте верхом» (Василевич, Левин, 1951, с. 71). Рассматривая выючно-верховой оленный транспорт, исследователи обращают внимание на то, что «не все народы, применявшие оленя под выюк, знали верховую езду». «Выючно-верховой транспорт» используют уйльта. По устройству верхового и выючного седел, способу седлания справа, посадке, употреблению посоха при посадке и езде, а также прохождению «поводка с правой стороны» оленеводство уйльта, как и эвенков, эвенов, долганов, юкагиров, якутов и негидальцев, относится к «сибирскому типу» (там же, с. 71, 73).

Важным для классификации оленеводства, по мнению Г.М. Василевич и М.Г. Левина, служит такой «признак использования оленя, как наличие или отсутствие доения важенок». Доение важенок известно было уйльта (эвенкам, охотским эвенкам, негидальцам, долганам, северным якутам, тувинцам, тофаларам и саамам) (там же, с. 75). «Интересно отметить, – пишут далее исследователи, – что как раз те группы, которые знакомы с приготовлением молочных продуктов, имеют и специально верховое седло». Основываясь на современных полевых материалах можно подтвердить, что даже нынешнее молодое поколение оленеводов уйльта имеет представление о приготовлении молочных продуктов, к примеру, масла из молока оленя.

Оленеводство уйльта, по мнению Г.М. Василевич и М.Г. Левина, «по некоторым признакам примыкая к оленеводству эвенкийских групп, отличается своеобразной упряжкой, не имеющей нигде себе подобных» (там же, с. 76). Таким образом, по их заключению, оленеводство уйльта, отличающееся нарткой и упряжкой, в остальном сходно с оленеводством алдано-зейско-амгунской группы эвенков». Сходна у них и вся терминология, относящаяся к верховому транспорту. Кроме того, сказания уйльта упоминают «предков, вышедших с Амгуни на Охотское побережье и дальше на Сахалин». Все это «позволяет видеть в этих предках группы древних оленных тунгусов» (там же, с. 85). Со времен Шренка утвердилось суждение, согласно которому оленная упряжь «ороков» появилась в результате подражания собачьей упряжке гиляков и айнов (Шренк, 1899, с. 176, 178). Г.М. Василевич и М.Г. Левин отвергают это мнение, так как орокская нарта коренным образом отличается от нивхской собачьей нарти. Они считают, что оригинальна и упряжка из одного оленя: «Возможно, что тунгусоязычные предки ороков пришли на Сахалин, уже будучи знакомы с оленной упряжкой» (Василевич, Левин, 1951, с. 86). Таково место оленеводства уйльта, выделяющегося в общей классификации существовавшего оленеводства.

Анализируя материалы по истории распространения оленеводства, Г.М. Василевич и М.Г. Левин приводят аргументы в пользу того, что оленеводство распространилось по северу Евразии из южных районов Сибири, «оно возникло в двух областях – Алтае–Саянском нагорье и в горных районах Забайкалья–Приамурья». К последней области, видимо, можно отнести и оленеводство уйльта. Первоначальное транспортное использование оленя было, по их мнению, под выюк и седло, что характерно и для уйльта. Исследователи заключают, что оленеводство возникло под влиянием коневодства (монголоязычных групп) (там же, с. 85, 87).

Традиционное хозяйство уйльта в литературе характеризуется как оленеводческо-охотничье, имеющее много черт, сходных с хозяйством эвенков. При этом необходимо учитывать, что длительное пребывание на Сахалине привело уйльта к очевидной необходимости приспособиться к окружающим условиям и обрести ряд оригинальных черт культуры и быта, существенно отличающих их не только от специализирующихся на оленеводстве, к примеру, представителей «самоедского» или «чукотско-корякского» типов, но и от близких им оленеводов и охотников таежного типа – эвенков и эвенов «тунгусо-якутского» типа. В жизни уйльта важную роль стали играть рыболовство и морской зверобойный промысел; быт их не был чисто кочевым и приобрел много элементов оседлости. Особенно сильно это отразилось на хозяйстве южной группы уйльта. К концу XIX в. южные уйльта в основном уже лишились оленей и занимались рыболовством, морским зверобойным промыслом, таежной охотой.

Тем не менее даже по убеждению информаторов, представляющих современное молодое поколение уйльта, оленеводство – одна из традиционных сфер хозяйства этого народа, значимая во все времена.

Прежде чем обратиться к архивным и полевым материалам, необходимо изучить информацию, содержащуюся в опубликованных трудах исследователей XIX–XX вв.

Если вспомнить, от каких слов образованы многочисленные названия народа, получится, что в их основе лежит либо слово «орон», обозначающий по-тунгусски ручной олень (Патканов, 1906, с. 2–3), либо «ула(а)», по объяснению А. Маевича, одомашненный олень на языке ороков (Маевич, 1994, с. 12–13). Главное, что представляет интерес, – в самоназвании (и различных этнонимах) отражено прямое отношение хозяйственной деятельности народа к оленю (олениводству). Иными словами, оленеводство играло важную роль в системе жизнеобеспечения уйльта.

В данном разделе в дальнейшем употребляются те конкретные наименования народа, которые использовали исследователи разных времен, а также зафиксированные в различных, в первую очередь архивных, документах.

Традиционное оленеводство в конце XIX – начале XX в. (по литературным источникам)

По свидетельству С. Патканова (1906), ороки кочевали в разное время года по всему бассейну р. Поронай, в северной части побережья залива Терпения и на значительной части восточного побережья Сахалина. Не имея определенного местопребывания круглый год, ведя кочевой образ жизни, они постоянно меняют место своего жительства, делая лишь временные остановки «ради пастьбы оленей, ради охоты и рыбного промысла». Из всех, кто живет на острове, ороки и тунгусы – единственные оленеводы острова. Весною и летом они промысляют рыбу в реках и у их устьев, на морском берегу (залив Терпения и восточное побережье острова). Осень и зиму они проводят в лесах гористых местностей и в тундрах более внутренних частей острова, где они промысляют пушного зверя и

дичь. На острове Сахалин орокское население группировалось, по данным переписи 1897 г., в Корсаковском и Тымовском округах (Патканов, 1906б, с. 134–139).

Изучая южную группу ороков, А.В. Смоляк указывает на наличие у них с начала 1860-х годов постоянных девяти селений, существовавших и позднее на протяжении ряда десятилетий, а также близость их образа жизни и амурских мангунов (Труды, 1868, с. XI–XVII; Брылкин, 1864). А.В. Смоляк свидетельствует, что эта группа ороков во второй половине XIX в. вела оседлый образ жизни, поэтому владение оленями постепенно становилось обузой, животные нуждаются в постоянных передвижениях в поисках корма. А в это время, как считала А.В. Смоляк, достаточный уровень жизни обеспечивался и такими видами деятельности, которыми можно было заниматься оседло. Отсутствие оленей вынуждало менять и способы ведения охоты в тайге (Смоляк, 1975, с. 48–50).

Изучая северную группу ороков, Н.П. Попов отмечал, что они в XIX – начале XX вв. вели оленеводческий образ жизни, как и ранее. Зимой охотились на оленях, а с весны до осени добывали морского зверя и ловили рыбу на берегах Охотского моря. По подсчетам Н.П. Попова, получается, что четыре месяца в году оленеводы вели оседлый образ жизни. При этом исследователь отмечает, что каждый год они останавливались в одних и тех же селениях. На севере их кочевья доходили до заливов Пильтун и Урдкт, на юге – до Луньского залива. Кроме того, оленеводы-охотники XIX в. двигались в сторону материка, бывая на ярмарках в Пули на Амуре, в Николаевске, где сбывали пушнину.

Обращаясь к теме оленеводства уйльта, необходимо принять во внимание исследования биологов (Загородских, Реймерс, 1975, с. 225–226), которые отмечают, что «сейчас на Сахалине зимняя плотность населения диких северных оленей не превышает 6 голов на 1000 га; поэтому утверждать, что в прошлом на острове имелось десяти тысячное стадо, весьма трудно» (стадо 10 000 голов может быть только при плотности 50 голов на 1000 га). Вероятно, это может служить подтверждением того, что количество оленей, попавших вместе с людьми на Сахалин, никогда не могло быть большим. На этом основании можно попытаться предположить, что аборигенные народы (включая уйльта), заселявшие эту землю, никогда не ставили целью обладать крупными стадами оленей. Биологи, осуществив различного рода расчеты, делают также вывод, что природные условия Сахалина и в прошлые времена никогда не позволяли разводить большое поголовье оленей. Следовательно, это может быть еще одним доказательством того факта, что оленеводство у уйльта никогда не было значительно обширным. Таким образом, одной из причин этого может быть просто невозможность разводить оленей в большем объеме, чем это было сделано.

Многие исследователи отмечают характерное для образа жизни в тайге небольшое число оленей, оленеводство играло в жизни уйльта важную, но не первостепенную роль (Смоляк, 1975, 1975а, 1980; Василевич, Левин, 1951, 1961, с. 26; Васильев, 1929, с. 21).

Анализируя иные материалы, вслед за Г.М. Василевич и М.Г. Левиным, А.И. Кузнецов пришел к аналогичным выводам, что оленеводство уйльта

имело небольшие масштабы и транспортный характер. Оленя использовали в качестве вьючного животного, для верховой езды, зимой запрягали в нарту. Оленные ороки кочевали небольшими группами: летом около моря и устья нерестовых рек, живя в летних поселениях из 10–30 хижин. Здесь же были кладбища и места религиозных культов. Добывали лососевых, готовили из них юколу и затем отвозили ее вверх по течению рек в свайные амбары *долу*. Стада оленей насчитывали 20–30 голов в одном хозяйстве, что позволяло долгое время оставаться на одном месте и облегчало заготовку рыбы и охоту на морского зверя. Осенью стада перегоняли вглубь острова, к горам, в богатые ягелем и грибами места, где затем протекал гон. Двигались за оленями пешком или на лодках и продолжали рыбный промысел. После появления снега и до конца зимнего периода помимо выпаса оленей бытовал сезон охоты. После выпадения в горах обильного снега ульта откочевывали поближе к морю, но зимовали не на побережье, а в тайге, где было легче переносить ураганные ветры и имелись богатые охотничьи угодья. Весной стада приближались к морскому берегу, и в это время начинался отел. Здесь же начинали промысел ластоногих, а позднее, с началом нереста лососевых, сезон рыбной ловли. Так замыкался годовой хозяйственный цикл (Кузнецов, 1999, с. 42–44; Бошняк, 1858, с. 189–190). У них «была четырехзвенная система пастбищеоборота, состоявшая из нескольких зимних, весенних, летних и осенних пастбищ, которые периодически сменялись: одни эксплуатировались, другие по несколько лет “отдыхали” в соответствии с особой ранимостью северных кормовых угодий и медленными темпами восстановления ягеля» (Кузнецов, 1999, с. 45).

Исследователи сходятся на мысли, что олень использовался именно как транспортное животное, поэтому забоя на мясо, за некоторым исключением, не производилось. Размеры стада определяются от 20–40 до 200–500 голов. Пастьба, кастрация, уход за оленями во время отела считались исключительно мужским делом. Обряд табуирования оленя имел целью в первую очередь благополучие стада. Для верховой езды на олене использовали специальное седло, кроме того, по данным Г.М. Василевич, мужчины пользовались низким посохом (тыйэвун), а женщины высоким (н’ори) с крюком на верхнем конце. При перекочевках все ехали верхом. Через большие реки переправлялись в лодках (мэрэкэ), сшитых из лосиных ровдуг, натянутых на вырубленные тут же жерди, служившие каркасом. Часто использовали оленя под вьюк, зимой в нартной упряжке. О нартной упряжке для перевозки грузов упоминается в XVII в. Есть сведения о том, что «оленные Баягиры» (орочены из рода Баягир) не знали лыж. По материалам Василевич, эта традиция сохранялась еще в 1947 г. у потомков этого рода (только потомки эвенков, вошедшие в среду орочен к этому времени, практиковали езду на лыжах) (Василевич, 1964, с. 5–6, 10; Кюнер, 1961, с. 51).

Объем информации для исследования традиционного оленеводческого образа жизни ульта довольно ограничен.

Динамика оленеводства в XX в. (по архивным документам)

Для сравнения с данными архивов стоит привести высказывания информаторов (представителей народа почтенного возраста, живших в начале 1990-х годов в пос. Вал), о том, что, по рассказам их родителей, семья уйльта в начале XX в. до организации колхозов имела не более 15–20 оленей. Лишь отдельные семьи, считавшиеся очень богатыми, владели сотней оленей. Род Нучи Баяуса имел около 300 оленей и его стадо в дальнейшем составило основу хозяйства колхоза «Вал» (Полевой архив Кузнецова и Миссоновой, 1990, 1991; Кузнецов, 1999, с. 44). Имеющиеся архивные материалы позволяют проследить состояние оленеводства с 40-х годов XX в. О более раннем периоде развития колхозов «Вал» и «Красный тунгус–Набиль» сообщается только о потерях оленей «безвести»: летом 1938 г. в колхозах не хватало 400 голов, летом 1939 г. – 135 голов, летом 1940 г. – 261 головы, «за три года колхозное стадо потеряло 796 голов» (ГАСО. Ф. 333. Оп. 1. Д. 2. Л. 2). О потере оленей рассказывается, как об абсолютно распространенном явлении «без исключения» «во всех оленеводческих хозяйствах».

В «сельскохозяйственных колхозах» Сахалинской области, как это следует «Из справки Сахалинского областного управления сельского хозяйства о развитии животноводства» (написанной 12 апреля 1950 г. Документ № 57), с 1930 по 1949 г. числился следующий «рост поголовья» оленей: в 1930 г. – 414 голов, 1940 г. – 6560, 1945 г. – 5725, 1948 г. – 5305, 1949 г. – 6257 (ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 514. Л. 3–5, 9, 12, 17–19). (Вся грамматика цитируемого архивного текста сохранена.)

Из справки начальника областного управления сельского хозяйства Шантырева, составленной 17 ноября 1952 г., можно узнать, что разведением оленей в Сахалинской области занимались всего два колхоза: «Колхоз “Вал” Восточно-Сахалинского района организован в 1932 г. из народностей Севера, по национальности ороchon и эвенков... в колхозе имеется 54 хозяйства, в том числе по национальности – ороchon 32, эвенков – 12, нивхов – 6, украинцев – 2 и русских 2 хозяйства... В колхозе имеется 5012 оленей, в том числе маток – 1555... Денежный доход колхоз получает от реализации оленьего мяса, от пошивки меховых изделий из шкур животных и от оленьего транспорта». «Колхоз “Новый путь” Рыбновского района организован в 1932 г., этот колхоз также занимается разведением оленей. В настоящее время в колхозе имеется 23 хозяйства, в том числе: эвенков 11 хозяйств, нивхов – 3, русских – 3 и украинцев – 6». Уйльта в Рыбновском районе не жили, в данном колхозе их нет. «В колхозе имеется 2098 голов оленей, в том числе маточного поголовья – 628 голов...» (Документ № 67. 17 ноября 1952 г. // ГАСО. Ф. 62. Оп. 5. Д. 56. Л. 1–3).

Обратимся к истории коллективного оленеводческого хозяйства северной группы уйльта. В 1940 г. был организован оленеводческий колхоз «Вал» «путем слияния двух колхозов» (архивными материалами по истории колхозов «Вал» и «Красный тунгус – Набиль» автор данной работы не располагает) – колхоза «Вал», выпасавшего оленей на пастбищах между реками Вал и Пильтун (хозяйственный центр был расположен на правом берегу р. Вал

в 4 км от устья), и колхоза «Красный тунгус – Набиль», выпасавшего оленей на пастбищах между реками Тымь и Эвай (хозяйственный центр – на левом берегу р. Даги в 200 м от устья). Стаду бывшего колхоза «Вал» был «присвоен» номер 1, а стаду бывшего колхоза «Красный тунгус – Набиль» – номер 2. Соответственно были закреплены пастбища (там же. Л. 1). Таким образом, оленеводческий колхоз «Вал» имел два стада. В отчете о работе зоотехнического пункта при колхозе говорится, что стадо 1 проводило отел «на левом берегу ключа Хоемус... в непосредственной близости берега Чайвинского залива», «в предотельный период» важенки «были сконцентрированы между ключом Хоемус и р. Б. Горомай». Особо отмечается, что стадо «не окарауливалось, а, как принято на Восточном побережье Сахалина, выпасалось свободно», т.е. был присущ вольный выпас, характерный для таежного типа оленеводства. Пастухи ежедневно объезжали «пастбища, занятые стадом». Отел важенок происходил «без надзора». Пастухи вылавливали отелившихся важенок и выводили их к стойбищу. «Телятник» располагался на левом берегу ключа Хоемус. Телята содержались на привязи «не одинаковое время» «с момента поимки до момента пуска 9 июня» – от 30 до 5 дней. Клеймение и пуск телят производился одновременно. Телятам-самкам одновременно с постановкой на ухо клейма колхозного стада ставилась круглая кнопка (кнопки производства Одесской кустарной артели металлистов были завезены на Сахалин в 1934 г.) с порядковым номером. Номеровались только самки из-за очень малого количества кнопок. Для проведения отела стада 2 изначально был выбран участок «на левом берегу р. Тыпауна (на современной карте именуется р. Тапауна; см.: Сахалинская область // Общегеографические карты Российской Федерации. Хабаровск, 2001) в 2 км от берега залива Даги. Важенки же выбрали сами «излюбленные стадом пастбища в урочище Горячий Ключ»: «...перед началом отела все олени ушли с р. Тыпауна, и пастухи вынуждены были перекочевать за стадом». Кочевка проходила 10–12 мая. Отел проводился на левом берегу р. Горячий Ключ в 5 км от залива Даги по аналогичной системе, принятой в первом стаде (ГАСО. Ф. 333. Оп. 1. Д. 1. Л. 1). По результатам учета оленей в 1940 г. выявлено в стаде 1 фактически 1953 оленя (по книгам числилось 2039), в стаде 2 – 1372 (по книгам – 1547), всего «по стаду колхоза» «фактически прошло учет» 3325 оленей (по книгам числилось 3586). Составители отчета пишут, что установить точно, куда девались недостающие олени, трудно» (ГАСО. Ф. 333. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об., 4, 7–8). А на 1 января 1944 г. числилось 5485 голов, в т.ч. приплода 1944 г. – 1184 головы, на убой ушло 185 голов, на 1 ноября зафиксированы были 6265 голов, а на 1 июля 6386 голов числилось «по книгам» учета, тогда как «фактически в наличии» выявлены в конце ноября 4076 голов (2305 – в стаде 1 и 1771 – в стаде 2), предположительно «недостающие по инвентаризации 2310 голов оленей потеряны для хозяйства безвозвратно». В стаде 1 работали всего 5–7 пастухов в разное время года, в стаде 2 – 6 пастухов. Нагрузка на одного пастуха, очевидно, слишком велика для того, чтобы возможно было осуществлять «сбор оленей, ушедших за хребет и на север», что было бы вполне реальным в зимний период времени при большем количестве пастухов (ГАСО. Ф. 333. Оп. 1. Д. 2. Л. 3). Зима – самое удобное время года «для проведения розыска», так как есть «возможность хорошо видеть следы» оленей. Поэтому, как отмечает зоотехник,

по возможности было бы целесообразно «организовать бригаду из 3–4 человек» для того, чтобы «прочесать центральную часть острова к Северу от верховьев реки Вал, верховья восточных рек Пильтун, Кидалапи, Саби и западных рек Лангери, Виски и др.»; «обнаруженных оленей» необходимо было бы «пригнать на левый зимник стада № 1 между реками Вал и Б. Гарамай» (там же. Л. 3 об.). «Размер потерь по каждому стаду в отдельности установить невозможно». Как отмечается в документах, по меньшей мере с 1938 г. подобные потери оленей «без вести» присущи всем без исключения оленеводческим хозяйствам (там же. Л. 2–2 об.). С 1941 по 1943 г. не удавалось провести учет всех оленей: в 1941 г. из-за плохих погодных условий, а в 1942 и 1943 гг. «были призваны в Красную Армию» начальник стада, зоотехник, оба бригадира и 12 пастухов (там же. Л. 1–1 об.).

В документах 1944 г., хранящихся в ГАСО, подробно рассказано, каким образом велся учет оленей в колхозе «Вал». Учет проводился в летний период, когда олени, «спасаясь от комаров и овода, выходят на берег моря под защиту ветра», «в жаркие безветренные дни» они «кружатся на... небольшом пространстве». «Пастухи вылавливают оленей арканом и отмечают учтенных матерчатой повязкой на рогах. В пасмурную дождливую погоду олени поднимаются на тундру, и вылов их значительно затрудняется. Если в конце июля и в начале августа дожди идут продолжительное время, олени уходят вглубь острова и больше уже не спускаются к морю до будущего года». Как заключает зоотехник-олeneвод, такой метод проведения учета неудобен своей продолжительностью. Кроме того, могут быть повторно записаны одни и те же олени, в том случае, если олень потеряет матерчатую повязку. «Отмечать учтенных в этот период оленей вырезами на шерсти» тоже не удобно, так как шерсть слишком коротка в этот период. В 1941 г. колхозом было выстроено «два примитивных корраля из жердей на летних пастбищах»: для стада 1 – на Чайвинской косе в 18 км к северу от пос. Чайво; для стада 2 – «в устье реки Тыпадна на левом берегу». «Практикуемый сахалинскими хозяйствами вольный выпас оленей, при котором олени не содержат в одном стаде, а бродят по пастбищам по собственной воле, до чрезвычайности затрудняет проведение учета в коррале». Загон стада в «корраль» возможен лишь частями, поэтому «учтенные олени по выпуску из корраля смешиваются с не прошедшими учет и приходится некоторых оленей загонять в корраль по несколько раз для того, чтобы учесть приставших к ним не инвентаризованных оленей...» (ГАСО. Ф. 333. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–1 об.). Учет оленей в июле–августе 1940 г. производился в еще более тяжелых условиях, исключительно «путем вылова оленей арканом», так как колхоз не имел «ни стационарных, ни переносных корралей». Применение аркана для учета требовало «очень большого количества пастухов и скверно отражается на выпасе стада. В течение 15–20 дней оленям не предоставляется ни одной минуты для спокойного выпаса» (там же. Д. 1. Л. 2).

Архивные материалы рассказывают о трудностях ежедневной жизни пастуха-олeneвода того времени: «Нужно наладить завод в район палаточного материала ...завести в колхоз по меньшей мере четыре одно киловаттных ветродвигателя для электрификации и радиофикации пастушеских стоянок и

дать в отдаленные пастушеские бригады радиотелефоны». «Нужно упорядочить снабжение пастухов гладкоствольным оружием и боеприпасами. Пока пастух не имеет возможности приобрести ружье, порох, дробь». «Оленегонных собак колхоз не имеет». «Нужно определить оптимальный размер, до которого колхоз будет разводить стадо, учитывая пастбищные и людские ресурсы» (ГАСО. Ф. 333. Оп. 1. Д. 5. Л. 10). «Очень тяжело с обеспечением пастушеских бригад инвентарем. Особенно тяжело с обеспечением палатками и уздечками. Восточно-Сахалинская контора Охинторга совершенно не завозит в район легкий брезент или плотную дешевую хлопчатобумажную ткань (типа суровой бязи) ... большинство пастухов весной, летом и осенью вынуждены жить в палатках, пришедших в совершенную негодность.» «В колхозе не хватает шкур сивуча для изготовления оленьей сбруи. Продовольствие пастухи приобретают за наличный расчет в ближайших магазинах» (там же. Л. 9). Поразительно, но спустя 60 лет подобные трудности жизни оленеводов практически никак не разрешились, а лишь прибавились новые... «Зооветобслуживание оленеводческого колхоза Вал осуществляется зооветпунктом при колхозе «Вал», подчиненному Восточно-Сахалинскому райсельхозотделу... зооветпункт существует с 1940 года». В нем работают лишь два специалиста: заведующий – зоотехник-олeneвод, младший ветфельдшер. «Колхоз содержит оленей в 4 стадах. Расстояние между крайними стадами 300 километров. Ясно, что при таком штате специалисты превращаются в гастролеров» (там же. Л. 7).

В декабре 1946 г. председатель колхоза «Вал» призывал пастухов в следующем 1947 г. отказаться от вольного выпаса стада и перейти к «круглосуточному окарауливанию его». Оленеводы считали, что эту работу нельзя выполнить, так как перед ними ставилась задача добиться «100% приручения оленей в стадах» (ГАСО. Ф. 333. Оп. 1. Д. 2. Л. 5–6). Олень всегда остается прирученным лишь до какой-то степени. Каждый год всем поколениям оленеводов приходится одомашнивать даже теленка, рожденного в неволе: он зависим только от матери, в остальном ведет себя абсолютно независимо и людям сам подчиняться не собирается.

Архивные данные о численности поголовья на конец 1947 г. (Сопоставительная таблица выполнения плана, спущенного на 1947 год бюро Сахалинского обкома ВКПб и Облисполкома от 10 июня 1947 г.) таковы: в колхозах числилось 3500 оленей (в том числе 990 важенков и 470 оленят), в хозяйствах колхозников 240 (в том числе 100 важенков и 60 оленят), «все-го по району» 3740 (в том числе 1090 важенков и 500 оленят) (Ногликская районспектура госстатистики. Д. 13. Т. 2 // Ногликский райархив. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10. Л. 32).

В августе 1948 г., по «Сведениям о механическом движении населения», в пос. Вал из общего числа населения 187 чел. зафиксирован 181 орочен, еще 7 орочен жили в пос. Ноглики (из общего числа населения поселка – 1150) и 4 – в пос. Даги (из общего числа – 96); общее число орочен, живущих в Восточно-Сахалинском (ныне – Ногликском) районе в 1948 г. – 192 чел. (Ногликский райархив. Ф. 6. Оп. 1. Д. 13. Л. 15). Среди всех колхозов Восточно-Сахалинского района, а их значилось в то время пять – «Вал», «Новая жизнь», «Новый свет», «Восток», «Красный Сахалин» – только в колхозе «Вал» в 1948 г. насчитывалось 4005 оленей (что составляло 102,6% от плана

колхоза – 3900 голов) (там же. Д. 1. Л. 28). Зимой 1948–1949 гг. среди общего числа оленей 4005, числятся рожденными в 1948 г. – 1167 голов, ездовых – 448 голов (там же. Д. 12. Л. 24).

Среди 62 хозяйств, входивших в число «членов колхоза» «Вал» в 42 хозяйствах был учтен 321 олень, в том числе 45 ездовых, 72 «молодняка» рождения 1948 г.» (там же. Л. 25–26). У каждого в личном хозяйстве значилось от 1–2 (бывало 4–5–7–9–13–15) до 18–19 голов, в единичном случае – 23 головы (у Г.М. Михеева). Наряду с мужчинами, владельцами оленей, в 1948–1949 гг. числились и 10 женщин, имеющих по 1–2, а также 4, 6, 9 и 11 голов (там же. 27–27 об.). Если обратить внимание на фамилии членов колхоза (в большинстве случаев это пастухи), имеющих личных оленей, начиная с 1948 г. – по имеющимся архивным данным – и в последующие годы советского и постсоветского периодов, легко увидеть среди них те же фамилии, какие и сегодня представляют пастухи-оленоводы пос. Вал – Борисовы, Владимировы, Гавриловы, Егоровы, Иннокентьевы, Кирилловы, Макаровы, Мироновы, Михеевы, Осиповы, Павловы, Семеновы, Соловьевы, Степановы.

По данным фонда «Оленеводческий колхоз “Вал” Восточно-Сахалинского района» ГАСО к 15 августа 1948 г. стада колхоза должны были «сконцентрировать» оленьи стада на «ранне-осенних пастбищах». Стадо 1 – «в верховьях ключа Сироусях»; стадо 2 – «в устьях реки Ядухи»; стадо 3 – место расположения не отмечено, стадо 4 – «на ключе Хоэсила». Таким образом, существовало 4 бригады (ГАСО. Ф. 333. Оп. 1. Д. 3. Л. 1).

По рассказам современного поколения оленеводов пос. Вал, в 1952 г. оленеводством занимались 4 бригады: первая бригада располагалась на Валу, вторая – на Пильтуне, третья – на Аскасае, четвертая – на Набиле. А в 1959 г. (когда колхоза уже не было) олени были поделены на два стада и занимались ими соответственно две бригады пастухов: стадо 1 было более крупное – оно насчитывало около 3,5 тыс. голов и выпасалось на Димдани и Путаку, стадо 2 – около 3 тыс. голов – на Ивае и Даги (перечислены географические названия – рек, залива и проч. – так как это употребляют оленеводы) (Полевой архив автора, пос. Вал, 2003 г.).

Вернемся к данным архива 1948 г. Начальником всего стада был Н.М. Соловьев (негидалец, который всю жизнь жил в среде уйльта, его жена была уйльта), бригадиром – И.П. Павлов, А.Д. Степанов, Д.Д. Степанов, А.К. Кириллов. Начальник стада и бригадиры были ответственны за подготовку оленей к гону. С 15 сентября по 15 октября им вменялось в обязанность произвести тщательный отбор «хоров» по критерию племенной ценности и к 15 октябрю перегнать оленей на осенние «гоновые» пастбища: стадо 1 – «на участок, ограниченный рекой Вал на юге, рекой Гарамай на севере и рекой Уи на востоке», стадо 2 – «в верховья реки Духи», стадо 3 – «в устье реки Кыдлянги», стадо 4 – «на ключе Нгармактауна, по реке Аскасай». На данных участках планировалось построить «коррели для привязи телят 40 × 50 м». С 15 августа по 15 октября также полагалось «пропустить через осеннюю привязь в корралях весь молодняк» текущего года рождения для «полного приручения». С 15 октября начиналось строительство «зимних корралей» и расчистка путей «подъезда к зимним стоянкам».

«Кочевка бригад на зимние пастбища» должна была закончиться к 1 ноября. Срок проведения «зимней инвентаризации и выбраковки стада» устанавливался с 10 ноября по 20 декабря. При выборе оленьих пастбищ, как отмечает начальник зоотехнического пункта при колхозе «Вал» И. Плотников, «наиболее интересными в кормовом отношении» оказываются «лиственные редколесья, кочкарликовая тундра» (ГАСО. Ф. 3333. Оп. 1. Д. 3. Л. 1). Обращается внимание на то, что нет возможности использовать огромные площади ягельников из-за того, что они «покрыты густыми зарослями кедрового сланца». Для своевременного восстановления пастбищ предлагается ввести пятилетний «пастбищеоборот». Колхоз располагал «ежегодно площадью 88000 га». На этом основании делается вывод о полной возможности «в течение пяти лет с 1949 г. ... довести поголовье... стада до 7 500 голов путем естественного прироста, учитывая ежегодную выбраковку и плановый убой». В это время в оленеводстве было занято постоянно 24 мужчины, 1 женщина и 4 подростка, в «кустарной мастерской» – 22 женщины, а в период отела 20–21 женщина работают телятницами в пастушеских бригадах (там же. Л. 2).

Как отмечал зоотехник, «на протяжении 4 лет стадо колхоза не росло, т.к. имеют место огромные потери оленей без вести (500–600 голов)». Хотя в 1948 г. «число потерянных “без вести” оленей», по сравнению с 1947 г. сократилось на 102 головы. «Причины этих потерь кроются в вольном выпасе оленей, пастухи не ведут круглосуточного наблюдения за стадом, поэтому создаются благоприятные условия для разброда, с одной стороны, и хищение оленей разными лицами...». Пастушеские бригады нуждались в пополнении рабочей силой, поэтому предлагалось переселение 15–20 семей оленеводческих народов, к примеру эвенков или негидальцев, из Нижне-Амурской области (ГАСО. Ф. 333. Оп. 1. Д. 3. Л. 2, 5). (Переселение нескольких семей эвенков в Поронайский район состоялось.) По имеющимся данным о «выходном поголовье на конец 1947 г.» в колхозе насчитывалось 3500 оленей (в том числе 990 важенок и 440 оленят), у колхозников (а их было в то время 54 человека) (Ногликский райархив. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10. Л. 13–15) в то время было 240 оленей (в том числе 100 важенок и 60 оленят), всего по району числилось 3740 оленей (в том числе 1090 важенок и 500 оленят) (там же. Л. 32). В официальной Сводке движения стада колхоза «Вал» за 1 полугодие 1948 г. насчитывалось от 4090 до 4550 голов оленей, в том числе 111 хоров, 1228 важенок, 447 ездовых, отмечен приплод – 1283 голов, убой – 267 голов и без вести пропало 457 оленей (ГАСО. Ф. 333. Оп. 1. Д. 3. Л. 8, 11). В одной из сводок в 1949 г. числятся 4616 голов оленей, в том числе 134 хора, 1432 важеньки, 748 ездовых и т.д. при годовом приплоде 1116 голов и убой – 550 голов (там же. Л. 7); в другой сводке – от 4986 до 5025 голов. А в сводке за 1950 г. в разное время числятся от 6868 до 7500 голов, в том числе 194 хора, 2071 важенька, 1824 ездовых, приплод – 2000 голов, а убой – 1368 голов (там же. Л. 12).

1 января 1949 г. стадо Оленеводческого колхоза «Вал» насчитывало всего 4005 голов, в том числе 116 хоров, 1286 важенок, 519 ездовых. Распределение оленей по бригадам было таким: стадо 1 – 1183 голов, стадо 2 – 1306 голов, стадо 3 – 1126 голов, стадо 4 – 390 голов (ГАСО. Ф. 333. Оп. 1. Д. 3. Л. 11–13. Табл. 1–5). «Структура обобществленного стада колхоза “Вал”»

(там же. Л. 13. Табл. 6) выглядела следующим образом (статистические выводы в данном разделе, выполненные автором на основании архивных материалов):

	на 1.01.1949 %	на 1.01.1950 %
хоры	2,89	2,77
важенки	32,1	29,37
сырицы	9,89	10,99
ездовые	11,01	12,37
менури	16,77	17,49
нялуку самки	14,69	13,4
нялуку самцы	14,65	13,61

(В различных «Сводках движения стада оленеводческого колхоза “Вал”» используется разное написание этого термина – менуреи, мекуреи, мейуреи; см.: ГАСО. Ф. 333 «Оленеводческий колхоз “Вал” Восточно-Сахалинского района»).

Интересно обратить внимание на «нагрузку оленей на 1 пастуха по колхозу “Вал” за 1949 год» (ГАСО. Ф. 333. Оп. 1. Д. 3. Л. 18. Табл. 13)

Стада	Среднегодовое поголовье оленей	Среднегодовое количество пастухов	Нагрузка на 1 пастуха (голов оленей)
стадо № 1	1290	8	161
стадо № 2	1516	7	216
стадо № 3	1313	6	219
стадо № 4	429	3	143
всего	4548	24	190

Достаточно провести в оленеводческой бригаде хотя бы одни рабочие сутки сегодня, чтобы понять, насколько невероятно большой должна была быть нагрузка пастуха в колхозе в былые времена. Кажется маловероятным, чтобы один человек мог «одомашнивать» (приручать) такое количество оленей в условиях Сахалина и оленеводческой традиции уйльта. Как отмечают современные оленеводы Сахалина, олень имеет очень свободолюбивый нрав. Это подтверждается и информацией, хранящейся и ныне в памяти поколений семей оленеводов. Данное обстоятельство нельзя не учитывать. Представляется более правдоподобной ситуация вольного выпаса полудиких меченых оленей, которые считались собственностью колхоза. Каждый год пастухи отлавливали только что «появившихся на свет» телят, и именно это количество меченых особей определяло ежегодное пополнение колхозного стада. Определить точно, какое количество всего телят произвели на свет важеньки, скорее всего, было не реально. Существовали планы ежегодного отлова телят (например, в 1940 г. норма вылова телят на пастуха составляла 60 голов), кроме того, приветствовалась поимка телят «сверх» плана (были случаи в 1940 г. вылова 66, 72, 73, 74, 95 и 97 телят), за это увеличивалось количество трудодней пастухов, работа была «сдельной» (ГАСО. Ф. 333. Оп. 1. Д. 1. Л. 2). Следовательно, всегда оставалось какое-то количество не пойманных пастухами телят. Выявляли

даже «рост производительности труда пастухов колхоза “Вал” на вылове новорожденных телят» (там же. Д. 55. Л. 15. Табл. 9):

Годы	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946	1947	1948	1949
всего выловлено телят	655	848	1130	1308	856	1304	1248	1308	1152	1213	137
число пастухов, занятых на вылове	19	13	14	19	18	17	17	18	14	15	15
нагрузка на 1 пастуха годовалых телят	34	65	80	69	47	77	73	72	82	86	92

Такой способ ведения хозяйства не имел ничего общего ни с традиционным для прошлого оленеводческим образом жизни, ни с реальной жизнью оленеводов в настоящем. Думается, что именно невозможностью охватить такое количество пасущихся свободно на различных пастбищах оленей одним пастухом, объясняются постоянные оговорки во многих документах (годовых отчетах колхоза, различных статистических сводках, отчетах зоопункта и т.п.) о пропаже оленей, и в таких случаях, как, например. пишет заведующий зоопунктом при колхозе «Вал» И.М. Плотников, установить «точно, куда девались недостающие олени, трудно» (ГАСО. Ф. 333. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об.). В феврале 1941 г. он же констатирует: «Часть оленей перешла в дикие стада, о чем свидетельствуют заявления охотников о том, что на территории охотничьих угодий колхоза и оленьих пастбищ нет ни одного дикого стада без примеси домашних оленей. В ноябре 1940 г. пастухами бригады № 1 было выловлено от диких оленей в верховьях р. Лангери (Рыбновского района) 20 домашних оленей, принадлежавших колхозу “Вал”». И.М. Плотников объясняет эти факты в основном применяемым колхозом вольным выпасом стада «без окарауливания» (там же. Л. 3). Безусловно, пастухи как в прошлом, так и в настоящем, знают тайгу и тундру до мельчайших подробностей, всегда могут предположить, куда могли уйти олени и по каким причинам это произошло, но физически отследить такое количество якобы колхозных оленей не представляется вероятным.

По данным на зиму 1952–1953 гг., количество оленей, «находящихся в личной собственности граждан по Восточно-Сахалинскому району», уменьшилось до 182, из них 36 ездовых, 44 молодняка. Лишь 28 колхозников (из 55), в том числе 3 женщины, имели в основном по 1–2 оленя, в единичных случаях – 10, 19, 26 (Г.М. Михеев) (Ногликский райархив. Ф. 6. Оп. 1. Д. 18. Л. 4–4об.; Д. 21. Л. 4–4 об.). А в 1953–1954 гг. поголовье возросло до 298. В названные годы (т.е. 1948–1953 гг.) колхоз «Вал» относился к Чайвинскому сельсовету Восточно-Сахалинского района (там же. Д. 18. Л. 48). Что касается общего поголовья оленей в колхозе «Вал», оно изменялось в 1950-е годы. Так, зимой 1952–1953 гг. насчитывалось 4888 голов, в том числе 1087 ездовых, 1024 молодняка (там же. Д. 19. Л. 44–44 об.). В дальнейшем наблюдался рост поголовья.

В «Докладной записке» председателя Исполкома Восточно-Сахалинского райсовета депутатов трудящихся (пос. Ноглики) А. Палехова, написанной в сентябре 1954 г. и обращенной к председателю Исполкома Сахалинского областного совета депутатов трудящихся Л.И. Кузик, представлены данные,

позволяющие проанализировать ситуацию развития оленеводства в колхозе «Вал» в 1951–1954 гг. (ГАСО. Ф. 553. Оп. 1. Д. 53. Л. 151–152). Оленеёмкость пастбищ района по материалам геоботанического обследования 1951 г. составляла 4800 голов оленей. «Оленеёмкость района» сократилась, как отмечает А. Палехов, за счет выхода из строя Набильско-Лунского массива, имевшего оленеёмкость 710 голов – «лишайники оказались выбитыми в результате содержания на массиве» стада 1500 голов с 1948 по 1953 г. Татама-Нышский массив, имевший оленеёмкость 325 голов, потерял пастбищную ценность из-за лесных пожаров 1953 и 1954 гг. Таким образом, к 1954 г. фактическая оленеёмкость района составляла 3735 голов. А. Палехов считал, что расширение пастбищ для колхоза «Вал» возможно за счет неиспользуемых пастбищ соседнего Охинского района, имеющих оленеёмкость 890 голов. Следует отметить, что и в XIX, и в XXI веках вслед за потребностями оленей в осенне-зимний период оленеводы всегда следовали на территорию Охинского района. Ведь так естественно и очевидно для оленей, что существование границ районов не может быть критерием выбора места их корма. Общая оленеёмкость двух районов, как отмечается в «Докладной записке», составляет 4625 голов.

А. Палехов обращает внимание на тот факт, что в июле 1954 г. колхоз имел 5614 голов оленей; и на тех же пастбищах, на которых выпасались «общественные» олени, выпасалось еще 284 оленя «личного пользования колхозников». «Перегрузка пастбищ» составляла 2163 головы. Этим обстоятельством обосновывается крайняя необходимость использовать Охинские пастбища, а также целесообразность сократить количество оленей до 4500 голов. Большая перегрузка стада привела к увеличению «непроизводительных потерь» – была установлена потеря «без вести» ушедших 798 оленей. Длительное содержание оленей на истощенных пастбищах пагубно отразилось на качестве стада. Поэтому выражается необходимость закрепления за колхозом оленьих пастбищ Охинского района «с лугами к северу от устья р. Чельма». Кроме того, председатель Исполкома выражает обеспокоенность тем, какой большой ущерб оленеводству наносят хищные звери: из-за отсутствия у колхоза «нарезного оружия» «стрелять медведя колхозникам нечем». Судя по всему, никто из вышестоящих инстанций не был настроен прислушиваться ко всем этим обоснованиям сократить план роста стада оленей, и вопреки здравому смыслу гонка за большее поголовье продолжалась и в 1950-е, и в 1960-е годы.

Далее в «Докладной записке» обращается внимание на экономическую непродуктивность и нецелесообразность содержания в колхозе «Вал» 11 голов крупного рогатого скота и трех лошадей: «Колхозники не умеют ухаживать за скотом и работать на лошадях, поэтому колхоз получает чрезвычайно низкую продуктивность от крупного рогатого скота, а лошади не работают». Председатель делает вывод, что было бы рациональным продать скот и улучшить уход за основной отраслью колхозного производства – оленеводством. Абсолютно естественно, что у оленеводов нет традиционных навыков использования коров и лошадей. И эти занятия лишь отвлекают от основной сферы деятельности местного населения.

По данным председателя Ныйвенского сельсовета (в 1952–1953 гг. был еще Чайвинский сельсовет) и инспектора ЦСУ Восточно-Сахалинского

района, зимой 1955–1956 гг. из 45 индивидуальных хозяйств в 37 хозяйствах имелось 158 оленей, в том числе 12 ездовых и 38 молодняка. В основном колхозники, включая 5 женщин, имели «в индивидуальном пользовании» от 1 до 5 оленей, в единичных случаях – 13, 14 и 15 (Ногликский райархив. Ф. 6. Оп. 1. Д. 40. Л. 46–47, 48–48 об.). По итогам учета оленей в колхозе «Вал» насчитывалось 4976 голов, в том числе 748 ездовых, 1016 молодняка (там же. Л. 44, 45–45 об.).

В последующие годы учет оленей производился в осенне-зимний период. Так, осенью-зимой 1956 г. по данным председателя Валовского (Ныйвенского) сельсовета, из 51 индивидуального хозяйства в 34-х имелось 186 оленей, из них 31 ездовой и 47 молодняка. В основном в каждом личном хозяйстве было от 3 до 10 оленей, у 6 женщин – от 1 до 6 оленей. А колхозное стадо насчитывало 5000 голов, из них 906 ездовых и 1152 молодняка (там же. Л. 38–38 об., 39–39 об., 40–40 об., 41–43).

Летом 1956 г. была организована этнографическая экспедиция на Сахалин, лиман Амура и реку Амгунь отделом Сибири и Дальнего Востока Государственного музея этнографии народов СССР, о чем можно узнать из материалов заведующей отделом Е.П. Орловой. По ее данным, в 1956 г. стадо насчитывало 5700 оленей (а в 1939 г. 1111 оленей): «Оленей выпасают в хребтах в районе с. Чай-во, подгоняют к Охе, где лучше сохранились ягельники. Колхоз “Вал” объединяет 53 хозяйства – 157 человек ульта-ороков (большая часть) и тунгусов-эвенков (меньшая часть); есть 3 гиляка – рыбака; негидальцев – один род Соловьевых; русских в колхозе нет, кроме председателя колхоза. Колхозники-оленоводы имеют заработок меньше, чем рыболовы...» (Архив МАЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 12. Л. 15).

Осенью–зимой 1957 г. в Валовском сельсовете насчитывалось 42 индивидуальных хозяйства колхозников. Из них в 36 зарегистрировано 182 оленя, в том числе 25 ездовых и 61, относящийся к молодняку. В основном в каждом хозяйстве насчитывалось от 1 до 5 оленей, есть колхозники, имеющие 9–10, 14–15 и 27 (у Л.К. Степанова) оленей, у 6 колхозниц – от 1 до 6 голов. Всего в оленеводческом колхозе «Вал» было учтено 4480 оленей, включая 948 ездовых и 996 молодняка (Ногликский райархив. Ф. 6. Оп. 1. Д. 40. Л. 33–33 об., 34–36. Д. 41. Л. 58–58 об.).

В 1958 г. на базе «хозяйства оленеводческого колхоза “Вал”» было «организовано Валовское отделение совхоза “Оленевод”». В Справке «О состоянии готовности Валовского отделения совхоза “Оленевод” к работе в зимних условиях», написанной в декабре 1967 г., приведены данные, позволяющие увидеть «динамику роста поголовья оленей и продажи мяса государства» с 1962 по 1967 г. (там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 15–16):

годы	1962	1963	1964	1965	1966	1967
поголовье; всего	6297	6756	6868	7416	7461	8415
фактически сдано голов	716	853	1367	1230	1400	890

Как видно из вышеприведенных данных, в декабре 1967 г. в отделении совхоза насчитывалось 8415 оленей, из них 2676 голов телят текущего года (т.е. молодняка). При постоянной сдаче государству голов оленей «на мясо», автор Справки с удивлением констатирует, что в местных магазинах отсут-

ствовало в продаже оленье мясо. Кроме того, не представлялось логичным (понятным) отсутствие в местных магазинах простых продуктов (например, макаронных изделий), необходимых «в тайге оленеводу» (там же. Л. 20).

Стадо выпасалось на земельной площади 423,5 тыс. га. В справке отмечается, что названная земельная площадь «полностью обеспечивает выпас поголовья оленей» и тут же указывается, что «работы по улучшению пастбищных угодий не проводятся». «Планирование поголовья оленей не базируется на реальной почве и далеко от действительности. Производственные планы составляются по книжным остаткам поголовья оленей, а не после проведения инвентаризации, которая ежегодно проводится в январе–феврале месяцах. Тогда эти планы были бы более реальны. В бытность, когда еще на Валу был колхоз, то в практике было проведение летней инвентаризации, т.е. когда олени выходили на открытые места, спасаясь от гнуса, и их легко было пересчитать». В справке также описана абсолютно бесхозяйственная ситуация полного отсутствия системы документального учета в отделении. «Какая себестоимость продукции, какие затраты на ее производство? Какая производительность труда?... Как работает отделение убыточно или рентабельно». Это, как сетует автор документа, установить не удастся, так как все отчеты находятся в Виахте Александровского района (Ногликский райархив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 16, 18). Автор справки осуждает абсолютную некомпетентность управленческого отделения совхоза (там же. Л. 23).

Все поголовье оленей (на период, когда была написана приводимая справка, т.е. декабрь 1967 г.) разбито на два стада. Первое находилось в верховьях реки Гаромай «в 25 км от центральной усадьбы отделения», второе – на реке Аскасай в «12 км от Вала» (там же. Л. 16). В условиях полной бесхозяйственности со стороны управления совхоза, как отмечается в документе, работа ветеринарной службы велась должным образом. Регулярно проводилась профилактическая работа, «исследования на бруцеллез, туберкулез, исследование крови, систематическое санитарное наблюдение». Отмечается особо проблема «борьбы с оводом». Активно велась работа по улучшению племенного стада. Проводилась «плановая кастрация оленей», «регулярная жесткая выбраковка оленей». Происходил «обмен хорями между отделениями». Ставилась задача создания «племенного табуна» (там же. Л. 19). Технология «забоя оленей в качестве мяса» описана как совершенно недопустимая: «При забое оленей пастухи пользуются самыми примитивными приспособлениями. Что ведет к большой потере времени и снижает качество мяса. В результате неоднократных перетаскиваний туш с места на место нередко на мясо попадает земля, оленье шерсть, кишки, кровь выбрасывается, по-настоящему не организован сбор и переработка рогов для продажи как экзотических товаров» (там же. Л. 23).

Численность рабочих отделения совхоза составляла 58 чел., из них 37 чел. – «из народностей Севера»: 33 чел. работают пастухами и 4 женщины в пошивочной мастерской (Ногликский райархив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 17). С большим прискорбием описаны бытовые условия и пастухов в тайге, и их семей в домах пос. Вал. «Многие дома в старом поселке пришли в ветхость и требуют капитального ремонта. Руководители отделения... неудовлетворительно следят за тем, чтобы в домах, занятых народностями Севера, свое-

временно делался текущий ремонт: побелка, замазка и затирка обвалившейся штукатурки, застекление рам и др.». «В большинстве квартир оленеводов... обстановка... бедная. Очень редко можно встретить швейную машинку, радиоприемник...» (там же. Л. 19–21). «...неудовлетворительное состояние жилого фонда во многом зависит от торгующих организаций» – в магазинах полностью в течение долгого периода времени отсутствовали строительные материалы. «Особую тревогу вызывает состояние коралей и жилых помещений в стадах. Они... не ремонтировались в течение длительного времени» (там же. Л. 24).

«Крайне неудовлетворительно организован быт оленеводов в стадах. Люди на центральной базе 2-го стада живут в полуземлянках, на одной из них нет даже крыши... печь, сделанная из 200 т литровой бочки во время топки дымит, так что в помещении нельзя находиться, пастухи спят на общих нарах в спальнях мешках... о простынях, одеялах... не может быть и речи». Пищу пастухи готовят сами, так как положенный по штату «чумработник» отсутствует. В стадах «нет ни приемников, ни газет и журналов». Очень плачевная ситуация с трудоустройством женщин поселка. Во время бытования колхоза женщины занимались «полезно-общественным трудом... в основном были заняты пошивом изделий из оленьих шкур для нужд колхоза и населения района... в мастерской работало более 30 женщин» (там же. Л. 19–22). «Необходимо признать, что в отделении совхоза “Оленевод” у большей части народностей Севера повышенное пристрастие к употреблению виноводочных» (там же. Л. 21).

В 1959 г. в Восточно-Сахалинском районе существовало 6 сельсоветов: Ногликский, Пильтунский, Валовский, Чайвинский, Катанглийский, Нышский. В Валовском сельсовете зарегистрированы 133 орочена (в остальных орочены не значились), 50 эвенков, 13 нивхов (Ногликский райархив. Ф. 6. Оп. 1. Д. 37. Л. 93).

В отделении совхоза «Оленевод» Валовского сельсовета следующий учет оленей, находящихся в индивидуальной собственности, проводился зимой 1958–1959 гг.: среди 50 личных хозяйств в 34 зафиксировано 173 оленя, в том числе 14 ездовых и 38 молодняка (там же. Д. 40. Л. 30). А осенью–зимой 1959 г. всего насчитывалось 186 хозяйств и в 37 из них учтен 171 олень, в том числе 22 ездовых и 36 молодняка. Колхозники, включая 9 женщин, имели от 3 до 6 оленей, в одном случае – 2 (там же. Д. 42. Л. 54–56, 57–57 об.). Далее материалы архива позволяют увидеть картину учета оленей на 1 января 1962 г. В 21 хозяйстве Валовского сельсовета значилось 108 оленей, из них 18 ездовых и 31 голова молодняка. В каждом хозяйстве было от 1–2 до 8 оленей, в одном случае – 11 (у Н.М. Соловьева), в одном – 12 (у Л.К. Степанова) и в одном 14 голов (у Г.М. Михеева). В списке лиц, имеющих оленей в 1962 г., значится лишь одна женщина (М.Н. Макарова) (Ногликский райархив. Ф. 6. Оп. 1. Д. 48. Л. 63–64). Осенью–зимой 1962 г. в 21 хозяйстве у членов совхоза «Оленевод» (женщин в списке нет) зафиксированы от 1 до 9 оленей, редко – 14 (у А.Н. Макарова), 17 (у К.М. Михеева), 22 (у Л.Н. Степанова) (там же. Д. 53. Л. 34–35). Зимой 1962/1963 гг. в 236 личных хозяйствах населения Валовского сельсовета Ногликского района было учтено 142 оленя в 22 хозяйствах, в том числе 19 ездовых и 40 молодняка (там же. Л. 32–32 об.). А Подворный список хозяйств по учету

олений осенью–зимой 1963 г. включает в себя также 22 хозяйства (одна женщина числится в списке), в каждом из которых насчитывается от 1 до 12 голов, есть случаи – 15 (у А.К. Кириллова), 18 (у А.Н. Макарова) и 23 головы (у Степанова Л.К.). Всего учтено 160 оленей, в том числе 17 ездовых и 20 голов молодняка (там же. Д. 57. Л. 19).

Осенью–зимой 1965 г. Подворный список хозяйств по учету оленей Валовского сельсовета содержит информацию о 20 хозяйствах колхозников, имевших 180 оленей, из них 22 ездовых и 48 молодняка. По-прежнему в списке числится одна женщина (М. Макарова), имеющая одного оленя, остальные колхозники владели от 3 до 7–13 голов, есть хозяйства с 16–18 оленями, в одном хозяйстве 23 (у Л.К. Степанова) (Ногликский райархив. Ф. 6. Оп. 1. Д. 62. Л. 63–64).

Осенью–зимой 1968 г. оленей имели уже только 15 хозяйств «рабочих и служащих» совхоза «Оленевод» из общего числа 48 хозяйств. Всего было учтено 137 оленей, в том числе 16 голов ездовых и лишь 4 (!?) молодняка. В 13 хозяйствах насчитывалось от 2 до 15 голов, в одном – 18 (у Г.М. Михеева) и в одном – 25 (у А.Н. Макарова). В Подворном списке значится лишь одна женщина (В.М. Соловьева), имеющая трех оленей (там же. Д. 69. Л. 77–80). На 1 января 1969 г. учтены 17 хозяйств, имеющих всего 146 оленей, в том числе 22 ездовых и 16 молодняка. В 15 хозяйствах – до 15 оленей в каждом, в двух больше – 18 (у Г.М. Михеева) и 20 (у А.Н. Макарова). По-прежнему значится одно хозяйство женщины с тремя оленями (там же. Д. 72. Л. 91–97). В январе 1970 г. происходят незначительные изменения. В 15 хозяйствах насчитывалось 157 оленей, в том числе 29 ездовых и 32 молодняка, в каждом – от 3 до 15 голов, только в одном (у А.Н. Макарова) – 25 голов. «Женских» хозяйств нет (там же. Д. 78. Л. 5–7). В январе 1971 г. происходит увеличение количества хозяйств, имеющих оленей, до 22. Всего во владении был 171 олень, в том числе 22 ездовых и 44 молодняка, в каждом хозяйстве – от 2 до 16 голов, в одном 18 (у Г.М. Михеева) (там же. Д. 102. Л. 83–86). В январе 1972 г. количество хозяйств возрастает до 25, общее число оленей – до 193, в том числе 40 ездовых и 32 молодняка. В каждом из 22 хозяйств – до 15 оленей, в двух – 20 (у М.Г. Степановой) и 24 (у Н.М. Соловьева) (там же. Д. 104. Л. 97–101). Немного отличается ситуация в январе 1973 г. В 20 хозяйствах содержится 139 оленей, из них 27 ездовых и 34 молодняка. В 19 хозяйствах значилось от 1 до 14 голов, в одном (у Н.М. Миронова) – 18 голов. Появились 4 хозяйства женщин, имеющих от 1 до 11 оленей (там же. Д. 118. Л. 30–33).

По сведениям архива, в ноябре 1973 г. в Ногликском районе насчитывалось 807 представителей «народностей Севера», в пос. Вал – 218. Из них 121 человек был занят в рыболовстве, 87 – в оленеводстве, включая 26 пастухов, имеющих зарплату 380 рублей в месяц (для сравнения зарплата рыбака – 191 рубль в 1970 г. и 266 рублей в 1972 г.), в 1970 г. зарплата была немного ниже – 370 рублей (Ногликский райархив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 218).

Архивные материалы, датируемые мартом 1975 г., позволяет представить культурно-бытовые условия оленеводов в Валовском отделении совхоза «Оленевод» (там же. Д. 10. Л. 10–12). Как отмечается в документах, Валовское отделение совхоза «Оленевод» «проводит определенную работу по созданию нормальных культурно-бытовых условий оленеводов».

Что значило в представлении людей, составляющих официальные бумаги по этой теме, «нормальные... условия» и проведение «определенной работы»? Отмечается, что за годы девятой пятилетки построено 11 жилых домов, общей площадью 1200 м² (27 квартир), капитально отремонтировано 16 квартир... построены общежитие на 20 мест, детсад на 50 мест, баня на 10 мест с прачечной, электростанция на 80 квт, пробурена скважина 151 метр с дебитом 17 м³ в час доброкачественной воды». Отмечается, что все семейные пастухи-оленоводы обеспечены жильем, а для «одиночек имеется благоустроенное общежитие». Все пастухи-оленоводы на местах работы обеспечены палатками, спальными мешками и спецодеждой. В местах проведения забоя, на зимних коралях построено два дома. Уместно вспомнить, какие проблемы в этом плане существовали в 1940-е годы (см. выше) и существуют в настоящее время.

Для оперативной связи отделения с бригадами в советское время имела радиостанция, а в бригадах были малые радиостанции «Карат» и «Недра». (Как не хватает ныне, в начале XXI в., техники, позволяющей осуществлять оперативную связь пастухов с поселком!). В документе также обращается внимание на то, что пастухи «обеспечены газетами “Правда”, “Советский Сахалин”, “Сельская жизнь”, “Знамя труда”... имеют радиоприемники». В настоящее время радиоприемники у оленеводов – большая редкость. А вот к чтению газет оленеводы с большим удовольствием относятся и сейчас. Ждут передачи газет – «прессы» (как это называют сами оленеводы) – от своих родственников из поселка, перечитывают их помногу раз. Обмениваются мнениями по поводу различных событий, о которых прочитали в газетах, иногда происходят очень эмоциональные споры о политике. В течение 1974–1975 гг. было прочитано 7 лекций, проведено 15 бесед «по различным общественно-политическим вопросам».

Среди существенных недостатков отмечено отсутствие организации досуга оленеводов, «по возвращению их из стада», недостаточное внимание уделяется санитарной культуре, не отвечает требованиям медицинское обслуживание. Из-за того, что руководство центральной районной больницы не согласовывает с руководством совхоза графика приезда врачей-специалистов для проведения углубленных медосмотров, оленеводы, находящиеся далеко в стадах, длительное время не осматриваются врачами узких специальностей. Ныне подобная работа практически уже не осуществляется совсем, за исключением тех случаев, когда коренные жители обращаются за конкретной помощью к медицинским специалистам.

Обращается внимание и на серьезные недостатки в торговом обслуживании как промышленными, так и продовольственными товарами: отсутствуют в магазинах строительные материалы и хозяйственные товары. Этот недостаток отмечался и в 1940-е годы... Исполнительный комитет Ногликского районного Совета депутатов трудящихся вынес решение довести до сведения руководства предприятия «Сахалинский сувенир» о систематическом срыве выполнения заказа Валиовского отделения совхоза «Оленевод» по изготовлению инвентаря и спецодежды для пастухов оленеводов (торбаса, лыжи, сумки, палатки и т.д.). Ныне уже шьют вещи для оленеводов всего несколько женщин (мать, сестра или жена) в поселке. Таким образом, все проблемы нынешних оленеводов и стары, и современны одновременно.

В 1975 г. всего, по данным о «социалистическом соревновании», стадо передовой второй бригады В.А. Иннокентьева состояло приблизительно из 4000 голов оленей (Ногликский райархив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 107). (В.А. Иннокентьев пасет и ныне оленей, но уже личных/семейных, успешно передавая свои профессиональные знания молодежи.)

В январе 1977 г. ситуация в хозяйствах не слишком сильно изменяется. В 18 хозяйствах значится 135 оленей, из них 26 ездовых и 27 молодняка. В хозяйствах – от 1 до 14 оленей, включая у трех женщин, в двух случаях – 18–19 оленей (Ногликский архив. Ф. 6. Оп. 1. Д. 199. Л. 11–14).

Далее в январе 1978 г. наблюдается процесс снижения количества личных оленей: в 11 хозяйствах зарегистрировано 82 оленя, в том числе 20 ездовых и 9 молодняка (там же. Д. 228. Л. 45–45 об.). В январе 1981 г. происходит резкое снижение голов оленей – в 11 хозяйствах учтено лишь 42 оленя, в том числе 4 ездовых и 3 молодняка (там же. Д. 292. Л. 53–55). В январе 1982 г. в 12 хозяйствах было 84 оленя, в том числе 19 ездовых и 19 голов молодняка, при этом лишь одно самое крупное хозяйство насчитывало 16 оленей, в остальных – количество голов было значительно меньше (там же. Д. 312. Л. 16–18).

По данным на январь 1984 г. в Ногликском районе в 6 (из 134 существовавших в с/с района) хозяйствах зафиксировано всего 28 оленей, из них 21 ездовой олень и 7 молодняка (там же. Д. 364. Л. 1–2).

Необходимо заметить, что в Ногликском районе в этот период, к примеру, в январе 1985 г. жили 97 «орочей» (т.е. уйльта, так как орочи в Ногликском районе никогда не жили. – Л.М.), 61 «эвенк» и 1 «негидалец», а также 79 «нивхов», из них почти все представители этнических общностей, занимающихся оленеводством, и зафиксированы в Валовском сельсовете – 96 «орочей», 61 «эвенк», 1 «негидалец» и 32 «нивха». Общая численность населения пос. Вал составляла 2095 чел., а всего Ногликского района – 3075 чел. (Ногликский райархив. Ф. 6. Оп. 1. Д. 385. Л. 5–6, 8). А в январе 1994 г. в Ногликском районе жили 62 эвенка, 1 нанец, 1 негидалец, 37 нивхов и 133 «ороча» (там же. Д. 583. Л. 7–7 об.).

В январе 1988 г. в 6 хозяйствах насчитывалось чуть больше оленей – 35, из них 5 ездовых и 11 голов молодняка. При этом лишь в двух хозяйствах было 10–11 голов (у В.А. Иннокентьева и Г.М. Михеева) (там же. Д. 411. Л. 9–12). Почти столько же было и в январе 1988 г.: в 6 хозяйствах по одним данным – 36, по другим – 40 оленей, из них 4 ездовых и 11 молодняка. Самое большое количество оленей зафиксировано в одном хозяйстве – 14 голов (у М. Михеевой) (там же. Д. 433. Л. 34–36, 44–45). В январе 1989 г. сохранились те же 6 хозяйств (количество оленей в архивных документах найти не удалось) (там же. Д. 475. Л. 37). В январе 1990 г. в этих же хозяйствах числилось 39 оленей, из них 6 ездовых, а молодняка вообще не было. Самые большие два хозяйства имеют 10 (у В.А. Иннокентьева) и 13 (у Ф.Н. Соловьева) голов (там же. Л. 31–32). В январе 1991 г. в 7 хозяйствах было 46 оленей, из них 10 ездовых и 13 молодняка. По-прежнему самые многочисленные два хозяйства – 10 (у В.А. Иннокентьева) и 11 (у В.Н. Соловьева) (там же. Д. 516. Л. 27–29). В январе 1992 г. в 8 хозяйствах было 53 оленя, из них 11 ездовых и 14 голов молодняка. Самыми большими из них остаются прежние два хозяйства – по 10 и 13 голов (там же. Д. 549. Л. 29–31). В январе 1993 г. в 8 хо-

зяйствах насчитывалось уже 62 оленя, из них 12 ездовых и 10 молодняка. В 3-х хозяйствах было – 11 (у М.Н. Миронова), 12 (у В.А. Иннокентьева) и 15 (у В.Н. Соловьева) голов (там же. Д. 573. Л. 15–17, 23). В январе 1994 г. в тех же восьми хозяйствах числилось 72 оленя, в том числе 14 ездовых и 10 голов молодняка. В 2 хозяйствах имелось 16 (у В.А. Иннокентьева) и 17 (у В.Н. Соловьева) голов (там же. Д. 574. Л. 7–7 об., 8–8 об., 8'–8' об.). В январе 1995 г. в 8 хозяйствах значилось 76 оленей, в том числе 14 ездовых и 11 молодняка. Самое большое количество голов в двух хозяйствах – 16 (у В.А. Иннокентьева) и 17 (у М.Н. Миронова) (там же. Д. 630. Л. 6–9). К январю 1997 г. ситуация меняется незначительно. Сохраняются 8 хозяйств, в которых учтено 77 оленей, в том числе 18 ездовых и 9 молодняка. Выделяются 3 уже называвшиеся хозяйства – 13 (у В.Н. Соловьева), 18 (у В.А. Иннокентьева) и 19 голов (у М.Н. Миронова) (там же. Д. 649. Л. 1–2, 15–16). К январю 1999 г. остается 7 хозяйств, имеющих 66 оленей, в том числе 31 ездового, 5 голов молодняка. Наибольшими остаются хозяйства по 16 (у семьи Ж. Мироновой) и 17 голов (у В.А. Иннокентьева) (там же. Д. 707. Л. 4–5).

В малом государственном предприятии (МГП) «Вал» в январе 1992 г. значилось 968 оленей, из них 121 ездовой и 154 головы молодняка (родилось 170, из них погибло 16 телят). За предшествующий год погибло 86 оленей всех возрастов (в предыдущем году было 1052 оленя). Продолжалась реализация на убой – 168 голов (Ногликский райархив. Ф. 6. Оп. 1. Д. 549. Л. 29, 65–65 об. Д. 573. Л. 16–17). А в 1993–1995 гг. очевиден процесс дальнейшего снижения поголовья стада. Так, в январе 1994 г. было 907 оленей, в январе 1995 г. – 872 оленя, в том числе 197 ездовых и полное отсутствие молодняка! Очевидно, что в 1994 г. родившихся телят не отлавливали. За 1994 г. было реализовано на убой 35 оленей (там же. Д. 574. Л. 3–3 об. Д. 630. Л. 5–5 об., 7–7 об., 11–11 об.). В январе 1997 г. учтено 1010 голов, из них 163 ездовых и 200 молодняка – явное прибавление стада за счет родившихся телят. Погибло за 1996 г. 106 оленей всех возрастов. Реализовано на убой за предыдущий, т.е. 1996 г., 4 головы (там же. Д. 649. Л. 20–20 об.). В январе 1999 г. зафиксировано 1087 оленей, в том числе 163 ездовых и 80 молодняка. Погибло за предшествующий год 77 голов, на убой не сдавали ни одного оленя (там же. Д. 707. Л. 2, 3–3 об.).

О том, какие трудности были в работе оленеводов, какие были взаимоотношения между малочисленными коренными народами и влияло ли это на оленеводческий образ жизни, к сожалению, доступная на данный момент архивная информация дает очень скудные сведения. Так например, в Приказе Восточно-Сахалинского туземного райисполкома Сахалинского округа Приморской губернии Дальневосточного края Восточно-Сахалинскому туземному райисполкому пос. Ноглики разбирается конфликтная ситуация, возникшая в районах «Хандуза, Чайво, Агиво» и некоторых других между туземцами «тунгусами и ороченами, с одной стороны» и «гиляками названных стойбищ, с другой стороны»: «создаются не нормальные взаимоотношения» из-за «участвовавших случаев укусов оленей на пастбищах при кормежке, нартовыми собаками, принадлежавшими туземцам-гилякам». В результате 4 апреля 1931 г. «Туземный РИК приказывает: всему населению Восточно-Сахалинского Туземного района как русскому, так и туземному – имеющим нартовых собак – держать на привязях». «За неисполнение сего

приказа виновные будут привлекаться к ответственности – как за нарушение общественного порядка».

Таким образом, по данным архивов очевидна следующая картина коллективного оленеводческого хозяйства уйльта. В годы войны по сравнению с 1940 г. (т.е. довоенным годом) численность оленей в хозяйстве не только не уменьшалась, но и возрастала. К 1947 г. поголовье вернулось к довоенному уровню. Наибольшая численность стада приходится на 1960-е (и 1970-е – есть об этом косвенные данные) годы, когда был период расцвета в развитии коллективного хозяйства уйльта. А к 1990-м годам поголовье оленей резко сокращается в 8–10 раз. В начале 2000-х годов происходит незначительное увеличение стада, но по сравнению с 1940 г. оно становится меньше в три раза и более.

По сведениям архивных документов, относящихся к рассматриваемому периоду, практически на протяжении всего существования коллективного оленеводческого хозяйства уйльта не было никаких особых перспектив для его естественного развития. Постоянные огромные нагрузки на оленеводов (не хватало профессиональных пастухов), неоправданные планы доведения стада до таких размеров, которые могли наносить уже вред природе, жалобы зоотехников на невозможность соблюсти все специальные требования, необходимые для выведения нужной породы оленя и проведения ветеринарного обслуживания – все это никак не предвещало дальнейшего развития оленеводства в такой форме.

Кроме того, как пишет Е.П. Орлова по материалам экспедиции 1956 г., из-за лесных пожаров в 1952 и 1954 гг. «на громадных территориях на Сахалине сохранилось очень мало ягельников, и они сосредоточены преимущественно на севере, в районе г. Охи; таким образом, база оленеводства подорвана: считают, что 6000 оленей – это тот самый предел, который может быть допущен в колхозе Вал». Далее Е.П. Орлова отмечает: «Разумное направление хозяйства в сторону земледелия и крупного скотоводства не встречает поддержки у народов севера, так как это ломает весь уклад их привычного быта...» (Архив МАЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 12. Л. 17).

Как вспоминают оленеводы, распад колхоза был закономерным результатом всего хода его развития, так как абсолютно все в хозяйстве проводилось формально, отношение к оленю было настолько грубо потребительским, что это вызывало неоднократное возмущение оленеводов. В их сознании постоянно жила мысль о том, что с оленями так обходиться нельзя, их предки «почитали, а не только поедали оленя»! С другой стороны, шел распад культуры и в среде самих оленеводов: многие начинали так много потреблять алкоголя, приезжая в поселок, что теряли традиционно благородный «статус» уйльтинского оленевода, уменьшалось число профессиональных кадров из их среды. Кроме того, воспитание некоторой части мальчиков уйльта в интернатах также не могло способствовать приобретению опыта и продолжению оленеводческого дела. В колхозе «строилось все по каким-то натянутым параметрам» – так говорят оленеводы – «от нас всегда требовали чего-то такого бессмысленного, что никак не укладывалось в разумную логику» (Полевой архив автора, 2003).

При изучении архивных материалов напрашивается и еще один вывод. В прошлом уйльта никогда не имели большого поголовья оленей, у них не

было традиционных навыков выпаса огромного стада – планы ведения хозяйства создавались и предписывались зачастую теми людьми, которые могли никогда и не быть на Сахалине, естественно, они и не представляли все природные условия, возможно, и не совсем пригодные для содержания стада в особо крупных размерах.

**Состояние оленеводства
в конце XX – начале XXI в.
(по полевым и архивным материалам)**

По данным администрации Ногликского района, поголовье северных оленей на 02.02.95. насчитывало всего 872 оленя в МГП «Вал», из них 197 ездовых оленя (реализовано на убой 35, т.е. в 1995 г. еще производился убой на реализацию!), в 8 хозяйствах населения значилось всего 76 оленей. Таким образом, в Ногликском районе всего было зарегистрировано 948 до машинных северных оленей. По данным на 01.01.96 г. по голове МГП «Вал» возросло до 920 голов, а в хозяйствах населения поголовье достигало 111 голов, т.е. всего 1031 олень. Для сравнения можно вернуться к данным 1950 г. – поголовье оленей в предприятии «Вал» составляло 5145 голов. По данным комитета статистики, которыми пользуется администрация, в МГП «Вал» продолжали числиться (именно числиться, так как *de facto* МГП «Вал» в это время уже не существовал, а все олени стали дикими представителями природы) в январе 2000 г. 1019 оленей, в том числе 160 ездовых, в 1 родовой общине – 18 оленей, в том числе 4 ездовых и в 7 хозяйствах населения 74 оленя, в том числе 31 ездовой. Таким образом, всего значилось в 2000 г. 1111 голов оленей, в том числе 195 ездовых. А в январе 2001 г. эти цифры в официальных документах еще немного возрастают: в МГП «Вал» – 1024 оленя, в том числе 150 ездовых, в 6 хозяйствах населения – 93 оленя, в том числе 35 ездовых, в 1 родовой общине немного уменьшилось количество голов – 15, в том числе 4 ездовых. Таким образом, общее число зафиксированных голов оленей в 2001 г. – 1132, в том числе 189 ездовых. Интересно заметить, что на начало 2002 г. по официальным данным Комитета статистики числится уже поголовье лишь национально-производственного кооператива (далее – НПК) «Валетта» в пос. Вал – 176 оленей, в том числе 40 ездовых (родился в 2001 г. 21 теленок, из них 4 – погибло). НПК «Валетта» планировал строительство в 2001–2002 гг. «изгороди для оленей» – 22,7 км и одной «базы оленеводов». Но из-за отсутствия финансовых средств ничего не было построено и в 2003 г. (Полевой архив автора, пос. Вал).

Если принять во внимание обычное количество оленей, которое пастухи-олeneводы имели в своем личном хозяйстве в советский период, нетрудно заметить, что их число нередко не превышало не только 15 оленей (эта цифра фигурирует в формах отчетности по оленям – сколько хозяйств имеет до 15 оленей и сколько – от 15 до 30; видимо, свыше 30 никогда не встречалось, раз эта цифра стабильно присутствует во всех формах отчетности советского времени), но и зачастую не превышало 2–8 голов. Если обратиться к записям Бронислава Пилсудского, сделанным в 1904 г., можно прочитать, что приданое женщины, исчисляемое 3 оленями (плюс вещи), счита-

лось «довольно крупным». Поэтому после смерти ее мужа отец и брат покойного, которому она перешла по праву левирата (брат мужа не имел к ней привязанности и даже бил ее), желали ее «удержать в своем доме», чтобы не лишиться оленей, следовательно, 3 оленя представляли собой значимое достояние семьи. Женщине пришлось оставить в семье мужа 2 оленей (соответственно забрать с собой лишь одного) «ради приобретения свободы, которая дороже всего». Пожилые люди не одобрили действий матери этой женщины, «ибо плохой это обычай, взяв раз уплату за женщину, брать ее назад и отдавать ее вторично за уплату другому» (Пилсудский, 1989, с. 22).

Вплоть до января 1990 г. продолжался сбор статистической отчетности о «народностях Севера», «о численности кочующего населения и переводе его на оседлый образ жизни». (Вспомним, что «Совет Министров РСФСР в своем Постановлении от 20 февраля 1960 г. за № 264 счел необходимым перевести в 2–3 года все народы Севера на оседлость» (Толстов, 2006, с. 161). Так, к примеру, Валовский сельсовет Ногликского района Сахалинской области отчитывался об отсутствии каких-либо хозяйств и населения, ведущих кочевой образ жизни, в 1990 г. (ГАСО. Ф. 553. Оп. 1. Д. 472. Л. 6). При этом, как можно увидеть из соответствующей статистической формы отчетности, фиксация наличия или отсутствия «кочующего населения» определяется наличием постоянного жилья на территории сельсовета. Хотя, как известно по экспедиционным данным, нельзя утверждать, что абсолютно все пастухи-оленоводы даже в советское время, имея *de jure* постоянное жилье, жили в поселке. Были пастухи, которые вели типично традиционный полукочевой образ жизни, лишь изредка бывая в поселке, хотя их семьи действительно уже жили в поселке постоянно. В одном из архивных документов, относящихся к 1980 г., констатируется факт того, что «народности Севера, проживающие в области, полностью переведены на оседлый образ жизни». На этой же странице документа немного ранее говорится, что для «обеспечения завершения перевода всего кочевого населения Севера на оседлость необходима техническая перестройка оленеводческого и промыслового хозяйства с учетом национальных особенностей народностей Севера. Сделать это нужно как можно быстрее». Тут же немного ниже развивается мысль о необходимости укрепления материально-технической базы традиционных отраслей занятости народностей Севера, «эффективного использования возможностей дальнейшего развития оленеводства, охотничьего, рыболовного и зверобойного промыслов...» (ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2148. Л. 139). При чтении подобных документов создается впечатление, что зачастую такие высказывания были чисто формальными, их составители не обдумывали, вероятно, и не очень представляли себе истинную ситуацию в оленеводстве. Каким образом в действительности можно развивать оленеводство, переведя все коренное население на оседлый образ жизни? Как можно было сочетать эти две противоположные позиции *de facto*? Это остается не ясным. «Линия на оседание кочевников, – как писал Б.О. Долгих, – находилась в противоречии с типом хозяйства и природными условиями Севера. В отдельных случаях мероприятия по оседанию приводили к прямо катастрофическим результатам» (Долгих, 1993. с. 145). Очевиден факт полного разрушения системы оленеводства уйльта к концу XX в.

Итак, в 1990-е годы в Сахалинской области шел процесс значительного сокращения численности домашних северных оленей. Всего во всех категориях хозяйств в области было учтено следующее количество голов северных оленей (данные приведены на 1 января указанного года) (Материалы Ассоциации народов Севера Поронайского района (1990–1998 гг.) // Архивный отдел Администрации МО «Поронайский район». Ф. 137. Оп. 1. Д. 5. Л. 25):

1991	1995	1996	1997	1998
4000	3200	3200	3100	2900

Анализируя эту ситуацию, встает вопрос, а занимаются ли уйльта оленеводством в настоящее время. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к материалам полевых исследований (и официальным документам).

Северная группа уйльта. По данным администраций пос. Вал и пос. Ноглики, среди общего числа коренных малочисленных народов Севера Ногликского района на 01.02.03. 1111 чел. – 164 составляют ороки (т.е. уйльта), нивхи – 839, эвены – 98, нанайцы – 6, ханты – 1, ненцы – 1, ульчи – 1, тофоляры – 1. Уйльта живут в основном традиционно в пос. Вал – 124 чел. (65 мужчин и 59 женщин), а также в пос. Ноглики – 40 чел. (19 мужчин и 21 женщина). В Ногликском районе оленеводством традиционно занимаются только в пос. Вал. По данным администрации пос. Вал по итогам учета северных оленей на 1 января 2001 г., значатся 108 оленей в 7 хозяйствах уйльта, 6 из которых – «хозяйства населения», где – 93 оленя, и 1 – «родовая община» (такое название дано при официальной регистрации) имевшая 15 оленей. В действительности в 2001 г. самая крупная бригада оленеводов состояла из представителей двух–трех семей уйльта (Полевой архив автора). По словам оленеводов, в сентябре 2001 г. они имели около 100 ездовых оленей и около 60–80 важенок. По мнению одного из оленеводов пос. Вал, при проведении последней летней инвентаризации в 1988 г. обнаружено более 1000 оленей, из которых одомашненных было примерно 120 ездовых и менее 20 важенок. Таким образом, в начале нынешнего века в тайге бродит большое количество диких оленей, многие из них в советское время были домашними, т.е. совхозными. По словам информаторов, олени очень быстро становятся «естественными представителями дикой природы».

При подведении итогов учета (переписи) северных оленей на 1 января 2000 г. (по данным «Федерального государственного статистического наблюдения Сахалинской области» в Ногликском районе отмечено 9 хозяйств, имеющих оленей, в том числе 1 сельскохозяйственное предприятие, в котором значилось 1019 оленей (в том числе 545 важенок и нетелей), 150 ездовых и 80 голов молодняка до 1 года), 7 «хозяйств населения», в которых значилось всего 74 оленя (в том числе важенок и нетелей – 32, ездовых – 31 и молодняка – 7) и 1 «родовая община», которой принадлежало 18 оленей (в том числе важенок и нетелей – 10, ездовых – 4, молодняка – 6). В настоящее время это оленеводческое хозяйство не существует. Если суммировать оленей всех перечисленных хозяйств (1019, 74, 18), получается вместо былого значительного для Сахалина поголовья оленей, к 2000 г. осталось всего около 2000 голов.

Для сравнения вспомним архивные данные поголовья 1960-х годов. В конце 1962 г. поголовье Валовского отделения совхоза «Оленевод» составляло 6297 голов оленей, а в конце 1967 г. – 8415, в том числе 3221 важенка (Ногликский райархив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 15–16). Валовское отделение совхоза «Оленевод» – это бывшее хозяйство оленеводческого колхоза «Вал», на базе которого в 1958 г. было организовано отделение совхоза «Оленевод». И хотя, как свидетельствуют архивные материалы, планирование поголовья оленей в 1960-е годы не базировалось «на реальной почве и далеко от действительности», тем не менее наблюдался очевидный рост поголовья оленей (там же):

годы	2000	1962	1963	1964	1965	1966	1967
всего оленей	2001	6297	6756	6868	7416	7461	8415

Несмотря на значительное падение поголовья к концу XX в., в 1990-х годах не представлялось, что оленеводческий совхоз не может больше существовать. Трудно было подумать, что через десять лет от «большого» оленеводческого хозяйства практически ничего не останется, а все олени волею судьбы станут дикими представителями природы. Этот финал развития уйльтинского коллективного оленеводческого хозяйства, очевидно, обусловлен был изменением политического строя государства и образовавшимися новыми экономическими отношениями в обществе, при которых ни у кого не оказалось заинтересованности продолжать «удерживать на плаву» коллективное оленеводство на Сахалине. Экономической прибыли в современных условиях бывшее хозяйство дать не могло. Таким образом, создав коллективное оленеводческое хозяйство уйльта, государство само же обусловило и его распад. При этом также никто из представителей советской власти не задумывался над тем, насколько эта новая система оленеводства будет разумна и приемлема для коренного народа Сахалина, так же как в конце советского периода и в начале «перестройки» никто не представлял себе, какой же будет судьба уйльта, оказавшегося вне «адаптированных» для него (хотя и неразумных) всеми последними десятилетиями условий жизни. Перед коренным населением встал вопрос, каким образом приспособиться к новым социально-экономическим условиям жизни. Перейдем к рассмотрению дальнейшей динамики хозяйства уйльта в постсоветское время.

В «Перечне родовых, родовых семейных, общинных хозяйств и национальных предприятий коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области по Ногликскому району» на 1 июля 2001 г. числились «зарегистрированными» 16 хозяйств, в основном нивхские, три – уйльские: ООО «Гевва» («гева» в переводе с уйльского языка означает «рассвет»), Крестьянско-фермерское хозяйство – родовое хозяйство «Бояуса» (по названию северного уйльского рода «Баяуса», к которому принадлежит эта семья оленеводов и память об этом жива по сей день), национально-производственный кооператив «Валетта» (также по названию северного уйльского «псевдорода» «Валетта»). Это немногочисленные хозяйства, состоявшие из нескольких человек. Одним из них фактически руководил человек, пытавшийся создать свой собственный бизнес, не имевший отношения к народам Севера и далекий от желания развивать какое-либо уйльское (националь-

ное) хозяйство, что в итоге привело к распаду этого хозяйства. К сожалению, это не единичный случай попытки наживы представителей некоренного населения под прикрытием развития «экономики» малочисленного народа. Так порой складывается реальная ситуация вокруг «льгот» для коренного населения. Национальные хозяйства по уставу должны заниматься промысловым рыболовством (т.е. выловом и переработкой рыбы), охотой и переработкой пушного зверя, сбором «дикоросов» (т.е. сбором дикорастущих ягод), оленеводством.

Чтобы понять основные направления возрождения и развития оленеводства можно проанализировать, к примеру, ситуацию, сложившуюся к 2001 г. на территории муниципального образования «Ногликский район». По существующей оценке, имеющейся у администрации района, олени пастбища в наши дни могли бы прокормить количество голов оленей, исчисляемое в тысячах. А фактически олени стада (домашнего оленя) к началу XXI в. насчитывали чуть более 100 голов. Ресурсный потенциал используется всего лишь на несколько процентов (Полевой архив автора).

Численность уйльта в районе в начале 2001 г. составляла 148 человек. 114 из них жило в селе Вал, а оленеводством по официальным данным фактически было занято лишь пять человек.

По данным Сахалинского комитета Государственной статистики, состояние оленеводства за ряд лет в МГП «Вал», занимавшимся оленеводством на территории муниципального образования «Ногликский район», характеризовалось следующими данными по численности голов оленей (на конец года):

годы	1995	1996	1997	1998	1999	2000
количество голов	872	920	1010	1084	1087	1024

Хотя, судя по сведениям комитета статистики, поголовье оленей не снижалось, de facto (см. выше – 100 голов!) домашнее оленеводство в МГП «Вал» прекратилось. Из-за прекращения организации выпаса олени разбились на мелкие группы, которые рассредоточились на территории трех районов Сахалина. Неохраняемые стада частично были уничтожены браконьерами, а большая часть подвержена процессу быстрого одичания.

Причин такого состояния несколько. Основная – государство стало применять к северному оленеводству рыночный подход, суть которого заключается в том, чтобы сделать оленеводство самостоятельной сферой производства, входящей в систему экономических отношений наравне с другими предприятиями. На практике же высокая себестоимость оленины приводила к разорению хозяйств. Оленеводство не может существовать на предлагаемых условиях, так как это не просто отрасль хозяйствования, но и способ жизнедеятельности коренного населения (в конечном итоге образ жизни). Очевидно, уклад жизни оленеводов не вписывался в рыночные отношения. Традиционное оленеводство необходимо освободить от налогов.

Большая часть населения видит выход из создавшейся ситуации в возрождении оленеводства в иной форме. «Трудовые ресурсы», способные и желающие работать в оленеводстве, в пос. Вал есть. С целью возрождения и развития оленеводства в конце 2000 г. коренными жителями пос. Вал был

создан национально-производственный кооператив «Валетта». В случае возобновления оленеводства можно было бы трудоустроить, по предварительным подсчетам местной администрации, большую часть взрослого населения (около 70 чел.). Однако это оказалось крайне проблематичным, так как требуются значительные инвестиции для проведения инвентаризации оленьих пастбищ и составления проекта внутрихозяйственного землеустройства, для строительства двух производственных оленеводческих баз, обустройства загонов, изгородей, приобретения транспортных средств, средств связи, а также маточного поголовья для селекционной работы в стаде и оборудования для переработки мяса, пантов, шкур оленя. Для проведения работ по улучшению продуктивных качеств местной породы оленей на основе регулярной племенной и зооветеринарной работы необходимо подготовить кадры ветврачей. Кроме того, не исключается возможность организации туризма с демонстрацией элементов национальной культуры. Такие затраты хозяйство производить не в состоянии.

Администрация Ногликского и Порожайского районов, т.е. основных районов, где живут уйльта, взаимодействует с общественными объединениями коренных малочисленных народов Севера по вопросам развития родовых национальных хозяйств, как в сфере распределения рыбопромысловых участков и квот «на вылов водных биологических ресурсов» (о чем речь пойдет далее), так и в сфере возможного развития оленеводства. Ежегодно проводится процедура перерегистрации народов Севера для получения разрешения на вылов рыбы. Рыбодобывающим родовым хозяйствам оказываются консультации по экономическому финансированию. Отдел экономики администрации Ногликского района участвовал в разработке программы развития оленеводства для национально-производственного кооператива «Валетта».

По сведениям, полученным от информаторов-олeneводо-в (Полевой архив автора), по пос. Вал, в 2001 г. существовала постоянная бригада из 8 оленеводов, объединяющая представителей разных семей, хорошо знающих друг друга, половина из них – родные и двоюродные братья. Их отец – глава бригады – жил в тайге постоянно, приезжая в поселок один раз в году в январе. Именно в этот период бывают самые сильные морозы, поэтому меньше всего работы для оленеводов. Число находящихся в тайге оленеводов колеблется (бывает, что доходит до 5 и даже до 3) в зависимости от времени года, что, естественно, связано с годовым циклом жизни оленей. Как считают сами оленеводы, оптимально, чтобы в бригаде было 12–15 человек. По рассказам информаторов, во время «отпусков», которые проводят в поселке, оленеводы ведут подбор новых членов бригады, приводят в тайгу, а дальше работает принцип, «если человек в тайге отдыхает, работать не стремится, то оленеводом не станет». По данным пастухов, в ведении этой бригады в сентябре 2001 г. находилось 100 одомашненных оленей, из них 15 важенков. Кроме этой бригады существовали еще три личных/семейных оленеводческих хозяйства с меньшим количеством поголовья оленей (порой исчисляемым в единицах голов).

Прежде чем обратиться к современному циклу жизнеобеспечения уйльта, продолжающих заниматься оленеводством, для сравнения можно посмотреть архивные данные 1916 г. «Ороки – оленеводы; кроме того, весной и

летом они занимаются рыболовством и промыслом нерпы, а осенью и зимою промышленяют соболя, лисицу, белку, медведя и дикого оленя». «В зависимости от оленеводства ороки ведут полукочевой образ жизни и не имеют определенного местопребывания, и их не только летники, но и зимние стойбища по восточному побережью Сахалина являются стоянками на определенный период времени. Кочевой район ороков простирается от мыса Делиль-де-ля-Кройэра до Пильтунского залива». «Ороки живут в конусообразных палатках, остои которых из жердей покрываются полотнищами из рыбьих кож. При перемене жительства остой палатки оставляется на месте и с него снимается только полотнища» (ГАСО. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 42. Л. 3). Именно так, за исключением некоторых закономерно и естественно существующих изменений, и живут оленеводы в наше время (Полевой архив автора, 2003). Примерно такое же описание дает и С. Патканов в 1906 г. Они «почти не живут в селениях». «Огромное большинство их... ведет бродячую жизнь. Во время подъема рыбы они выходят на берега Пороная и Тыми, а прочее время держатся по большей части в районе тундр, богатых лишайем (оленьим мохом), в самых глубоких частях средней полосы острова. Кроме того, они совершают периодические и непериодические перекочевки с севера, от залива Ныйского, на юг, к заливу Терпения. Передвигаются они при этом по внутренней части острова, именно, они поднимаются вдоль р. Тыми, потом добираются до верховьев Пороная или Ты, по которой спускаются до моря. Иногда, впрочем, они во время этих передвижений заходят на восточный берег...» (Патканов, 1906б, с. 137–138).

Годовой цикл выпаса оленей в северной группе уйльта в конце XX – начале XXI в. раскрывает систему оленеводства уйльта, традиционную для времен их предков и единственно приемлемую на современном этапе развития. По рассказам оленеводов цикл начинается с конца августа – сентября, когда происходит первое кочевание оленеводов в сторону р. Сиггоур («старое болото», перевод информаторов – так называют местные жители. – Л.М.), далее притока р. Вал Холокто-Гаку в сторону нерестовых речек, к октябрю поднимались по Гаромаю, а дальше, когда речки замерзали, поднимались еще выше – на р. Нилауша (Охинский район). Как отмечают уйльта, и в прежние времена, и ныне олени традиционно зимуют в Охинском районе. В последние годы часто кочевой маршрут выглядит так: начинается с р. Димаусь, проходит вверх «через профиль» р. Пильтун на р. Таксон (приток Пильтуна) по направлению к речке Одинокый ключ, которую оленеводы между собой называют «Радужный» (приток Пильтуна). Здесь бывает ночевка (остановка). Далее, минуя р. Сугду и р. Лангры, в октябре–ноябре доходят до самого верхнего притока р. Вал (р. Нилауша, где происходит традиционный лов кижуча. На р. Нилаушу собираются рыбачить в течение месяца и семьи из поселка. В январе–феврале–марте двигаются вверх – достигают р. Колено и р. Медвежья. С марта начинается путь в обратную сторону. Спускаются к притокам Светлый, Топкий, Люйша, Тихий. Одна ночевка бывает на р. Вараска. Таким образом выходят на р. Вал. Обычно обратный путь пролегает по газопроводу – легче идти, так как дорога накатана снегами «буранами». В апреле–мае чаще всего на р. Ботасино происходит отел важенок, бывал отел также на р. Сироусян, Ягодная. С середины июня олени идут на р. Гаромай, где в это время появляется трава – здесь обычно

Таблица

Оленеводство северной группы уйльта (Ногликский район, Вал)
(составлена по данным архивов и документов районной администрации)

1	Год	Число пастухов	Кол-во стад	Всего оленей	Приплод	Важенки	Хоры	Ездо-вые	В колхозе
2	1940		2	3325 (3586)					
3	1941								
4	1942								
5	1943								
6	1944 январь	13	2	5485	1184				5485
7	1944 июль	13	2	6386					6386/4076
8	1944ноябрь	13	2	4076					6265/3945
9	1945 декабрь								4162
10	1946 декабрь								4069
11	1947		2	3740	500	1090			3500
12	1948	24	4						4005
13	1949	24	4						4616
14	1950								6868
15	1952 декабрь								4888
16	1953 декабрь								
17	1954 июль								5614
18	1955 декабрь			5134	1054	1619	168	760	4976
19	1956 декабрь			5186	1199	1524	182	937	5000
20	1957 декабрь			4662	1057	1345	167	975	4480
21	1958 декабрь								
22	1959 декабрь								
23	1962 январь								6297
24	1963 январь								6756
25	1964								6868
26	1965 декабрь								7416
27	1966								7461
28	1967	33							8415
29	1968 январь								
30	1969								
31	1970 январь								
32	1971 январь								
33	1972 январь								
34	1973 январь	26							
35	1977 январь								
36	1978 январь								
37	1981 январь								
38	1982 январь								
39	1984 январь								
40	1986 январь								
41	1987								
42	1988 январь								
43	1989								
44	1990 январь								
45	1991 январь								1052
46	1992 январь			1021	168	435	40	132	968
47	1993 январь								
48	1994 январь								907
49	1995 январь			948	11	413	229	211	872
50	1996			1031					920
51	1997 январь								1010
52	1998								1084
53	1999 январь								1087
54	2000			1111				195	1019
55	2001			1132				189	1024
56	2002								0

1	Приплод	Ездовые	Важенки	Хоры	Убой	Кол-во личных хозяйств	В них олений	Приплод	Ездовые
2									
3									
4									
5									
6		1081	1811	318	185				
7		966/464	1756/1080	420/144	244				
8	1184	933	1729	315	262				
9	1276				281				
10	1330				272				
11	470		990				240	60	
12	1167	448	1228	111	267	42	321	72	45
13	1116	748	1432	134	550				
14	2000	1824	2071	194	1368				
15	1024	1087	1698	177		28	182	44	36
16							298		
17							284		
18	1016	748	1555	168		37	158	38	12
19	1152	906	1446	182		34	186	47	31
20	996	948	1283	167		36	182	61	25
21						34	173	38	14
22						37	171	36	22
23					716	21	108	31	18
24					853	22	142	40	19
25					1367	22	160	20	17
26					1230	20	180	48	22
27					1400				
28	2676		3221	210	890				
29						15	137	4	16
30						17	146	16	22
31						15	154	32	29
32						22	171	44	22
33						25	193	32	40
34						20	139	34	27
35						18	135	27	26
36						11	82	9	20
37						11	42	3	4
38						12	84	19	19
39						6	28	7	21
40						6	35	11	5
41						6	35	11	5
42						6	40	11	4
43									
44						6	39	0	6
45						7	46	13	10
46	154	121	419	37	168	8	53	14	11
47						8	62	10	12
48	186	168	379	25	35	8	72	10	14
49	0	197	378	222	35	8	76	11	14
50					4		111		
51	200	163	441	70	4	8	77	9	18
52									
53	80	163	487	80	0	7	66	5	31
54		160				8	92		35
55		150				7	108		39
56						1	176	17	40

Таблица (окончание)

1	Хоры	Важен-ки	Мин. кол-во	Макс. кол-во	В основ-ном
2					
3					
4					
5					
6					
7					
8					
9					
10					
11		100			
12			1	23	до 10
13					
14					
15			1	26	до 2
16					
17					
18	0	64	1	15	до 5
19	0	78	1	10	до 10
20	0	62	1	27	до 5
21	0	73	2	6	до 6
22	0	57	2	6	до 6
23	0	46	1	22	до 8
24	0	53	1	23	до 12
25			1	23	до 12
26	9	68	1	23	до 13
27					
28					
29	2	67	2	25	до 15
30	2	29	1	20	до 15
31	6	63	3	25	до 15
32	4	74	2	18	до 16
33	2	66	1	24	до 15
34	0	32	1	18	до 14
35	1	72	1	19	до 14
36	1	48			
37	1	24			
38	1	34	1	16	до 10
39	0	9			
40	6	13			
41			1	11	до 4
42	6	16	1	14	
43					
44	4	19	1	13	
45	3	17	1	11	
46	3	16	1	14	
47	5	20	1	15	
48	6	27	1	17	
49	7	35	1	17	
50					
51	7	31	1	19	
52					
53	2	23	1	17	
54					
55		15			
56					

останавливаются на недельную стоянку. В конце июня спускаются на р. Оссой – обычно «стоят» три–четыре дня. Затем через устье Оссы уходят на морской берег (олени от мошки, естественно, сами спускаются на побережье), на залив Астох. Традиционно все лето проводят на заливе Агиво. 10–15 августа идут на Димаусь.

Пути выпаса оленей могут каждый год немного видоизменяться, но основные стоянки при перекочевках у оленеводов одни и те же. Если сравнить маршруты выпаса оленей в настоящее время и сто лет назад, окажется, что они во многом схожи. Все направления передвижений оленей, а с ними (точнее, вслед за ними) людей, сохраняются и сейчас. Разница состоит лишь в том, что уменьшилась площадь территории, пригодной для выпаса, поэтому оленеводческие пути стали короче.

Осенью оленеводы меняют 2–3 стоянки, зимой – от 2 до 20, это зависит от количества снега: если снега выпало очень много, то стараются кочевать меньше. Лето, как правило, проводят на одном месте. Весной отел проходит на одном месте, а до мая оленеводы могут один–два раза перекочевать.

Ежегодно в осеннее и зимнее время ловят новых оленей. Важенок стараются одомашнить в этот период, чтобы был отел, взрослых оленей, чтобы были ездовые. Дикie олени очень трудно приживаются на привязи – гибнут в неволе. Как говорят оленеводы, из 10–15 пойманных голов выживают лишь 3–4. На второй–третий день после отела важенок привязывают на июнь – начало июля. В конце июля – в августе их

отпускают, «телята гуляют с матерями», в сентябре на ночь телят привязывают, а днем отпускают, важенок ловят. Через год жизни важенка начинается телиться; обычно каждый год бывает разное количество телят – «сондо» (на яз. уйльта), чаще – два, иногда и один. Выживает, как правило, только один теленок (часто важенка кормит лишь одного). В августе–сентябре–октябре важенок доят. Важенка может принести потомство более 10 лет. Всех (кроме важенок) приучают к верховой езде. Даже взрослые ездовые олени (6-летки) держатся рядом с матерью. Зимой и осенью бывают столкновения среди оленей из-за пищи, а во второй половине сентября и в октябре (гон у домашних оленей) происходят столкновения из-за важенок. Дикие олени, как отмечают оленеводы, «гуляют» позднее – в октябре–ноябре, и отел происходит соответственно позднее – в конце июня. На еду забивают диких оленей круглый год, но редко. Этот процесс строго регулируется.

Одежду, как говорят информаторы, «давно женщины разучились шить из оленьих шкур», поэтому приходится использовать ватники. Шьют в основном только седла и торбаса (кто-то сам шьет, кому-то помогает сестра, редко жена). Седло используется по 15 лет и более. Торбаса обычно служат два сезона (две зимы). На лето к оленеводам обычно приезжают женщины из поселка с детьми – собирают ягоды (морошку и голубику). И мальчиков, и девочек учат сидеть на олене, как только они начинают учиться ходить. Оленеводы рассказывают: оленем управлять – это у детей в крови, а с 14 лет мальчик уже должен уметь по тайге кочевать. Так, один из информаторов, рассказывал, что в тайге кочует после службы в армии, но с 14 лет уже мастерски умеет управлять оленем, а отец же его с 14 лет жил в тайге. В настоящее время оленеводы печально констатируют, что молодые люди, пришедшие после службы в армии, к тайге не приспособлены: или вообще никогда в тайге не были (росли в интернатах), или хотя и были, но не работали (оленьями не занимались), а ведь «в тайге надо уметь выжить, даже если пришлось одному остаться»: «В тайге многое надо уметь, особенно суровая жизнь зимой – рано утром вставать приходится, оленей надо посмотреть, во время бурана надо успеть собрать оленей в одно место (молодых оленей привязывают). Вся зима проходит на лыжах. Бывает – всю зиму морозы стоят. Бывает – морозы не очень сильные, но много буранов». К сожалению, далеко не у всех оленеводов есть жены: кого-то поддерживает мать, кого-то сестра – без опоры в поселке стать оленеводом очень сложно. Найти, как в прежние времена, стоящую жену для оленевода – дело крайне не простое! С огромным уважением оленеводы вспоминают Соловьеву Варвару Михайловну, которая кочевала всю жизнь: «Все воспринимали ее как вождя; все ее слушались, даже олени ее были смирными; работала как чумработница – одежду очень быстро шила, если у кого торбаса прохудились – тут же латала; рыбачила вместе со своим братом – плохо без нее стало...» (торбаса – см.: Даль, 1994. Т. 4. Ст. 800).

На общем трагическом фоне деградирующих от полного бездействия представителей уйльтинской общности пос. Вал эти оленеводы – по существу единственные постоянно работающие люди. Фактически это единственные оленеводы и среди всех уйльта Сахалина на сегодня. По словам информаторов, «кочевой образ жизни всегда был трезвый, а оседло уйльта жить не могут – сразу начинают пить». До 1958 г. зарплату оленеводам выдавали

раз в году товарами, чтобы выжить, приходилось «сливаться с природой», как в прежние времена. Представители пожилого поколения в пос. Вал часто высказываются так: «Цивилизация должна идти в тайгу, а не оленевод из тайги в цивилизацию, тогда оленеводство было бы крепким. Так суждено для нормальной жизни уйльта!» Важно заметить, что все нынешние оленеводы – выходцы из семей потомственных оленеводов уйльта XIX столетия. В основном представлены оленеводческие семьи Михеевых, Макаровых, Иннокентьевых, Соловьевых, Владимировых.

Обратимся к южной группе уйльта. Площадь земель, закрепленных в хозяйственное пользование за сельскохозяйственными предприятиями коренных малочисленных народов Севера в Поронайском районе, составляют 5,7 тыс. га, в том числе 5,2 тыс. га занимают рыболовные угодия. Вовсе отсутствуют земли, предназначенные для оленьих пастбищ, что отражает картину прекращения некогда очень важной для уйльта сферы жизнедеятельности – оленеводства. Этот вид хозяйственной деятельности среди южной группы уйльта просуществовал до 1981 г., прекратившись, по распространенному мнению среди населения, с момента трагического тайфуна – «боорки» (на яз. уйльта), когда наводнение охватило огромные территории и были затоплены целые поселки Буюклы и Леонидово. В декабре 1991 г. на общем собрании районной Ассоциации народов Севера было принято «Обращение к народным депутатам малого Совета Поронайского горсовета народных депутатов», в котором наряду с вопросами о территории традиционного природопользования, выражалось настоятельное желание «ходатайствовать перед райсоветом народных депутатов Смирныховского района о выделении участка на протяжении 160 км во временное пользование на договорной основе для развития оленеводства» (Протоколы общих собраний (сходов) населения района из числа народов Севера за 1989–1991 годы // Поронайский райархив. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2. Л. 22–23). Оленеводы из северной группы уйльта с большим пониманием проблемы откликнулись на призыв отобрать и переправить определенное количество оленей в Поронайский район для поддержки пастухов. Но, к сожалению, возобновить оленеводство в те годы так и не удалось. А с течением времени безвозвратно теряются преемственность и навыки ведения оленеводческого хозяйства, а также соответствующего образа жизни.

Природная стихия 1981 г. унесла жизни и оленеводов, и оленей (такова официальная версия, но не она основная причина падения оленеводства – об этом см. дальше). Уже много лет, о чем с горечью и огромным сожалением вспоминают семьи пастухов, оленеводство возобновить не удастся. Лишь в памяти южной группы уйльта продолжает жить удивительное время, когда существовало большое оленеводческое хозяйство – это было в советский период. Хозяйство «Оленевод» (как отделение зверосовхоза «Поронайский») существовало с середины 1950-х годов до 1981 г. По рассказам последнего управляющего этого совхоза, в 1970-х годах в оленеводческом хозяйстве было 960 голов оленей. По сведениям, полученным во время беседы с пастухом, 1952 г.р. (Полевой архив автора, 2002 г., остров Южный) проработавшим оленеводом с 1967 г. (начиная с ученика пастуха) до стихийного бедствия 1981 г., в ведении отделения совхоза «Красный Октябрь» было 12 тыс. голов оленей (мифологическое представление о количестве

олений относится и к более ранним временам – концу XIX – началу XX в.). Для того чтобы, понять в каком состоянии было оленеводство к 1981 г., можно в качестве сравнения обратиться к количеству домашних оленей в прошлые советские годы. В июле 1946 г. приводятся такие цифры, рассказывающие о количестве оленей, переданных Поронайскому отделению совхоза «Оленевод» «безвозмездно от Гражданского управления г. Сикукка»: всего 349 оленей, из них 193 взрослых, в том числе 6 хоров, 128 важенок, 10 гулевых и 49 ездовых, а также 156 голов молодняка прошлых лет (Поронайский райархив. Ф. 613. Оп. 2. Д. 26. Л. 9). По итогам послевоенной переписи, которая проводилась по районам (уездам) в Сахалинской области, на 1 января 1948 г. в Поронайском районе всего зарегистрировано 432 оленя, из них 178 важенок, 63 ездовых, 89 телят последнего года рождения (там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4. Л. 18). По данным о «продаже (сдаче) государству основных видов сельскохозяйственной продукции» в 1965 г. было сдано мяса оленя «в живом весе» 20 т, в 1966 г. – 15 т, в 1967 г. – 25 т, в 1968 г. – 24 т (там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 27. Л. 3). Через 20 лет в январе 1968 г. по данным зверосовхоза «Поронайский» насчитывалось 1628 голов оленей, в том числе 691 важенка, 324 головы молодняка 1967 г. (там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 28. Л. 59). По учетным данным отделения «Оленевод» зверосовхоза «Поронайский» в январе 1973 г. значилось 1240 голов оленей (тут же делается оговорка, что «на протяжении нескольких лет инвентаризации и пересчета поголовья оленей не производилось»). Уже в 1972 г. сетовали на то, что «на 100 важенок и нетелей получено всего лишь 13 телят... большой ущерб оленеводству наносит браконьерство и бесконтрольный отстрел оленей по лицензиям» (там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 503. Л. 9–11). Вот как выглядит картина постепенного «угасания» оленеводства южной группы уйльта по данным архива (там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 87. Л. 2):

годы	1948	1968	1972
всего оленей	432	1628	1255
в т.ч. важенок	178	691	799

В Акте об инвентаризации стада оленей отделения «Оленевод» зверосовхоза «Поронайский» на 1 января 1976 г. зафиксированы всего 546 оленей из числящихся по официальной документации 975 голов. После проведения этой инвентаризации в октябре–декабре 1975 г. бригадир и зоотехник «Оленевода» составили 5 января 1976 г. Акт на списание 429 голов оленей. Причины гибели оленей обосновываются «пастьбой вольной», пожарами, уходом оленей «мелкими группами» в другие районы (Макаровский, Смирныховский, Тымовский, Томаринский, Углегорский), «бесконтрольным отстрелом» по лицензиям, «отстрелом браконьерами» (акты, составленные бригадиром Грудцином и зоотехником Михальским, хранятся в личном архиве бывшего директора Поронайского коопзверопромхоза А.М. Короткого // Полевой архив автора, 2004, г. Поронайск).

Семьи оленеводов жили до 1975 г. в пос. Красный Октябрь, а с 1975 г. их переселили на остров Южный (Сачи) (переселение семей оленеводов из поселка «Красный Октябрь» на остров Южный было организовано руководством зверосовхоза «Поронайский», о чем свидетельствует Решение № 47 исполнительного комитета Поронайский», принятое в 1973 г. См.: Поронайский

райархив. Ф. 53. Оп. 1. Д. 87. Л. 7–8, 11–13), где они и продолжают жить по сей день: «В целях создания жилищно-бытовых условий для пастухов-оленовод» было принято решение «провести сселение семей оленеводов на остров Южный, для чего построить два 4-х квартирных жилых дома и хозяйственные постройки в течении 1974 года» (Там же. Л. 11). Оленеводческая бригада, по словам информатора, практически состояла из 7–8 человек. По архивным данным, в отделении «Оленевод», расположенном в пос. Красный Октябрь, работали пастухами-оленоводами 11 человек: 5 эвенков, 5 орочен (т.е. уйльта), 1 нивх (там же. Л. 9).

В настоящем периоде истории представление о *годовом цикле выпаса оленей* (в южной группе уйльта) живет в памяти народа очень прочно. Бывший оленевод рассказывал об этом так живо, как будто это было вчера. Оленей выпасали вдоль р. Поронай, реку не переходили, доходили следом за оленями до пос. Абрамовка. Отел происходил традиционно на реке Тундровка с 15–20 апреля до конца мая, когда достигали р. Таран. Кораль обычно ставили на реке Тундровка, остановки длились не более недели. После окончания отела с оленями оставались два–три пастуха. Остальные члены бригады уходили в пос. Красный Октябрь, закупали продукты. Через неделю «приходили» (такое слово использует информатор) на Тундровку. Продукты доставляли на нартах – «два оленя в упряжке» (в летнее время передвигались верхом на оленях). Далее шла «заготовка» оленьих нарт, лыж. Привозили так называемый «солонец»: соль, соленую селедку. Солонец разбрасывали для корма оленям. Собирали оленей в стадо. Происходило «кормление» табуна солонцом. Говоря официальным языком того времени, «внедряли» «минерально-солевую и комбикормовую подкормку оленей» (там же. Л. 10; Полевой архив автора).

С ноября – начала декабря «двигались»: пастухи загоняли оленей в кораль, пересчитывали их, а больных, хромых, старых отбирали на забой. Забивали, отвозили на нартах в зверосовхоз в пос. Красный Октябрь. После забоя у пастухов обычно был отдых в поселке на одну–две недели. Далее пастухи начинали «гуртовать» оленей в стада, снова раскидывали кучками солонец – необходима подкормка. После наступления нового года двигались по направлению к пос. Абрамовка – самой «верхней», конечной в этом направлении точке маршрута, куда доходили олени с января до февраля каждый год. Если оленей там не заставляли, спускались до Владимира.

С февраля до апреля снова собирали стадо, кормили оленей солонцом. В это время «шли» вдоль оз. Невское к месту, где происходил отел, т.е. к р. Тундровка. Бывали случаи, когда оленей не было, иными словами, невозможно оказывалось их собрать. Тогда оленеводы уходили на Таран вдоль берега озера Невского до Оленьей речки и шли вверх по речке. Поскольку олени никогда не переходили реку, так как вода в ней была очень холодная, таким образом, их можно было достигнуть.

В апреле начинался ежегодный отел. Телят держали в двух–трех местах на р. Таран и на оз. Богатом. Как отметил информатор, телят более тысячи обычно не было. Таков был годичный цикл оленеводства в Поронайском районе в советский период.

При сравнении масштабов оленеводства, численности поголовья стада, размеров площадей выпаса оленей у северной и южной групп уйльта выте-

кает вывод о том, что в северной группе народа оленеводство было развито в гораздо большем объеме, чем в южной группе. Это характерно как для начальной стадии существования коллективного оленеводческого хозяйства, так и на его конечном этапе. Таким образом, современные полевые и архивные изыскания подтверждают сложившееся (в основном теоретически) мнение некоторых исследователей (об этом подробнее уже говорилось в предыдущих разделах работы), что южная группа уйльта гораздо раньше начала вести оседлый образ жизни и лишилась оленей достаточно давно. Северная же группа этого народа вела традиционный оленеводческий образ жизни до наступления советского периода истории. Предметы материальной культуры, связанные с оленеводством, присутствуют в ежедневной бытовой жизни северной группы и в настоящее время, чего давно нельзя сказать о южной группе. Кроме того, многие уйльта пос. Вал прекрасно и охотно рисуют оленей и сцены из оленеводческой жизни. Подобного национального искусства у южных уйльта нет. Среди не только молодого, но и поколения, достигающего ныне пенсионного возраста, живущего в Поронайском районе, много представителей уйльта, никогда не видевших оленя в тайге или тундре. И если бы не проводились иногда совместные с северной группой национальные праздники, то южные уйльта вообще бы не имели представления об олене. Именно сохранением оленеводческих традиций объясняется желание уйльта на севере продолжать заниматься оленеводством и сегодня, равно как более давнее отсутствие оленеводческих навыков и освоение рыболовецкого промысла обуславливают стремление южных уйльта развивать сейчас именно рыболовство.

Совершенно схожей тем не менее оказывается динамика коллективного оленеводческого хозяйства северной и южной групп в советское время.

Как показывают материалы последних экспедиций, вовсе не природная стихия разрушила оленеводческое хозяйство южных уйльта в 1981 г. По свидетельству очевидцев, по публикациям в местной прессе тех лет картина предстает еще более трагическая. Дело в том, что государственные планы на «мясо оленя» доходили в 1970-х годах (и раньше) до таких безумных размеров, что совхозных оленей поголовно «расстреливали» из вертолетов по всей тайге района. «Оленеводы и лесники плакали, наблюдая каждый день этот беспредел, но ничего изменить было нельзя. Всем говорили, что это приказ высоких властей...», – так рассказывает очевидец событий тех лет, до сих пор несущий в себе глубокую боль о судьбе коренного народа и оленей – «людей без работы оставили, у народа севера хлеб отняли...» (Полевой архив автора, 2004, г. Поронайск. Информатор – бывший директор коопзверопромхоза А.М. Короткий, проживавший на Сахалине с детства). К 1981 г. стада оленей в южной группе уйльта уже не существовало. В официальной справке о численности по отделению «Оленевод» зверосовхоза «Поронайский» на 1 сентября 1981 г. значатся: пастухи-оленеводы – 5 чел.; взрослые олени – 7 гол.; палатки – 2 шт.; двухквартирные жилые дома – 3 шт. (справка подписана и.о. директора зверосовхоза «Поронайским» А.Н. Загорулько и и.о. главного бухгалтера Т.А. Апалькова // Личный архив А.М. Короткого; Полевой архив автора, 2004). Так выглядело оленеводческое хозяйство в конце своего существования. Объяснения чиновников, что все олени погибли от обилия воды после тайфуна, кажутся смешными для оленеводов –

Оленеводы 2-го племенного стада совхоза «Оленевод». 1960-е годы. Нэннэ (весна). Между заливами Чайво и Ныйским. Н.Н. Чинков, Н.М. Мионов, В.А. Соловьев, А.Н. Макаров, Н.А. Макаров, Г.О. Чинков, В.Н. Соловьев, Л.А. Екимов, В.А. Степанов (верхний ряд), К. Захаров, Г.А. Павлов, А.А. Иннокентьев, В.Б. Жимьянов, В.И. Павлов, П.Н. Владимиров... (нижний ряд). Фото из личного архива А.Н. Борисова

**Оленеводы Ногликского района (северной группы уйльта).
Боло (осень) 2003 г. Фото автора**

В.А. Иннокентьев, Е.А. Владимиров

В.А. Михеев, Н.М. Миронов, Г.В. Егоров, Г.А. Михеев (верхний ряд), М.Н. Макаров,
И.Н. Михеев, С.В. Алексеенко (нижний ряд)

Глава оленеводческой семьи А.Н. Макаров с дочерьми И.А. Захаровой и К.А. Михеевой.
Пос. Вал Ногликского района. 2003 г. Фото автора

Приезд семьи к оленеводу В.А. Иннокентьеву. Ногликский район. Конец августа 2003 г.
Фото автора

В.Н. Соловьев. Ногликский район. 1990-е годы.
Фото из личного архива В.Н. Соловьева

Ж.А. Миронова. Жена оленевода и
мать оленеводов. Пос. Вал Ноглик-
ского района. 2003 г. Фото автора

Оленеводство в Поронайском районе. 1970-е годы. Фото из личного архива А.С. Лимана.
Г. Поронайск

Остров Южный (г. Поронайск). Бывшие оленеводы отделения «Оленевод» зверосовхоза «Поронайский»:
а) В.М. Ооно; б) В.М. Ооно с женой и дочерью. 2002 г.; в) Н.А. Давыдов.
2004 г. Фото автора

Омō (озеро) Круглое. Болодокку – осенняя стоянка оленеводов. Ногликский район:
а) любимое место отдыха оленей; б) васа (цапля). 2003 г. Фото автора

Ногликский район. Места осеннего кочевья (конец августа – начало сентября):
 а) дэту – мари; б) дэүдэктү (дэгдэктү) – горельник. 2003 г. Фото автора

**Болодокку – осенняя стоянка на оз. Круглом.
2003 г. Фото автора**

Важенка-нами кормит двух телят (своего сондо и «приблудного» сондо) –
в природе это случается крайне редко

«Осенняя борьба» двух самцов

Сэси – стадо оленей

Г.А. Михеев. Вечером оленеводы привязывают сондо сразу после кормления
(а нами отпускают до утра)

Нами и сондо. 2003 г. Фото автора

Досуг оленеводов: Г.А. Михеев, И.Н. Михеев, В.А. Иннокентьев. 2003 г. Фото автора

Ав'ја (ауя) – имущество оленеводов. 2003 г. Фото автора

Нэмэ тупкэни – каркас седла из рога оленя, доски внутри седла из березы – пё, кодиска – шкура из шеи оленя, из которой делают ремешки, скрепляющие детали седла

Эмэ – вьючное седло

Оното – мягкая часть седла шьется из оленьей шкуры, вовнутрь набивают шерсть оленя

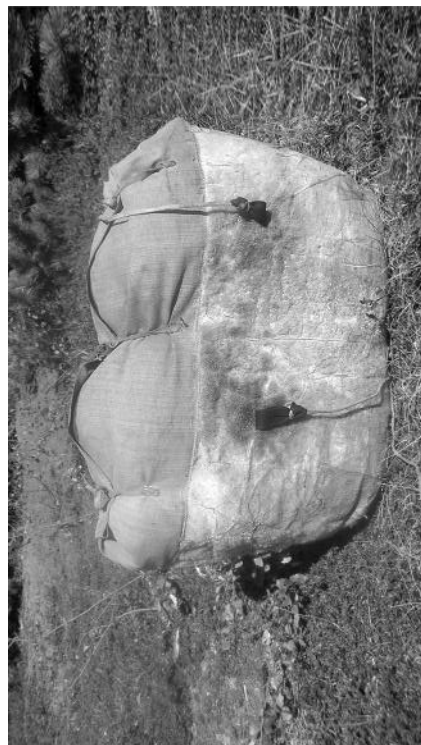
Тэни – шкура на вьючное седло, допту – подстилка под ездовое седло (чаще из осенней шкуры оленя)

Нэмэ – ездовое сидло

Дурэкэ – детское сидло

Намба (нама) – вьюк, вещи. Ногликский район. 2003 г. Фото автора

Кожаный хомут для оленя. Лицевая сторона украшена разноцветными полосками ситца, вышивкой. По краям пришито по три кожаных кисточки, обрамленных серым мехом (а) и пухом (б) и по одной завязке из ровдуги. Тунгусская экспедиция 1928 г. Собиратель Б.А. Васильев. РЭМ. Отдел Сибири и Дальнего Востока. Ф. VI-Т/г. № 8762-18282 (а) и 18283 (б)

Подготовка к перекочке, сборы в дорогу. Ногликский район. 2003 г.
Фото автора

В.А. Иннокентьев

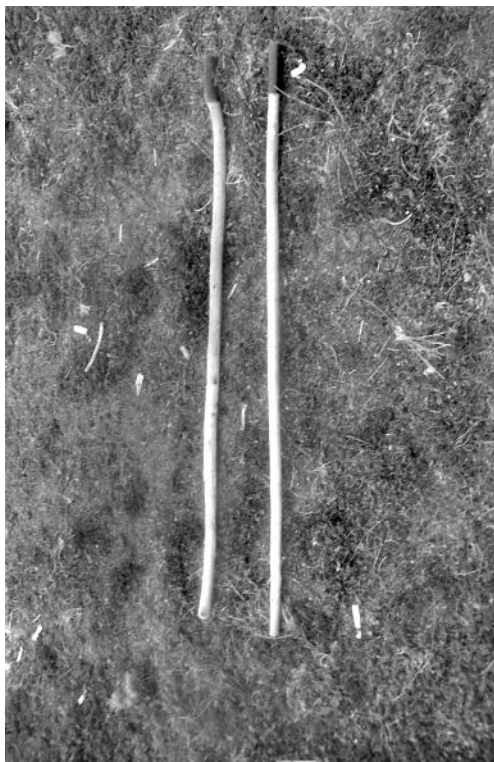
Намба улани – вьючный олень (слева), эмэ – вьючное седло, чэңэлпи – вьючные ремни (подпруга к вьюку); хакта – ездовой олень (справа)

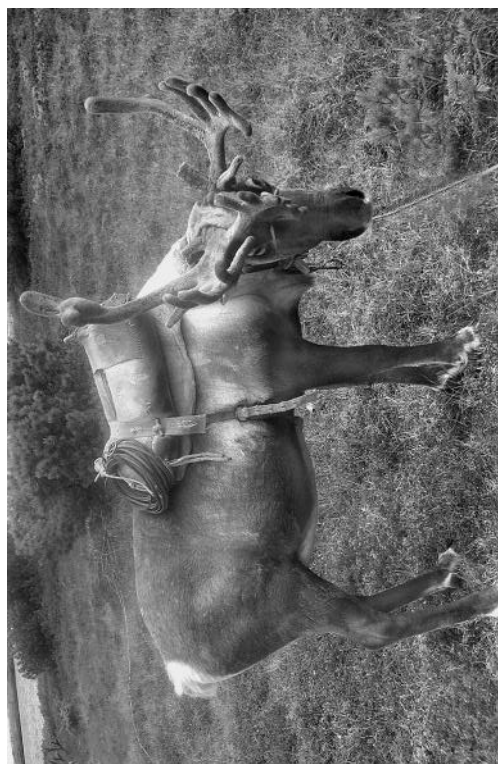

Намба улани – вьючный олень

Нэмэ – ездовое седло, мātu – аркан, нуску – ремень для упряжки; чинану (чинэпу) – посох делают из черемухи – сэнэгүрэ, если нет, то из березы – пё

Хакта – ездовой олень, намайки – подпруга к нэмэ
(ездовому седлу)

С.В. Алексеенко, М.Н. Макаров, В.А. Михеев;
традиционно используется умул – ремень, пояс,
силма – уздечка. Ногликский район. 2003 г.
Фото автора

Нульди – перекочевка. Откочевка от оз. Круглое В.А. Иннокентьева и Е.А. Владимирова.
 Гилбэ – караван оленей, навранги (наврамзи) – впереди идущий олень (наврамда – передовик).
 Ногликский район. 2003 г. Фото автора

Нульди – перекочевка. А. Владимиров, В. Иннокеньев. Ногликский район. Июль 1983 г.
Фото из личного архива Ж.А. Мироновой

На трассе Оха – Ноглики (бывший пос. 30-й). И.Н. Михеев. Сентябрь 2003 г.
Фото автора

На осенней стоянке – болодокку
(кратковременная стоянка на р. Путакку при перекочевке от озера Круглое на р. Вал).
Сентябрь 2003 г. Фото автора

В тайге отдых оленей после перекочевки

Олень «на вольном выпасе»

Куңгилэ(н) – ботало (колокол)

Чэңгеи – «кандал» вешают на деревянный ошейник – чеңгейтун

а

б

Отпиливают хуйэ(е) – рога – у хоров: а) Г.В. Егоров, А.Н. Макаров. 1980-е годы. Фото из личного архива Е.А. Бибиковой; б) на оз. Круглом. Г.В. Егоров, Н.М. Миронов. 2003 г. Фото автора

Доение оленей: а) Залив Науту. РЭМ. Фототека. № 2620-54. Ороки. Собиратель В.А. Васильев. Русский Сахалин. Восточный берег. 1910 г.; б–г) современные оленеводы как и в прежние времена используют кб (оленье молоко), доят оленей в августе–октябре. Н.М. Миронов, И.Н. Михеев (б–в), И.Н. Михеев, С.В. Алексеенко (г). Стоянка на р. Путаку. Ногликский район. Сентябрь 2003 г. Фото автора

Изготовление стружки – гесапса для разведения костра – ипкэ. И.Н. Михеев. Ногликский район. 2003 г. (а–в); гёсү – уйльтинский нож применялся в прошлом для ритуальной стружки «гёсапса». Ручка из рога оленя (верхняя часть из березы). Сделан бывшим оленеводом Н.А. Давыдовым. Остров Южный (г. Поронайск). 2004 г. (г). Фото автора

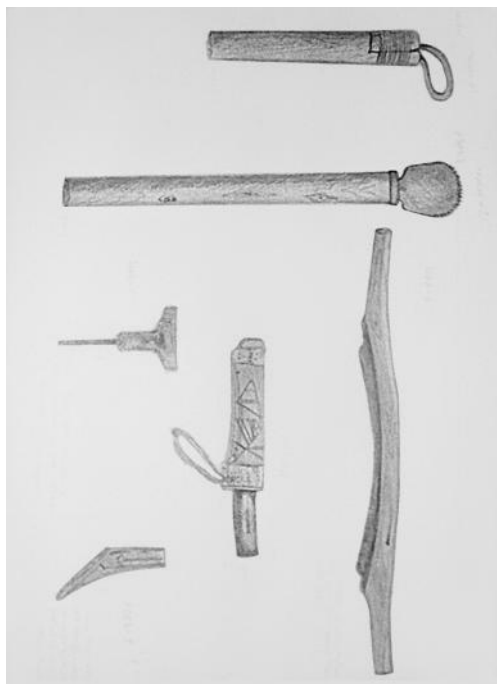

Быт оленевода: а) заготовка дров – мб. И.Н. Михеев; б) ипкэ – костер (тава – огонь), дособб – палка для чайника над костром, ломодо – чайник, силэбгичикку – заварник, кочоли (от «котел») и эно (в прошлом – энүүэ) – кастрюля; в-д) выпечка дрожжевых лепешек (современная разновидность липёскэ). И.Н. Михеев. Ногликский район. 2003 г. Фото автора

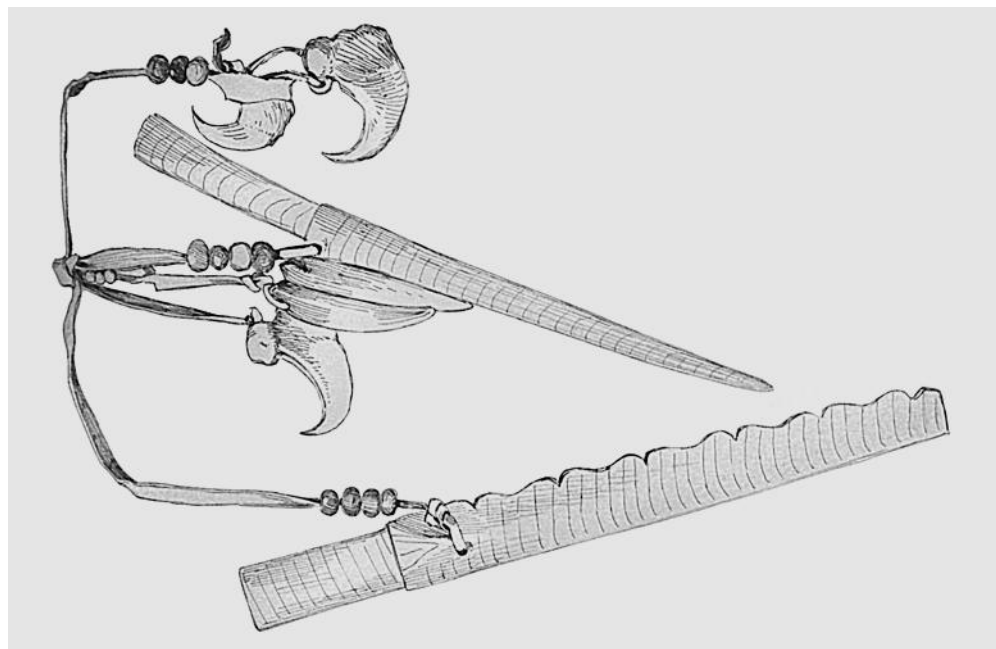

Охота – неотъемлемая часть жизнедеятельности оленевода. Охота на дикую утку – гаса (утка-кряква – тарми). Бэитилэ – «удачный охотник»: а) Н.М. Миронов; б-в) И.Н. Михеев. Ногликский район. 2003 г. Фото автора

Орудия труда южной группы уйльта: скребки, піпу – шило ручное с рукояткой из отростка оленьего рога, посиху – приспособление из рога используется при шитье обуви, чтобы разглаживать внутренние швы; кути – нож, купту – ножны. Д. Сато (Поронайский район). МАЭ. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 12. Этнографическая экспедиция Е.П. Орловой. 1956 (1957) г.

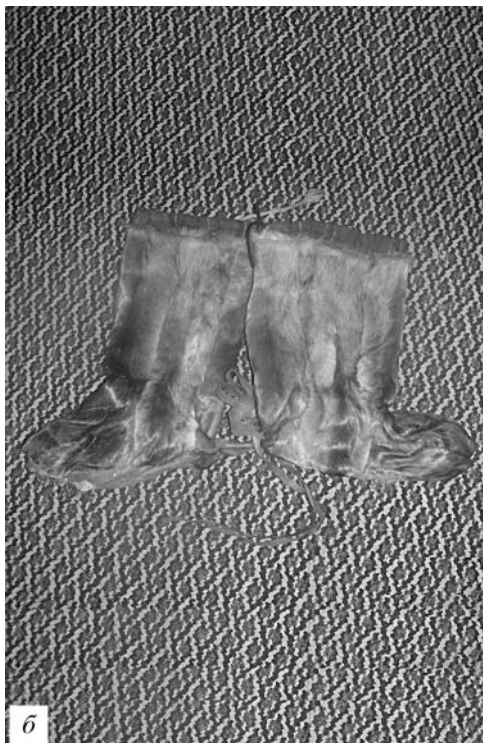
Предмет быта ороchon. Сахалин. 14 сентября 1908 г. ПФА РАН. Ф. 282. Л.Я. Штернберг. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 179

Современные орудия труда северной группы уйльта: а–б) скребки. Пос. Вал. Использует Ж.А. Миронова; в) кути (кутиүэ/кутигэ) – нож, ручка ножа из корня березы, купту – ножны из корня березы с отделкой из бересты. Путаку. Ногликский район. 2003 г. Фото автора

Хулмэу – традиционная сума из бересты, покрытая замшей – харапса. Пос. Вал Ногликского района. 2003 г. Фото автора

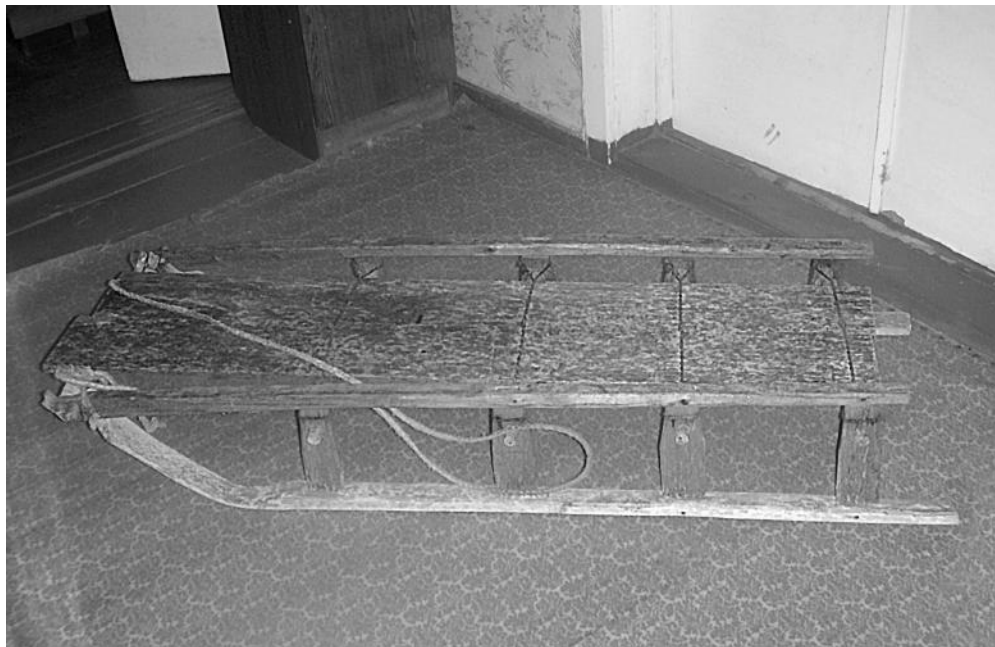
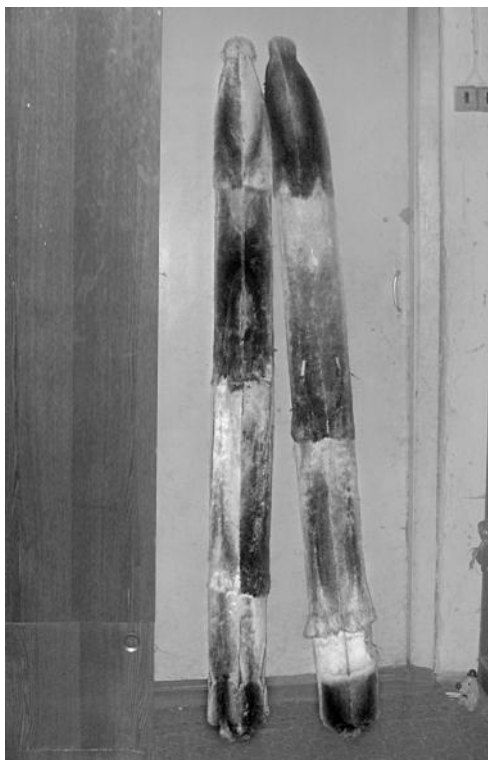
Традиционно используемая современная обувь: а–б) торбаса из камуса (бывают лугдури – короткие, муру – длинные), в–г) утапту – чулки меховые из камуса (по колено).
 Ши́ла Ж.А. Миронова. Пос. Вал Ногликского района. 2003 г. Фото автора

Пос. Вал Ногликского района. 1963 г. Управляющий совхозом, зоотехники, оленеводы-пастухи, работники меховой пошивочной мастерской: Никита и Людмила Михеевы, Алексей Кириллов, Георгий Павлов, Мария Павловна Степанова, Софья Сира, Варвара Михайловна Соловьева, Николай Миронов... Фото из личного архива Ж.А. Мироновой

Перед выездом на разведку (на охоту). В.А. Михеев, Г.А. Михеев, В.Н. Макаров, Б. Кимов (нижний ряд), В.А. Михеев, А.Н. Макаров, А.Н. Борисов, М.Н. Миронов, М.М. Миронов, В.А. Иннокентьев (верхний ряд). Конец декабря 1995 г. Фото из личного архива А.Н. Борисова

Суңилта (су́лгилта, суну́лта) – современные лыжи оленеводов, подбитые шкурой; мунэскэ – покрытие для лыж из камуса-хосо; оксо – современная нарта оленеводов – из декабрьской березы – пё, боковые части из ели – хасикта (хэсиктэ), лиственницы – сиси. Делают и используют в семье оленеводов Мироновых. Пос. Вал Ногликского района. 2003 г. Фото автора

Тувэдз – на зимней стоянке. И.Н. Михеев, 2003 г. Фото из личного архива Ж.А. Мироновой

Подготовка к кочевке. Тайга. Верховья р. Эвай. Декабрь 1984 г. Бригадир 2-го стада Н.А. Борисов. Фото из личного архива А.Н. Борисова

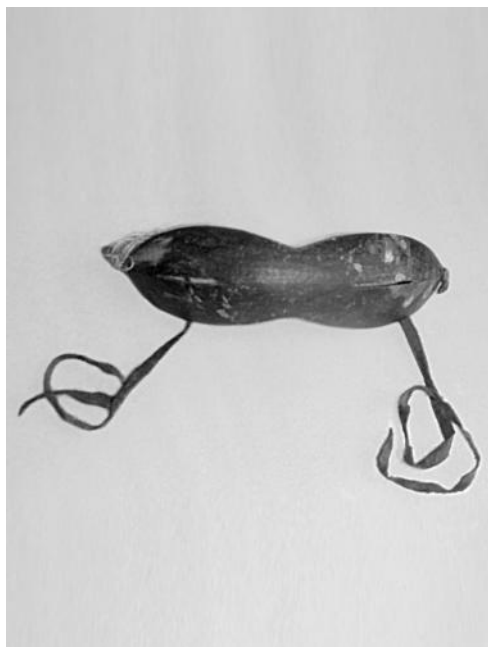
Верховья р. Даги. Н.Ф. Иннокентьева (Егорова) (на нарте), В.А. Степанов, Ф.Н. Соловьев.
1986 г. Фото из личного архива Ж.А. Мироновой

Оленеводы спустились с верховьев р. Вал на берег залива Чайво, Нэ́ннэ. Конец апреля 1996 г.
Перед отелом оленей. В центре опытные оленеводы – А.Н. Макаров и В.А. Иннокентьев.
Фото из личного архива А.Н. Борисова

На буране. Залив Чайво. Конец апреля 1997 г. Фото из личного архива А.Н. Борисова

Очки снеговые, деревянные, носили для защиты глаз от сильного света весной. Сахалин. Чайвинский залив. Ст. Сонига. Ороки. РЭМ. Отдел Сибири и Дальнего Востока. Ф. VI-Т/г. № 2011-234.

именно олень в таких условиях выживет, так как он прекрасно плавает. Видимо, чтобы уйти от ответственности за сделанное, представители власти тех лет официально списали этот «убой» оленей на счет природной стихии (Происходившие события имели отражение в местной прессе: «...к началу 80-х годов домашнее оленеводство пришло в окончательный упадок. Никто не желал морочить голову с этой, по мнению высокого руководства, захудалой отраслью. Поэтому напрочь отказались от подготовки оленеводов – местных аборигенов. К тому времени ушел в небытие организованный уход за поголовьем, одомашненные олени смешались с дикими. К величайшему облегчению тогдашнего хозяина (зверосовхоз “Поронайский”), в 1981 г., после памятной стихии, стада домашних оленей под шумок списали... И никто не потрудился тогда разобраться, что *росчерком пера попрали судьбу потомственных оленеводов...*» (курсив мой. – Л.М.). (Газета «Звезда» (Орган Поронайского горкома КПСС и Городского Совета народных депутатов). Поронайск. 27 декабря 1990 г. С. 3. Раздел «Перестройка экономики: природопользование. Ст. С. Уманец «Возрождение промысла»). Неоднократные попытки автора данной работы найти архивные материалы отделения «Оленевод» зверосовхоза (расположенного в г. Поронайске) не увенчались успехом: выяснилось, что по существовавшему тогда положению архив совхоза должен был храниться всего несколько лет и в дальнейшем подлежал уничтожению, что и было, видимо, сделано (информация получена у сотрудников правопреемника бывшего зверосовхоза) (Полевой архив автора).

Таким образом, коллективное оленеводческое хозяйство южной группы уйльта, так же как и северной, было создано и погублено по инициативе государственной власти. Необходимо отметить, что, вероятнее всего, этот процесс не был ни преднамеренным, ни осознанным со стороны управленческой структуры. Но *de facto* роль государства в динамике этой сферы жизнеобеспечения уйльта оказалась огромной.

Сезонная охота — часть оленеводческого цикла жизнедеятельности

Как бы ни умирало оленеводство в качестве одной из основ жизнедеятельности, но и в наши дни в представлении уйльта олень должен играть свою роль в жизнеобеспечении народа. Удастся ли возродить оленеводство в Поронайском районе, не известно, с годами может уйти умение уйльта заниматься даже охотой на дикого оленя.

В декабре 1993 г. (лимит действовал до конца февраля 1994 г.) было выделено 25 лицензий на отстрел дикого северного оленя. Родовая община «Тый» осуществила отстрел, а «все добытое мясо» было «распределено народам Севера по минимальной цене» (Поронайский райархив. Ф. 53. Оп. 1. Д. 14. Л. 12). В 1994 г. Администрация Поронайского района по решению Управления охотничьего хозяйства Сахалинской области получила бесплатные разрешения на отстрел дикого северного оленя в количестве девяти штук для родовых хозяйств народов Севера. Охота была разрешена с 25 октября по 31 декабря. Лицензии распределялись по заявкам родовых

хозяйств: Орон, Махтуш-во, Гольд, Ульта, Чах-миф, Исток (национальный кооператив), Кех-Миф, Синдохуси, Ларга (там же. Л. 28). Последние лицензии, по словам информаторов, выдавали в конце 1990-х годов всего на 2–3 головы оленя, тогда как «ранее были годы, когда выделяли квоту до 51 головы». В Справке Поронайского коопзверопромхоза о количестве, полученных лицензий от Управления охоты и охотничьего хозяйства на отстрел диких северных оленей «по сезонам охоты» в 1970–1971 гг., 1972–1973 гг., 1974–1975 гг., указывается квота «15 штук» (Личный архив А.М. Короткого // Полевой архив автора. 2004). В настоящее время, по мнению информаторов, бесплатных лицензий на отстрел дикого оленя представителям малочисленных народов Севера не дают, так как отстреливать в районе уже нечего (диких оленей на территории района становится все меньше).

История истребления дикого северного оленя на юге Сахалина имеет и более давние корни. Как следует из исследований Центральной лаборатории охотничьего хозяйства и заповедников Главохоты РСФСР, в XIX в. северные олени обитали на всей территории Сахалина, «проникая до Южных Крильонского и Тонино-Анивского полуостровов». В XX в. олени были вытеснены из «маревых ландшафтов юга Сахалина» и высокогорий. Объясняется это появлением на юге острова сельскохозяйственных угодий, полигонов и аэродромов. «Горы поросли бамбучником, который сравнительно недавно был завезен на Сахалин из Японии. Северные олени на юге острова исчезли в 20–30-х годах, когда, по свидетельству японских авторов, устраивались охоты на последних оленей у побережья Анивского залива» (Загородских, Реймерс, 1975, с. 224). Следовательно, в XX в. на юге Сахалина благодаря интенсивной деятельности человека было два периода многочисленного истребления оленя: первый приходится на 1920–1930-е годы, второй – на 1970–1980-е годы.

С кочевым оленеводческим образом жизни всех уйльта в прежние века, а ныне северной группы, тесно связана охота. Прежде всего охота обеспечивала питание оленеводов и их семей в те периоды времени года и на тех территориях, где иным способом прокормиться не было возможности. Таким образом, в отдалении от возможных мест рыбной ловли охота выполняла очень важную функцию в жизнеобеспечении людей. В дальнейшем, естественно, пушнина стала приобретать товарную ценность. Большим помощником на охоте традиционно (и до сих пор) служат специально обученные этому искусству собаки. Собака ведет «неразлучный» образ жизни с оленеводом во все времена. Именно для охоты, а не для выпаса оленей, уйльта традиционно используют собак.

Уже в 1940 г., как повествуют архивные материалы, «орокское хозяйство почти полностью коллективизировано. Ороки ведут полуседлый образ жизни и занимаются оленеводством, рыболовством, морским зверобойным промыслом и охотой». «Центральное место в хозяйственной жизни ороков занимает оленеводство с использованием оленя в большей степени как упряжного и в меньшей степени как мясного и молочного животного». При этом охота имела «второстепенное значение». «Занятия чередуются по сезонам. Охотятся (преимущественно в осенне-зимний сезон) на соболя, выдру, медведя, северного оленя и др. Основным оружием охоты является

ружье; сохранились также копыя, самострелы и петли на соболя. Ранней весной в заливах и в открытом море бьют гарпуном нерпу» (Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 81. Папка 4. Л. 1025).

Раздел настоящей работы об охоте уйльта фрагментарен, поскольку в нынешней жизни уйльта охота уже не играет настолько важной роли в процессе жизнедеятельности, как в XIX в. и ранее (см.: Роон, 1996). Архивные материалы, характеризующие охоту в советское время, настолько незначительны, что проследить детально динамику этой сферы деятельности не удастся. Рассматривать охоту как самостоятельную сферу жизнеобеспечения уйльта отдельно от оленеводства на современном этапе развития не представляется возможным. Надо отметить, что в результате динамики этой сферы хозяйства в XX в. именно в процессе жизнеобеспечения современных оленеводов северных уйльта охота продолжает иметь определенное значение. В осенний период охота на дичь необходима: мясо диких птиц используется в пищу на таких стоянках, где невозможно поймать рыбу. В зимнее время традиционно мясо дикого оленя используется в пищу, а охота на пушного зверя дает возможность иметь меховую одежду и небольшой доход. Поскольку группа современных оленеводов очень малочисленна, то говорить о большом значении охоты для всего общества уйльта, живущего в пос. Вал и г. Поронайск, не приходится. Уйльта Поронайска в последние годы вообще почти не выходят на охоту (речь идет не только об охоте на оленя), так как охотиться стало очень трудно. Постоянно увеличивающееся приезжее население быстрыми темпами уничтожает всех, на кого можно охотиться. По данным информаторов, «дикий олень весь в окружающих лесах истреблен», или «ушел значительно выше по острову», «пушного зверя тоже почти нет» (Полевой архив автора, 2002, 2004).

«Возрождение» народа Севера

В документах, хранящихся в архивах Сахалина, о «культурно-экономическом развитии малых народностей Севера» провозглашается положение: «Победа Советской власти означала возрождение этих народностей». Далее следует объяснение того, что подразумевается под названным «возрождением»: «Уже 23 июня 1925 г. постановлением Сахалинского ревкома была учреждена должность уполномоченного по туземным делам... Вскоре в стойбища нивхов, ороحوнов, эвенков и других народностей Севера пришли русские коммунисты, комсомольцы, беспартийные активисты. Начался переворот в экономике, культуре и в их сознании... Вместо дымных, темных юрт эвенков, ороحوнов вырос поселок оленеводов – Вал» (Ногликский райархив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 172). Уместно будет вспомнить архивные данные 1967 г. о том, что пастухи совхоза «Оленевод» «живут в полуземлянках, на одной из них нет даже крыши, в помещении грязно, печь, сделанная... из бочки во время топки дымит, так что в помещении нельзя находиться...» (там же. Д. 1. Л. 22). Важно заметить, что современное поколение оленеводов, занимающихся личным хозяйством, постоянно поддерживает уют и чистоту в палатках. Вероятно, условия жизни людей определяются самой системой ведения хозяйства.

По сей день в умах коренного населения живет твердое поверье о том, что «никогда нельзя делать грех с оленем!»: «Если убил одного из последних оленей, продал и пропил – значит обидел олений дух», информаторы приводят примеры, когда братья одной оленеводческой семьи поступили так, а позднее «пытались ловить новых оленей», но «олень не идет к ним, так как олений дух на них обиделся». Информаторы отмечают далее, что у этих оленеводов – «традиционно высокий профессиональный уровень, однако у них постоянно калечатся и гибнут последние олени...» (Полевой архив автора, 2001, 2003, пос. Вал.). Так поступать с оленем, по мнению современных оленеводов, научил советский период истории коллективного содержания оленей. В традиционном обществе это не было возможным. Многому и другому «безалаберному», к большому сожалению, научило их прошлое столетие.

Переворот *de facto* в экономике, культуре и особенно в их сознании произошёл в те годы огромный. Но какова оказалась ценность этого переворота и что творится с постоянным процессом «возрождения» уйльта: ведь именно с 1920-х годов и до начала XXI в. (2004 г.) так и происходит постоянное «возрождение» этого народа. Практически все документы и исследования гласят об их «неутомимом» возрождении. Приходится признать, что в результате не естественного, а вдруг обрушившегося переворота во всех жизненно необходимых людям экономических и культурных сферах, произошли болезненные изменения в социальном сознании. От чего и к чему должно произойти «возрождение» этого народа, этих людей – кажется, что люди, занимающиеся этим вопросом, сами этого не понимали и не осознавали будущего отрицательного итога. Уже в 1956 г. Е.П. Орлова отмечала, что «пьянство приняло жуткие размеры, развратило и ослабило физически людей. Вопросам “вырождения” народов севера в последние годы занимаются многие организации» (Архив МАЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 12. Л. 14).

Эти негативные процессы шли в едином русле с другими народами Севера нашей страны. В 1961 г. директор Института этнографии Академии наук СССР член-корреспондент АН СССР С.П. Толстов писал секретарю Центрального комитета КПСС Н.М. Мухитдинову: «Хозяйство народов Севера – охота, оленеводство и рыболовство – приходит в упадок. Усилия малочисленных народов нередко направляются на развитие нерентабельных в условиях Севера отраслей хозяйства. В результате непродуманной ломки традиционных форм хозяйства и сложившегося веками быта положение народов Севера находится в весьма неудовлетворительном состоянии» (Толстов, 2006, с. 161). Однако ситуация в среде уйльта отягощалась еще и тем, что ломка традиционных форм хозяйства столь малочисленного этнического общества была осуществлена слишком скоропалительно.

Пришлое население, на первый взгляд, видело низкий уровень жизни коренного народа. Каким же тогда можно назвать по уровню жизни этот народ сегодня: в общей массе населения нет порой самого элементарного (именно в культурно-экономическом отношении), что обеспечивает (и обеспечивало в традиционном обществе) нормальное развитие человеческого общества и человеческой личности (при том, что советская власть формально дала практически всем незаконченное среднее и среднее образование, которое, как оказалось, не способно обеспечивать гарантии здорового

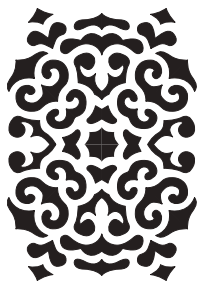
естественного развития общества уйльта). Увеличение колхозного стада оленей не обозначало ни развития, ни «возрождения» оленеводства уйльта или самих уйльта. Сомнительно, что это «увеличение» улучшало их жизненный уровень. (К тому же и увеличение стада было недолговременным в советский период оленеводческого хозяйства уйльта.) Сегодняшние оленеводы утверждают, что ни за что не хотели бы снова вернуться в «колхозное время»: их очень тяготило постоянное отсутствие свободы в действиях оленевода, нужно было подчиняться порой таким указаниям, которые явно были составлены без конкретного понятия о реалиях и возможностях оленеводства.

В настоящее время немногочисленные оленеводы вновь пытаются «возродить» свое оленеводческое хозяйство и уверены, что именно в возрождении личного оленеводческого хозяйства (что происходит ныне вновь при кочевом образе жизни) заложен успех их экономического и культурного процветания. Основная нерешенная проблема для современных оленеводов Ногликского района – необходимо *de jure* закрепить личных оленей для того, чтобы их могли наследовать потомки. Ведь и в советское время при колхозном стаде всегда выпасались их потомственные личные олени (этому есть архивные подтверждения). В настоящее время все вопросы, связанные с владением оленями, регулируются в основном только нормами «традиционного права». Юридически оформленное «наследство» было бы стимулом дальнейшего развития оленеводства на Сахалине.

Таким образом, оленеводство уйльта с конца XIX – по начало XXI вв. прошло три этапа развития. В результате динамики, т.е. развития под воздействием внешних политических, социально-экономических и этнокультурных условий, оленеводство уйльта претерпело «болезненные» изменения. На первом этапе развития оленеводческий образ жизни народа складывался более естественным путем, без сильного влияния внезапно возникающих внешних факторов. На этом этапе развивались семейные оленеводческие хозяйства, включенные в систему родовых отношений. На втором этапе, в советский период, за короткий промежуток времени создаются коллективные оленеводческие хозяйства уйльта, которые, просуществовав несколько десятилетий, также внезапно разрушаются. Напрашивается вывод, что именно условия, созданные государственной системой, обеспечивали коллективный выпас оленей – в этом не было потребности самих уйльта. Традиционные немногочисленные по поголовью оленей хозяйства в прежние времена обеспечивали необходимые условия для жизни людей. А начавшийся в советское время отрыв пастухов от семьи и от дома, естественно, не мог способствовать нормальному развитию отношений в семьях и пагубно сказался на передаче молодым навыков предков ведения оленеводческого хозяйства. Внедрение современных технологий и медицинских познаний проходило в колхозах и совхозах чаще всего формально, поэтому не могло принести больших результатов. Весь советский период чувствовалась нехватка кадров – специалистов в области зоотехники и ветеринарии. Последнее характерно и для третьего этапа развития оленеводства уйльта. Только теперь еще существует и острая нехватка оленеводческих кадров, навыками приручения и выпаса оленей обладает очень незначительное число мужской половины уйльта. Третий этап характеризуется переходом вновь к семейно-

му способу выпаса оленей. Однако нельзя сказать, что при этом ведении хозяйства вся семья ведет оленеводческий образ жизни. Чаще всего занимаются выпасом один–два представителя семьи, остальные живут в поселке. Правда, нынешние оленеводы пытаются передавать свои знания растущим детям, видят в этом обязательную задачу для дальнейшего развития оленеводства среди уйльта, которое они воспринимают единственным способом нормальной человеческой жизни своего общества. Видимо, как и в досоветское время, оленеводство уйльта в XXI в. не будет слишком масштабным (ведь традиционно оно имело в основном транспортный характер). Но потребности северной группы уйльта в развитии личного оленеводческого хозяйства очевидны. А в южной группе хоть и не представляется возможным заниматься оленеводством, но прочно живет в сознании мысль о непрерывной «связи» каждого уйльта с оленем в «древние времена»: «Все уйльта произошли от “олenea”!», – так любят шутить потомки бывших оленеводов южных уйльта.

Глава 2

РЫБОЛОВСТВО И СОВРЕМЕННЫЕ РОДОВЫЕ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ, СЕМЕЙНЫЕ ХОЗЯЙСТВА

Перейдем к рассмотрению другой традиционной и очень важной ныне сфере жизнедеятельности уйльта – рыболовству. Оно в настоящее время развивается в двух формах – единоличный вылов рыбы для семейного потребления и развитие промысловых хозяйств, участвующих в местной экономике. Такие хозяйства образуются по праву принадлежности к малочисленным коренным народам Севера. Единоличное рыболовство в разной степени, но распространено повсеместно и в северной, и в южной группе уйльта. Коллективные малочисленные хозяйства получили развитие в основном среди южной группы.

Как уже отмечалось выше, южные уйльта перешли на оседлость гораздо раньше северных. Вероятно, это стало возможным благодаря изобилию морепродуктов на территории их обитания – нынешнего Поронайского района. Как гласят архивные источники, в XIX в. на Сахалине «фауна... очень разнообразна, особенно морская, неисчерпаемый источник различных пород рыб» (ПФА РАН. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 6). Проводимые в 1940 г. исследования показали: «Большую роль в экономике ороков играет рыболовство. Ловят в основном различные виды лососевых, которые заготавливаются в большом количестве впрок. Орудия лова: невод, сеть, острога, удочка и сачок» (Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. I. № 81. Л. 1025). Помимо рыбы уйльта традиционно употребляют в пищу несколько видов морских водорослей, разнообразные ракушки, нерпу и вообще «все, что дает море человеку». Потребляя все добытое из моря, можно было обеспечить жизненно необходимые потребности семьи. В южной группе уйльта широко бытует и в современный период времени потребление даров моря, традиционных и для предыдущих поколений: в периоды морского прилива на берег попадают различные виды морской капусты и раковины «класса двустворчатых», например, «гребешок Приморский». В наше время южные уйльта говорят, что, «если не лениться, можно круглый год в наших водах ловить рыбу и быть сытым». Вот как выглядит годовой цикл вылова различных видов рыб в Поронайском районе (все названия рыб даны информаторами южной группы уйльта // Полевой архив автора, 2004, остров Южный):

Период времени года	Основные виды рыб традиционной ловли
с конца февраля – начала марта до апреля-мая	корюшка
с конца мая – начала июня до середины июня	сима
с середины июня до конца августа – начала сентября	горбуша
с конца августа до конца сентября	кета
сентябрь	кижуч
с октября – до начала ноября	чека (корюшка-малоротка)

Период времени года	Основные виды рыб традиционной ловли
ноябрь – декабрь – январь с конца декабря по январь	тайфун навага «разнорыбца»
март	камбала
май	красноперка
октябрь-ноябрь	сельдь

«Родовые», «национальные», «семейные» хозяйства (официальное название каждое хозяйство получает при регистрации; существенной разницы на практике не ощущается). В «Перечне родовых, родовых семейных, общинных хозяйств и национальных предприятий коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области» по Поронайскому району на 1 июля 2001 г. числилось 17 хозяйств (по данным «Совета родовых хозяйств общин и национальных предприятий», каждый год число действующих хозяйств (во время путины) варьируется), среди которых 4 – нивхских, остальные хозяйства состояли из представителей различных народов Севера (Поронайский райархив. Ф. 132. Оп. 1. Д. 24. Л. 1, 26). Численность каждого хозяйства в разные годы была различна – от 3 до 30 человек. Уйльта – в 8 хозяйствах. Все хозяйства имеют практику найма сезонных рабочих на время путины – периода основного вылова горбуши.

Родовое фермерское национальное хозяйство традиционных промыслов Севера «Мапа» на момент образования в 1994 г. состояло из 15 человек, включавших 3 уйльта, 10 нанайцев и 2 русских – все родственники, представлявшие одну семью. На 1 июля 2001 г. в хозяйстве работало 10 человек. По официальным данным на 2002 г. числились всего лишь 3 члена хозяйства. Глава хозяйства имеет отца – уйльта, а мать – нанайку. Название хозяйства «мапа» на уйльтском языке означает объединение по принципу принадлежности к одной семье по мужской родословной линии (это часть слов, обозначающих дедушку, отца мужа, род мужа, мужа, брата мужа, сестру мужа и т.п.).

Родовое хозяйство «Онета», образованное в 1995 г., состояло из 7 человек. Председатель хозяйства имел отца корейца, а мать уйльта. В 2001 г. его возглавлял человек, у которого отец – эвенк, а мать – уйльта. Название «онета» на уйльтинском языке обозначает реку.

Родовое хозяйство традиционных промыслов коренных малочисленных народов Севера «Нисиока» (названо по фамилии председателя, уйльта, к прискорбию, безвременно ушедшей во время экспедиции в августе 2002 г.) образовано в 1999 г. На момент образования включало 5 человек, в июле 2001 г. в нем было зафиксировано уже 15 работающих.

Национальный кооператив «Тый», созданный в 1989 г., в 1992 г. был переименован в родовую общину «Тый». Название «тый» на нивхском языке означает «равнина». Руководит им женщина, у которой отец – кореец, мать – уйльта, а воспитывалась она в семье нивхов. На момент регистрации в общине были представители двух нивхских семей, двух уйльтских, одной нивхско-уйльтской, одной корейской и одной русской. В июле 2001 г. в об-

щине работали 11 чел. – представители разных национальностей Севера. По данным 2002 г. в общине насчитывалось 8 членов.

Родовое национальное хозяйство традиционных промыслов народов Севера «Буйу» («медведь») создано в 1991 г. Тогда оно состояло из 14 чел., в июле 2001 г. – из 18 чел. Семья этнически смешанная – корейско-уйлытская. По данным 2002 г. в хозяйстве числилось 5 членов.

Национальное родовое хозяйство «Синдохуси» («твой дом») создано в 1992 г. Оно состояло из 8 членов организовал и возглавил его человек, у которого отец – кореец, а мать – уйльта. По данным 2002 г., в хозяйстве значилось 6 членов.

Родовое хозяйство «Ториса» образовано в 1995 г., на тот момент оно состояло из 9 чел, по данным 2002 г. – 13 членов. Названо хозяйство по наименованию уйлытского рода «Ториса», к которому относились предки (по мужской линии) главы хозяйства.

Родовое хозяйство «Улан» зарегистрировано в 1999 г. в составе 10 чел., его председатель – уйльта.

Основная производственная деятельность всех родовых хозяйств Поро-найского района, независимо от принадлежности к тому или иному народу Севера, включает добычу рыбы и морепродуктов, морского зверя, второстепенно – охоту на пушного зверя, диких копытных животных, боровую (живущие в лесу рябчики, куропатки, глухари) и водоплавающую дичь. Наряду с этим родовые хозяйства вправе организовывать разведение ездовых и охотничьих собак, фермерское разведение ценных пушных зверей, оленей, осуществлять сбор дикоросов, лекарственных трав, а также лесозаготовку, проводить мероприятия по охране природы и рациональному использованию ресурсов, изготавливать сувениры из добываемого сырья. В целом родовые хозяйства ставят целью возрождение и сохранение традиционных отраслей хозяйственной деятельности, рационального природопользования, обеспечение традиционного уклада жизни, культуры, языка и одновременно решают проблему занятости и социальной защиты. Острые проблемы, связанные с возможностью реализовать свои права коренного народа Севера в сфере рыболовства.

Проблемы «лимитов» для коренного населения. Ногликский район. Инспекция рыбоохраны при выдаче разрешений на вылов лососевых рыб руководствуется установленными нормами вылова горбуши и кеты на личное потребление гражданам из числа народов Севера. В соответствии с распоряжением губернатора области «О мерах по организации проведения лососевой путины в 2001 году» и на основании справки Ногликской контрольно-наблюдательной станции «О среднемноголетнем весе горбуши в 1358 грамм и кеты в 3424 грамма» администрация района устанавливала в 2001 г. норму вылова горбуши на одного человека в количестве 38 штук и кеты – 10 штук в строго определенные сроки: для вылова горбуши – с 20 июля по 15 августа, кеты – с 25 августа по 15 сентября. В 2002 г. эти нормы были еще ниже – 11 горбуш и 4 кеты на человека. При этом коренные жители отмечают, что областная администрация устанавливает сроки вылова рыбы с помощью сети в период 1–1,5 месяца, а рыбоохрана всегда препятствует этому.

Представители коренных народов Севера, включая и уйльта, считают эти нормы явно заниженными, так как традиционно в прошлые периоды их

истории жизненно необходимое количество красных видов рыб было гораздо больше. Важно учитывать, что именно лососевые рыбы наравне с оленевой и лесными ягодами всегда играли очень существенную роль в рационе их питания. Люди говорят так: «Засолить рыбу надо, а юколу (ее любят население и в наши дни) делать уже не из чего; и для собак надо – кормить их зимой будет нечем». Обмен товарами был присущ данному обществу еще сто лет назад, нынешнее поколение не понимает смысла запрета такого товарообмена для коренного населения. В настоящее время в суровых экономических условиях вылов горбуши и кеты нередко служит единственным источником питания, а порой и скудного дохода, семьи уйльта.

Существует и другая сторона этой проблемы. Очень часто из-за абсолютного отсутствия финансов представители нескольких семей коренных малочисленных народов даже совместно не имеют возможности приобрести для личного использования лодки, сети и другие снасти для вылова рыбы. Они вынуждены обращаться за этим к приезжему населению, которое не редко обманывает их, забирая огромную долю улова себе. К большому сожалению, полевые наблюдения позволяют констатировать, что в последние годы из-за частого потребления алкоголя все больше становится представителей коренных народов, и прежде всего северной группы уйльта, которые вообще не выходят на рыбалку в период лова лососевых рыб.

Традиционная заготовка уйльта рыбы, способом приготовления юколы, известна в литературе. Необходимо обратить внимание, что в северной группе уйльта помимо засолки, устойчиво характерной для XX в., некоторые продолжают поныне заготавливать рыбу на зиму практически таким же традиционным для их предков способом *маури́*. По рассказам очевидцев и людей, практикующих приготовление юколы, разделка рыбы (чаще горбуши, возможно камбалы, гольца) для приготовления юколы осуществляется следующим образом: 1) убирают жабры, сердце, плавники; 2) снимают шкуру, распарывая живот; 3) вытаскивают икру, печень, желудок; 4) срезают брюшки для юколы – *хэние/хэнихе*; 5) снимают первый слой, верхний *сэйнэ*, самый жирный, считается самым вкусным; 6) снимают *бэккэй* – второй, третий, четвертый слой (число слоев зависит от мастерства нарезки тонких слоев); 7) вывешивают сушить; 8) оставшийся хребет с хвостом сушат на зиму для собак (иногда с головой, но это бывает редко, поскольку голову, как и хрящи, и плавники, «любили съесть свежими»). «Когда юколу делают, рыбу не моют, не солят. Чтобы юкола хорошо хранилась, ее вывешивают на ветер, на солнце на день, а на ночь заносят в дом, ранее в *аундау* (жилище типа чума, сделанное из жердей (*чоко*), покрытое сверху в зимнее время шкурами оленя, в летнее время – рыбы (чаще кеты), а также берестой), вешают над очагом, огнем *тава*, на специальные вешала *кинэр*. В безветренную погоду применяют обязательно дымокуры от мух. Бывает, что юколу делают со шкуркой. Снятую же шкуру использовали для разных целей. Например, из шкуры камбалы делали различные подвески *чурэктэ*, которые применялись как обереги; их носили и мужчины, и женщины, часто вешали над детской люлькой. Ловили рыбу сетями, которые плели из нити крапивы. Крапиву чаще всего заготавливали в октябре, тогда нити были самые прочные. Оленьи жилы, используемые для шитья, не применяли для плетения сетей, потому что в воде жилы размокают. Сейчас используют

Ногликский район: а) плетение адүли (сети) в часы досуга оленевода. И.Н. Михеев. 2003 г.;
б) налу́ (кижуч), лайма (голец). Фото автора

a

б

в

г

д

е

Разделка рыбы для приготовления юколы (в северной группе уйльта) – маўрі. Е.А. Биби́кова (а–к). Пос. Вал Ногликского района. 2001 г. Фото автора

В национальном родовом хозяйстве «Синдохуси» Поронайский район. 2002–2004 гг.
Фото автора

Председатель В.С. Кимура

Жизнь «узкоколейки» возле родового хозяйства

«Подрастающее поколение»

Подготовка к путине

Выход в море

Најаби – лежище нерпы (тюленей) на пути в родовые хозяйства в Поронайском районе. 2004 г. (а); аллаха (или пэттэ) – нерпа. Промысел нерпы осуществляется для личного потребления коренного населения в Поронайском районе (б–г). Фото автора

Копчение рыбы. Поронайский район. 2004 г. Фото автора

Наму (море) – источник жизни. На острове Южном: а) Казико Сугавара; б) «гребешок приморский» (класс Двустворчатые) собирают после *вэну* (прилива) во время *кари(у)* (отлива). 2002 г.; в–г) залив Терпения. Современное поколение уйльта собирает различные виды *кан'уј* (морской капусты). 2004 г. Фото автора

Лоло (саранку) собирают во время проведения ритуального обряда «кормления хозяина воды», проводимого перед началом путины. Традиционно для ритуала (и в пищу) использовали корень саранки – карка. На берегу Охотского моря (залив Терпения). 6 июля 2002 г. Фото из личного архива Л.Р. Китазима

современные прочные нити, но часто продолжают плести сети сами». Плетение сетей на современном этапе времени постоянно практикуют в среде оленеводов (Личный архив автора, 2001 2003, Ногликский район. Необходимо отметить, что приведенные здесь названия слоев юколы и иные уйльтинские понятия часто имеют отличное написание в литературе и словарях, что объясняется, скорее всего, трудностью восприятия фонетики уйльтинского языка, а также некоторой разницей употребления и произношения слов в разных местах расселения уйльта).

Интересно, что приготовление юколы в южной группе уйльта ныне практически не встречается. И в семейных, и в родовых хозяйствах распространена засолка и «холодное» копчение рыбы (горячее копчение не ценится, так как такая рыба долго не хранится). Более того, все чаще свежельвленную рыбу предпочитают замораживать в различных морозильных камерах. Как говорят председатели родовых хозяйств, занимающихся рыболовством (и просто рыбаки), «именно замороженная, а не соленая рыба сейчас больше пользуется спросом, да и заготавливать так проще и быстрее, а значит, можно заготовить больше» (Личный архив автора, 2004, Поронайский район).

Поронайский район. При распределении «лимитов» для родовых хозяйств «на путину» Ассоциация народов Севера Поронайского района обращает внимание руководителей родовых хозяйств на то, что в случае передачи лимитов и промысловых участков физическим и юридическим лицам без согласования с Ассоциацией хозяйства будут лишены как лимитов, так и промысловых участков. Кроме того, Ассоциация обязывает хозяйства в первую очередь трудоустроить представителей из числа народов Севера (Поронайский райархив. Ф. 137. Оп. 1. Д. 23. Л. 17). К сожалению, есть много примеров, когда родовые хозяйства вынуждены нанимать на работу отнюдь не представителей коренных народов для того, чтобы труд был более результативным. В итоге многие коренные жители жалуются, что родовые хозяйства думают только о своем процветании и не заботятся о нуждах своих соплеменников, в то время как лимиты они получают для подъема жизнедеятельности всего коренного населения. При этом нельзя не отметить, какие порой неоправданно искусственно созданные различными «распорядительными» структурами условия приходится преодолевать этим хозяйствам, чтобы выжить.

В 2002 г. местные власти выделили лимит вылова горбуши на личное потребление коренного населения Поронайского района по 100 кг на человека. Такого лимита добилась «Местная общественная организация коренных малочисленных народов Севера» (г. Поронайск), действуя совместно с Советом родовых хозяйств. Было принято коллективное обращение к губернатору Сахалинской области, в котором обосновывалась просьба пересмотреть вопрос о лимите и защитить их основное право – на жизнь, точнее – на «выживание». На основании ст. 12 Гражданского кодекса РФ было решено, в порядке самозащиты гражданских прав, что коренное население их района должно выйти на вылов горбуши, несмотря на отсутствие лимита и разрешения, так как без обеспечения семей основным видом питания невозможно физическое выживание в зимнее время года. Поскольку большинство коренного населения составляют малоимущие семьи, имеющие детей, рыба,

как и много лет назад, составляет основу их питания. В результате в 2002 г. выделили лимит «на личное потребление» вылова горбуши по 100 кг на человека (Полевой архив автора). Свидетельством важности рыбного промысла в системе жизнеобеспечения коренных народов и ныне служит возрождение в последнее десятилетие «ритуального обряда перед началом путины – кормление хозяина воды» (там же. Д. 26. Л. 10–16). Обряд моления и обряд жертвоприношения «хозяину воды» совершается на берегу залива Терпения. Современный ритуал воспринимается как единая акция для представителей всех северных народов Сахалина и всегда проводится на территории Поронайского района.

В зимний период рыбный промысел, как и в прежние века, не прекращается, хозяйства занимаются им на реках. Так, к примеру, родовое хозяйство «Ларга» ловит рыбу на р. Промысловая, а родовые хозяйства «Онета», «Мапа», «Ториса», «Буйу» – на р. Таран.

Помимо рыболовства в настоящее время воспринимается присущим для всех коренных народов Сахалина промысел нерпы. В уйльтинском языке есть несколько понятий, традиционно обозначающих нерпу: *пэм(т)э* – нерпа, *алахэ(а)* – пятнистая нерпа, *нучискэ(а)* – детеныш кольцевой.

В сезон с июля до 20 декабря всем родовым национальным хозяйствам разрешалось выловить 120 нерп. De facto в 2002 г. промыслом нерпы занимались только три хозяйства – «Ларга», «Синдохуси» и «Мапа». Очевидно, одна из основных причин этого постепенная утеря навыков данного промысла в среде коренных народов Сахалина. Для выхода в море за нерпой используют лодку-«кунгас», как и для вылова рыбы с помощью «ставных ловушек» и «ставных неводов». Выловленная нерпа хранится в замороженном виде и расходуется по мере надобности на коллективное питание семей малочисленных народов Севера. В прежние годы Поронайский зверосовхоз брал нерпу на корм зверям. В настоящее время зверосовхоз отказался от этого. В период, когда идет массовый лов рыбы, нерпа наносит заметный ущерб лососевым, она представляет некоторую «опасность» для качества выловленной горбуши, так как, попадая в ловушку или «устраиваясь» на границе ловушки (на верхней подборе сетки), она успешно питается рыбой, попавшей в ловушки и часто портит ее, надкусывая. В частности, во время сезона вылова горбуши в 2002 г., как отмечали многие промысловики-рыбаки, было огромное количество нерпы, как никогда ранее. Поэтому, по убеждению коренного населения, ежегодный лимит на отстрел нерпы необходим.

Территория традиционного природопользования

Проблемы, связанные с *территорией традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера*, насущны в настоящее время в основном для южной группы уйльта, занимающейся рыболовством. От решения этих проблем зависит порой напрямую благосостояние части коренного населения Поронайского района. В среде оленеводов подобные вопросы не рассматриваются так остро (они считают себя испокон веков хозяевами своей земли и не хотят вступать с представителями местной власти в какие-то долговременные переговоры на эту тему – они просто используют земли в

соответствии с надобностями ведения оленеводческого хозяйства). Поэтому необходимо рассмотреть динамику этой проблемы, остро задевающей основную сферу жизнеобеспечения южных уйльта. Именно этим обстоятельством вызвано расположение данного материала в разделе «Рыболовство».

В декабре 1990 г. Исполнительный комитет Поронайского городского совета народных депутатов принял решение о перерегистрации Совета по работе с народами Севера в Ассоциацию народов Севера Поронайского района (там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1173. Л. 171). Одна из важнейших задач Ассоциации, зафиксированная в ее Уставе – создание различных семейных, родовых и других форм традиционного хозяйствования на основе закрепления в законодательном порядке территорий традиционного природопользования (там же. Л. 173–178). В декабре 1991 г. в резолюции общего собрания народов Севера Поронайского района Сахалинской области, обращенной в «Комиссию по земельной реформе Малого Совета, Городского совета народных депутатов», констатируется как свершившийся факт воссоздание «волей самих народов» родовых общин малочисленных народов Севера, поэтому обосновывается необходимость выделения территории «для этнохозяйственной деятельности» (там же. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2. Л. 2). В феврале 1992 г. по инициативе Поронайской Ассоциации народов Севера рыболовческий колхоз «Дружба» передал ей участок (точнее тони промысловых участков) вдоль залива Терпения протяженностью 26 км для «общего использования всему коренному населению» – закрепления тоней за родовыми хозяйствами (О постановлении правления колхоза см.: Нормативные документы по вопросам создания Совета АНС и родовых хозяйств, о территории природопользования народов Севера за 1989–1997 годы // Архивный отдел Администрации МО «Поронайский район». Ф. 137 Оп. 1. Д. 1. Л. 11; Д. 27. Л. 5–6, 13). Границы территории традиционного природопользования выглядят следующим образом. На западе – от устья р. Поронай вверх по руслу до административной границы Поронайского района (устья р. Ельния). На севере – по прямой линии от устья р. Ельния до горы Золотухина и далее до водораздельного хребта между бассейнами рек Рукутами и Нерпичья. На востоке – условная линия проходит по водоразделу между бассейнами рек Рукутами и Нерпичья, далее на юг через мост на реке Длинной автодороги с. Трудовое – с. Соболиное и по р. Желтой до ее устья. На юге – по побережью залива Терпения от пролива Невский до устья р. Поронай (там же. Д. 132. Оп. 1. Д. 24. Л. 51–55).

В результате 11 родовых хозяйств и родовая община «Тый» – эти хозяйства образовались первыми(!) – имеют свои участки для рыбного промысла и постройки хозяйственных цехов по переработке рыбы. В соответствии с принятыми нормами, ставить промысловые ловушки можно только с интервалом 2 км. От острова Южный (Сачи) до Заповедника хозяйства первоначально были расположены в следующем порядке: родовая община «Тый», родовые хозяйства «Ториса», «Буйу», «Мапа», «Онета», «Гольд», «Ларга», «Махтуш-во», «Синдохуси», семейные хозяйства «Чох-Миф», «Исток», национально-хозяйственная артель «Абориген». Необходимо отметить, что почти каждый год происходят какие-либо изменения в расположении участков хозяйств, которые объединяют интересы одних и не удовлетворяют других. Один участок был выделен для вылова рыбы с помощью сетей по

лимиту для личного потребления коренного населения в черте города Поронайска – на острове Южном, вдоль р. Поронай. Создалась ситуация, при которой пять хозяйств, организованных позднее, не имели своих участков: родовые хозяйства «Улан», «Ларш», «Руинвгун», «Нисиока», национально-производственная артель «Уза». Разрешить эту проблему оказалось очень трудно. С одной стороны – хозяйства, организованные ранее, уже обосновались и развиваются, отбирать у них выделенные участки абсурдно, так как на общем фоне ужасного депрессивного и безработного состояния коренных народов, прежде всего уйльта, именно в этих хозяйствах люди работают, получают хоть какие-то доходы и приспосабливаются к новым условиям жизни. Казалось бы, надо приветствовать тех представителей малочисленных народов, которые смогли достойно выжить в данное время. С другой стороны – хозяйства, организованные в более поздний период, имеют такое же право «встать на ноги» и начать свою предпринимательскую деятельность, но территории для этого нет. Пути разрешения этой ситуации болезненны для обеих сторон, хотя Совет родовых хозяйств при МОО КМНС активно пытается найти решение. Приходится констатировать, что в данной обстановке происходят постоянные ссоры в среде представителей малочисленных народов, которые подчас приводят к печальным результатам. Крайне важной оказывается поддержка со стороны представителей органов власти и различных местных общественных организаций, так как представителям этих народов необходимо порой элементарное выживание. Если не дать выжить тем, кто пытается это делать, то как же сможет выжить остальная часть коренного населения, пребывающая в состоянии пассивности.

Местная общественная организация коренных малочисленных народов Севера Поронайского района (до 1999 г. существовала Ассоциация малочисленных народов Севера) борется за создание территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера. Промысловые участки находятся в ведении мэрии, водные – Сахалинрыбвода. Договор между Местной организацией малочисленных народов Севера и Сахалинрыбводом был составлен на бессрочное использование 26 км. Однако, как заявляют представители родовых хозяйств, промысловые участки хотят изъять у хозяйств, а землю уже изъяли.

Обратимся к истории вопроса о территории традиционного природопользования. В 1992 г. мэр Поронайского района В.М. Шапранов подписал постановление «О территории традиционного природопользования малочисленных народов Севера» (№ 723 от 23.12.92) (там же. Д. 24. Л. 51. Д. 27. Л. 13). Должно было пройти согласование состава границы и площади территорий традиционного природопользования с Комитетом по земельным ресурсам и землеустройству Поронайского района и Поронайской инспекцией рыбоохраны. Согласование не прошло. В 2000 г. мэр А.П. Ольховик отменил постановление 1992 г. (постановление № 282 от 21.06.2000). Местная общественная организация коренных малочисленных народов Севера в 2000 г. обратилась в суд, где, естественно, получила ответ о том, что надо обращаться в арбитражный суд. Жалоба названной общественной организации обоснована тем, что постановление мэра 1992 г. было принято на основе соответствующего Указа Президента РФ (№ 397 от 22.04.92) и соответствовало «Временному положению о территории традиционного природо-

пользования», принятому Сахалинской областной Думой (№ 18/139 от 09.01.96). Действия же другого мэра в 2000 г. – принятое постановление об отмене постановления 1992 г. – привели не только к лишению прав на территорию традиционного природопользования малочисленных народов Севера Поронайского района, но и фактически предоставили возможность коммерческим структурам без согласования с Местной общественной организацией коренных малочисленных народов Севера района «приобрести часть (земель) территорий традиционного природопользования народов Севера и ущемить их права в использовании своих территорий и заниматься традиционными формами хозяйственной деятельности» (см. карту родовых хозяйств). Такая ситуация ущемляет их право пользования названной территорией, а это соответственно приводит к невозможности воспользоваться правом заниматься традиционными формами хозяйственной деятельности коренных народов.

Таким образом, рассматривая динамику одной из важных сфер жизнеобеспечения уйльта – рыболовство – можно заметить, что оно остается жизненно важной для данного народа в нынешний период истории не менее, вероятно, чем в прошлые века. Кроме того, простым рыболовством этот вид ведения хозяйства назвать нельзя, так как длительное время, живя на морском побережье, уйльта, естественно, занимались различными морскими промыслами, кроме ловли рыбы включающими охоту на морского зверя, сбор морской капусты и разнообразных ракушек, которые море выбрасывало на берег во время штормов. По рассказам представителей южной группы народа, их предки говорили: «Все, что дает море, человеку необходимо». Нельзя не отметить и большое влияние японской культуры на потребление южными уйльта морепродуктов в XX в. Во время Карафута (1905–1945) жизнеобеспечивающая деятельность южных уйльта претерпела изменения, которые не могут не отражаться и на современной жизни народа. Что касается северной группы уйльта, то для нее по-прежнему остается необходимым именно рыболовство, которое развито не в таких объемах, как у уйльта Поронайского района, но при этом служит важной сферой жизнеобеспечения людей. Резких скачков (характерных для оленеводства) в развитии этой отрасли хозяйства всех уйльта не наблюдалось с конца XIX в. Созданные в советское время рыболовецкие колхозы включали уйльта в систему своей работы наравне с представителями всех иных живущих на Сахалине народов (и переселившихся в 1947 г. нанайцев из Хабаровского края). Какого-либо давления со стороны власти в данном случае не было. Поэтому можно сделать вывод о большей степени стабильности развития этой сферы деятельности, чем оленеводческой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«ТРАНСФОРМАЦИИ» – БОЛЬШИЕ ПРОБЛЕМЫ «МАЛОГО» НАРОДА ОСТРОВА САХАЛИН

Этнокультурная динамика жизнедеятельности уйльта с конца XIX в. до начала XXI в. прошла три этапа. Первый – относится к тому времени, когда Сахалин осваивали и изучали приезжие с материка люди, принадлежавшие к различным этническим и социальным слоям российского общества конца XIX – начала XX в. В складывавшейся обстановке иноэтничного окружения общество уйльта продолжало вести самобытную жизнь, постепенно включаясь в общие процессы развития, характерные для российского общества в целом. На втором и третьем этапах культура уйльта не могла противостоять внезапным реалиям, которые возникли в жизни малочисленного народа. В советский и постсоветский периоды истории происходили серьезные трансформации, активно действующие на судьбу этнической общности, влияющие на право заниматься той деятельностью, которая играет одну из основных функций в человеческом обществе – функцию жизнеобеспечения. Вслед за этим происходила потеря многих черт этнической культуры. Новые условия этносоциальной среды, однако, не привели уйльта в начале XXI в. ни к физическому, ни к этническому исчезновению. На третьем этапе самосознание народа уйльта укрепляется и вынужденно начинает играть восстановительную роль для нормальной жизнедеятельности общества.

Необходимо отметить, что на всех трех этапах развития общество уйльта находится в сильной зависимости от политики государства по отношению к основным сферам его жизнедеятельности. На третьем этапе этнокультурная динамика происходит не только под влиянием российского общества, но и в определенной степени (равно как и динамика жизни всего населения Сахалина) под влиянием американской и японской социально-экономической среды. Кроме того, следует обратить внимание, что южная группа уйльта попала под социально-экономическое и этнокультурное воздействие Японии еще в первой половине XX в. (во время губернаторства Карафуто – 1905–1945 гг.).

* * *

Рассмотрим отдельные стороны этнокультурной динамики жизнедеятельности уйльта в исследуемый период. Развитие общества уйльта часто происходило, происходит и сейчас в обстановке пренебрежения и отсутствия должного понимания со стороны этносоциальной среды. Часто возникают проблемы от того, что иноэтничное окружение не имеет ни знаний, ни воз-

возможностей понять мировоззрение аборигенного малочисленного народа, естественно, отличающегося от других народов. Ценностные ориентиры оказываются различными.

Так, например, изучая этнокультурные процессы у уйльта, может возникнуть вопрос, почему же у большинства современного поколения уйльта нет стремления к какому-либо накоплению материальных благ и одновременно зачастую нет стремления улучшить, «продвинуть» свою жизнь к иному уровню экономического развития окружающей иноэтнической среды.

На этот вопрос можно попытаться ответить, обратившись к знаниям традиционной этнографии. (Информаторы рассказывают, как это можно отметить и у других народов Севера, что при захоронении уйльта всегда «все личные вещи хоронили вместе с умершим», поэтому на сегодняшний день не сохранилось старых вещей. Даже если были в семье дети, которые могли бы доносить вещи умершего, к примеру, ребенка, оставить личные вещи человека было нельзя, их всегда «укладывали в могилу».) Как говорят информаторы, «поскольку образ жизни был кочевой, никогда не было желания накапливать вещи, поэтому и сейчас нет привычки увеличивать количество вещей в быту – все имеют только самое необходимое. В результате они живут сегодняшним днем, не думая порой о том, что будет завтра. У современного поколения нет стремления и к “наживе”. А сейчас уже так жить нельзя.» Это высказывание в какой-то мере объясняет сложившуюся трагическую ситуацию среди нынешних поколений уйльта: как только заработаны деньги, они должны быть немедленно и обязательно все пропиты. О том, что будет потом, никто действительно не задумывается. Вероятно, в истории человечества это далеко не единичный случай, такая ситуация характерна была и для других общностей людей. Известная латинская поговорка гласит: «Nihil habeo, nihil timeo (или curo)», что означает «Ничего не имею – ничего не боюсь (или ни о чем не забочусь)». К чему человеку бояться за будущее, если у него нет ничего, кроме абсолютно необходимого для его существования? С другой стороны, необременительное материальное бытие обеспечивает некую форму свободы человека на Земле: жизненный лозунг оленеводов уйльта всех времен, произносимый с великой гордостью и поучительностью – «Я – человек свободный!» – выражает глубочайший смысл жизни уйльта как в прошлом, так и в настоящем. Эта фраза, живущая в сознании, несет добро и надежду окружающим и сегодня. И ныне уйльта (особенно в большой степени это характерно для оленеводов) воспринимают пространство родного для них острова как прародину их предков и родину всех их будущих потомков, как широчайшую, огромную для жизнедеятельности Землю. Это существенным образом отличает их мировосприятие от «людей с материка». Иноэтническому (приезжему) окружению уйльта Сахалин представляется прежде всего островом, омываемым со всех сторон водой, т.е. тем местом, где «в случае какой-либо трагедии и спастись-то невозможно будет», – приезжее население само называет это «островной психологией». Ощущение ограниченности территории (по сравнению с материком) присутствует в среде приезжего населения. Для уйльта этот «остров» не имеет реально ощущаемых границ, он воспринимается как естественное продолжение материка, откуда пришли их далекие предки (современные исследования сахалинского археолога А.А. Василевского

подтверждают мысль о том, что Сахалин не всегда был островом, его «соединение» с материком прослеживается и сейчас). Следовательно, память современного поколения уйльта, не всегда осознанно для самого человека, прочно хранит информацию, которая передается веками из поколения в поколение.

По мнению пожилых представительниц уйльта, деградация народа происходит от того, что «мужчины падают вниз». Четко сохраняющаяся в сознании людей этническая приверженность к патронимии формирует народное мнение – «общество деградирует при деградации мужчин». Женщины стремятся получить лучшее образование, а мужчины не стремятся порой ни к какому образованию вообще. Бросают школу. Женщины не хотят за «своих» выходить замуж, так как не видят в них «силу и опору для семьи», «ведь именно мужчины двигают жизнь общества и семьи».

Некоторые матери взрослых сыновей говорят, что дети их не против были бы работать в тайге пастухами, но «нужно иметь ружье и продукты, а где их взять, – без этого в тайге не проживешь». И тут же они отмечают, что «кочевой образ жизни был трезвый, а оседло уйльта жить не могут – сразу начинают пить». Как ни прискорбно, но это абсолютная истина. Полевые исследования приводят именно к такому выводу. Даже при малейшей остановке (на несколько дней) на одном месте при кочевом образе жизни, если есть рядом населенный пункт с магазином, сильные духовно и физически люди теряют силу воли и отдаются во власть алкоголя. Потом жалеют об этом, ведь в итоге страдают олени, которые достаются им в результате титанического ежедневного труда. Понимая это, начинают перекочевку. В пос. Вал часто вспоминают, что «до 1958 г. зарплату выдавали товарами 1 раз в году, людям приходилось сливаться с природой, чтобы выжить». Какой же выход видят живущие в поселке люди: «Уйльта суждено жить в тайге. Значит цивилизация должна идти в тайгу, а не уйльта из тайги в цивилизацию. Тогда бы оленеводство было бы крепким. Значит и уйльта бы хорошо жили».

К сожалению, приходится отмечать и инертность (бездеятельность) молодых женщин этого общества. Часты случаи увлечения алкоголем, полное безразличие к «упадку» в семье, отсутствие «дела», т.е. не только нет официальной работы, но и нет желания работать в собственном доме на благо семьи (безусловно, это не относится ко всем семьям). При более тесном общении с этими людьми понимаешь, каким большим творческим потенциалом они владеют. Люди тонко чувствуют красоту, бережно относятся к природе и ее дарам, великолепно рисуют, шьют, выделывают шкуры, владеют богатой образностью мышления, тонко чувствуют поведенческие ситуации. Иногда кажется, что всеми органами чувств, которыми наделен *homo sapiens*, они ощущают окружающий мир так сильно, как это неведомо для приезжего человека, но это все возможно лишь в трезвом состоянии.

Вспомним, какая роль была у мужчины в традиционном обществе при кочевом образе жизни: в таежных условиях даже сильной женщине без мужчины не выжить, хотя женщины уйльта всегда в тайге вели себя решительно и самостоятельно. Достоинно играть свою роль ни в семье, ни в обществе зачастую не получается сегодня ни у мужчин, ни у женщин уйльта. В боль-

шинстве случаев, к большому сожалению, не произошло такой трансформации, при которой бы с приобретением знаний, присущих иным обществам, наоборот раскрылись бы и развились тот опыт и те достижения собственно-го общества, которые безусловно они имели, развиваясь естественным образом, без грубого вмешательства других этнических общностей.

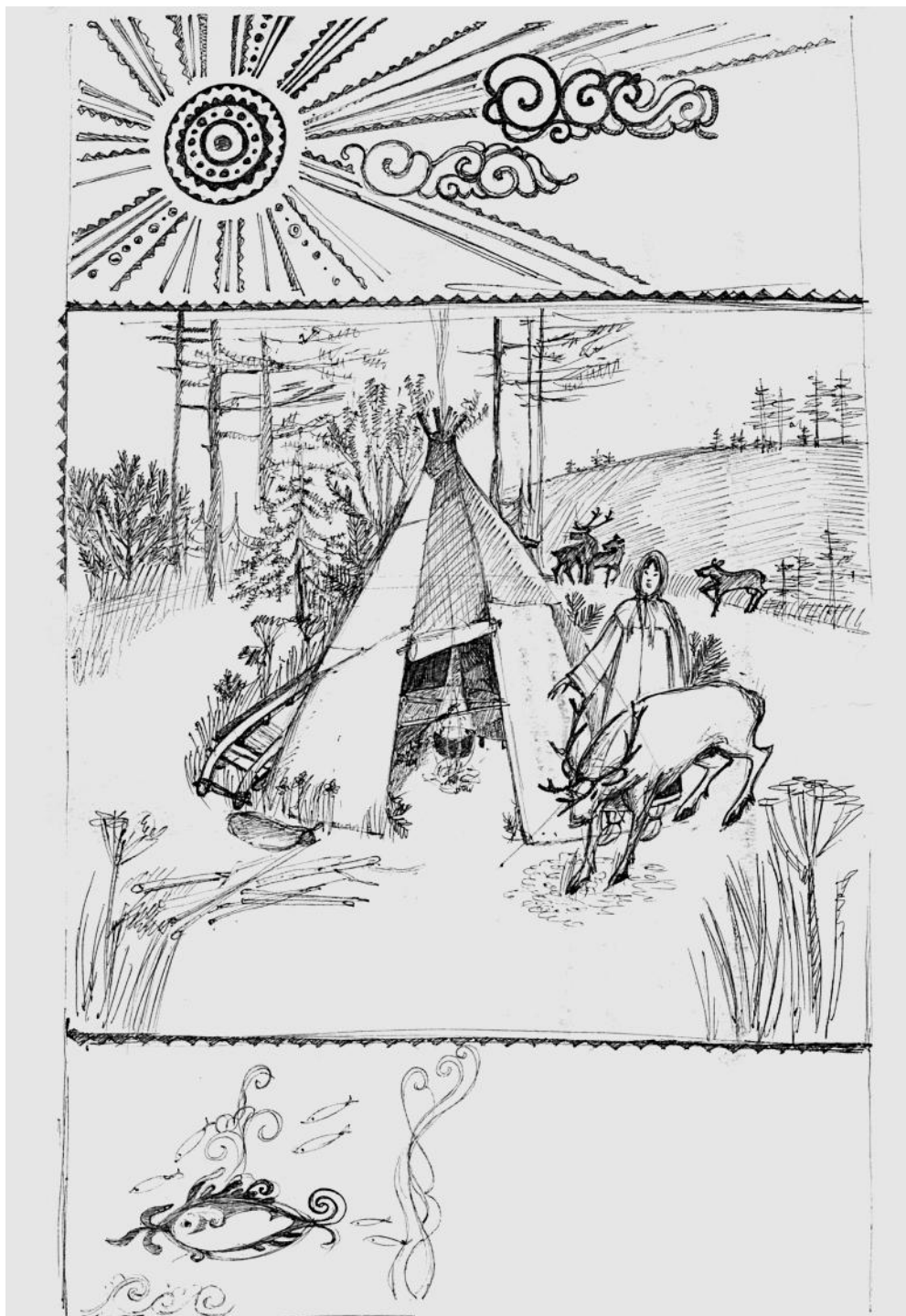
Отдельные представители многочисленных этнических общностей присвоили себе право оценки, не задумываясь над тем, чем грозит это людям, доброжелательно принявшим их. Несправедливо то обстоятельство, что политики минувших времен, выносившие решения по отношению к малочисленному обществу, оценивали ситуацию со своих позиций и не могли (так как не имели адекватной информации в этой области) учесть действительные нужды и потребности людей, живших по иным социальным нормам и иным категориям жизненно ценностных ориентаций. В задачи автора не входит давать оценку политике государства в отношении развития колхозов/совхозов на Сахалине. В то же время невозможно не расценивать как необдуманное вмешательство в развитие культуры народа того, что произошло в жизни оленеводов уйльта в результате резкого перехода от семейного к коллективному типу ведения хозяйства, а в последующем такого же резкого распада коллективного хозяйства (очевидно, ни того, ни другого нельзя было делать в существовавших условиях). То, что представлялось абсолютно необходимым с позиций одних, оказалось через десятилетия настоящей бедой для других. Как отмечает З.П. Соколова, коренные малочисленные народы Севера «лишились самобытной культуры, но не получили взамен адекватной замены, став в значительной степени маргиналами и даже люмпенами, вырванными из своей среды и не вписавшимися в другую среду» (Соколова, 2002, с. 68).

Постоянное навязывание своих жизненных позиций, своих «правил игры», нежелание изучить и понять, чем живет другое малочисленное общество, постоянные попытки отвергнуть или игнорировать все достигнутое многими поколениями этого народа привели в конце концов к той подчас безысходной ситуации, которая сегодня и наблюдается. Никакого права не имеют представители пришлых многочисленных народов осуждать сегодня уйльта за тунеядство и пьянство (как это часто происходит в жизни), если именно благодаря неустанным усилиям иноэтничного большинства малочисленный народ пришел к такому состоянию.

Когда находишься с этими людьми в естественных природных условиях тайги и тундры, воочию убеждаешься, насколько нравственно чисты эти люди, насколько логично их поведение, насколько глубоко и образно воспринимают они жизнь не только своего «мира», своего территориального пространства, но и всего космического пространства. Их жизнь не ограничивается только лишь животными потребностями, что, увы, порой часто встречается у представителей иных многочисленных народов, волею судьбы забредших к ним. Ведь можно привести много случаев, когда именно представители народов «материка», не нашедшие места в своем социальном окружении, после отбывания срока тюремного заключения, не желая работать, начинают сожительствовать с женщинами уйльта. Они унижают их человеческое достоинство, достоинство женщины и матери. Удовлетворение жизненных потребностей мужчины (из «развитого» многочисленного наро-

да!?) напрямую зависит от крошечного детского пособия (не его ребенка!), которое государство платит матери. Вопиющи и не единичны случаи физических издевательств над уйльтинскими детьми подобными «особыми» в нетрезвом состоянии. Такой сожитель выпячивает свое превосходство просто потому, что он рожден в многочисленной этнической общности, постигшей большие «дары» цивилизации. Парадоксально, но восприятие даже такого «мужчины» в доме происходит негласно через традиционный патриархальный взгляд на жизнь. Почему-то даже этот «мужчина» начинает играть в «семье» роль главы, принимает все решения. И женщина порой не пытается противостоять этому наглому поведению, инертно принимая голодную жизнь и, более того, издевательства над ее собственными детьми. Автору данной работы пришлось быть очевидцем похорон уйльтинского мальчика, успевшего прожить всего несколько лет дарованной ему жизни и умершего от бесконечных варварских побоев сожителя матери (Ноглинский район, пос. Вал. Экспедиция 2001 г.). (Надо отметить, что даже в сегодняшнем деградирующем обществе мужчины уйльта не допускают такого жестокого поведения по отношению к детям любой национальности.) Стоит увидеть эти безумно грустные взрослые глаза маленьких детей, которые не могут постичь смысла их начатой жизни на Земле. Когда их «родители» пьют, им приходится либо самим искать путь как пропитаться (к примеру, собирают ягоды и продают их), либо начать пить вместе с ними. По этим двум путям и идет нынешнее молодое поколение уйльта.

Чувство превосходства других народов над ними ощущается в сознании уйльта при различных обстоятельствах. Можно привести такой ситуативный (не исключительный) пример: является человек с иноэтничным мировоззрением в мирный быт оленевода в тундре, приносит водку (или спирт), в разговоре унижает людей (к которым сам явился!), дабы проявить свое мнимое превосходство, а уходя крадет оружие и привязанного вдалеке от жилища оленя. У хозяев возникает естественное желание отомстить (ведь реальной правовой защиты у уйльта нет), но кроме разговоров на эту тему, никаких действий далее не происходит – все останавливает выпивка. Одновременно в памяти молодых людей живут народные легенды о воинственности уйльта (например, по отношению к айнам). Сегодня некую воинственность можно увидеть лишь во время воздействия алкоголя на организм. В иное время – чистая доброжелательность. Как объяснить, почему насилие и жестокость со стороны поведения представителя многочисленного народа в бытовых ситуациях вызывает лишь состояние ужаса, но не протеста. Можно сказать, что это традиционная доброжелательность, присущая уйльта. Об этом писал Б. Пилсудский, изучающий этническую общность в начале XX в. Есть свидетельства и врача Штейгмана, бывшего среди инородцев в 1908 г., подтверждающие и развивающие эту характеристику народа: «В противоположность тунгусам, орочены тихи, скромны, даже застенчивы, не особенно общительны, но весьма честны. Они как-то мягче и уступчивее даже гиляков, почему производят впечатление людей наиболее симпатичных среди других инородческих племен. Ороченки как-то женственнее тунгусок и гилячек, и в общем милевиднее» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 317. Л. 66). Об этой доброжелательности однозначно говорят и мои полевые наблюдения в последнем десятилетии XX – первом XXI в. Но, думается, не

Аундау. Верховья Вала. Осень. Рисунок Вероники Осиповой (пос. Ноглики. 2001 г.)

Сахаалы. Вал.
18 сентябрь. 2001г.

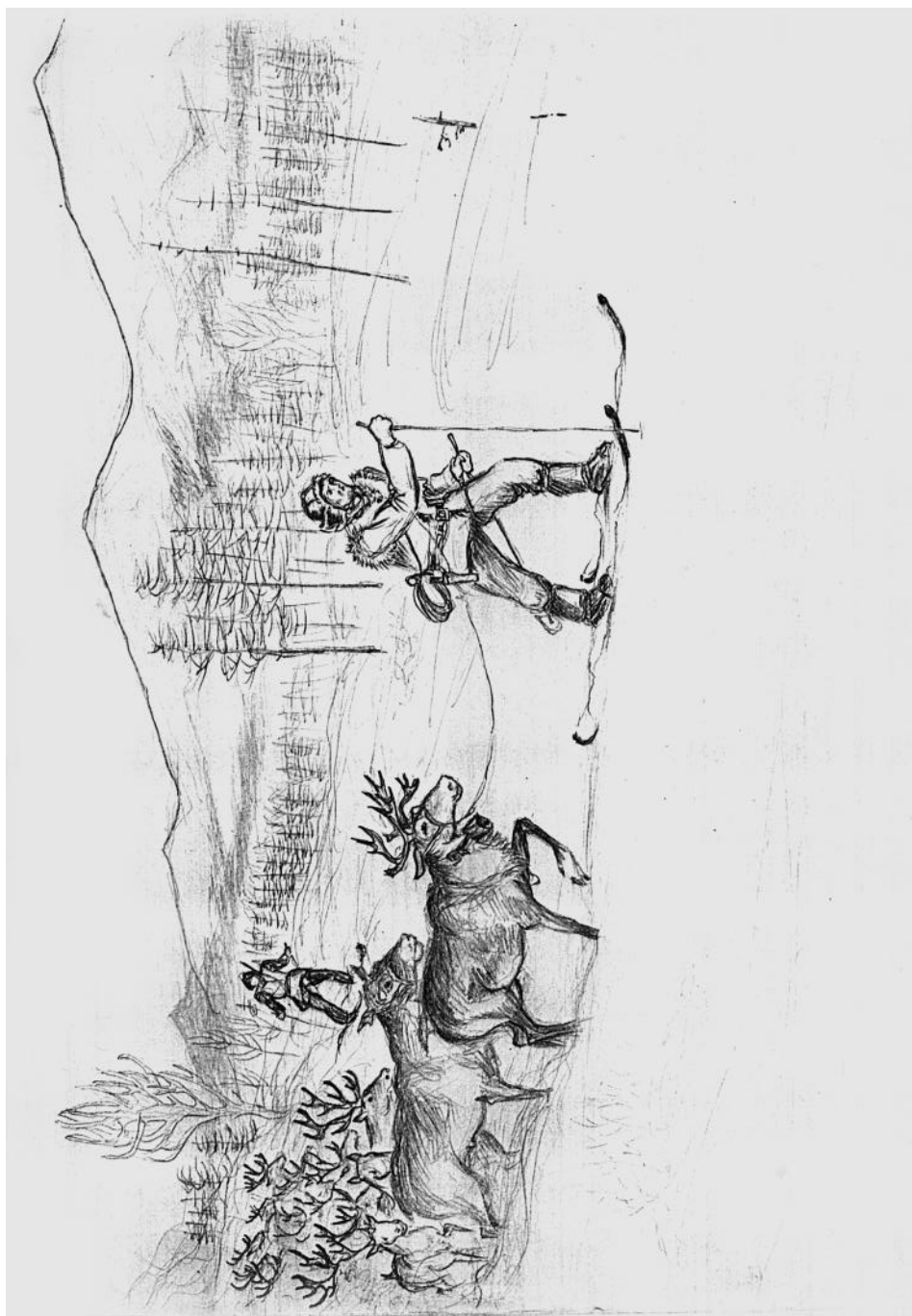
Сахаалы. Вал. Рисунок Василия Соловьева (пос. Вал Ногликского района, 1999–2001 гг.)

Охота на медведя. Река Фуй. Рисунок Василия Соловьёва

Соловьев Николай Михайлович (отец). Крачка (полярная чайка). Рисунок Василия Соловьева

1-й загон оленей в кораль. Декабрь. Горомайские сопки. Рисунок Василия Соловьева

только в этом дело. Скорее представителей этого народа отучили самостоятельно думать и жить. Долгое время, не спрашивая, за него все решали. В результате – бездействие становится жизненной нормой.

Но отрицать жизнестойкость и жизненную активность у всего народа пока еще рано. Если посмотреть на этих людей в деле, которое было присуще многим поколениям их предков, можно понять, как раскрывается сила характера и профессионализм современного поколения уйльта, например, при многочасовых перекочевках (7–9 часов без перерыва верхом на олене – чему автор работы была очевидцем) с оленьим стадом, при ежедневном труде оленевода в тайге и тундре – там, где порой нельзя применить знания, которые имеет пришлый человек. Чтобы выжить в тех условиях природы, надо следовать законам жизни их предков, надо обладать чутьем и знанием окружающего мира, накопленным веками. При этом определение жизненной позиции – «Я – человек свободный!» – не имеет никакого насильственного смысла по отношению к иным окружающим уйльта народам. Горько осознавать современному исследователю, как, к сожалению, не свободен в нынешней ситуации уйльта. Уместно привести высказывание О. Шпенглера (1992) о довоенной Европе: «Некогда запрещалось иметь смелость мыслить самостоятельно, теперь это разрешено, однако способность к тому утрачена. Всяк желает думать лишь то, что должен думать и воспринимает это как свою свободу» (Шпенглер, 2004, т. 2; цит. по: Карлов, 2004, с. 6).

И все же каждый оленевод, живя именно в условиях природы, чувствует себя свободным человеком. Эта внутренняя свобода позволяет людям выживать вопреки катаклизмам истории, сохранять свою идентификацию несмотря на запутанность этнонимии и в конечном итоге сохранять свою этническую общность. Получается, что ради свободы продолжается развитие оленеводства. А оленеводство помогает сохранять чувство свободы в условиях интенсивного воздействия этнической и социально-экономической среды. Таким образом, ведение оленеводческого хозяйства необходимо представителям уйльта и их семьям вовсе не для материального обогащения (таких потребностей попросту не существует, за редким исключением), а как форма выживания людей, которым проще жить в гармонии с природой, чем с существующим социально-экономическим сообществом.

Первоначальное общение приезжих с материка и уйльта начиналось совсем не так. Бережное и осторожное доброжелательное познание иной этнической среды, иного образа жизни – именно это было характерно для первых исследователей, которые попадали волею судьбы на Сахалин в XIX – начале XX вв. Прежде всего это относится к сподвижникам Г.И. Невельского, И.Б. Пилсудскому, начавшему объективное изучение жизни малочисленной инородческой общности. Ему, естественно, приходило в голову, что детей надо просвещать и обучать, но не диктовать же целому обществу новые правила жизни.

Несколько десятилетий шел процесс растаптывания и забвения опыта предков уйльта. Наконец, казалось бы в сильно деградированном обществе возникает чувство необходимости делать так, как делали давние предки. Видимо, в какой-то степени становится необходимым тот самый «этногенетический миф», который бы сыграл «большую роль в этнополитической

мобилизации», помог бы «преодолеть “ужас истории”», объясняя все циклическостью времени (Шнирельман, 2003, с. 5–6). В «коллективной памяти» всплывают времена, когда уйльта владели большим количеством личных оленей – одни называют цифры порядка нескольких сотен, другие нескольких тысяч (стоит еще раз обратить внимание, что большого количества оленей у уйльта на Сахалине никогда не было, они вели очень подвижный образ жизни, сочетая оленеводство с охотой и рыболовством; передвигаться на большие расстояния с большим стадом оленей по тайге не представляется возможным, олени были прежде всего транспортным средством; как уже отмечалось, большим считалось в первой половине XX в. стадо из 50 голов оленей – это было редкостью). Кроме того, в южной группе уйльта «живут» рассказы предков о таком изобилии растительных морепродуктов, моллюсков и рыбы, которое обеспечивало вкусно-сытную жизнь ежедневно без всяких проблем: «само шло к человеку из моря». Но самая главная суть этногенетического мифа состоит в том, что было время, когда их (уйльта и их соседей) не трогали «люди с материка», самое главное – просто никто не вмешивался в их жизнь, не диктовал им, как лучше жить! Обида пожилого и среднего поколений абсолютно справедлива, они глубоко переживают иждивенческую позицию, «падение» молодежи, которое приводит, если не к физической гибели, то к полной бессмысленности жизни. Так не жили уйльта в прошлом. Таким образом, этногенетический миф помогает хотя бы отчасти принести душевное облегчение, дать надежду на какой-то просвет в будущем, одним словом, имеет «компенсаторскую функцию» (там же, с. 6). Интересно, что в советский период истории «память поколений», относящаяся «к неспециализированным, “стихийным” формам исторической рефлексии» (Карлов, 2004, с. 10) дремала, хотя негативные процессы шли полным ходом. На современном же особо тяжком этапе «память» стала просыпаться, чтобы участвовать в понимании «правильного» и «неправильного» в состоянии общества на его историческом пути. «Циклическость» этнокультурной динамики наблюдалась со всей очевидностью с конца советского периода истории. Так, вопреки предшествовавшим десятилетиям забвения этнической культуры в конце советского времени можно было видеть процессы этнокультурного подъема общества на Сахалине. Далее, с началом перестройки, не выдерживая натиска новых экономических условий, многие представители этнической общности уйльта встали на путь человеческой деградации, казалось, что и этническая общность «уходит в небытие». В последние три–четыре года началась новая волна заинтересованности уйльта в пробуждении этнического самосознания, в развитии обычных сфер деятельности.

Настоящая работа по изучению коренного народа Сахалина уйльта началась 16 лет назад в конце советского периода истории нашего государства, по различным причинам исследование оборвалось и было возобновлено уже в начале нынешнего века. *Nullum malum est sine aliquo bono* («Нет худа без добра»). В период начавшейся «перестройки» казалось очевидным, что народ идет к неминуемой гибели. Но последние несколько лет убеждают в обратном: несмотря на, казалось бы, безвыходную ситуацию и в оленеводстве, и в рыболовном промысле, люди начинают развивать свои «семейные» («родовые») «национальные» хозяйства. Естественно, далеко не у

всех и не с первых попыток достигается желаемый, хотя бы минимальный результат.

В северной группе народа получает свое развитие оленеводство в форме личного (семейного) ведения хозяйства. Потомки оленеводческих семей (занимающихся оленеводством на протяжении практически двух веков, хотя и в разной форме ведения хозяйства) пытаются восстановить прежние принципы «обращения» с оленем и иметь примерно такое же количество голов, которое было характерно для их предков в XIX в. В их среде считается, что иметь намного больше оленей не представляется реально возможным, да и необходимости в этом они не ощущают. С одной стороны, это можно объяснить тем, что основные «повседневные витальные потребности человека» (Арутюнов, 2000, с. 329) не меняются с течением столетий. С другой стороны, природные условия Сахалина никогда не позволяли разводить огромные оленеводческие стада (Машин, 1952; Никольский, 1889; Плотников, 1935, 1935а, 1938; Юст, 1931), а в современных индустриальных и экологических условиях это становится еще труднее. В Ногликском районе остаются большие проблемы с развитием рыболовства в рамках национальных хозяйств уйльта. В южной группе – наоборот – начинают достаточно активно работать первые родовые рыболовецкие хозяйства. Оленеводство в Поронайском районе исчезло, и, скорее всего можно утверждать, что теперь уже это необратимо. Конечно, адаптация некоторой части уйльта к новым этносоциальным и экономическим условиям не отражает ситуацию среди всего уйльтинского населения в Ногликском и Поронайском районах. Но это своеобразный показатель жизнестойкости этнической общности. Сегодня никем не ставится вопрос об изоляции и возрождении народа в форме каких-то старых «традиционных» жизненных укладов. Однако одновременно нельзя не видеть, что, занимаясь именно традиционными видами деятельности, характерными для их предков, эти люди получают и духовную, и материальную поддержку для жизни. К такому выводу приходят те представители малочисленного народа, которые в очень трудных условиях «встали на ноги» и занимаются развитием традиционных промыслов на современном этапе истории.

Этнокультурная динамика за последнее столетие привела уйльта почти к полной потере разговорного национального языка. Если же исходить из того, как отмечает С.А. Арутюнов, что «с самого начального момента возникновения трудовой деятельности человеческого коллектива язык был так же необходим ему для этой деятельности, как и материальные орудия труда» (Арутюнов, 2000, с. 13), можно понять, что пробуждающийся интерес уйльта к своему языку сегодня может быть проявлением желания иметь и свою, отличную от иных обществ сферу деятельности, которая поможет им развиваться дальше. К этой сфере, конечно, относится оленеводство и рыболовство в такой форме, в какой оно не характерно для приезжего населения острова. Именно, занимаясь «своим делом», появляется интерес и к использованию профессиональных дефиниций на своем родном языке. Почти все родовые хозяйства уйльта называются уйльтинскими словами, обозначающими названия родов и иные дорогие для сознания уйльта понятия. В профессиональном языке оленеводов родные уйльтинские понятия присутствовали сто лет назад, и сейчас (они вообще не исчезали из ежедневного бытия

уйльта оленеводов), поскольку эти веками складывавшиеся в языке уйльта оленеводческие дефиниции как нельзя более точно характеризуют любое понятие в данной сфере деятельности, поэтому нет потребности вводить чуждые иноязычные термины. Язык (в данном случае язык уйльта), «в силу особой объемности... специфичности и непосредственной связи с мышлением» (там же, с. 12) продолжает незаметно присутствовать в повседневной жизни.

По сей день коренное население и северной, и южной группы уверенно использует топонимические понятия (названия рек, устья рек, озер, проток и т.п.) те же, какие использовали их предки на уйльтинском языке. Даже молодое поколение уйльта постоянно отмечает, что на современной карте не совсем правильно записаны многие наименования, так как «люди с материка» не всегда адекватно слышали и фиксировали услышанное. В таком виде язык уйльта продолжает свою жизнь. И это помогает ощущать людям свою более раннюю причастность к земле, на которой они живут. И именно этническая культура, которая неосознанно присутствует в сознании этого малочисленного народа, помогает выживать.

Испытав сильное воздействие процессов аккультурации в ходе этнокультурной динамики, народ уйльта не потерял своей этнической идентификации. Напротив, в доведенном до крайней нищеты обществе последние годы сильно возрастает этническое самосознание. Именно это помогает людям выживать. Если обратиться к оленеводству уйльта, можно увидеть периодически (а точнее, циклически) возникающее стремление развивать оленеводческую культуру. Причем на разных ступенях развития, естественно, есть стадийные различия. Стоит еще раз подчеркнуть, что в данном случае развитие оленеводства, скорее всего, не означает какого-то крупного стада голов оленей в перспективе. Современная динамика оленеводства уйльта подразумевает статус свободного ведения хозяйства, так необходимый для выражения человеческого достоинства индивидов, составляющих этническую общность уйльта. Именно свобода в выборе способов и методов хозяйственной деятельности помогает сохранить себя как личность и утвердиться в своей принадлежности к определенной этнической единице. Таким образом, в итоге этнокультурной динамики к началу XXI в. сохранение этнической общности для уйльта служит той формой бытия, в которой возможно естественное развитие социальной культуры и обеспечение шанса «выжить» в современных экономических условиях. Ни о каком «исчезновении» данного столь малочисленного народа в настоящий период истории речь не идет.

На любом отрезке своего исторического пути, как это характеризует В.В. Карлов, «каждый момент общество использует лоцию исторического сознания, рассчитывая предохранить себя от губительных и губительных шагов. В истории было уже не мало случаев, когда неверное использование данной лоции вело тот или иной социум к катастрофе, но, тем не менее, лоция исторического сознания как способ движения неизменно передается всякому новому поколению» (Карлов, 2004, с. 3). Общество, а в данном контексте – «этническая общность», будучи частью «общества», развивается по законам спирали – именно такое определение подтверждается циклами жизни, пройденными уйльта в XX – начале XXI в. Если проследить путь

развития, к примеру, оленеводства, можно говорить о том, что в настоящее время начинается виток нового цикла развития оленеводческой культуры уйльта. Обратившись к рыболовству (и морским промыслам), можно также говорить о новой форме динамики этой отрасли хозяйства. Важно, чтобы при нынешней активной позиции этнического окружения не произошло влияния такого социально-психологического фактора, который мог бы оборвать начавшийся позитивный процесс. К несчастью, люди часто делают то, что приносит им вовсе не пользу, а очевидный вред. Уместно вспомнить известную мысль, риторически развиваемую Плинием в «Естественной истории»: *Nihil homini est miserius aut superbius* – «Ничего нет более жалкого и более великолепного, чем человек».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аврорин, 1966 – *Аврорин В.А.* Итоги и задачи изучения языков малых народностей сибирского Севера// Языки и фольклор народов сибирского Севера. М.; Л., 1966. С. 3–26.
- Административно-территориальное деление, 1986 – Административно-территориальное деление Сахалинской области. Документы и материалы. Южно-Сахалинск, 1986.
- Акидзуки, 2002 – *Акидзуки Т.* Японо-российские отношения и остров Сахалин / Пер. с япон. и вводная ст. А.В. Трёхсвятского // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 2002. № 1. С. 41–128.
- Алексеев, 1959 – *Алексеев А.И.* По таежным тропам Сахалина. М., 1959.
- Алексеев, 1974 – *Алексеев А.И.* Амурская экспедиция 1849–1855 гг. М., 1974.
- Алексеев, 1982 – *Алексеев А.И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М., 1982.
- Алексеев, Першиц, 2002 – *Алексеев В.П., Першиц А.И.* История первобытного общества. 5-е изд. М., 2001. 318 с.
- Алексеева, Арутюнов, 2004 – *Алексеева Т.И., Арутюнов С.А.* Максим Григорьевич Левин: ученый, учитель, человек// Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М., 2004. С. 331–357.
- Алексеева, Раков, Горбунов, 2004 – *Алексеева Э.В., Раков В.А., Горбунов С.В.* Каталог археологических памятников Сахалина с раковинными кучами и остатками фауны. Тымовское, 2004. 84 с.
- Алпатов, 1930 – *Алпатов Л.* Сахалин (путевые записки этнографа). М., 1930.
- Андерсон, 1998 – *Андерсон Д.Дж.* Тундровики. Экология и самосознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск, 1998. 274 с.
- Анрианов, Чебоксаров, 1973 – *Анрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н.* К истории хозяйственно-культурной дифференциации человечества // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь 1973). Доклад. М., 1973. 17 с.
- Аннерт, 1908 – *Аннерт Э.Э.* Путешествие на восточное побережье Русского Сахалина в 1907 г. СПб., 1908.
- Арутюнов, 1964 – *Арутюнов С.А.* Проблемы классификации языков народов Восточной Азии в свете их этнической истории // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклад. М., 1964. 10 с.
- Арутюнов, 1964а – *Арутюнов С.А.* Проблемы историко-культурных связей Тихоокеанского бассейна // СЭ. 1964. № 4. С. 68–75.
- Арутюнов, 1983 – *Арутюнов С.А.* За корректность терминотворчества // СЭ. 1983. № 5. С. 71–73.
- Арутюнов, 1986 – *Арутюнов С.А.* Классификационное пространство этнической типологии // СЭ. 1986. № 4. С. 58–64.
- Арутюнов, 1993 – *Арутюнов С.А.* Адаптивное значение культурного полиморфизма // Этнографическое обозрение. 1993. № 4. С. 41–56.
- Арутюнов, 2000 – *Арутюнов С.А.* Культуры, традиции и их развитие и взаимодействие. The Edwin Mellen Press. Lewiston; Queenston; Lampeter, 2000. 385 с.
- Арутюнов, Сергеев, 1975 – *Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.* Проблемы этнической истории Берингоморя. М., 1975.

- Арутюнов, Чебоксаров, 1972 – *Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // *Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы.* Вып. 2. М., 1972. С. 8–30.
- Арутюнов, Щебеньков, 1992 – *Арутюнов С.А., Щебеньков В.Г.* Древнейший народ Японии. Судьбы племени айнов. М., 1992. 209 с.
- Архивы, 1991 – Архивы городов и районов Сахалинской области (краткий справочник). Южно-Сахалинск, 1991. 67 с.
- Архивы, 2004 – Архивы в панораме XXI века. Материалы научно-практической конференции, посвященной 65-летию Государственного архива Сахалинской области. 12 ноября 2003 года / Науч. ред. А.И. Костанов. Южно-Сахалинск, 2004.
- Атлас, 1967 – Атлас Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1967.
- Атлас, 1994 – Атлас Сахалинской области. Ч. I. Остров Сахалин. Ч. II. Курильские острова. Топографическая карта. ВТУ ГШ. 1994. (Карта подготовлена к печати и отпечатана Саратовской военно-картографической фабрикой.)
- Афанасьев, 1928 – *Афанасьев Г.* Занятия и жизнь сахалинских эвенков // *Тайга и тундра.* Л., 1928. № 1. С. 38–42.
- Батьянова, Лукьянченко, Калабанов, 1999 – *Батьянова Е.П., Лукьянченко Т.В., Калабанов А.Н.* Аборигены Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока в национально-государственной политике российского государства (XVII–XX вв.) // *Коренные малочисленные народы Севера и Сибири. Руководство для исследователей* / Под ред. Дмитрия А. Функа, Леннарда Силланпяя. Abo Akademi University, Social Science Research Unit. Vaasa, Finland, 1999. С. 1–16.
- Белов, 1952 – *Белов М.И.* Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сборник документов. М.; Л., 1952.
- Березницкий, 1993 – *Березницкий С.В.* Вера и обряды уйльта [*Berezniiski C.V. Religion and Rites of Uita*] // *Ethnic Minorities In Sakhalin.* Yokohama: Nat. Univ., 1993. Р. 129–157.
- Березницкий, 2000 – *Березницкий С.В.* Реконструкция этнокультурных связей коренных народов Нижнего Амура и Сахалина на основе изучения промысловых обрядов // *Культурное наследие народов Сибири и Севера. Материалы Четвертых Сибирских чтений 12–14 октября 1998 г.* СПб., 2000. С. 119–122.
- Березницкий, 2002 – *Березницкий С.В.* Исследование этнокультурных процессов в дальневосточном регионе на материале верований и ритуалов // *Этнология и образование: проблемы интеграции академической науки и высшей школы. Материалы научно-практической конференции. Владивосток 12–15 ноября 2002 г.* Владивосток, 2002. С. 118–122.
- Березницкий, 2003 – *Березницкий С.В.* Комплекс праздничной обрядности коренных народов нижнего Амура и Сахалина // *Традиционная культура народов Дальнего Востока России. Сборник материалов.* Владивосток, 2003. С. 62–75.
- Березницкий, 2003а – *Березницкий С.В.* Классификация культовой атрибутики коренных народов Дальнего Востока России // *Типология культуры коренных народов Дальнего Востока России (Материалы к историко-этнографическому атласу)* / Науч. ред. С.В. Березницкий. Владивосток, 2003. С. 190–220.
- Березницкий, 2003б – *Березницкий С.В.* Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов амуро-сахалинского региона. Владивосток, 2003. 486 с.
- Богораз, 1927 – *Богораз В.Г.* Древние переселенцы народов в северной Евразии и в Америке // *Сборник Музея антропологии и этнографии.* VI. Л., 1927. С. 37–62.
- Богораз, 1933 – *Богораз В.Г.* Оленеводство. Возникновение, развитие, перспективы // *Сб. Проблемы происхождения домашних животных.* Вып. I. Труды лаборатории генетики. Л., 1933. С. 219–251.
- Богораз-Тан, 1928 – *Богораз-Тан В.Г.* Распространение культуры на Земле. Основы этнодемографии. М.; Л., 1928. Гл. 13. Переселение. С. 186–199.
- Богораз-Тан, [б.г.] – *Богораз-Тан В.Г.* Новые данные к вопросу о прото-азиатах // *Сборник докладов.* [Б.м.], [б.г.]. Отд. оттиск (Хр. в библиотеке ИЭА РАН). С. 235–243.
- Бошняк, 1958 – *Бошняк Н.К.* Экспедиция в Приамурском крае (Экспедиция на Сахалин с 20 февраля по 3 апреля 1852 года) // *Морской сборник.* Т. XXXVIII. 1858. № 12. Декабрь. СПб.
- Браславец, 1983 – *Браславец К.М.* История в названиях на карте Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1983. 144 с.

- Бромлей, 1983 – *Бромлей Ю.В.* Важная задача современной этнографии // СЭ. 1983. № 5.
- Брылкин, 1864 – *Брылкин А.* Письма с Сахалина // Записки Сибирского отделения Русского географического общества. Кн. VII. 1864.
- Бурькин, 2002 – *Бурькин А.А.* Состояние языковой и этнокультурной среды как фактор этнически ориентированной образовательной политики у малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Этнология и образование: проблемы интеграции академической науки и высшей школы. Владивосток, 2002. С. 39–43.
- Буссе, 1872 – *Буссе Н.В.* Остров Сахалин и экспедиция 1853–1854 гг. Дневник. 25 августа 1853 – 19 мая 1854 г. СПб., 1872. С. 78.
- Бутурлин, 1926 – *Бутурлин С.А.* Перспективы хозяйственного устройства Севера // Устройство северных туземных племен. Сб. Комитет Содействия Народностям Северных Окраин при Президиуме ВЦИК. М., 1926. С. 5–27.
- Вайнштейн, 1973 – *Вайнштейн С.И.* Традиционная культура народов Сибири как источник изучения их этногенеза (вопросы методологии и некоторые выводы) // Проблемы этногенеза народов Сибири Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. С. 16–19.
- Вайнштейн, 1986 – *Вайнштейн С.И.* Некоторые закономерности генезиса компонентов этнических культур // Генезис и эволюция этнических культур Сибири (сборник научных трудов). Новосибирск, 1986. С. 130–142.
- Вайнштейн, 1987 – *Вайнштейн С.И.* Историческая этнография в структуре исторической науки // СЭ. 1987. № 4. С. 77–82.
- Василевич, 1958 – *Василевич Г.М.* Эвенкийско-русский словарь, М., 1958.
- Василевич, 1960 – *Василевич Г.М.* К вопросу о классификации тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания. 1960. № 2.
- Василевич, 1964 – *Василевич Г.М.* Типы оленеводства у тунгусоязычных народов (в связи с проблемой расселения по Сибири) // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964. 11 с.
- Василевич, Левин, 1951 – *Василевич Г.М., Левин М.Г.* Типы оленеводства и их происхождение // СЭ. 1951. С. 62–87.
- Василевич, Левин, 1961 – *Василевич Г.М., Левин М.Г.* Олений транспорт // Историко-этнографический атлас Сибири / Под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.; Л., 1961. С. 11–54.
- Василевский, 1995 – *Василевский А.А.* Коррекция радиоуглеродных датировок и абсолютная хронология археологических культур о. Сахалин // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1995. № 2. С. 93–110.
- Василевский, 1995а – *Василевский А.А.* Происхождение и родство островных народов Восточной Азии (Обзор зарубежной антропологической литературы) // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1995. № 3. С. 143–162.
- Василевский, 1996 – *Василевский А.А.* Заметки о до- и протоистории острова Сахалин // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1996. № 1. С. 54–79.
- Василевский, 2000 – *Василевский А.А.* Охотская проблема в свете современных исследований (Сахалин, Хоккайдо, Курильские острова, 1980–90-е гг.) // Ученые записки Сахалинского государственного университета. Вып. 1. Южно-Сахалинск, 2000. С. 6–12.
- Василевский, 2005 – *Василевский А.А.* Парадокс охотской культуры – прощание с великой легендой. Тезисы университетской лекции о кризисе адаптационной модели охотской культуры. С уважением посвящается нашим учителям – ученым XX века // Международный симпозиум, Владивосток, 2005. «Движение людей, вещей и технологий на северо-востоке Азии в средние века». Program and Abstract. Vol. 3. Tokyo, 2005. С. 67–76.
- Василевский, 2005а – *Василевский А.А.* Охотская проблема в свете современных исследований (Сахалин, Хоккайдо, Курильские острова, 1980–90-е годы) // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005. С. 292–307.
- Васильев, 1914 – *Васильев В.Н.* Отчет о командировке к гилякам и орокам // Отчет Русского музея за 1911 г. СПб., 1914.
- Васильев, 1929 – *Васильев [Б.А.]*. Основные черты этнографии ороков. Предварительный очерк по материалам экспедиции 1928 г. // Этнографическая книга 7. 1929. № 1. С. 3–23.
- Васильев, 1948 – *Васильев Б.А.* Медвежий праздник // СЭ. 1948. № 4. С. 78–104.

- Вахтин, 2001 – *Вахтин Н.Б.* Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб., 2001. 338 с.
- Вахтин, Головкин, Швайтцер, 2004 – *Вахтин Н.Б., Головкин Е.В., Швайтцер П.* Русские старожилы Сибири. Социальные и символические аспекты самосознания. М., 2004. 292 с.
- Вестник Сахалинского музея – Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. Южно-Сахалинск. 1997. № 4. 1998. № 5. 1999. № 6. 2000. № 7.
- Вишняковский, 1994 – *Вишняковский Н.* Отасу. Этнополитические очерки. Южно-Сахалинск, 1994. 160 с.
- Внешняя политика России, 1965 – Внешняя политика России XIX и начала XX в. Документы Российского министерства иностранных дел. Сер. 1. Т. 4. М., 1965.
- Временное положение о родовых общинах, 1996 – Временное положение о родовых общинах, родовых и семейных хозяйствах коренных малочисленных народов Сахалинской области. Принято областной Думой 09.01.1996 (№ 18/140).
- Временное положение о территориях, 1996 – Временное положение о территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Сахалинской области/ Принято областной Думой 09.01.1996 (№ 18/139).
- Всесоюзная перепись, 1929 – Всесоюзная перепись населения 1926. Т. XVII. М., 1929.
- Высоков, 1984 – *Высоков М.С.* Передача сообщений на расстояние в жизни малых народов Дальнего Востока // Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея. Препринт. Южно-Сахалинск, 1984. С. 17–25.
- Высоков, 1995 – *Высоков М.С.* К проблеме преподавания в школе языков аборигенов Сахалина // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1995. № 1.
- Вязовская, 1975 – *Вязовская В.В.* Ороки // Научный каталог этнографических коллекций Сахалинского краеведческого музея (поступления 1960–1973 гг.). Южно-Сахалинск, 1975.
- Вязовская, 1976 – *Вязовская В.В.* Амулеты ороков Сахалина // Сахалин-76. Южно-Сахалинск, 1976.
- Гальцев-Безюк, 1992 – *Гальцев-Безюк С.Д.* Топонимический словарь Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1992. 220 с.
- Где получить справку, 1993 – Где получить справку? Справочник о местах хранения документов, необходимых для решения социально-правовых вопросов. Государственный архив Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1993. 84 с.
- Голубев, Лавров, 1988 – *Голубев В.А., Лавров Е.Л.* Сахалин в эпоху камня. Новосибирск, 1988. 240 с.
- Гонтмахер, 2003 – *Гонтмахер П.Я.* Типология орнаментального искусства и методика изучения орнамента народов Амура и Сахалина // Типология культуры коренных народов Дальнего Востока России. Материалы к историко-этнографическому атласу / Науч. ред. С.В. Березницкий. Владивосток, 2003. С. 152–172.
- Горбунов, 1984 – *Горбунов С.В.* Этнографические наблюдения на Северном Сахалине. Из полевого дневника (1976–1982 гг.) // Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея. Препринт. Южно-Сахалинск, 1984. С. 26–41.
- Госкомстат, 2002 – Госкомстат Российской Федерации. 2002 // www.perepis2002.ru.
- Гриндяева, 2002 – *Гриндяева М.В.* Из истории административно-территориального устройства и управления Сахалинской области // Сахалин, Курилы: на рубеже веков. Южно-Сахалинск (Управление по делам архивов Сахалинской области), 2002. С. 76–96.
- Дальневосточная краевая комиссия – Дальневосточная краевая комиссия по районированию и Дальневосточное краевое статистическое управление // ГАСО. Ф. 1038. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 1–2.
- Даль, 1994 – *Даль Владимир.* Толковый словарь живого великорусского языка. В четырех томах. Воспроизведение издания 1903–1909 гг. / Под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. Т. 2: И-О СПб.; М., 1905. М., 1994. 912 с. Ст. 1791 (Орочоны).
- Дедакин, 2000, 2001 – *Дедакин О.Ю.* Внешние связи народов Сахалина в VII–XIV вв. (обзор археологических и летописных материалов) // Ученые записки Сахалинского государственного университета. Южно-Сахалинск. Вып. 1. 2000. С. 13–23. Вып. 2. 2001. С. 70–77.
- Демидова, 1978 – *Демидова Е.Г.* Исследования Бертольда Лауфера на Сахалине // Культура народов Дальнего Востока СССР (XIX–XX вв.). Владивосток, 1978. С. 116–122.
- Демидова, 1987 – *Демидова Е.Г.* Культура народностей Нижнего Амура и Сахалина в буржуазной историографии. Владивосток, 1987. 96 с.

- Дикий северный олень, 1975 – Дикий северный олень в СССР. Материалы первого Межведомственного Совещания по охране и рациональному использованию северного оленя / Отв. ред. д. биол. наук Е.Е. Сыроечковский. М., 1975.
- Добротворский, 1876 – *Добротворский М.М.* Айнско-русский словарь. Казань, 1876.
- Долгих, 1960 – *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. LV. М., 1960. 623 с.
- Долгих, 1993 – *Долгих Б.О.* Публикация архивной рукописи «Некоторые вопросы национальной политики на Севере СССР» / Вступ. заметка и примеч. С.И. Вайнштейна // Полевые исследования. Новая серия. Т. 1. Вып. 2. Отв. ред. С.И. Вайнштейн. М., 1993. С. 142–153.
- Жигульский, 1985 – *Жигульский К.* Праздник и культура. Праздники старые и новые. Размышления социолога. М., 1985. 336 с.
- Загородских, Реймерс, 1975 – *Загородских Н.Е., Реймерс Н.Ф.* Дикий северный олень Сахалина // Дикий северный олень в СССР. Материалы первого Межведомственного совещания по охране и рациональному использованию северного оленя в СССР / Отв. ред. д. биол. наук Е.Е. Сыроечковский. М., 1975. С. 225–226.
- Задорин, 1986 – *Задорин В.И.* Северное оленеводство. Магадан, 1986. 144 с.
- Звезда, 1990, 2001 – Звезда. Общественно-политическая газета Поронайского района Сахалинской области. Издается с 1947 г. 27 декабря 1990 г.; 2001. № 39 (19513).
- Золотарев, Левин, 1940 – *Золотарев А.М., Левин М.Г.* К вопросу о древности и происхождении оленеводства // Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных. М.; Л., 1940. Т. 1. С. 171–189.
- Золотарева, 1972 – *Золотарева И.М.* Основные этапы изучения антропологии Сибири в трудах Г.Ф. Дебеца // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. Вып. 2. М., 1972. С. 31–41.
- Знамя труда, 2000, 2001 – Знамя труда. Общественно-политическая газета Ногликского района Сахалинской области. Издается с 1948 г. 2000. № 98. 2001. № 2, 3, 8, 16, 28, 34, 36, 39, 43, 45, 49, 51, 54, 55, 56, 62, 66, 68, 69, 73.
- Иванов, 1937 – *Иванов С.В.* Медведь в религиозном и декоративном искусстве народностей Амура // Памяти В.Г. Богораза (1865–1936). Сборник статей. М.; Л., 1937. С. 1–45.
- Иванов, 1954 – *Иванов С.В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. М.; Л., 1954.
- Иванов, 1963 – *Иванов С.В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.). Народы Севера и Дальнего Востока. М.; Л., 1963. 500 с.
- Иванов, 1970 – *Иванов С.В.* Древний андронидный комплекс в современном орнаменте народов Сибири // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. X. М., 1970. С. 320–325.
- Иванов, Левин, Смоляк, 1956 – *Иванов С.В., Левин М.Г., Смоляк А.В.* Ороки // Народы Сибири. М.; Л., 1956.
- Из доклада, 1955 – Из доклада секретаря Сахревкома об обследовании туземного населения северного Сахалина. 1926 // Исторические чтения. Труды Государственного архива Сахалинской области. № 1. Южно-Сахалинск, 1995. С. 106–123.
- Из научного наследия, 1995 – Из научного наследия С.М. Широкогорова. Тунгусский литературный язык / От переводчика. Т.П. Роон. Вступительная статья Иноуэ Коити // Краеведческий бюллетень. Проблемы истории Сахалина, Курил и сопредельных территорий. Южно-Сахалинск, 1995. № 1. С. 133–159.
- Из отчетного доклада, 1995 – Из отчетного доклада о работе Медицинской части Сахалинской культбазы народов Севера. 1932 // Исторические чтения. Труды Государственного архива Сахалинской области. № 1. Южно-Сахалинск, 1995. С. 124–136.
- Икэгами, 1992 – *Икэгами Дз.* История исследования языка уилта // Б.О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина. Т. 2. Южно-Сахалинск, 1992. С. 5–10.
- Икэгами, 1994, 1998 – *Икэгами Дз.* Письменная практика на уйльтинском языке. – Дополнение к Проекту письменности уйльтинского языка // *Икэгами Дз.* Проект письменности уйльтинского языка // Acta Slavica Iaponica. Vol. 12. 1994. P. 253–258 / Саппоро (Япония), 1994; см. также: Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 1. Южно-Сахалинск, 1998. С. 142–144.

- Икэгами, 1998 – *Икэгами Дз.* Проект письменности уйльтаинского языка // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 1. Южно-Сахалинск, 1998. С. 136–141.
- Иноуэ, 2004 – *Иноуэ К.* Франс Боас и «незавершенный» Джекзуп на острове Сахалин // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 8. Южно-Сахалинск, 2004. С. 159–178.
- Иноуэ, 2005 – *Иноуэ К.* 40 лет изучения наследия Бронислава Пилсудского (поиски его следов на Дальнем Востоке) // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 9. Южно-Сахалинск, 2005. С. 192–217.
- Ипатьева, 2000 – *Ипатьева А.А.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви на юге Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX века // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 2000. № 4. С. 69–112.
- Ипатьева, 2001 – *Ипатьева А.А.* Российская историография истории миссионерской деятельности русской православной церкви на юге Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX века // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 2001. № 1. С. 34–46.
- Историко-этнографический атлас, 1961 – Историко-этнографический атлас Сибири / Под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.; Л., 1961.
- Исторические чтения, 1995 – Исторические чтения. Труды Государственного архива Сахалинской области. № 1. Южно-Сахалинск, 1995. 256 с.
- Исторические чтения, 1997 – Исторические чтения. Труды Государственного архива Сахалинской области. № 2. Южный Сахалин и Курильские острова в 1945–1947 гг. Южно-Сахалинск, 1997. 432 с.
- История первобытного общества, 1986 – История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М., 1986. 574 с.
- История Сахалинской области, 1995 – История Сахалинской области с древнейших времен до наших дней. Южно-Сахалинск, 1995. 272 с.
- Итоги Всесоюзной переписи, 1989 – Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Сахалинской области. Распределение населения по национальности, родному языку и второму языку народов СССР. М., 1989. Таблицы 9С и 10С.
- Карлов, 1991 – *Карлов В.В.* Народности Севера Сибири: особенности воспроизводства и альтернативы развития // СЭ. 1991. № 5.
- Карлов, 1990, 1992 – *Карлов В.В.* Введение в этнографию народов СССР. Стадиальные закономерности и локально-исторические особенности этнокультурных процессов. 1920–1980 гг. М., Ч. I. 1990. Ч. II. 1992. 174 с.
- Карлов, 2004 – *Карлов В.В.* Заметки на «мосту между прошлым и будущим», или историческое сознание этноса как феномен и объект изучения // Этнографическое обозрение. М., 2004. № 2. С. 3–20.
- Кейзерлинг, 2001 – *Кейзерлинг А.* Воспоминания о русской службе / Сост. и пер. с нем. яз. Карл А. Экштайн, нем. изд. 1937 г. М.: 2001. 447 с.
- Кирилов, 1899 – *Кирилов Н.В.* Морские промыслы южного Сахалина. Доложено 2-го ноября 1899 г. в Обществе изучения Амурского края. Владивосток, 1899. 30 с.
- Козлов, 1986 – *Козлов В.И.* От первобытности до современности // СЭ. 1986. № 4. С. 64–69.
- Козлов, 1994 – *Козлов В.И.* Этническая экология: становление дисциплины и история проблем. М., 1994. 230 с.
- Козырева, 1964 – *Козырева Р.В.* Неолитическое поселение Стародубское II на о. Сахалине // Археология и этнография Дальнего Востока. Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 1. Новосибирск, 1964. С. 49–72.
- Козырева, 1967 – *Козырева Р.В.* Древний Сахалин. Л., 1967. 120 с. с илл. и картами, 1 л. схем.
- Колосовский, 2002 – *Колосовский А.С.* Из поездки к орокам Сахалина в 1977–1980-е годы // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 2002. № 4. С. 90–150.
- Косарев, 1986 – *Косарев В.Д.* Экологическая обусловленность традиционного воспитания и социализации у ороков // Материалы к изучению истории и этнографии населения Сахалинской области. Препринт. Южно-Сахалинск, 1986. С. 65–81.
- Костанов, 1992 – *Костанов А.И.* Документальные источники по истории открытия Сахалина и Курильских островов (XVII – первая половина XIX в.) // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1992. № 1. С. 22–45.
- Костанов, 1992а – *Костанов А.И.* Русская православная церковь на Сахалине и Курильских островах. Исторический очерк. Южно-Сахалинск, 1992. 79 с.

- Костанов, 1998 – *Костанов А.И.* Ценный источник по японской топонимике Южного Сахалина // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 1998. № 5.
- Костанов, 2000 – *Костанов А.И.* Предисловие объединенного фонда № 23-и «Церкви острова Сахалина» // Государственный архив Сахалинской области. Ф. 23-и. Объединенный архивный фонд церквей острова Сахалина. Оп. 2 (переработанная) документальных материалов церквей острова Сахалина Камчатской духовной консистории за 1869–1925 гг. Д. 1–217. Южно-Сахалинск, 2000. С. I–VI; 1–21.
- Кочешков, 1983 – *Кочешков Н.В.* Проблемы этнических традиций в декоративном искусстве малых народов советского Дальнего Востока // Традиции и современность в культуре народов Дальнего Востока. Владивосток, 1983. 160 с.
- Кочешков, 1997 – *Кочешков Н.В.* Сахалинские тропы этнографов // Исторические чтения. Труды Государственного архива Сахалинской области. № 2. Южный Сахалин и Курильские острова в 1945–1947 гг. Южно-Сахалинск, 1997. С. 338–346.
- Кочешков, 2002 – *Кочешков Н.В.* Проблемы этнокультурных связей народов Нижнего Амура (основы теоретической концепции) // Этнология и образование: проблемы интеграции академической науки и высшей школы. Владивосток, 2002. С. 59–64.
- Кравченко, 2001 – *Кравченко А.В.* Оленеводство на Северном Сахалине в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 2001. № 3. С. 145–146.
- Краеведческий бюллетень – Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1992. № 1, 2, 3. 1993. № 2, 3, 4. 1994. № 2, 3, 4. 1996. № 2, 3. 1998. № 1.
- Крейнович, 1928 – *Крейнович Е.А.* Расселение туземного населения северной части о-ва Сахалина // Дальневосточное статистическое обозрение. № 12. 1928.
- Крейнович, 1955 – *Крейнович Е.А.* Гиляцко-тунгусо-маньчжурские языковые параллели // Доклады и сообщения Института языкознания. Т. VIII. М., 1955.
- Кузнецов, 1992 – *Кузнецов А.И.* Ульта о. Сахалина через 86 лет после Бронислава Пилсудского // Б.О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина. Материалы Международной научной конференции 31 октября – 2 ноября 1991 г. Южно-Сахалинск. Южно-Сахалинск, 1992. Т. 1. 174 с. Т. 2. 144 с.
- Кузнецов, 1999 – *Кузнецов А.И.* Ульта (ороки) // Сибирь: этносы и культуры (народы Сибири в XIX в.). Вып. 4 / Отв. ред. З.П. Соколова. Москва; Улан-Удэ, 1999. С. 37–59.
- Кузнецов, Миссонова, 1990 – *Кузнецов А.И., Миссонова Л.И.* Метисация и этническое самосознание коренного населения Камчатки и Чукотки // СЭ. 1990. № 1. С. 50–65.
- Кузнецов, Миссонова, 1991 – *Кузнецов А.И., Миссонова Л.И.* Ороки Сахалина: проблемы современного развития // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1991 (Серия «Межнациональные отношения в СССР». Документ № 23). Издание Института этнологии и антропологии Российской академии наук.
- Кузнецов, Миссонова, 1993 – *Кузнецов А.И. Миссонова Л.И.* Этносоциальное положение эвенов в Эвено-Бытантайском национальном районе Якутии // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1993 (Серия «Межнациональные отношения в СССР». Документ № 35). Издание Института этнологии и антропологии Российской академии наук.
- Кучинский, 2005 – *Кучинский А.* Научное наследие Бронислава Пилсудского и знаки памяти о нем // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 9. Южно-Сахалинск, 2005. С. 218–257.
- Кюнер, 1961 – *Кюнер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. 392 с.
- Лаббэ, 1903 – *Лаббэ П.* Остров Сахалин. Путевые впечатления. М., 1903.
- Лайгун, 2001 – *Лайгун Н.А.* IV съезд коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 29–30 ноября 2000 года // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 5. Южно-Сахалинск, 2001. С. 298–315.
- Лашук, 1968 – *Лашук Л.П.* «Сиртя» – древние обитатели Субарктики // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968.
- Левин, 1946 – *Левин М.Г.* О происхождении и типах упряжного собаководства // СЭ. 1946. № 4. С. 75–108.
- Левин, 1949 – *Левин М.Г.* Амуро-сахалинская антрополого-этнографическая экспедиция // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1949. Вып. 5. С. 71–78.

- Левин, 1956 – *Левин М.Г.* Антропологические типы Сибири и их генезис // V Международный конгресс антропологов и этнографов. М., 1956. 15 с.
- Левин, 1958 – *Левин М.Г.* Антропологические типы и проблемы происхождения народов Нижнего Амура и Сахалина // Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. Труды Северо-Восточной экспедиции. II. Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XXXVI. М., 1958. С. 58–135.
- Левин, 1960 – *Левин М.Г.* К проблеме этногенеза тунгусов // XXV Международный конгресс востоковедов. М., 1960. 10 с.
- Лопатин, 1922 – *Лопатин И.А.* Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские. Опыт этнографического исследования // Записки общества изучения Амурского края Владивостокского отделения Приамурского отдела Русского географического общества. Т. XVII. Владивосток, 1922. С. I–V, 1–371.
- Лопуленко, 2000 – *Лопуленко Н.А.* Народы Крайнего Севера России во второй половине 90-х годов XX в. Экономика. Культура. Политика. Обзор по материалам российской прессы // Этно-фор. Информационный бюллетень. М., 2000. 344 с.
- Маевич, 1994 – *Маевич А.* Ороки в прошлом и настоящем / Пер. с англ. // Краеведческий бюллетень. 1994. № 2. С. 11–31.
- Майничева, 2004 – *Майничева А.Ю.* Проблемы этничности и самоидентификации в работах зарубежных авторов. Историографический очерк // Электронный журнал «Сибирская заимка». 2004. № 1. 10 с. / http://zaimka.ru/01_2004/mainicheva_ethnic/
- Максимов, 1928 – *Максимов А.Н.* Происхождение оленеводства // Ученые записки РАНИОН. Т. 6. М., 1928. С. 3–37.
- Малиновский, 1993 – *Малиновский Б.* Магия, наука и религия // Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 103–114.
- Малые народности, 1979 – Малые народности Севера, Сибири и Дальнего Востока // Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. ЦСУ РСФСР. Южно-Сахалинск, 1979 г. 5 сентября.
- Мамчева, 2003 – *Мамчева Н.А.* Обрядовые музыкальные инструменты аборигенов Сахалина. Южно-Сахалинск, 2003. 176 с.
- Марков, 1983 – *Марков Г.Е.* О терминах и понятиях в этнографии // СЭ. 1983. № 5. С. 73–77.
- Мелихов, 1974 – *Мелихов Г.В.* Маньчжуры на северо-востоке (XVII в.). М., 1974. 247 с.
- Мердок, 2003 – *Мердок Дж.П.* Социальная структура. М., 2003 (Серия «Антропология. Фольклор. Научное наследие»). 606 с.
- Меркушев, 1913 – *Меркушев Р.В.* Статистическое обследование инородцев Сахалинской области // Сахалин. Сборник статей о прошлом и настоящем. [Б.м.], 1913. Вып. 3.
- Месштыб, 1999 – *Месштыб Н.А.* Ороки // Коренные малочисленные народы Севера и Сибири. Руководство для исследователей / Под ред. Дмитрия А. Функа, Леннарда Силанпя. Abo Akademi University, Social Science Research Unit. Vaasa, Finland, 1999. С. 100–103 (на рус. яз.). Р. 106–109 (на англ. яз.).
- Миссонова, 1990 – *Миссонова Л.И.* Методологический семинар Института этнографии АН СССР «Этнос в системе общественных форм» // СЭ. 1990. № 3. С. 160–167.
- Миссонова, 1992 – *Миссонова Л.И.* Межэтнические отношения на Сахалине // Етнографічна спадщина і національна відродження. Тезиси докладів Міжнародної конференції по етнічеським проблемам. Національна академія наук України. Київ. Апрель 1992. Київ, 1992.
- Миссонова, 1993 – *Миссонова Л.И.* Общее и особенное в процессах аккультурации малых народов (Южная Индия и Крайний Север России) // Этносоциальная ситуация в Индии и СССР. М., 1993. С. 113–126.
- Миссонова, 1994 – *Миссонова Л.И.* Этническая среда как фактор трансформации этноса // Альманах «Российский этнограф». № 19. Народы Сибири. М., 1994.
- Миссонова, 1995 – *Миссонова Л.И.* Межэтнические отношения на Сахалине: влияние этнической среды на трансформацию малочисленного этноса // Среда и культура в условиях общественных трансформаций. М., 1995. С. 90–104.
- Миссонова, 1996 – *Миссонова Л.И.* Этнонимия ульта Сахалина // Имя и этнос. М., 1996. С. 51–56.
- Миссонова, 2002 – *Миссонова Л.И.* Ульта Сахалина: основные проблемы исследований // Этнографическое обозрение. 2002. № 5. С. 61–87.

- Миссонова, 2002а – *Миссонова Л.И.* Уйльта Сахалина в конце второго тысячелетия // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск. 2002. № 4. С. 3–26.
- Миссонова, 2003 – *Миссонова Л.И.* Остров Сахалин: современные проблемы жизнедеятельности уйльта (ороченов). М., 2003 (Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» Института этнологии и антропологии РАН. Документ № 162).
- Миссонова, 2003а – *Миссонова Л.И.* История малочисленного этноса Сахалина уйльта (орочоны) в переписях II тысячелетия // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 2003. № 3.
- Миссонова, 2004 – *Миссонова Л.И.* Архивы Сахалина о состоянии оленеводства уйльта (с 40-х гг. XX в. до XXI в.) // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2004. № 8.
- Миссонова, 2005 – *Миссонова Л.И.* Идентификация уйльта Сахалина: взаимосвязь истории и современности вопроса // VI Конгресс этнографов и антропологов России. Тез. докл. СПб., 2005.
- Миссонова, 2005а – *Миссонова Л.И.* Каковы проблемы исследований уйльта в контексте истории народов Сахалина? // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 2005. № 4.
- Миссонова, 2006 – *Миссонова Л.И.* Трансформация основ жизнедеятельности уйльта Сахалина. Экскурс в прошлое и настоящее // Международные отношения на Дальнем Востоке России в зоне Азиатско-Тихоокеанского региона: история, экономика, культура. Третьи Крушановские чтения. 2004 г. Южно-Сахалинск; Владивосток, 2006.
- Миссонова, 2006а – *Миссонова Л.И.* Проблема идентификации уйльта Сахалина: к истории вопроса // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематической сборник / Под ред. д.ф.н. Ю.В. Попкова. Новосибирск, 2005. Вып. 7.
- Миссонова, 2006б – *Миссонова Л.И.* История проблемы идентификации малочисленного этноса Сахалина уйльта к началу III тысячелетия // Практика постсоветских адаптаций. Сборник статей под ред. Х. Бича, Л. Силланпя, Д. Функа. М., 2006.
- Миссонова, 2006в – *Миссонова Л.И.* Состояние оленеводства у уйльта Сахалина на рубеже XX–XXI вв. // Большие миры коренных народов / Отв. ред. Е.П. Батъянова. М. (в печати).
- Миссонова, Соколова, 2006 – *Миссонова Л.И., Соколова З.П.* Феномен устойчивости этнической идентификации уйльта в контексте этнонимической истории народов Севера (конец XIX – начало XXI в.) // Этнографическое обозрение. М., 2006. № 1. С. 129–145.
- Мицуль, 1873 – *Мицуль М.С.* Очерк острова Сахалина в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1873. 159 с., см. также: ГАСО. Ф. 1038. Оп. 1. Ед. хр. 7.
- Мишин, 1952 – *Мишин И.П.* Дикий северный олень Сахалина // Природа. 1992. № 1. С. 120.
- Мишин, 1961 – *Мишин И.П.* Выращивание телят оленей в колхозе «Вал» (Восточно-Сахалинский район на Сахалине) // Социалистическое животноводство. 1961. № 10. С. 57–61.
- Млекопитающие, 1961 – Млекопитающие Советского союза. Т. I. Парнокопытные и непарнокопытные. М., 1961. С. 331–343.
- Мусаев, 1993 – *Мусаев К.М.* Языки народов Севера // *Мусаев К.М.* Языки и письменности народов Евразии (региона бывшего СССР). Алматы, 1993. 244 с.
- Нагано Сукехацци, 1995 – *Нагано Сукехацци.* Быт туземцев на Карафутто: айну, орочон и гилаков. 27 декабря 1929 г. / Пер. с япон. // Исторические чтения. Труды Государственного архива Сахалинской области. № 1. Южно-Сахалинск, 1995. С. 95–104; см. также: ГАСО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–104.
- Нанаи, 1940 – Нанаи, ульчи, ороки, орочи, удэ // Народы Сибири и Дальнего Востока. 1940 г. // Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 231. Папка 3.
- Народы России, 1994 – Народы России. Энциклопедия. М., 1994.
- Народы Сибири, 1956 – Народы Сибири. Этнографические очерки. М.; Л., 1956 (Серия «Народы мира»). С. 855–860.
- Научные труды, 2002 – Научные труды М.М. Прокофьева // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 2002. № 2. С. 154–164.
- Начёткин, 1999 – *Начёткин А.Я.* О состоянии законодательства по вопросам коренных малочисленных народов Севера // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 3. Южно-Сахалинск, 1999. С. 202–207.
- Невельской, 1969 – *Невельской Г.И.* Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849–1855 гг. Приамурский и Приуссурийский край. Посмертные записки адмирала Невельского, изданные супругой покойного Екатериной Ивановной Невельской. СПб.,

- 1878; *Невельской Г.И.* Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России. 1849–1855. 5-е изд. Хабаровск, 1969. 424 с.
- Никишенков, 1981 – *Никишенков А.А.* Функционализм Б. Малиновского и проблема изучения родства, брака и семьи в доклассовом обществе // Вестник Московского университета. 1981. Сер. История. № 5.
- Никишенков, 1986 – *Никишенков А.А.* Из истории английской этнографии (Критика функционализма). М., 1986. 216 с.
- Никишенков, 1993 – *Никишенков А.А.* О Брониславе Малиновском и его работах // Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 99–102.
- Никольский, 1889 – *Никольский А.М.* Остров Сахалин и его фауна позвоночных животных. СПб., 1889. 334 с.
- Никонов, 1984 – *Никонов В.А.* Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. М., 1984.
- Никонов, 1987 – *Никонов В.А.* Геофонетика и этногенез // Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии / Отв. ред. М.В. Крюков, А.И. Кузнецов. М., 1987. С. 68–79.
- Ниткук, Кроча, 2000 – *Ниткук Е.С., Кроча Н.Е.* Предварительные итоги этнографического исследования по программе «Аборигены Сахалина на пороге XXI века» // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. № 7. Южно-Сахалинск, 2000. С. 72–78.
- Новикова, 1967 – *Новикова К.А.* Ороки и их устное народное творчество // Ученые записки Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена. Л., 1967. Т. 356.
- Новикова, Савельева, 1953 – *Новикова К.А., Савельева В.Н.* К вопросу о языках коренных национальностей о. Сахалин (по материалам лингвистической экспедиции 1949 г.) // Языки и история народностей Крайнего Севера СССР. Ученые записки Ленинградского государственного университета. № 157. Факультет народов Севера. Вып. 2. Л., 1953. С. 84–133.
- Об изменении названия, 1990 – Об изменении названия народа «ороки» на «ульта» // Протокол собрания народов Севера г. Поронайска Сахалинской области от 07.08.90 г. Обращение в Верховный Совет СССР от жителей с. Вал Ногликского района Сахалина от 30.08.90 г.
- Озолия, 2000 – *Озолия Л.В.* Опыт создания орокско-русского и русско-орокского словарей // Res linguistica. К 60-летию д-ра филолог. наук проф. В.П. Нерознака. М., 2000. 446 с.
- Озолия, 2001 – *Озолия Л.В.* Орокско-русский словарь / Отв. ред. Б.В. Болдырев. Новосибирск, 2001.
- Озолия, 2002 – *Озолия Л.В.* Орокский язык // Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. М., 2002.
- Озолия, Федяева, 2003 – *Озолия Л.В., Федяева И.Я.* Орокско-русский и русско-орокский словарь. Уйилта-Луча кэсэн. Южно-Сахалинск, 2003. 296 с.
- Окладников, 1964 – *Окладников А.П.* Из истории изучения древнейшего прошлого Приморья // Археология и этнография Дальнего Востока. Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 1. Новосибирск, 1964. С. 9–48.
- Окладников, 1968 – *Окладников А.П.* Тунгусо-маньчжурская проблема и археология // История СССР. 1968. № 6.
- Олень всегда прав, 2003 – Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии / Отв. ред. Н.И. Новикова. М., 2003. 320 с.
- Описание поездки, 1899 – Описание поездки Преосвященного Евсевия, епископа Камчатского для обозрения церковью епархии, совершенной с 8 по 22 августа 1898 года // Камчатские епархиальные ведомости. 1899. № 3. 15 января. С. 6–7. № 2. С. 26–27.
- Орлова, 1933 – *Орлова Е.П.* Сведения населения Западно-Сахалинского, Восточно-Сахалинского районов. 1933 г. // Архив МАЭ. Ф. 23. Оп. I. Д. 51.
- Орлова – *Орлова Е.П.* Ороки-орочёны-ульты Сахалина // Архив МАЭ. Ф. 23. Оп. I. Д. 23.
- Островский, 1992 – *Островский А.Б.* Тело человека и тело зверя (на материалах медвежьего культа у народов Сибири и Дальнего Востока) // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1992. № 4. С. 53–62.
- Островский, 1998 – *Островский А.Б.* Уровни классификации в описании и изучении амулетов народов Нижнего Амура и Сахалина // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1998. № 2. С. 15–19.

- Островский, 2005 – *Островский А.Б.* Религиозные верования нивхов. Южно-Сахалинск, 2005. 196 с.
- Островский, 2005а – *Островский А.Б.* Числовые показатели в мифологии и ритуальной практике народов Амура-Сахалинского региона // *Известия Института наследия Бронислава Пилсудского.* № 9. Южно-Сахалинск, 2005. С. 330–368.
- Отчет Б.О. Пилсудского, 1907 – Отчет Б.О. Пилсудского по командировке к айнам и орокам о. Сахалина в 1903–1905 гг. // *Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях.* № 7. СПб., 1907. С. 20–52.
- Патканов, 1906 – *Патканов С.* Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. I. Тунгусы собственно. Вып. 1 // *Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии.* Т. XXXI / Под ред. Н.И. Веселовского. СПб., 1906.
- Патканов, 1906а – *Патканов С.* Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. I. Тунгусы собственно. Вып. 2 // *Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии.* Т. XXXI / Под ред. Н.И. Веселовского. СПб., 1906. 283 с.
- Патканов, 1906б – *Патканов С.* Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. II. Прочие тунгусские племена // *Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии.* Т. XXXI / Под ред. Н.И. Веселовского. СПб., 1906. 208 с.; вклейка трех карт расселения тунгусов по территории Сибири.
- Патканов, 1912 – *Патканов С.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. III. Иркутская губерния, Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл., и о. Сахалин. Вып. 9. Остров Спыхалин // *Записки Императорского русского географического общества по отделению статистики.* Т. XI / Под ред. В.В. Морачевского. Вып. 3. СПб., 1912. С. 981–1000.
- Певнов, 2001 – *Певнов А.М.* Лингвистический взгляд на гипотезу С.М. Широкогорова о южном происхождении тунгусов // *Широкогоровские чтения (проблемы антропологии и этнологии).* Материалы научной конференции, посвященной 102 годовщине со времени образования ДВГУ. Владивосток, 2001.
- Петрова, 1960 – *Петрова Т.И.* Имя существительное в орокском языке // *Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена.* Т. 167 (Серия кафедры языков народов Крайнего Севера). Л., 1960.
- Петрова, 1967 – *Петрова Т.И.* Язык ороков (ульта). Л., 1967. С. 3–23.
- Пенская, 1984 – *Пенская Т.В.* Из истории этнографического изучения ороков Сахалина // *Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея.* Препринт. Южно-Сахалинск, 1984. С. 42–59.
- Пенская, 1986 – *Пенская Т.В.* Малые народы Сахалина в 1927–1928 годах (по страницам дневников врача Я.В. Воловика) // *Материалы к изучению истории и этнографии населения Сахалинской области.* Препринт. Южно-Сахалинск, 1986. С. 147–170.
- Первая Всеобщая перепись, 1899 – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. LXXVII. Остров Сахалин. Тетрадь 1. 1899 (см.: ГАСО. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–261).
- Першиц, 1994 – *Першиц А.И.* Война и мир на пороге цивилизации: кочевые скотоводы // *Война и мир в ранней истории человечества.* Т. II. Ч. 3. М., 1994. С. 129–245.
- Пивнева, 2002 – *Пивнева Е.А.* Современная этнодемографическая ситуация и состояние здоровья коренных малочисленных народов Севера // *Расы и народы.* Вып. 28. М., 2002.
- Пилсудский, 1906 – *Пилсудский Б.* Южный Сахалин. Под властью японцев // *Природа и люди Дальнего Востока.* № 5. 26 февраля 1906 г. (год издания первый). С. 4–6 (журнал хранится в ГАСО. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 33. Л. 4–6.)
- Пилсудский, 1989 – *Пилсудский Б.О.* Из поездки к срокам Сахалина в 1904 г. Препринт. Южно-Сахалинск, 1989.
- Письменные языки, 2003 – *Письменные языки мира. Языки Российской Федерации.* Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 2 / Ред. В.Ю. Михальченко (М., РФ), Г.Д. МакКоннелл (Квебек, Канада). М., 2003. 848 с.

- Плотников, 1935 – *Плотников М.* Олени острова Сахалин // Советский Север. 1935. № 1. С. 48–54.
- Плотников, 1935а – *Плотников М.* Сахалинский олень // На рубеже. Хабаровск, 1935.
- Плотников, 1938 – *Плотников М.* Северное и пантовое оленеводство в Дальневосточном крае. Хабаровск, 1938.
- Победа, 1959 – Победа Советской власти на Северном Сахалине (1917–1925 гг.) / Сб. документов. Южно-Сахалинск, 1959.
- Подмаскин, 1998 – *Подмаскин В.В.* Традиционные метеорологические знания у народов Нижнего Амура и Сахалина. (Этнографический обзор по материалам XIX–XX вв.) // Этнокультурные процессы и общественное сознание у народов Дальнего Востока (XVI–XX вв.). Владивосток, 1998.
- Подмаскин, 2003 – *Подмаскин В.В.* Этнические особенности сохранения здоровья народов юга Дальнего Востока: проблемы типологии врачевания и питания (середина XIX–XX в.). Владивосток, 2003. 224 с.
- Подмаскин, 2003а – *Подмаскин В.В.* Система питания народов Нижнего Амура и Сахалина XIX–XX вв.: проблемы сравнительной типологии // Типология культуры коренных народов Дальнего Востока России. Материалы к историко-этнографическому атласу / Науч. ред. С.В. Березницкий. Владивосток, 2003. С. 86–101.
- Подмаскин, 2003б – *Подмаскин В.В.* Народные музыкальные инструменты тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов: проблемы типологии // Типология культуры коренных народов Дальнего Востока России. Материалы к историко-этнографическому атласу. Владивосток, 2003. С.102–119.
- Подпечников, 1998 – *Подпечников В.Л.* Размышления о судьбах коренных народов Сахалина в двадцатом столетии // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1998. № 4. С. 91–126.
- Подпечников, 2001 – *Подпечников В.Л.* На берегах Сахалина. Историко-краеведческие очерки. Южно-Сахалинск, 2001. 192 с.
- Полевой, 1994 – *Полевой Б.П.* Первое известие с Амура о японцах (1652 г.) // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1994. № 3. С. 96–100.
- Поляков, 1883 – *Поляков И.С.* Путешествие на остров Сахалин в 1881–1882 гг. СПб., 1883. С. 84–107.
- Попов, 1895 – *Попов Н.П.* Река Поронай и ее инородческое население // Сахалинский календарь и материалы к изучению острова Сахалин. 1895 («Печатано в Типографии на острове Сахалине». Александровский-на-Сахалине пост, отд. 2) // Ф. 1038. Оп. 1. Ед. хр. 106.
- Поршнев, 1970 – *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1970.
- Поршнев, 1973 – *Поршнев Б.Ф.* Противопоставление как компонент этнического самосознания // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1973. 15 с.
- Потапова, 2003 – *Потапова Н.В.* Деятельность христианских конфессий на Сахалине после второй мировой войны (1945–1991 годы) // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 2003. № 1. С. 95–107.
- Прокофьев, 1987 – *Прокофьев М.М.* Из жизни ороков Сахалина // Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея. Вып. V. Южно-Сахалинск, 1987. Препринт. С. 3–11.
- Прокофьев, 2000 – *Прокофьев М.М.* Японские археологи и этнологи – исследователи Южного Сахалина и Курильских островов. Материалы к биографиям ученых. Тории Рюдзо (1870–1953) // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 2000. № 2. С. 82–89.
- Прокофьев, 2002 – *Прокофьев М.М.* Японские археологи и этнологи-исследователи Южного Сахалина и Курильских островов. Материалы к биографиям ученых. VII. Цубои Сёгоро (1863–1913 гг.) – гениальный антрополог, археолог и этнограф и его вклад в изучение древней истории севера Японии и Южного Сахалина (Карафуто) в эпохи Мэйдзи и Тайсё // Краеведческий бюллетень. 2002. № 1. С. 123–128.
- Прокофьев, 2002а – *Прокофьев М.М.* Японские археологи и этнологи – исследователи Южного Сахалина и Курильских островов. Материалы и исследования к биографиям ученых. VIII. Коно Хиромити (1905–1963 гг.) – ученый-энтомолог, специалист по археологии и этнографии Хоккайдо и Южного Сахалина (Карафуто) // Краеведческий бюллетень. 2002. № 2. С. 92–98.

- Прокофьев, Павлюченко, 1995 – *Прокофьев М.М., Павлюченко Ю.Н.* Водный транспорт аборигенов Сахалина // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 1995. Вып. 2.
- Прытков, 1952 – *Прытков Н.Ф.* Типы верхней одежды народов Сибири // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1952. Вып. 15. С. 19–22.
- Прытков, 1961 – *Прытков Н.Ф.* Верхняя одежда // Историко-этнографический атлас Сибири / Под ред. М.Г. Левина и Л.П. Потапова. М.; Л., 1961. С. 227–328.
- Прытков, 1961а – *Прытков Н.Ф.* Головные уборы // Историко-этнографический атлас Сибири / Под ред. М.Г. Левина и Л.П. Потапова. М.; Л., 1961. С. 329–269.
- Путеводитель, 1995 – Путеводитель по фондам Государственного архива Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1995. 296 с.
- Расселение, 1928 – Расселение туземного населения северной части о-ва Сахалина // Дальневосточный статистический бюллетень. 1928. № 12.
- Решетов, Таксами, 1983 – *Решетов А.М., Таксами Ч.М.* Исторические судьбы народов Приамурья и Сахалина // Историческая этнография: традиции и современность. Проблемы археологии и этнографии. Вып. II. Л., 1983. С. 31–39.
- Роон, 1992 – *Роон Т.П.* Предварительные итоги этнографического изучения ульта в Сахалинском областном краеведческом музее // Б.О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина. Материалы Международной научной конференции 31 октября – 2 ноября 1991 г. Южно-Сахалинск. Т. I. Южно-Сахалинск, 1992.
- Роон, 1994 – *Роон Т.П.* Традиционная система оленеводства ульта // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1994. № 3. С. 101–139.
- Роон, 1996 – *Роон Т.П.* Ульта Сахалина (историко-этнографическое исследование традиционного хозяйства и материальной культуры XVIII – середины XX века). Южно-Сахалинск, 1996. 176 с.
- Роон, 1998 – *Роон Т.П.* Промышленное освоение и правовые проблемы коренных народов Сахалина (90-е годы) // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 1. Южно-Сахалинск, 1998. С. 146–155.
- Роон, 1999 – *Роон Т.П.* Экономические изменения у коренных народов Сахалина в XX веке // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 3. Южно-Сахалинск, 1999. С. 182–197.
- Ронн, 2002 – *Роон Т.П.* Изменения в экономике коренных народов Сахалина в XX в. // Расы и Народы. Вып. 28. М., 2002. Ежегодник / Отв. ред. выпуска З.П. Соколова, Д.А. Функ. С. 146–159.
- Ронн, 2003 – *Роон Т.П.* Классификация традиционной материальной культуры сахалинских нивхов и ульта (ороков) // Типология культуры коренных народов Дальнего Востока России. Материалы к историко-этнографическому атласу / Науч. ред. С.В. Березницкий. Владивосток, 2003. С. 70–76.
- Россет, 1888 – *Россет С.С.* Поездка на острова Тюлений и Сахалин // Записки общества изучения Амурского края Владивостокского отделения Приамурского отдела Русского географического общества. Т. I. Владивосток, 1888.
- Российский Двльный Восток, 2005 – Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы / Отв. ред. Ж.В. Андреева. Владивосток, 2005. 696 с.
- Русско-ороченский словарь, 1896 – Русско-ороченский словарь Сергея Леонтовича. [Наречие бассейна реки Тумнинъ, впадающей в Татарский пролив, севернее Императорской Гавани] // Записки Общества изучения Амурского края Филиального Отделения Приамурского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Т. V. Вып. II. Владивосток. Типография Н.В. Ремезова. 1896. 147 с.
- Санги, 1974 – *Санги В.М.* Легенды Ых-мифа. Южно-Сахалинск, 1974. 205 с.
- Сахалинский календарь, 1898 – Сахалинский календарь. 1898 // ГАСО. Ф. 1038. Оп. 1. Ед. хр. 107.
- Сахалинский календарь, 1899 – Сахалинский календарь. 1899 // ГАСО. Ф. 1038. Оп. 1. Ед. хр. 108.
- Сборник законов, 1968 – Сборник законов СССР. 1938–1967. Т. 1. М., 1968.
- Сведения, 1916 – Сведения об ороках, гиляках и других аборигенах острова Сахалин [1916 год] // ГАСО. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 42. Л. 1; см. также: ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 516.

- Северная энциклопедия, 2004 – Северная энциклопедия. М., 2004.
- Северное оленеводство, 1994 – Северное оленеводство в России. Материалы к библиографии / Сост. Е.А. Кузакова. М., 1994. 220 с.
- Сем, 1969 – Сем Л.И. Общая характеристика орокского языка // Общие закономерности исторического развития народов советского Дальнего Востока. Владивосток, 1969.
- Сем, 1994 – Сем Л.И. Орокско-русские языковые связи // Контактологический энциклопедический словарь-справочник. Вып. 1. Северный регион. Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в контактах с русским языком. М., 1994.
- Сем, 1989 – Сем Т.Ю. О погребальной обрядности ороков (по материалам экспедиции 1986 г.) // Полевые исследования на Сахалине и Курильских островах. Южно-Сахалинск, 1989. С. 104–114.
- Сем, 1909 – Сем Ю.А. Проблема происхождения ороков Сахалина // Общие закономерности исторического развития народов советского Дальнего Востока. Владивосток, 1969.
- Семенов, 1985 – Семенов Ю.И. Терминология и теория // Советская этнография. 1985. № 5. С. 81–85.
- Семенов, 1986 – Семенов Ю.И. Завершение становления человеческого общества и возникновение первобытной родовой общины // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М., 1986. С. 73–129.
- Семенов, 1993 – Семенов Ю.И. Этнология и гнесеология // Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 3–20.
- Семенов, 1994 – Семенов Ю.И. Война и мир в земледельческих предклассовых и ранних классовых обществах // Война и мир в ранней истории человечества. Т. II. Ч. 2. М., 1994. С. 6–127.
- Сенченко, 1960 – Сенченко И.А. Северный Сахалин в 1905–1906 гг. // Сахалинская область. Сб. статей. Южно-Сахалинск, 1960.
- Сергеев, 1955 – Сергеев Н.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера / Отв. ред. Л.П. Потапов. М.; Л., 1955. 569 с.
- Сирина, 2002 – Сирина А.А. Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности. Москва; Иркутск, 2002. 286 с.
- Сирина, 2005 – Сирина А.А. Кто такие камчадалы и почему ты – один из них? Государственная политика и проблемы формирования этнической идентификации камчадалов Магаданской области // В поисках себя. Народы Севера и Сибири в постсоветских трансформациях. М., 2005.
- Сирина, Роон, 2004 – Сирина А.А., Роон Т.П. Лев Яковлевич Штернберг: у истоков советской этнографии // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М., 2004. С. 49–94.
- Словари, 1988 – Словари национальностей и языков для кодирования ответов на 8 и 9 вопросы переписных листов (о национальности, родном языке и другом языке народов СССР) Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1988.
- Смоляк, 1954 – Смоляк А.В. К вопросу о происхождении ороков // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Т. XXI. М., 1954. С. 33–38.
- Смоляк, 1954а – Смоляк А.В. Экспедиция Невельского 1850–1854 гг. и первые этнографические исследования XIX в. в Приамурье, Приморье и на Сахалине // СЭ. 1954. № 3. С. 77–82.
- Смоляк, 1965 – Смоляк А.В. Южные ороки (Этнографические заметки) // СЭ. 1965. № 3. С. 52–61.
- Смоляк, 1967 – Смоляк А.В. О современном этническом развитии народов Нижнего Амура и Сахалина // СЭ. 1967. № 3. С. 95–102.
- Смоляк, 1970 – Смоляк А.В. Социальная организация народов Нижнего Амура и Сахалина в XIX – нач. XX в. // Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970. С. 264–299.
- Смоляк, 1972 – Смоляк А.В. Современные этнические процессы у народов бассейна Нижнего Амура // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М., 1972. С. 256–279.
- Смоляк, 1975 – Смоляк А.В. О взаимных культурных влияниях народов Сахалина и некоторых проблемах этногенеза // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 43–77.

- Смоляк, 1975а – *Смоляк А.В.* Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. Середина XIX – начало XX в. М., 1975. 232 с.
- Смоляк, 1980 – *Смоляк А.В.* Проблемы этногенеза тунгусоязычных народов Нижнего Амура и Сахалина // *Этногенез народов Севера*. М., 1980. С. 177–195.
- Смоляк, 1982 – *Смоляк А.В.* Народы Нижнего Амура и Сахалина // *Этническая история народов Севера*. М., 1982. С. 223–257.
- Смоляк, 1984 – *Смоляк А.В.* Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. Этногенетический аспект. М., 1984. 246 с.
- Смоляк, 1988 – *Смоляк А.В.* Ороки // *Народы мира. Историко-этнографический справочник*. М., 1988.
- Смоляк, 1990 – *Смоляк А.В.* Проблемы этнической истории и этногенеза народов Нижнего Амура и Сахалина. Автореф. дис. д.и.н. М., 1990. 48 с.
- Смоляк, 1994 – *Смоляк А.В.* Ороки // *Народы России. Энциклопедия*. М., 1994.
- Смоляк, 2001 – *Смоляк А.В.* Народы Нижнего Амура и Сахалина. Фотоальбом. М., 2001. 320 с.
- Смоляк, Сирина, 2002 – *Смоляк А.В., Сирина А.А.* [Рец. на кн.: *Shternberg Lev. The Social Organization of the Giluak*. 1999. N 82 (Ser. «Anthropological Papers of the American Museum of Natural History»)] // *Этнографическое обозрение*. 2002. № 4. С. 168–170.
- Собрание узаконений, 1926 – Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1926. № 3.
- Современное положение, 2004 – Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Независимый экспертный доклад / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2004. 184 с.
- Соколова, 1976 – *Соколова З.П.* Проблема рода, фратрии и племени у обских угров // *СЭ*. 1976. № 6. С. 13–38.
- Соколова, 1992 – *Соколова З.П.* Этнос и эндогамия // *Этнографическое обозрение*. 1992. № 3. С. 76–78.
- Соколова, 1992а – *Соколова З.П.* Ответ оппонентам // *Этнографическое обозрение*. 1992. № 6. С. 61–72.
- Соколова, 1994 – *Соколова З.П.* Народы Севера России в условиях экономической реформы и демократических преобразований // *Народы Севера и Сибири в условиях экономических реформ и демократических преобразований*. М., 1994.
- Соколова, 1995 – *Соколова З.П.* Концептуальные подходы к развитию малочисленных народов Севера // *Социально-экономическое и культурное развитие народов Севера и Сибири: традиции и современность*. М., 1995.
- Соколова, 1998 – *Соколова З.П.* Жилище народов Сибири. (Опыт типологии). М., 1998. 284 с.
- Соколова, 1999 – *Соколова З.П.* Концептуальный подход к развитию народов Севера // «Красная книга народов». Ч. 2. М., 1999. С. 49–54.
- Соколова, 2002 – *Соколова З.П.* Перспективы социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Севера (концепция развития) // *Расы и народы*. Вып. 28. М., 2002. С. 61–78.
- Соколовский, 2002 – *Соколовский С.В.* Территории традиционного природопользования Сахалина (обоснование проекта) // *Расы и Народы*. Вып. 28. М., 2002. Ежегодник / Отв. ред. выпуска З.П. Соколова, Д.А. Функ. С. 160–187.
- Соколовский, 2004 – *Соколовский С.В.* Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М., 2004.
- Социалистическое строительство, 1967 – Социалистическое строительство на Сахалине (1925–1945 гг.). Сборник документов и материалов. Южно-Сахалинск, 1967. 754 с.
- Социалистическое строительство, 1982 – Социалистическое строительство на Сахалине и Курильских островах 1946–1975 гг. Сборник документов и материалов. Южно-Сахалинск, 1982.
- Спеваковский, 1975 – *Спеваковский А.Б.* Вопрос о взаимоотношении неолитических культур Приамурья–Приморья и Японских островов // *Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Сборник научных трудов*. Новосибирск, 1975. С. 172–178.
- Список, 1926 – Список населенных мест по Сахалинскому округу. Хабаровск, 1926.

- Сравнительный словарь, 1975, 1977 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю / Отв. ред. В.И. Цинциус. Л. Т. 1. 1975. 672 с. Т. 2. 1977. 992 с.
- Стефан, 1992 – *Стефан Д.* Сахалин. История / Пер. с англ. Оксфорд, 1971 // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1992. № 1. С. 46–88. № 2. С. 25–67. № 3. С. 65–126. № 4.
- Таксами, 1967 – *Таксами Ч.М.* Ороки Сахалина // Доклады Восточной комиссии Географического общества СССР. Вып. 4. Л., 1967.
- Таксами, 1968 – *Таксами Ч.М.* Тунгусские народы на Сахалине // Страны и народы Востока. Вып. 6. Страны и народы бассейна Тихого океана. М., 1968. С. 29–42.
- Таксами, 1969 – *Таксами Ч.М.* Географические представления нивхов и их использование русскими исследователями Сахалина и низовьев Амура // Известия ВГО. 1969. Вып. 1. С. 41–48.
- Типология культуры, 2003 – Типология культуры коренных народов Дальнего Востока России. Материалы к историко-этнографическому атласу / Науч. ред. С.В. Березникий. Владивосток, 2003. 252 с.
- Тишков, 2003 – *Тишков В.А.* Историко-антропологический анализ переписи населения. М., 2003 (Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» Института этнологии и антропологии РАН. Документ № 161).
- Тишков, 2003а – *Тишков В.А.* Российская этнология: статус дисциплины, состояние теории, направления и результаты исследований // Этнографическое обозрение. 2003. № 5. С. 3–23.
- Тишков, 2004 – *Тишков В.А.* Культурный смысл пространства // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. 14–31.
- Токарев, Фролов, Мириманов, 1986 – *Токарев С.А., Фролов Б.А., Мириманов В.Б.* Формы общественного сознания // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 490–558.
- Толстов, 2006 – *Толстов С.П.* Справка о народах СССР, сохранивших до установления Советской власти пережитки родоплеменного быта // Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 16–164.
- Томилов, 2004 – *Томилов Н.А.* К проблемам методологии некоторых частных исторических и смежных с ними наук // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. 52–60.
- Традиционная нормативная культура, 2000 – Традиционная нормативная культура, организация власти и экономика народов Северной Евразии и Дальнего Востока (ненцы, манси, ханты, кеты, селькупы, нганасаны, долганы, эвенки, эвены, юкагиры, коряки, чукчи, ительмены, негидальцы, орочи, ороки, ульчи, нанайцы, удэгейцы, нивхи, айны) / Сост. и ред. Ю.И. Семёнов. М., 2000. 403 с.
- Труды, 1868 – Труды Сибирской экспедиции Императорского Русского географического общества. Физический отдел. Т. I. Исторические отчеты о физико-географических исследованиях магистра О.Б. Шмидта и его помощника П.П. Глена. 1866. (Отчет о путешествии по острову Сахалину, П.П. Глена (1860–1862). С. 73–119; Отчет О.Б. Шмидта. С. 66–72.) СПб., 1868.
- Туголуков, 1970 – *Туголуков В.А.* Преобразования в хозяйстве и культуре у эвенков Амурской области // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М., 1970.
- Туголуков, 1980 – *Туголуков В.А.* Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера. М., 1980. 278 с.
- Туголуков, 1984 – *Туголуков В.А.* Проблема «ороченов» в тунгусоведении // СЭ. 1984. № 5.
- Туголуков, 1985 – *Туголуков В.А.* Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М., 1985. 285 с.
- Устроение, 1926 – Устроение северных туземных племен. Сборник. Комитет Содействия Народностям Северных Окраин при Президиуме ВЦИК. М., 1926.
- Функ, Зенько, Силланпя, 2000 – *Функ Д.А., Зенько Ф.П., Силланпя Л.* Материалы по современной культуре и социально-экономическому положению северной группы уйльта // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 14–30.
- Фролов, 1992 – *Фролов Б.А.* Традиция и инновация в архаической культуре // Исследования по первобытной истории / Отв. ред. А.И. Першиц. М., 1992. С. 191–223.

- Фролов, 2000 – *Фролов Б.А.* Число и счет в североазиатских архаических традициях // Культурное наследие народов Сибири и Севера. Материалы Четвертых Сибирских чтений. 12–14 октября 1998 г. СПб., 2000. С. 80–82.
- Хоуз, 2003 – *Хоуз Ч.* На Восточной окраине. Отчет о научных исследованиях среди коренных народностей и каторжников Сахалина и заметки о путешествиях в Корею, Сибирь и Маньчжурию / Пер. с англ. на рус. яз. издания Харпер & Бразерс, 1904. Южно-Сахалинск, 2003. 357 с.
- Цинциус, 1949 – *Цинциус В.И.* Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.
- Цинциус, 1978 – *Цинциус В.И.* Центральные и маргинальные фонетические ареалы Приамурья и Приморья // Народы и языки Сибири. М., 1978.
- Чернышев, 1963 – *Чернышев М.* Оленеводы Сахалина // Сельскохозяйственное право Сибири и Дальнего Востока. 1963. № 1. С. 80–81.
- Черпакова, 1986 – *Черпакова К.Я.* Экспедиция в прошлое // Материалы к изучению истории и этнографии населения Сахалинской области. Препринт. Южно-Сахалинск, 1986. С. 56–64.
- Чешко, 1993 – *Чешко С.В.* Конституционная реформа и национальные проблемы в России // Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 29–45.
- Чешко, 2000 – *Чешко С.В.* Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. М., 2000. 398 с.
- Численность, 1991 – Численность и состав народностей Севера, проживающих в Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1991.
- Шаньшина, 2000 – *Шаньшина Е.В.* Мифология первотворения у тунгусоязычных народов юга Дальнего Востока (Опыт мифологической реконструкции и общего анализа). Владивосток, 2000. 157 с.
- Широкогоров, 1922 – *Широкогоров С.М.* Место этнографии среди наук и классификация этносов. (Введение в курс этнографии Дальнего Востока, прочитанного в 1921–22 ак. году в Государственном дальневосточном университете). Владивосток, 1922. С. 1–22.
- Широкогоров, 1923 – *Широкогоров С.М.* Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // XVII Известия восточного факультета Государственного дальневосточного университета. Т. I. Шанхай, 1923.
- Широкогоров, 1995 – *Широкогоров С.М.* Тунгузский литературный язык / Вступительная статья Коити Иноуэ. Пер. с англ. яз. Т.П. Роон. Библиография работ Сергея Михайловича Широкогорова // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1995. № 1. С. 132–162.
- Широкогоров, 2001 – *Широкогоров С.М.* Трудности исследования психоментального комплекса. (Глава 1 из Введения к работе Психоментальный комплекс тунгусов) // Широкогоровские чтения (проблемы антропологии и этнологии). Материалы научной конференции, посвященной 102 годовщине со времени образования ДВГУ. Владивосток, 2001. С. 65–70.
- Широкогоров, 2001а – *Широкогоров С.М.* Этнографические исследования. Книга первая. Избранное. Владивосток, 2001. 192 с.
- Шмидт, 1905 – *Шмидт П.Ю.* Остров изгнания (Сахалин). СПб., 1905.
- Шнирельман, 1986 – *Шнирельман В.А.* Демографические и этнокультурные процессы эпохи первобытной родовой общины // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М., 1986. С. 427–489.
- Шнирельман, 1992 – *Шнирельман В.А.* Хозяйственно-культурные типы и парадоксы этнического самосознания: прагматизм против иррационализма // Исследования по первобытной истории / Отв. ред. А.И. Першиц. М., 1992. С. 208–233.
- Шнирельман, 1994 – *Шнирельман В.А.* У истоков войны и мира // Война и мир в ранней истории человечества. Т. I. Ч. 1. М., 1994. 176 с.
- Шнирельман, 2003 – *Шнирельман В.А.* Этногенез и идентичность: националистические мифологии в современной России // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 3–14.
- Шпенглер, 2004 – *Шпенглер О.* Закат Европы. М. Т. 1. 1918. Т. 2. 1922. Переизд. Т. 1–2. М., 2004.
- Шренк, 1883 – *Шренк Л.И.* Об инородцах Амурского края. Т. 1. Части географическо-историческая и антропо-этнологическая. СПб., 1883. XII. 323 с.
- Шренк, 1899 – *Шренк Л.И.* Об инородцах Амурского края. Т. 2. Этнографическая часть. Первая половина: Главные условия и явления внешнего быта. СПб., 1899. XXI. 314 с.

- Шренк, 1903 – *Шренк Л.И.* Об инородцах Амурского края. Т. 3. Этнографическая часть. Вторая половина: Основные черты семейной, общественной и внутренней жизни. СПб., 1903. XVII. 777 с.
- Штернберг, 1933 – *Штернберг Л.Я.* Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.
- Штернберг, 2001 – *Штернберг Л.Я.* Дневник путешествия к восточным гилякам и орокам // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 5. Южно-Сахалинск, 2001. С. 216–283.
- Щебенков, 1965 – *Щебенков В.Г.* Вклад русских исследователей в изучение Дальнего Востока в дооктябрьский период // Общие закономерности и особенности исторического развития народов советского Дальнего Востока (с древнейших времен до наших дней). Владивосток, 1965. С. 15–19.
- Экономическое и социальное развитие, 2001 – Экономическое и социальное развитие районов проживания коренных малочисленных народов Севера (1995–2000) // Госкомстат Российской Федерации. Сахалинский областной комитет государственной статистики. Южно-Сахалинск, 2001.
- Экспресс, 2001 – Экспресс (Поронайская общественно-политическая и социально-экономическая газета. Издается с 1997 г.). 2001. № 39 (226).
- Этнос, 1997 – Этнос и природная среда / Отв. ред. В.А. Тураев. Владивосток, 1997. 153 с.
- Юркевич, 1926 – *Юркевич Т.* Советский Сахалин // Экономическая жизнь Дальнего Востока. Хабаровск, 1926. № 1. С. 85–107.
- Юст, 1931 – *Юст А.* О Сахалинском оленеводческом хозяйстве // Союзпушнина. М., 1931. № 11–13. С. 46–47.
- A Dictionary, 1981 – A Dictionary of Uilta Language / Compiled by Hisaharu Magata. Abashiri (Hokkaido), 1981.
- A Dictionary, 1997 – A Dictionary of Uilta Language Spoken on Sakhalin / By Jiro Ikegami (Hokkaido University Press). Sapporo, 1997.
- Bronislav Pilsudski's, 1985 – Bronislav Pilsudski's Olchan-Polish Glossary with English Equivalents // Linqua Posnaniensis. 1985. N 27.
- B. Pilsudski, 2002 – B. Pilsudski in the Russian Far East. From the Historical Archive of Vladivostok / Ed. by Koichi Inoue. Сост. А.Б. Спесивовский // Pilsudskiana de Sapporo. N 2. Sapporo, 2002. 137 p.
- Catalog, 1998 – Catalog of Collection 2. Hokkaido Museum of Northern Peoples. Abashiri, 1998. Заключение А.В. Смоляк. Народы и культуры Приамурья. 82 с.
- Census of India, 1961 – Census of India. 1961. A Preliminary Appraisal of the Scheduled Tribes of India by Harit H.L., New Delhi. Pt II.
- Ethnic Groups, 1970 – Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference / Ed. by Fredrik Barth. Bergen; Oslo; London. 1970. 153 p. (Fredrik Barth. Introduction. P. 9–38.)
- Fuchs Stephan, 1973 – Fuchs Stephan. The Aboriginal Tribes of India. Delhi, 1973.
- Ikegami, 1965 – *Ikegami Jiro.* The Oral Literature of the Oroks // Hoppo-bunka-kenkyu (Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures). N 1. Hokkaido University, 1965.
- Ikegami, 1980 – *Ikegami Jiro.* An Uilta Basic Vocabulary // Research Reports of the Language and Culture of Uilts (Oroks). Sapporo, 1980.
- Ikegami, 1994 – *Ikegami Jiro.* Differences between the Southern and Northern Dialects of Uilta // Bulletin of the Hokkaido Museum of Northern Peoples. 1994. Vol. 3.
- Ikegami, 1994a – *Ikegami Jiro.* Проект письменности уйльтаинского языка // Acta Slavica Iaponica. Vol. 12. 1994. P. 253–258.
- Inoue, 1993 – *Inoue Koichi.* Uilta and Their Reindeer Herding // Ethnic Minorities in Sakhalin. Yokohama, Japan, 1993. P. 105–127.
- Inoue, 1999 – *Inoue Koichi.* L. Sternberg and B. Pilsudski: Their Scientific and Personal Encounters // Pilsudskiana de Sapporo. N 1. Slavic Research Center of Hokkaido University. 1999. P. 132–155.
- Inoue, 2001 – *Inoue Koichi.* «Dear Father». B. Pilsudski's Letters from the Petro-Pavlovsky Fortress // Bronislav Pilsudski and Futabatei Shimei – An Excellent Charter in the History of Polish-Japanese Relations / Ed. A.F. Majewicz, T. Wicherkiewicz (Materials of the Third International Conference on Bronislav Pilsudski and His Scholarly Heritage: Krakow Zakopane 29/8–7/9 1999 [Linguistic and Oriental Studies from Poznan, Monograph Supplement 7]. Poznan, 2001. P. 21–34; см. также: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2001. P. 21–34; см. переиздание: Quest for An Entire Picture of

- B. Pilsudski's Far Eastern Indigenous Studies (ed. Koichi Inoue), Slavic Research Center of Hokkaido University. 2003. P. 173–188.
- Inoue, 2003 – *Inoue Koichi*. Franz Boas and an «Unfinished» Jesup on Sakhalin Island; Shedding New Light on Berthold Laufer and Bronislaw Pilsudski // *Constructing Cultures Then and Now. Celebrating Franz Boas and the Centenary of the Jesup North Pacific Expedition* / Ed. Laurel Kendall, Igor Krupnik. Washington D.C., 2003. P. 135–169.
- Inoue 2003a – *Inoue Koichi*. Jesup Research on the Sakhalin Island. Shedding New Light on Berthold Laufer and Bronislaw Pilsudski // *Constructing Cultures Then and Now: Celebrating Franz Boas and the Centenary of the Jesup North Pacific Expedition* / Ed. Laurel Kendall, Igor Krupnik [Contributions to Circumpolar Anthropology 4]. Washington D.C.: Arctic Studies Center, National Museum of Natural History, Smithsonian Institution, 2003. P. 135–165.
- Inoue, 2006 – *Inoue Koichi*. A Century of Uilta (Orok) Reindeer Husbandry on the Island of Sakhalin // *The Raven's Arch: Jesup North Pacific Expedition Revisited (1892–2002)*. Washington D.C.: Arctic Studies Center, National Museum of Natural History, Smithsonian Institution, 2006 (in press).
- Ishida, 1988 – *Ishida Hajime*. Morphological Studies of Okhotsk Crania from Omissaki, Hokkaido // *Journal of the Anthropological Society of Nippon*. 1988. Vol. 96. N 1. P. 17–45.
- Ishida, 1994 – *Ishida Hajime*. Skeletal Morphological of Okhotsk People on Sakhalin Island // *Anthropological Science*. 102 {3}. 1994.
- Janhunen, 1966 – *Janhunen Juha*. Ethnic Studies of Northeast Asia. Pt. II. The Colonial Period from Indigenous Diversity to Alien Rule // *Manchuria. An Ethnic History* by Juha Janhunen // *Memoires de la societe finno-ougrienne*. 222. The Finno-Ugrian Society. Helsinki, 1996. P. 29–90.
- Kouznetsov, Missonova, 1988 – *Kouznetsov A.I., Missonova L.I.* Racial Mixing and Self-awareness of the Aboriginal Population of Kamchatka and Chukotka of the Soviet Union // *Human Science*. Calcutta, 1988. Vol. 37. N 4. P. 313–336.
- Krishna, Laer, 1961 – *Krishna L.A., Laer M.A.* Kerala and Her People. Palghat, 1961.
- Kwon, 1993 – *Kwon Heonik*. Maps and Actions: Nomadic and Sedentary Space in a Siberian Reindeer Farm. A Dissertation Submitted in Partial Completion of the Requirements for a Ph.D. at Department of Social Anthropology. University of Cambridge. February 1993 (рукопись).
- Laufer, 1902 – *Laufer B.* Decorative Art of the Amur Tribes. Jesup Expedition / *American Museum Memoires*. Vol. 7. N.Y., 1902.
- Majewicz, 1989 – *Majewicz A.* The Ororks. Past and Present // *The Development of Siberia. Peoples and Resources*. St. Martin Press. N.Y., 1989.
- Majewicz, 1991 – *Majewicz A.* The Ororks. Past and Present // *Adam Mickiewicz University. Institute of Linguistics. Working Papers*. 20. Poznań, Poland, 1991.
- Malinowski, 1960 – *Malinowski B.* A Scientific Theory of Culture. N.Y., 1960.
- Missonova, 1992 – *Missonova L.I.* Common Characteristics and Special Features in the Processes of Acculturation of Ethnic Minorities // *Ethno-Social Situation in India and USSR*. Delhi, 1992.
- Missonova, 2005 – *Missonova L.I.* Sakhalin Uilta: Who? How Many and Why? // *Post-Soviet Transformations* / Ed. Hugh Beach, Dmitri Funk, Lennard Sillanpää. Uppsala, 2005.
- Miyazaki, 2000 – *Miyazaki Reiko*. Making a Model of a Uilta's House // *Bulletin of the Hokkaido Museum of Northern Peoples*. 2000. Vol. 9. P. 41–54.
- Murayama, 1962 – *Murayama S.* Nihongo-no tsunguso-teki kosei yoso // *Ibid*. 1962. Vol. 26. N 3.
- Murayama, 1971 – *Murayama S.* Nihongo-no Kigen // *Minzokugaku-kenkyu*. 1971. Vol. 35. N 4.
- Pilsudski, 1985, 1987 – *Pilsudski Bronislaw*. Materials for the Study of the Orok (Ulita) Language and Folklore // *Adam Mickiewicz University. Institute of Linguistic. Working Papers*. 16 / Ed. Alfred F. Majewicz. Vol. I. Фонетические и грамматические замечания к языку ороков. Орокские тексты (на рус. яз.). Poznań, 1985. Vol. II. Grammatical Notes on Orok. Orok Texts Orok-Polish Dictionary (на польск. яз.). Introduction by Wladislaw Kotwicz. Poznań, 1987.
- Sollors, Warner, 1996 – *Sollors W., Warner W.L.* Foreword: Theories of American Ethnicity // *Theories of Ethnicity: a Classical Reader*. N.Y., 1996. P. X–XXXV.
- Ulta Oral Literature, 2002 – *Ulta Oral Literature*. A Collection of Texts Translated and Annotated by Ikegami Jiro // *Publications on Tungus Languages and Cultures* 16. A2-013. ELPR, 2002.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАСО – Государственный архив Сахалинской области (г. Южно-Сахалинск)
ДФ СО – Дальневосточный филиал Сибирского отделения АН СССР
МГП – Малое государственное предприятие
МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры)
РАН (г. Санкт-Петербург)
Ногликский райархив – Ногликский районный государственный архив
(пгт. Ноглики Сахалинской области)
Поронайский райархив – Поронайский районный государственный архив
(г. Поронайск Сахалинской области); Архивный отдел Администрации
МАО «Поронайский район»
Приморский музей – Приморский государственный объединенный музей
им. В.К. Арсеньева (г. Владивосток)
ПФА РАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии
наук
РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего
Востока (г. Владивосток)
РЭМ – Российский этнографический музей (г. Санкт-Петербург)
СЭ – Советская этнография

*In memory of
Bronisław Piłsudski,
Adam Johann von Krusenstern*

SUMMARY

Ph.D., Liudmila I. MISSONOVA

Senior Research fellow,
the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences,
coordinator of ethnological series «Narody i Kultury» («Peoples and Cultures»).

Author of the publications on the acculturation, racial blending and ethnic identity among indigenous population of Kerala (South India), Kamchatka, Chukotka, Yakutia, Sakhalin (Russia).

Conducted her field studies on Sakhalin in 1990–2004.

The work was done in the frameworks of project № 2000-5175:01-02 «Post-Soviet Political and Socio-economic Transformation among the Indigenous Peoples of Northern Russia: Current Administrative Policies, Legal Rights, And Applied Strategies» supported by Jubilee Foundation of the Bank of Sweden. 2001–2004.

This book is about **the Large Issues of a Small Community of the Sakhalin Island**, which include the influence of ethnic environment and state institutions. Its focus is the **Uilta (Orochon/ Orok)** people and ethnohistory and social transformations from the 19th to the 21st Centuries. This is a study of one of the Russia's ethnic minorities, which is linguistically related to Tungus-Manchurian peoples.

How can a numerically small people living on Sakhalin and traditionally involved in reindeer herding, hunting and seasonal fishing, survive in the present day context? Reindeer herding used to be one of Uilta's traditional economic activities in the previous times. Are Uilta still involved in reindeer herding and fishing in Noglikskiy and Poronayskiy Districts where they live?

The authors of the book began field studies of Sakhalin in 1990–1991 and continued them in 2001–2004, conducting field surveys of the Sakhalin Uilta. The focus of these surveys were the northern group in the Nogliki district (at Val and Nogliki), and the southern one in the Poronai district (at Poronaysk and on the small island of Yuzhny - the former 'Sachi').

The author collected various kinds of statistical and ethnographic materials, as well as genealogical data for the historical period stretching from late (in some cases, mid-) 19th to the late 20th century. This data had been collated into tables that include the information on time and place of life of every individual, names, clans, marriage relations not only among Uilta clans but also with representatives of the other nations, as well as reasons of death, birth-rates (the number of children), and so on.

Through her surveys of Sakhalin Provincial and District Archives as well as Russian State Historical Archive of the Far East (Vladivostok) and the ones of St. Petersburg, author obtained materials which enabled her to explore the ethnohistory of the Uilta community. Having come across a bulky volume entitled «The Churches of Sakhalin Island of the

Kamchatkan Church Consistory» at the Provincial Archive of Sakhalin Oblast, she made a special survey on the whole complex of the Registers of Births («metricheskaya kniga» in Russian) comprising 216 books (1869–1925). The author discovered and surveyed 83 books embracing the information on indigenous peoples of Sakhalin as early as the 1870s. A sum total of the information on the Sakhalin indigenous peoples contains 720 archival sheets (since most of the sheets were written on both sides, the information concerned consists of approximately 1,000 pages).

History of Uilta population is still a matter of debate. An Uilta legend testifies that in the 17th century they migrated from Uda region to Sakhalin. This version is confirmed by many Japanese, Polish, Russian researchers. According to the researchers' calculations made in the second half of 19th century and various censuses, the population of Uilta numbers between 350 and 773 people. Censuses of 1959, 1979, and partly 1989, mistakenly class Oroki among Orochi. In 1990 and 1991 during the field research, the author had managed to deduce the ancestry of all the representatives of indigenous people of Sakhalin whose ethnic self-awareness was expressed by their self-name *uilta*. Their population numbers 320. According to the 2001 data, the Uilta population stays almost the same. But the 1995–2000 figures of the Sakhalin Regional Committee of State Statistics of the State Statistics Committee of Russian Federation show Orochi again who do not live in Sakhalin. «Natural migration» of Uilta (Oroki) can be ruled out as an explanation. Rather, mistakes are due to a longstanding confusion of names of this minority. More than 20 different names of Uilta people was used in literature. In 1990 the Supreme Soviet of USSR voted to return ethnic self-name «uilta» to them. The 1990–91 and 2001 polls showed that none of the Sakhalin Orochons attributed themselves to Oroki, much less Orochi. As it turns out when analyzing the official data from the Birth Statement and Marriage Record Registry 1990–2001 of Nogliki and Poronaïsk towns, which is part of the local administration's archive, there were more babies born during the period in question in Nogliki District than in Poronaïsk District, though the Uilta population is greater in the latter district and there live more Uiltas of reproductive age. The situation is typical of general fertility dynamics: there are less babies born in cities than in the country. The fertility of Uilta has reduced in the post-Soviet period but it is hard to infer whether it is a result of regime change in the state or it fits the context of general baby bust. Most probably, both factors matter. The birth rates of Uilta in 1990 and in the whole post-Soviet period are almost the same except for some isolated cases. Since 1999, there is a pronounced tendency of birth rate decrease. In most cases Uiltas are born of the couples where the mother (not the father) is Uilta. In 1990 the number of purely ethnic Uilta families just slightly exceeded the number of ethnically mixed families. In the recent years, almost all families have been getting ethnically mixed. If a child was born of an unmarried Uilta mother and not of a full family, then naturally the child perceives his/her mother's culture and the ethnic environment he/she has grown up within, not the culture of his/her formal Europeoid father, and is aware of being Uilta. In full families, regardless of the nationality of Europeoid father, the child was registered as Orochon which is recorded in his/her Soviet passport later. The cause of this is the existence of the state exemptions concerned with the licences to catch valuable fish of salmon family and take other «water biological resources»; organization of the clan-based national farms, hunting, reindeer breeding and allotment of fishing grounds. There are also privileges of entering universities and colleges. Those families where one of the parents belongs to the Uilta and the other one to the Evenki or Nivkhi, the child most often chooses to be non-Uilta because Uilta is one of the smallest ethnic groups, and even the Europeoids who had arrived to Sakhalin long ago do not know anything about it. Relationships between Uilta and Nanaytsy develop in different ways. In the mixed families the child often chooses the Nanay nationality as more prestigious one. However, Uiltas, Nivkhi, and Evenki often do not regard Nanaytsy officially registered as a minority of the North, as indigenous people of Sakhalin. Most Nanaytsy have come to Sakhalin Island

together with Russians and other Europeoids not long ago to pass for indigenous people and an ethnic minority too. This opinion is also supported by Russians whose several generations had been lived on Sakhalin. Let us consider also the mixed Uilta-Korean families. In the families where the father is Korean, the children are given Korean surnames and names, bred in the tradition of Korean culture, often can speak Korean. Yet identifying themselves with Koreans, they record themselves as Uiltas to obtain privileges. In the mainland, such people call themselves Koreans. Up to 1990 one could witness the process of natural assimilation of Uiltas in Uilta-Korean families. Unlike those cases that the child is born of a father of Europeoid type when acculturation is typical, not assimilation, the children born to an Uilta-Korean family were easily assimilated within the same Mongoloid type. At the present time, the question of learning the native language and traditional trade and art skills is brought up for urgent consideration. Selfless efforts of a few Uilta intellectuals make it possible. The people's losing their culture and language can result in a total disappearance of the ethnic group. According to the genealogic trees, the population of Uilta has not been cardinally changing from the beginning of the 20th century. But still there is an evident threat of cultural disappearance of the ethnic community, not that its physical extinction. Many Uilta people have not only lost their ethnic culture and language but also often completely degraded as humans being deprived of their traditional job and not having found a new one. Breaking the life of the ethnic minority time and again, they have weaned them away from the previous livelihood without teaching them how to adapt to the tough competition for jobs. Today Uiltas say they were left to drift for themselves, and there is a possibility that the ethnic community will not be able to survive. This especially typical of the northern group of Uilta. In Poronaiskiy District, Uiltas are more busy developing clan-based national farms, and with all economic troubles their life does not look that negative.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

(составлен на основании данных
архивных и литературных источников,
а также полевого материала автора)

- Абрамовка**, поселок 178
австралоиды 130
Агево, стойбище 70, 72
Агиво, залив 163, 174
Азия
– Северная 38, 39, 55
– Северо-Восточная 56
Ай, деревня 69, 72, 73
Ай, р. 73
айны (айну) 27, 28, 34, 36, 37, 39, 40, 41, 50, 52, 55, 57, 66, 68, 76, 144
Айнское оз. (Тарайска, Тарайка) 74
Алдан, р. 27
Александровск, г. 23, 24, 27, 28, 66
Александровский округ 23
Александровский пост 23
Александровский район 158
алеуты 34
Алеутские острова 34
Алтае-Саянское нагорье 144
Аляска 34
Амгунь, р. 26, 41, 42, 46, 144, 157
Амулинка, род 43
Амультикану, род 43
Амур, р. 18, 19, 34, 36, 37, 38, 40, 42, 43, 45, 47, 48, 56, 125, 157
– **Нижний** 27, 35, 38, 39, 41, 43, 47, 48, 54, 57, 125
амуро-сахалинский тип (антропологический) 39
Амурск 125
Амурская область 28, 56
Амурский край 38, 47
Амурский район 34
англичане 27
Анива, залив (Анивский залив) 27, 73, 222
Арктика
– **Восточная** 124
Аскасай, р. 75, 152, 158
Астох, залив 174
Байкал, оз. 56
байкальский тип (антропологический) 17, 39, 49
Барамгна, стойбище (Тымовский округ) 70, 72
Баури, р. 75
Бајауса (Баяуса, Баяусал), род 43, 44, 72, 75, 95
– **Дай** 44, 75, 76, 77, 95, 98
– **Нучи** 44, 75, 76, 77, 78
белорусы 111
Березняки, селение 65
бирары 37
Благовещенск 65
Богатое, оз. 178
Ботасино, р. 171
Бунидэ (побережье Татарского пролива) 42
Буюклы, поселок 176
Вал, стойбище, селение, поселок 13, 14, 17, 30, 35, 36, 53, 54, 60, 69, 70, 72, 74, 75, 78, 87, 88, 98, 102, 106, 113, 114, 122, 129, 132, 133, 137, 138, 139, 140, 148, 151, 158, 162, 165, 167, 169, 170, 176, 179, 182, 183, 213, 214, 215, 216, 217, 223, 233, 252, 254
Вал, р. 44, 59, 74, 75, 76, 104, 148, 150, 152, 158, 171, 202, 219, 253
Валета, стойбище 59, 70, 72, 74
Валетта 44, 59, 74, 75
Валовский сельсовет 54, 60, 157, 159, 162, 166
Вáни, стойбище 98
Вараска, р. 171
Вахрушев, поселок 107, 108
Великобритания 26
Виахта (Александровского района) 74, 158
Вискво, стойбище 24
Виски, р. 150
Висковский сельсовет туземный 24
Владивосток 9, 12, 18, 24, 65
Владимировка, селение 65
Восток, поселок 107

Восточно-Сахалинский (национальный)
район 19, 24, 53, 148, 151, 155, 156, 157,
159, 163

Галкино-Враское, селение 66, 67
Галлия 124

Гарамай (Горомай), стойбище 72, 98
Гаромай (Горомай, Гарамай), р. 44, 75, 152,
158, 171

– Б. Горомай (Б. Гарамай), р. 149, 150

Гастелло, поселок 107, 108

Гериль, деревня 69, 72

Гетта, род 44, 72, 76, 77, 78, 98

гиляки 27, 28, 34, 36, 37, 47, 55, 62, 63, 68, 69,
96, 99, 104, 138, 144, 157, 163

голландцы 27

гольды 37, 38, 54

Горин(а), р. 42

Горячий(е) ключ(и), р., урочище 75, 149

Даги, р. 44, 75, 76, 149, 152, 219

Даги (Даге, Дагэ, Даго), стойбище, поселок
14, 70, 72, 73, 98, 151

Даги(нский), залив 83, 89, 149

Дальний Восток (России) 5, 7, 13, 18, 23, 24,
38, 39, 47, 57, 65, 121

Дальневосточная область 23

Дальневосточная республика 23

Дальневосточный край 23, 24, 163

Дата (Датта), поселок, устье р. Тумнин 73

Даурия (Шейн) 56

дауры 37, 54, 123

Дауту (Даутту, Даото), стойбище, деревня
(Тымовский округ) 70, 72, 73

Дахи (Даги, Даото, Даго), деревня (Тымов-
ский округ) 70, 72, 73, 98

Дахи нани(нени) (Дахинени) 44, 73, 74, 75

Делиль-де-ля-Кройэра, мыс 171

Димаусь, р. 171, 174

Димдани, р. 152

Длинная, р. 245

додзин 59

долганы 144

дравиды, дравидоязычные народы 124, 130

Духи, р. 152

Евразия 144

Европа 22, 112, 258

европейцы 27

Ельния, р. 245

Енисей, р. 125

Жёлтая, р. 245

Забайкалье 144

Западно-Сахалинский национальный район
24

Золотухина, гора 245

Иберийский полуостров 124

Ивай, р. 152

Индия 5, 124, 127, 129

– Южная 5, 124, 128, 130

Иркутская губерния 22

казаки 26, 27

Камчатка 22, 28, 34

Камчатская область 22

каннада 128

Карафутто, японское губернаторство (на
территории Южного Сахалина,
1905–1945 гг.) 11, 17, 66

Катанглийский сельсовет 159

Керала, штат Индии 5, 124, 125, 127, 128,
129, 130

Кидалапи, р. 150

кили 37, 57

Китай 56

– Северный 39

китайцы 26

Комсомольск 125

корейцы 110, 111, 120, 121, 136, 139, 228,
229

коренные (аборигенные, туземные, мало-
численные) народы Сахалина 19, 20, 22,
25, 27, 28, 31, 33, 36, 39, 67, 104, 108, 121,
122, 123, 124, 129, 133, 134, 140, 168, 244

Корея 28, 39

Корсаков, порт 36

Корсаковский округ, район 53, 55, 62, 65,
70, 146

Колено, р. 171

Крайний Север (России) 5, 112, 127, 128, 130

Красноярский край 127

Красный Октябрь, поселок 177, 178

Кресты, селение 66

Крильонский полуостров 222

Круглое, озеро 14, 186, 187, 188, 189, 200,
202, 204

куги 57

Кур, р. 37

Курильские острова 22, 24, 28, 66

Курильский архипелаг 22

Курунг, оз., стойбище у оз. Курунг 72

Кусунай, пост 66

Кыдлянги, р. 152

Кэкр-во, деревня 37

ламуты 54

Лангры (Лангери), р. 150, 155, 171

Леонидово, поселок 107, 176

Лессепс-Датта, мыс 73

Луйгенча, стойбище 69, 72

Луньский залив, ручей, хребет (Лунская го-
ра) 45, 73, 75, 146

Люйша, р. 11

Макаровский район 106, 177
малайя 128
малочисленные (малые) народы Севера,
 малочисленные этнические общности
 (России) 5, 18, 19, 20, 21, 23, 25, 26, 36, 48,
 50, 60, 67, 68, 105, 106, 107, 108, 110, 112,
 120, 122, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130,
 132, 133, 134, 135, 137, 138, 139, 158, 159,
 160, 166, 167, 170, 176, 221, 222, 223, 224,
 228, 229, 243, 244, 245, 246, 247, 249, 251
мангуны 37, 38, 45, 46, 50, 54, 57, 146
манегры 37, 54, 56
Маньчжурия, Манчжурия 39, 51, 56
маньчжуры 26, 37, 51, 54, 123
маратхи 128
Медвежья, р. 171
Милкуо, залив (Набильский) 74
Милькво (Милк-во), деревня (Тымовский
округ) 70, 72, 74
мордвин 110
Мордвинова, залив 73
Москальвинский, сельсовет туземный 24
Москва 140
Муйгачи (Муйго, Муйгэ, Муйгача, Муйги-
ча, Муйгичи(а), Муйгаттэ, Мыйгаттэ,
Мыйгычи, Муйгычи, Мыйгычи), стой-
бище, селение, деревня (Тымовский ок-
руг) 69, 70, 72, 73, 98
Муйгэттэ (Муйотта), род 44, 72, 75, 77, 98
Муйка (Мойка), стойбище 70, 72
Мули, приток р. Тумнин 73

Набиль (Набильский), залив 44, 74, 75, 90,
 98, 152
Набиль (Набель, Нобель), стойбище 72, 75,
 98
Найба (Найбу, Найпу), р., селение 73, 75
Найбучи (Наймучи), деревня 69, 70, 73, 98
Накуру, стойбище (Тымовский округ) 69,
 72
Намиса (Намисса, Надамисса), род 43, 44,
 72, 75, 76, 78, 95, 98
 – Дай 44
 – Нучи 44
нанайцы 37, 38, 39, 41, 42, 47, 48, 49, 57, 105,
 106, 107, 108, 109, 110, 111, 120, 129, 132,
 133, 137, 138, 162, 167, 228, 247
нани 38, 42
нари 58
Найпуту (Устье), селение 43, 44, 76
Найпутунени (Найпуту-нени, Найпуту
нани) 43, 74, 75
Науту, залив 205
Нгармактауна, ключ 152
Невельск, г. 28
Невский пролив 245
Невское, оз. 178

негидальцы (негда) 37, 39, 40, 42, 46, 47, 48,
 54, 68, 96, 99, 106, 138, 144, 152, 153, 157,
 162
ненцы 167
Нерпичья, р. 245
нивхи 23, 26, 27, 28, 36, 37, 39, 40, 41, 42, 43,
 45, 46, 47, 48, 50, 52, 53, 57, 63, 75, 95, 105,
 106, 107, 108, 109, 110, 120, 129, 132, 133,
 136, 137, 138, 139, 148, 159, 162, 167, 178,
 223, 228
Нижне-Амурская область 153
Николаевск 45, 55, 146
Николаевский(ий)-на-Амуре, пост 22
Нилауша, р. 171
Ноглики, пгт., пос. 7, 12, 13, 17, 18, 28, 30,
 115, 139, 151, 155, 163, 167, 201, 209, 210,
 253
Ноглики, стойбище 24
Ногликский район 5, 12, 13, 14, 17, 18, 19,
 26, 30, 54, 73, 78, 79, 80, 82, 86, 87, 99, 102,
 105, 106, 111, 112, 113, 115, 122, 123, 132,
 133, 137, 143, 151, 153, 155, 157, 158, 160,
 162, 165, 166, 167, 168, 170, 172, 173, 174,
 181, 182, 183, 186, 187, 193, 194, 196, 199,
 200, 205, 207, 213, 214, 215, 216, 217, 225,
 229, 231, 233, 243, 252, 254, 260
Ногликский сельсовет 159
Нояси, селение 66
Нугу (Хуюсикэ), стойбище (Тымовский ок-
руг) 69, 72
Ныйвенский сельсовет 156, 157
Ныйво (Ныйский), залив (Охотского моря)
 52, 122, 171, 180
Ныймучи (Наймучи, Найбучи, Набучи,
Найбури), стойбище, деревня (Тымов-
ский округ) 69, 72
Нышский сельсовет 159
Нью-Йорк 28

Одинокий ключ («Радужный»), приток
Пильтуна 171
Оленья, р. 178
ольчи (ольча) 36, 52, 54, 56, 57, 58
 – амурские 37, 50
 – сахалинские (ороки) 37, 59
ораката 57, 59
орил (орио) 26
орныр 57, 59
орокес 57, 59
ороки 15, 23, 26, 27, 28, 34, 35, 36, 37, 38, 39,
 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 50, 51, 52,
 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64,
 69, 74, 75, 104, 105, 106, 107, 110, 111, 121,
 138, 140, 143, 144, 145, 146, 157, 167, 170,
 171, 222
орокко (ороко) 38, 57, 59
ороксей 57

ороксы 37, 59
 орочены (орочоны) 15, 18, 19, 25, 37, 45, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 67, 68, 72, 74, 96, 97, 99, 100, 103, 110, 111, 112, 136, 147, 148, 151, 159, 163, 178, 223
 орочи (орочи-сал) 15, 37, 38, 39, 42, 44, 46, 47, 48, 49, 54, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 63, 64, 106, 111, 162
 орохко (орокхо) 57, 59
 орунчун 55, 58
 Ос(с)ой, р. 174
 Отоксам, р., селение 73
 Оуркун, стойбище 104
 Оха 157, 164, 201
 Охинский район 105, 156, 171
 Охотское море 45, 52, 106, 146
 Охотское побережье 37, 39, 46, 144

п
 палеоазиаты 37, 42
 Паташка (Поташка), стойбище 70, 72
 Петропавловск-Камчатский 22
 Пилиту, оз. 74
 Пилитун (Пелетун, Пильтун, Пелятун, Плитун), стойбище 53, 70, 72, 74, 98, 104
 Пильтун(ский), залив 45, 90, 146, 170
 Пильтун, р. 44, 74, 75, 98, 148, 150, 152, 171
 Пильтунский сельсовет 159
 Плайская (Поронайская) низменность 52
 поляки 27
 Поронайск, г. 7, 13, 14, 17, 18, 30, 31, 33, 53, 69, 104, 106, 107, 108, 116, 117, 129, 132, 138, 140, 179, 184, 221, 223, 243
 Поронай (Паронай), р. 28, 37, 44, 45, 52, 55, 70, 72, 73, 76, 145, 171, 178, 245
 Поронайский район 5, 13, 14, 17, 18, 19, 53, 54, 92, 100, 105, 106, 107, 108, 110, 111, 112, 133, 137, 139, 153, 170, 176, 177, 178, 179, 184, 212, 221, 227, 228, 229, 234, 238, 240, 241, 243, 244, 245, 246, 247, 260
 Приамурская область 23
 Приамурское губернаторство 23
 Приамурский край 23, 37
 Приамурье 27, 39, 144
 Приморская губерния 163
 Приморская область 18, 22, 23, 56, 65, 70, 103
 Приморский край 24, 28
 Приморский район 34
 Приморье 18, 27, 39
 Промысловая (район Поронайска) 28, 244
 Пудими(ь), р. 52
 Пуль (на Амуре) 45, 146
 Путакку, р. 152, 202, 205, 213

Р
 Республика Корея 25
 Российская империя 17, 124
 Россия (Российская Федерация) 5, 15, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 65, 66, 112, 129, 149

Рукутами, р. 245
 русские 22, 27, 40, 41, 45, 46, 53, 57, 58, 63, 73, 99, 110, 111, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 134, 135, 136, 138, 148, 157, 163, 228
 Рыбновский район 148, 155

с
 саамы 144
 Саби(о), р. 75, 150
 Сав-Сам, урочище 70, 72
 самагиры 37, 54
 Санкт-Петербург 13, 18
 Сахалин, о-в 5, 6, 7, 10, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 55, 56, 57, 59, 60, 61, 62, 63, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 82, 84, 85, 86, 90, 92, 96, 98, 103, 104, 106, 112, 126, 127, 129, 130, 131, 134, 135, 136, 138, 139, 143, 144, 145, 146, 149, 154, 157, 164, 165, 167, 168, 171, 179, 222, 223, 225, 227, 248, 249, 250, 251, 258, 259
 – Северный 12, 23, 24, 45, 53, 61, 66, 67
 – Южный 11, 12, 17, 23, 24, 45, 53, 54, 57, 60, 61, 66, 74
 Сахалинская область 6, 12, 13, 17, 18, 22, 23, 24, 25, 26, 54, 67, 73, 78, 100, 102, 105, 106, 108, 122, 139, 142, 143, 148, 149, 166, 167, 168, 177, 221, 228, 243
 Сахалинский округ 24, 63, 163
 Сахалинский уезд 23
 Сачи, о-в (см. Южный) 53, 108, 141
 Светлый, приток 171
 Сертунай, пост 66
 Сечигаринская, деревня 70, 72
 Сибирь 13, 22, 35, 36, 39, 56, 57, 121, 144
 – Восточная 18, 22, 61, 103
 – Центральная 28
 Сиггоур (Саги-Уру), р., селение 74, 171
 Сикукка, г. 177
 Синахууду (Синаходо, Синаходу), род 44, 72, 75, 76, 77, 78, 98
 Сирануси (крайний юг Сахалина) 45
 Сироусян, р. 171
 Сироусях, ключ 152
 Сисека, р. 73
 Сиски (Сиськи, Сисл(к)и, Сисоки), стойбище, местность (Тымовский округ) 69, 70, 72, 73
 Смирныховский район 106, 177
 Соболиное, поселок, село 107, 245
 Солнечный, г. 125
 солонь 37
 СССР 53, 57, 60, 66
 Стародубский (район Долинска) 28
 Субарктика 124
 Сугду, р. 171
 Сумму, селение 73

Сус-Уэнай, селение 73
 Сусуя (Сусоя, Сусунай), р. 27, 73
 Сухту (Сухты), стойбище, деревня (Тымовский округ) 69, 70, 72, 98
 Сысагары, стойбище (Корсаковский округ) 70, 72
 Сычагары, стойбище 70, 72
 Сювуктуль, стойбище (Тымовский округ) 70, 72
 Сюкта (Поронай), р. 75
 Сюкту (Сюкта), род 44, 72, 75, 76, 98
 – Дай 44, 77
 – Нучи 44, 77
 тазы 59, 107, 108, 109
 Таксон, р. (приток Пильтуна) 171
 тамилы 128
 Танги, р., селение 74
 Тарайка (Тарайска, Айнское), оз., протока 74
 Тарайка, местность 70, 72, 74, 98
 Таран, р. 178, 244
 Тарангутан, стойбище 72
 Татарский пролив 39, 42
 Татарское побережье 38
 телугу 128
 Терпения, залив 14, 27, 44, 45, 46, 55, 92, 106, 145, 171, 241, 242, 244, 245
 Теру, деревня 69, 72
 Тилминевского, деревня 70, 72
 Тихий, приток 171
 Тихий океан 27
 тозунг (тазунг) 57, 59
 Тойохара (с 1946 Южно-Сахалинск), г. 24
 Томари-Анива (айнское селение) 36
 Томаринский район 177
 Томотохо, стойбище 72
 Тонино-Анивский полуостров 222
 тоньчи (тончи) 28, 34, 39
 Топкий, приток 171
 Торася, стойбище 70, 72, 73
 Торил (Чорил), селение рода Ториса 77
 Ториса (Торисса), род 44, 72, 75, 78
 – Дай 44, 75, 76, 77, 78, 98
 – Нучи 44, 73, 75, 76, 77, 78
 тофалары (тофолары) 144, 167
 Тро, р. 69, 72
 Тро, стойбище 69, 72
 Трудовое, поселок, село 107, 245
 тувинцы 144
 тулу 127
 Тумнин, р. 38, 39, 73
 Тунгуска, р. 56
 тунгусские (тунгусоязычные) народы 37, 43, 46, 48, 51, 53, 54, 62
 тунгусские (тунгусоязычные) племена 37, 41, 42, 55, 56, 123

тунгусо-маньчжурская группа народов (тунгусо-маньчжурские народы) 6, 17, 25, 34, 35, 38, 39, 40, 41, 47, 48, 49, 50, 53, 60, 75, 138
 тунгусы 41, 54, 55, 56, 58, 59, 62, 63, 68, 96, 99, 111, 123, 138, 145, 157, 163
 – амгунские 26
 – охотские (удские) 26, 37
 – Северо-байкальские 47
 – южные Забайкальские 123
 Тундровка, р. 178
 Тый, р. 73
 Тымовский округ, район 23, 55, 69, 70, 72, 73, 98, 146, 177
 Тымь, р. 27, 36, 44, 52, 57, 75, 78, 149, 171
 Тыпауна (Тапауна, Тыпадна), р. 149, 150
 Тэгэсэ, род 44, 75
 Тэма, стойбище 69, 72
 Углегорский район 106, 177
 Удск 41
 Удский край 57
 Удский округ 55
 Удыль, р. 41
 удэ 37
 удэгейцы 44, 48, 49, 107, 108, 109
 Уи, р. 152
 Уй, стойбище / Уй, деревня (Тымовский округ) 69, 70, 72, 73, 98
 уйльта (ульта, уилта, уильта) 5 et sic de ceteris
 – доронени (южная группа) 6, 7, 11, 14, 17, 18, 20, 25, 30, 35, 36, 40, 59, 96, 99, 106, 111, 121, 127, 132, 138, 140, 145, 146, 176, 178, 179, 212, 221, 226, 227, 247, 261
 – суннени, сюннени (северная группа) 6, 7, 11, 14, 17, 18, 20, 25, 30, 36, 40, 59, 96, 99, 105, 111, 121, 127, 132, 135, 136, 137, 138, 140, 146, 148, 167, 171, 172, 173, 174, 176, 179, 221, 223, 226, 227, 230, 243, 244, 245, 247, 259, 260, 261
 украинцы 110, 136, 148
 Уктай, стойбище 70, 72, 98
 ульчар 59
 ульчи (ульча) 36, 37, 38, 39, 41, 42, 43, 45, 46, 47, 48, 49, 57, 59, 138, 167
 Уппсала, г. 21
 Урдкт, залив 45, 146
 Урууту (Ирууту), стойбище при заливе Нобель 72
 Устье (Найпуту), селение 44
 Уссурийский край 47
 финно-угорские народы (России) 124
 французы 27
 Фуй, р. 255

Хабаровск 23, 24, 149
Хабаровский край 22, 24, 63, 247
ханты 167
Хельсинки 36
Хоемус, ключ 149
Хоккайдо, о-в 34, 49, 140
Холмск, г. 28
Холмский район 53
Холокто-Гак(к)у (Халагакку), приток
р. Вал 74, 171
Хорое, стойбище, кочевье (Тымовский ок-
руг) 70, 72, 98
Хоэ, стойбище, мыс, селение, р. (Тымов-
ский округ) 72, 74
Хоэсила, ключ 152
Хунгари, р. 38
Хуту, приток р. Тумнин 73

Цорель, стойбище (Тымовский округ)
72

Чайво (Чайвинский, Чайский) залив 81, 83,
86, 163, 180, 219, 220

Чайво (Чай-во), селение, поселок 150,
157

Чайвинская коса 150

Чайвинский сельсовет 155, 156, 159

Чельма, р. 156

Черель, деревня 69, 72

Чикаго 28

Чириво, сельсовет туземный 24

Чукотка 34

Чукотский полуостров 34

Швеция 21

Шикотан, о-в 66

Шмидта, п-в, мыс 7, 75, 104

Эвай, р. 149, 218

эвенки 23, 39, 40, 46, 47, 48, 58, 59, 62, 63, 76,
105, 106, 107, 108, 109, 110, 120, 121, 127,
128, 129, 132, 133, 136, 137, 138, 144, 145,
147, 148, 153, 157, 159, 162, 178, 223, 228

– алдано-зейско-амгунская группа 144

– Байкитского района Красноярского края
127, 136

– Охотского побережья 39

Эвено-Бытантайский национальный район
Якутии (Саха) 135

эвены 48, 135, 144, 145, 167

юкагиры 144

Южно-Сахалинск, г. 12, 13, 18, 22, 24, 26, 29,
35

Южно-Сахалинская область 24

Южный (Сачи), о-в 17, 31, 53, 88, 89, 106,
108, 116, 117, 118, 119, 120, 141, 176, 177,
184, 185, 207, 241, 245, 246

Ягодная, р. 171

Ядухи, р. 152

якуты 46, 55, 63, 68, 69, 96, 99, 135, 138, 144

Япония 12, 17, 23, 26, 28, 33, 53, 65, 66, 134,
222

Японские острова 34

японцы 27, 40, 53, 57

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение	15
Краткая история Сахалинской области, обусловившая социальную среду обитания коренного населения острова	22
Основные проблемы исследований уйльта	25
 Часть I Проблемы идентификации уйльта и динамика основных этнодемографических характеристик	
Глава 1. Народ и его этнонимы	51
Динамика процесса этнической идентификации уйльта к началу XXI в.	61
Глава 2. Родовой состав, семья, численность уйльта в конце XIX – начале XX в.	65
Метрические книги Сахалина	65
Расселение и половозрастная структура уйльта	69
Родовой состав и браки	71
Численность уйльта по архивным данным	101
Глава 3. Этнодемографическая ситуация в конце XX – начале XXI в.	105
К проблеме численности народа	105
Северная группа уйльта	105
Южная группа уйльта	106
Этнические и социальные аспекты рождаемости и семьи	110
Проблемы здоровья	121
Глава 4. Трансформация малочисленной этнической общности под влиянием этносоциальной среды	124
Попытка сопоставительного анализа процессов динамики различных малочисленных этнических общностей	124
Уйльта в социальной системе этнической среды Сахалина	130
Образование	137
Язык	138
 Часть II Основы жизнедеятельности уйльта в XIX–XXI вв.	
Глава 1. Оленеводство	143
Характеристика типа оленеводства уйльта	143
Традиционное оленеводство в конце XIX – начале XX в. (по литературным источникам)	145

Динамика оленеводства в XX в. (по архивным документам)	148
Состояние оленеводства в конце XX – начале XXI в. (по полевым и архивным материалам)	165
Сезонная охота – часть оленеводческого цикла жизнедеятельности	221
«Возрождение» народа Севера	223
Глава 2. Рыболовство и современные родовые, национальные, семейные хозяйства	227
Территория традиционного природопользования	244
Заключение	
«Трансформации» – большие проблемы «малого» народа острова Сахалин	248
Библиография	263
Список сокращений	282
Summary	283
Указатель географических и этнических названий	286

CONTENTS

Introduction	15
The main points of the history of the Sakhalin oblast'. The influence of the social environment and state institutions.....	22
Main researches questions regarding the Uilta of the Sakhalin Island.....	25
 Part I The History of the Ethnic Identification of the Uilta	
Chapter 1. The Small People and It's Numerous Ethnic Names	51
Chapter 2. The Clan system and the Family. The XIX–XX Centuries	65
Settling and population of Uilta.....	69
Chapter 3. Current Situation of Sakhalin Ethnic Minority of Uilta	105
Northern group of Uilta (Noglikskiy District of the Sakhalin Province, Russia)	105
Southern Group of Uilta (Poronayskiy District of Sakhalin Province, Russia)	106
Chapter 4. Ethno-Social Transformation of a Minority People	124
 Part II The Main Spheres of Uilta subsistence practices during the XIX–XXI Centuries	
Chapter 1. Reindeer Herding	143
Traditional type of Uilta Reindeer Herding	143
Uilta Reindeer Herding system at the soviet period and the present	148
The seasonal hunting.....	221
Chapter 2. Fishing. Problems of Quotas for Indigenous Population. Clan, National, Family Enterprises	227
Territories of Traditional Use of Numerically Small Indigenous Peoples of the North	244
Conclusion	248
Survival Experience in the Present Day Context. Large Issues of a Small Community of the Sakhalin Island	248
Bibliography	263
Summary	283
Geographical and Ethnic Index	286

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ “АКАДЕМКНИГА” РАН**

Магазины “Книга-почтой”

121099 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52 www.LitRAS.ru E-mail: info@litras.ru
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7«Б»; (код 812) 235-40-64

**Магазины “Академкнига” с указанием книжнических отделов
и “Книга-почтой”**

690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 (“Книга-почтой”);
(код 4232) 45-27-91 antoli@mail.ru
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 (“Книга-почтой”);
(код 3433) 50-10-03 kniga@sky.ru
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 (“Книга-почтой”); (код 3952) 42-96-20 aknir@irlan.ru
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90 akademkniga@krasmail.ru
220012 Минск, просп. Независимости, 72;
(код 10375-17) 292-00-52, 292-46-52, 292-50-43 www.akademkniga.by
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00 akadkniga@nm.ru; (Бук. отдел 125-30-38)
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; 932-74-79
127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96 (Бук. отдел)
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; 334-72-98 akademkniga@naukaran.ru
101000 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8 строение 4; 624-79-19 (Бук. отдел)
630091 Новосибирск, Красный проспект, 51; (код 3832) 21-15-60 akademkniga@mail.ru
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 (“Книга-почтой”);
(код 3833) 30-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru
142290 Пушкино Московской обл., МКР “В”, 1 (“Книга-почтой”); (код 277) 3-38-80
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57;
(код 812) 272-36-65 ak@akbook.ru (Бук. отдел)
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4; (код 812) 297-91-86
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16; (код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 51-60-36 akademkniga@mail.tomsknet.ru
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 (“Книга-почтой”); (код 3472) 24-47-62 akademkniga@ufacom.ru
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

Коммерческий отдел, г. Москва

Телефон для оптовых покупателей: 241-03-09

www.LitRAS.ru

E-mail: info@litras.ru

zakaz@litras.ru

Склад, телефон 291-58-87

Факс 241-02-77

*По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (495) 334-98-59
E-mail: initsiat@naukaran.ru
www.naukaran.ru*
